БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

от истоков до монгольского нашествия

Annotation

«Страна, которую мы называем Древней Русью, так сильно отличалась от России послемонгольской эпохи, что через толщу минувших столетий кажется нам какой-то сгинувшей, легендарной Атлантидой… Был ли на самом деле Рюрик? Приглашали ли славяне варягов? Прибивал ли Олег щит на врата Цареграда?» Борис Акунин адресует свою историю отечества широкой читательской аудитории: людям, которым интересно узнать (или вместе с автором увлеченно вычислить), как было на самом деле. И попытаться понять, чтó в нашем тысячелетнем государстве так и чтó не так (и почему).

- Борис Акунин
  -
  - От автора
  - Предисловие к первому тому
  - Пред-История
    - Начальные параметры
      - Что брать за точку отсчета?
      - Человек и природа
    - Кто здесь жил раньше?
      -
      - Коренная народность
      - Миграционная эстафета
      - Скифы
      - Сарматы
      - Готы
      - Гунны
      - Авары
    - Русославяне
      -
      - Происхождение
      - Что мы знаем про ранних славян
      - Пращуры по прямой
      - «Страна городов»
    - Порубежье
      -
      - Западные соседи
      - Булгары
      - Хазары
    - Всё готово для государства
  - Рождение государства

- Всё под вопросом
- Призвание (?) норманнов (?)
- Родоначальник
- Движение на юг
- «Русь» и «русские»
- И все-таки попытка хронологии

- Единовластие
  - Олег
    - Не отец, но основатель
    - Объединение Руси
    - Собирание земель и подготовка
    - Красивая сказка
    - Рождение российской дипломатии
    - Страшный финал и хороший старт
  - Игорь (Рюрикович?)
    - Привычная оговорка
    - Памятные события Игорева правления
    - Государство при Игоре
    - «Сезонная» экономика
    - Гибель Игоря
  - Ольга
    - Единственная женщина
    - Подлинные события
      - Первые годы
      - Крещение Ольги
      - Ольга и Византия
      - Другое христианство
      - Соправительница
  - Святослав
    - Ранние годы
    - Восточный поход
    - Первый южный поход
    - Вынужденный перерыв
    - Второй южный поход
    - Герой или авантюрист?
  - Владимир
    -
    - Путь к трону
    - «Величайший прелюбодей»
    - Святой Креститель
    - Войны
    - «Красно Солнышко»
    - Незаконченное дело

- Ярослав
  - Первая половина жизни
  - Брат на брата
  - Дуумвират
  - Могущество
  - «Бысть тишина велика»
  - Родственники и свойственники
  - Наследие Ярослава
- Закат Киевской Руси
  - Время разбрасывать камни
  - Половцы
  - Триумвират
  - Изгои
    -
    - Всеслав-чародей (ок. 1029–1101)
    - Ростислав Отравленный (ок. 1038–1067)
    - Давыд Жестокий (ок. 1058–1112)
    - Олег Гориславич (ок. 1055–1115)
  - Невеликие великие князья
    - Кризис власти
    - Худой мир
  - Владимир Мономах
    - Ностальгия по величию
    - Великокняжеская автобиография
    - Один из многих (1053–1093)
    - Второй (1093–1113)
    - Первый (1113–1125)
  - Последние годы
    - Без Мономаха
    - Великокняжеская чехарда
    - Угроза с севера
  - Юг и запад
    -
    - Черниговская область
    - Княжество Смоленское
    - Галицко-Волынская Русь
- Северная Русь
  - Владимиро-Суздальское княжество
  - Андрей Боголюбский
    - В тени Долгорукого
    - Самовластец Суздальской земли
    - Владимирский великий князь
  - Всеволод Большое Гнездо

        - Превратности судьбы
        - Во главе большого гнезда
    - Новгородская республика
        - Особый путь
        - Общественное устройство Господина Великого Новгорода
        - Органы государственного управления
        - Меж двух огней
  - Жизнь в Древней Руси
    - Страна Русь
    - Ранняя церковь
    - Русская образованность
    - Чем жили
    - Как воевали
    - Где жили
    - Как одевались, чем питались
  - Вместо заключения. Могла ли Русь остаться Европой?
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Борис Акунин
История Российского государства.
От истоков до монгольского нашествия.
Часть Европы

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Fotobank, Shutterstock, а также из архива автора и свободных источников.

Автор благодарит за помощь Л.Е. Морозову и К.А. Аверьянова.

© B. Akunin, 2013
© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

От автора

Прежде чем вы решите, имеет ли вам смысл читать это сочинение, должен предупредить о его особенностях.

Их три.

Я пишу для людей, плохо знающих российскую историю и желающих в ней разобраться. Я и сам такой же. Всю жизнь я интересовался историей, получил историческое образование, написал несколько десятков исторических романов и тем не менее однажды осознал, что мои знания состоят из отдельных фрагментов, плохо складывающихся в общую картину. У меня не было ясного представления о том, как и почему Россия получилась именно такой. И я понял: чтобы ответить на столь краткий вопрос, придется сначала прочитать десятки тысяч страниц, а потом несколько тысяч страниц написать.

Я не выстраиваю никакой концепции. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпятить удобные для него факты и замолчать либо подвергнуть сомнению всё, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна нет.

Кроме того, я решительный противник идеологизированной истории. И самовосхвалительная, и самоуничижительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле. У меня нет заранее сложившегося мнения. Есть вопросы и есть желание найти на них ответы.

Это история не страны, а именно государства, то есть политическая история: государственного строительства, механизмов управления, взаимоотношения народа и власти, общественной эволюции. Культуры, религии, экономики я касаюсь лишь в той мере, в какой они связаны с политикой.

Россия — это прежде всего государство. Оно не тождественно стране, а в отдельные моменты истории бывало ей даже враждебно, но именно состояние государства неизменно определяло вектор эволюции (или деградации) всех сфер российской жизни. Государство — причина и российских бед, и российских побед.

Попытка понять, чтó в нашем тысячелетнем государстве так и чтó не так (и почему) — вот для чего в конечном итоге затеяна эта работа.

Предисловие к первому тому

Истоки всякой национальной истории, если она длится много веков, напоминают предрассветные сумерки. Сначала из тьмы доносятся какие-то невнятные шумы, проступают призрачные силуэты, угадываются малопонятные шевеления. И лишь со временем, очень медленно, события и человеческие фигуры обретают четкость. Дошедшие до потомков сведения смутны, отрывочны и часто противоречивы или просто неправдоподобны.

Из-за этого у многих историков возникает искушение прибавить рассказу о древних временах стройности и логичности, «дообъяснить» случившееся, причем гипотезам и догадкам придается вид установленного факта. Был такой соблазн и у меня, но я старался его преодолеть. Вот почему в этом томе сплошь и рядом встречаются обороты «по всей видимости», «вероятно», «предположительно» — в знак того, что данные сведения являются реконструкцией. К сочинениям по истории Древней Руси, где авторы уверенно оперируют датами, фактами, цифрами и именами, следует относиться с осторожностью.

После изучения весьма немногочисленных источников и весьма многочисленных толкований этих источников у меня возникло убеждение, что никто из историков в точности не знает, когда, кем и при каких обстоятельствах было создано и построено первое русское государство. Учебники часто приводят сомнительную датировку событий, да и сами события при ближайшем рассмотрении иногда оказываются пересказом мифов. Многочисленные несуразности «канонической» историографии, начавшей складываться еще в восемнадцатом веке, побудили некоторых исследователей к другой крайности — отрицанию традиционной хронологии и выдвижению разнообразных гипотез, переворачивающих всю историю вверх дном. Чем темпераментней автор, тем революционней выглядит его версия.

Предлагаемый вашему вниманию текст совершенно нереволюционен и нетемпераментен. Главным методом является пресловутая «бритва Оккама»: всё лишнее (и недостоверное) отсекается; остаются лишь факты, считающиеся у большинства историков проверенными или, по крайней мере, наиболее вероятными. Если остаются сомнения, это обязательно оговаривается.

Страна, которую мы называем Древней Русью, так сильно отличалась от России послемонгольской эпохи, что через толщу минувших столетий кажется нам какой-то сгинувшей, легендарной Атлантидой. Поэтому я счел целесообразным в качестве дополнения присовокупить к изложению политической истории сугубо бытописательную главу «Жизнь в Древней Руси». Летописи зарегистрировали лишь события памятные, то есть экстраординарные, выбивающиеся из нормального течения жизни. Если ограничиться пересказом хроник, может сложиться ощущение, что вся ранняя история состояла из войн, эпидемий, неурожаев, смены правителей да возведения больших церквей и крепостей. Вставная часть, хоть она выбивается из общей линии повествования и выходит за

рамки поставленной заглавной задачи, даст читателю некоторое представление о том, как и чем жили древнерусские люди.

Особенность историографии киевского периода состоит в том, что источников информации — во всяком случае, письменных — очень мало. Основополагающий, собственно, только один: «Повесть временных лет», летопись, которая сохранилась не в первозданном виде, а в двух разных вариантах более позднего времени. Совпадающие фрагменты этих двух вариантов и считаются протографом, то есть оригинальным текстом. Но и он, судя по всему, переписывался и менялся под воздействием политической конъюнктуры. События девятого и десятого веков летописец излагает очень приблизительно, а местами явно ошибочно, вставляя легенды и сказания, очевидно, почерпнутые из фольклора. Есть и большие пропуски. Только с одиннадцатого века повествование превращается из свода преданий и благочестивых притч в собственно историческую хронику, а датировка становится уверенной, часто с приведением не только года, но и числа. Однако при описании недавних происшествий автор небеспристрастен, излагая «киевскую» трактовку политических коллизий и явно льстя Владимиру Мономаху (возможно, инициатору или даже заказчику дошедшей до нас редакции), что вынуждает относиться ко многим утверждениям и описаниям с определенным скепсисом. Альтернативные хроники, в том числе региональные (новгородские, галицко-волынские), появляются лишь в конце описываемого периода и не могут существенно дополнить картину.

Кроме скудного летописного наследия историки, занимающиеся изучением Древней Руси, располагают кодексом законов XI века, известным под названием «Русская Правда», но он тоже сохранился лишь в поздних, измененных вариантах и к тому же не содержит рассказа о событиях. Некоторые дополнительные сведения встречаются в иностранных хрониках, византийских и западноевропейских, но они часто искажены либо откровенно предвзяты и весьма фрагментарны — очевидно, жизнь далекой страны не слишком занимала зарубежных летописцев. Несомненный интерес Русь представляла для варягов, которые на протяжении трех с лишним веков приплывали в восточнославянские края наниматься на службу, торговать или грабить, поэтому множество любопытных сведений сохранилось в скандинавских сагах, однако в качестве достоверного источника эти сказки, конечно, использовать нельзя.

Наконец, есть записки путешественников, побывавших на Руси. Эти свидетельства иногда помогают уточнить или перепроверить какие-то факты, но чужеземцы плохо разбираются в русских реалиях, перевирают имена, а подчас пишут явные небылицы.

Кое-какие сведения о политической истории можно почерпнуть из археологических находок, хотя подчас они не столько дают ответы, сколько вызывают новые вопросы.

Вот, собственно, вся база знаний, с которой приходится работать историкам. Поэтому неудивительно, что так называемая «официальная история» Древней Руси

в значительной степени является консенсусной (то есть признаваемой большинством) реконструкцией того, что скорее всего происходило. А по многим проблемам консенсуса и вовсе не существует.

Был ли на самом деле Рюрик? Приглашали ли славяне варягов? Кто вообще такие — «варяги-русь»? Прибивал ли Олег щит на врата Цареграда? На все эти и множество других вопросов у истории категоричного ответа нет — лишь предположения.

В моем сочинении ответов на спорные вопросы вы тоже не найдете. Я не ставил перед собой такой задачи, а руководствовался принципом Д.И.Иловайского, который еще в позапрошлом веке писал: «От писателя, предпринимающего обозрение целой истории какого-либо народа, несправедливо было бы требовать точных самостоятельных исследований по всем вопросам второстепенной или третьестепенной важности, которые он встречает при последовательном движении своего труда. Но он не вправе уклониться от решения вопросов первостепенной важности».

Приступая к работе над «Историей Российского государства», я решил, что буду считать вопросами первостепенной важности следующие:

— Как, когда и, главное, почему возникло первое русское государство?

— Какие события и факторы определили природу и форму этого государства?

— Можно ли считать первое русское государство прямым предком нынешнего российского государства?

Данный том пытается дать ответ на первый из этих вопросов и начинает отвечать на второй, для рассмотрения которого понадобится более широкая историческая перспектива.

Третий вопрос дискуссионен. Существует хорошо аргументированная точка зрения, согласно которой вести отсчет истории российского государства следует с послемонгольского периода, когда политическим центром страны становится Москва.

Я же согласен с теми историками (их большинство), кто полагает, что, несмотря на утрату независимости в тринадцатом-пятнадцатом веках, перекройку границ, неоднократную смену названий, внутренней структуры, векторов развития, перенос столиц, наше государство как политический феномен существует с IX века, а зигзаги и метаморфозы определяются географическим положением, в силу которого Русь-Россия оказывалась частью то европейского мира, то азиатского, а со временем приступила к созданию собственной империи метисного европейско-азиатского типа.

Первый том получил название «Часть Европы», потому что в этот период русское государство в культурном и политическом смысле целиком принадлежало к европейской эйкумене. Второй том будет называться «Часть Азии».

Пред-История

Начальные параметры

Что брать за точку отсчета?

История появилась очень поздно, на самом последнем, можно сказать, новейшем отрезке развития человечества; в наиболее изученных регионах Земли — максимум пять тысяч лет назад. Если представить время существования Homo sapiens с момента обособления этого биологического вида как одни сутки, то получится, что самая древняя династия фараонов начала править Египтом около половины двенадцатого вечера, греки осаждали Трою за двадцать две минуты до полуночи, римская сверхдержава возникла четверть часа назад, а Россия как государство появилась в 23 часа 51 минуту с секундами, то есть существует меньше девяти минут.

Откуда такая точность применительно к России, спросите вы. От конкретности формулировки*: как государство*.

Василий Ключевский, лучший (присоединюсь здесь к мнению большинства) биограф нашей страны, задается очень непростым вопросом — с какой точки следует отсчитывать историю того или иного народа. И отвечает: «Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории». Передо мной стоит задача более простая — составление истории не русского народа (народ запоминает своё начало не явственней, чем человек момент своего рождения), а российского государства. Момент рождения нашего государства известен с точностью до года. Хоть корректность датировки и оспаривается, но в весьма незначительных пределах — на одно-два десятилетия. В масштабе наших «суток» это несколько секунд.

В Восточной Европе, в том числе на территории нашей страны, почти наверняка возникали какие-то государственные или протогосударственные объединения задолго до того, как люди изобрели письменность. Зарождались и исчезали целые цивилизации, существование которых подтверждается материальными доказательствами. Например, была обширная мегалитическая культура, монументальные каменные сооружения которой сохранились во многих областях Евразии. Но что за племена оставили стоунхенджский кромлех или кавказские и корейские дольмены, человечество начисто забыло.

Многие государства, существующие в современном мире, даже самые древние, уверенно называют год (а часто и день) своего рождения. Другое дело, что событие это нередко легендарно, а дата условна. Скажем, Япония возводит свою историю к восшествию на престол основателя правящей династии, императора Дзимму, 11 февраля 660 года до нашей эры, и здесь неприкрыто мифологичны как само происшествие, так и дата.

Памятник «Тысячелетие России» (Скульпторы М. Микешин, И. Шредер, архитектор В. Гартман)

Россия ведет отсчет с события вроде бы вполне реального — приглашения норманнского князя Рюрика новгородцами в 862 году. В начале царствования Александра II «тысячелетие Руси» было отпраздновано с высокой торжественностью, усугубленной модой на всё славянское, однако историки уже тогда очень хорошо сознавали, что эти исходные координаты зыбки.

Во-первых, нет уверенности, что Рюрик действительно существовал.

Во-вторых, если существовал и прибыл, то, может быть, его никто не приглашал.

В-третьих, не очень понятно, был ли пришелец норманном.

В-четвертых, скорее всего, летописец что-то напутал с годом.

За полтора века, прошедшие после юбилея, сомнений у историков стало еще больше. И всё же мало кто оспаривает главный факт: государство, в котором мы с вами живем, зародилось во второй половине IX века, и место его рождения — новгородская земля. Именно там и именно в это время возник волевой импульс, который привел в движение российскую историю. Забил ключ, потек ручеек, потом зазмеилась речка, вбирая в себя воду разнообразных притоков. По этой реке мы доплыли до сегодняшнего дня.

Метафора реки здесь неслучайна. О значении Реки в российской истории разговор впереди.

Человек и природа

В прежние времена жизнь людей целиком зависела от природных условий. Евроазиатская цивилизация, частью которой мы являемся, самим своим возникновением обязана окончанию последнего ледникового периода. Это случилось одиннадцать-двенадцать тысячелетий назад. По нашему «суточному хронометру» с тех пор прошел всего час с хвостиком.

Восточная половина европейского континента, которой суждено было стать изначальной территорией российского государства, заселялась людьми от юга к северу, постепенно, вслед за отступлением великого скандинавско-финляндского ледника. Что за племена обитали на этих просторах в глухую доисторическую эпоху, никто не ведает. Приход русославян (об этом несколько туманном термине — позже) на восточноевропейскую равнину, по всей вероятности, тоже отчасти был вызван климатическими изменениями, хоть и менее грандиозными.

Дело в том, что помимо ледниковых периодов, растягивающихся на долгие тысячелетия, историческая климатология выделяет еще и «короткие» фазы потеплений и похолоданий, обычно продолжающиеся несколько веков. Они-то и сыграли важную роль в «получасовой» истории российской цивилизации.

Сейчас много говорят и пишут о «глобальном потеплении», но, откровенно говоря, у обычных людей эта проблема особенного беспокойства не вызывает. Ну, подешевеют энергоносители; дороже будет обходиться система экозащиты; придется построить дамбы, чтобы уберечь береговые районы от поднявшегося уровня мирового океана, — и так далее. Всё это проблемы трудные, но решаемые.

Для наших предков, живших ста или даже пятьюдесятью поколениями ранее, подобные изменения климата становились вопросом жизни и смерти.

Существует весьма правдоподобная гипотеза, согласно которой расширение и расцвет Рима были бы невозможны без «Римского теплого периода» (250 до н. э. — 400 н. э.), когда, судя по археологическим находкам, даже в Британии выращивали виноград и делали вино. Римляне оставили свои дальние провинции еще и потому, что там стало слишком холодно и голодно зимой.

Последнее по времени европейское похолодание случилось в XVI–XVIII веках. По пейзажам и жанровым картинам художников того времени видно, какой снежной и ледяной была зима в регионах Западной Европы, где сейчас даже коротенький снегопад и гололед считаются чуть ли не национальным бедствием.

Эпоха, во время которой русославяне заселили территорию будущей России, медленно двигаясь с юга, у историков климата известна как «Средневековый теплый период». Он начался, по-видимому, во второй половине или в конце восьмого века и продолжался до конца тринадцатого, причем в северном полушарии потепление было весьма значительным.

> Хрестоматийный пример климатического мини-апокалипсиса — история норманнской Гренландии. Когда викинга Эрика Рыжего в наказание за буйный нрав приговорили к трехлетнему изгнанию из Исландии и он открыл на северо-западе большую землю, она была зеленой и пригодной для обитания. Через четыре года Эрик вернулся

сюда на 14 ладьях с 350 переселенцами, основал колонию. Связь с далекой Европой поначалу поддерживалась, но потом оборвалась. Гренландцы сушествовали сами по себе.

На южном краю ныне сплошь ледяного острова тогда были пастбища для скота, росли деревья; вплоть до семидесятой параллели сеяли ячмень. В период расцвета население норманнской Гренландии достигало 5000 человек. По берегам фьордов стояли прочные дома с оконными стеклами (большая роскошь для средневековья), были церкви, мужской и женский монастыри. Гренландцы совершали дальние морские плавания. Они были первыми европейцами, высадившимися на Американском континенте — за пятьсот лет до Колумба.

Но средневековый холодный цикл, ударивший прежде всего по странам дальнего севера, катастрофически изменил климат. Исландия, расположенная несколько южнее, еще кое-как уцелела, хотя из хроник известно, что в голодные зимы местным жителям приходилось сбрасывать со скал лишних едоков. Гренландия же стала вовсе непригодной для жизни. Изотопный анализ человеческих останков показывает, как от поколения к поколению менялась диета тамошних обитателей — они почти полностью переориентировались на морепродукты. По скелетам видно, как люди постепенно дистрофировались. Исчезли хлевы для скота, а комнаты стали крошечными — очевидно, коров и овец держали дома, чтобы хоть как-то согреться (дрова взять было уже негде, все деревья погибли). В конце концов гренландцы скандинавского происхождения вымерли до последнего человека. Их некогда цветущий край опустел.

В V–VII веках русославяне жили гораздо южнее России. С места их согнали события военно-политические, но направление движения — на северо-восток — было подсказано изменением природно-климатических условий, в результате которого земля, прежде не приспособленная для выживания большого народа, стала более гостеприимной. Так что наше государство в известном смысле — продукт климатических колебаний.

Не только климат, но и земля, на которой расселились пришлые славяне, в те далекие времена была не такой, как в наши дни.

Во всю ширь евразийского материка, на двенадцать тысяч километров, от Атлантики до Тихого океана, тянулся Великий Лес. Лесов, похожих на тогдашние, в Европе не осталось почти совсем, разве что кое-где в Архангельской, Вологодской и Кировской областях; некоторое представление о Пралесе может дать, пожалуй, нынешняя сибирская тайга, более или менее сохранившаяся его часть. Реки, которые текли через Великий Лес, были шире и полноводней, озера глубже, болота непроходимей — после отступления великих льдов почвы оттаивали и просыхали очень медленно.

Южнее Великого Леса начиналась Великая Степь, где осела часть славянских племен, в том числе самое исторически известное, центральное — оно называлось «поляне», то есть «живущие в полях». Киев, будущая столица государства, находился как раз на границе Леса и Степи.

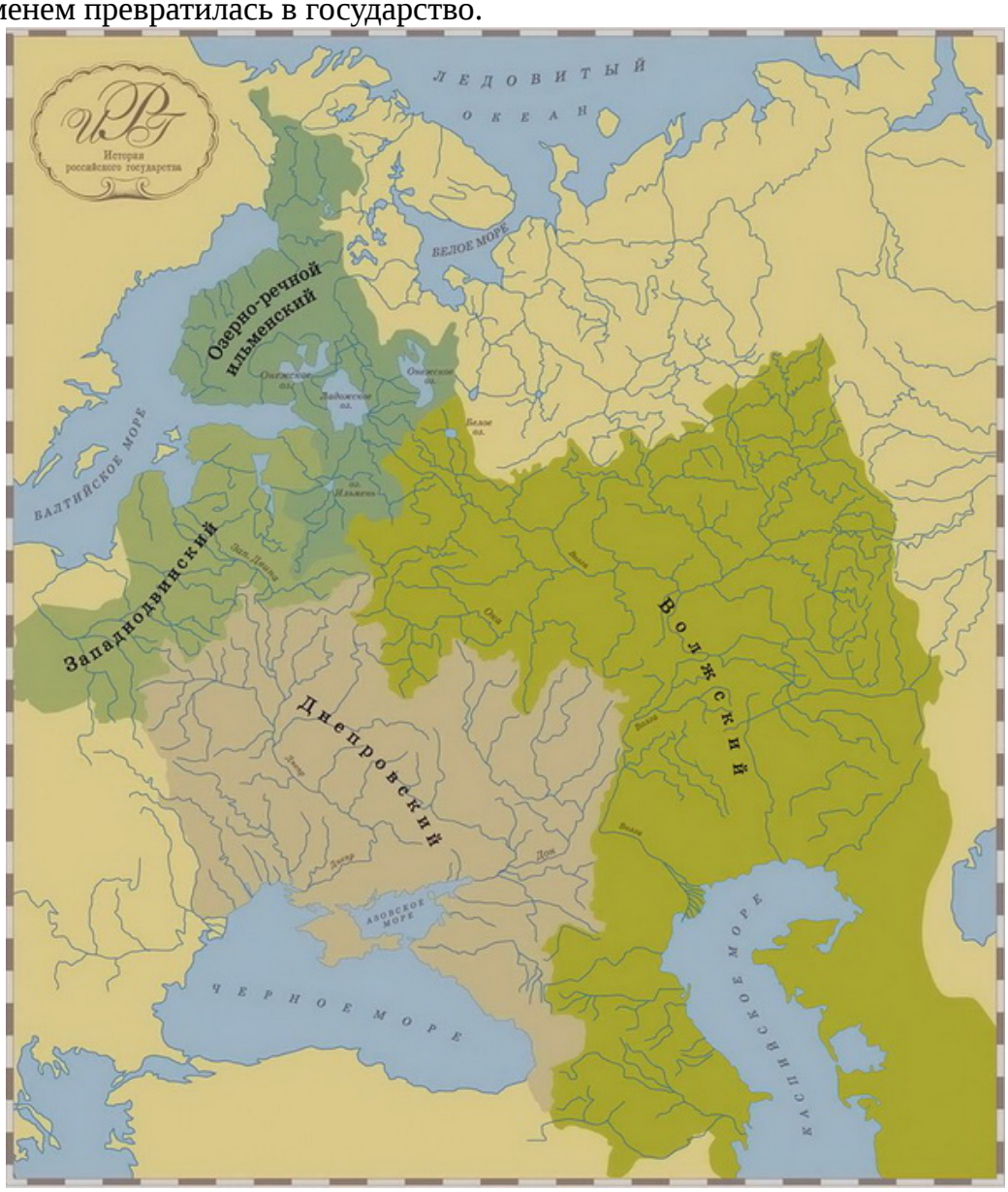
Жизнь в полях была сытнее из-за превосходного чернозема, но и незащищенней, а лесные обитатели, невзирая на скудость существования, всегда могли укрыться в чаще от разбойных орд, которые Степь периодически насылала на восточно-славянские земли. Поэтому Русь (во времена, когда этого названия еще не существовало) всё больше оттягивалась к северу. Из народа по преимуществу полевого она стала народом по преимуществу лесным. Правда, процесс этот растянулся на века, а еще позднее, в эпоху Московского государства, началось движение в обратную сторону.

Великий Лес и Великая Степь (М. Руданов)

Георгий Вернадский даже предложил «лесо-степную» периодизацию российской истории: первый этап — попытки объединения Леса и Степи (до 972 г.); второй этап — борьба Леса, то есть оседлых славян, со Степью, кочевниками (972–1238 гг.); третий этап — победа Степи над Лесом (монгольское владычество); четвертый этап — реванш Леса (Московское царство); наконец, пятый этап — объединение Леса со Степью (1696–1917). (От названия следующего этапа историк уклоняется, и правильно делает: от лесов и степей за последние сто лет мало что осталось).

Первый описатель земель нашей родины Геродот, который, впрочем, кажется, собственными глазами экзотических северных краев никогда не видел, в V веке до нашей эры писал как о чуде про зиму, длящуюся восемь месяцев, когда в небе летают какие-то перья и вода «густеет от холода». Отец истории и географии, однако, совершенно правильно выделил главную отличительную черту Великой Равнины: «В Скифии нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны».

На этих реках, как на каркасе, и возникла страна русославян, которая со временем превратилась в государство.



Четыре речных бассейна (М. Руданов)

В бескрайней чаще не существовало никаких дорог — только тропы, по которым могли передвигаться небольшие группы пеших или верховых, но для колесного транспорта или перемещения целого племени густой Лес совершенно не годился. Единственным способом миграции и торговли было плавание по рекам, действительно многочисленным и разветвленным. С того момента, когда славяне попадают на восточноевропейскую равнину, они становятся речным народом — еще в большей степени, чем лесным, потому что, как мы увидим, не все русославянские колена обитали в лесах, но все без исключения жили вдоль рек. Эти естественные транспортные артерии активнее всего работали в сезон

половодья, когда даже по самым маленьким речкам можно было беспрепятственно плавать на лодках. Летом доступными для движения оставались только крупные реки (их, впрочем, тоже хватало). Зато зимой по руслам было удобно передвигаться на санях.

Европейская часть России разделена на четыре водных бассейна: западнодвинский и озерно-речной ильменский обращены к Балтийскому морю, днепровский и волжский — на юго-восток. Пришедшие с запада славяне с самого начала, двигаясь по этим ветвям, расселялись четырьмя «нитями», занимая берега основных рек и их притоков. Главным из транспортных путей являлся Днепр, поскольку по нему можно было добраться до Византии, центра тогдашнего мира. Поэтому неудивительно, что ведущее положение среди русославян заняло племя, «сидевшее» на Днепре. Но в распределении славянских колен мы разберемся позже, пока же, в главе, посвященной воздействию природы на человека, давайте попробуем понять, до какой степени условия обитания повлияли на формирование русского национального характера.

Тема это спорная и, по нынешним понятиям, даже неполиткорректная. Я сам с большим подозрением отношусь к любым попыткам обобщений по национальному признаку. И все же факт остается фактом. Национальный характер как совокупность поведенческих черт, без труда опознаваемых со стороны, безусловно существует. Скажем, итальянцы каждый по отдельности индивидуальны и неповторимы, и всё же, глядя на группу итальянских туристов, мы безошибочно скажем: «Это итальянцы». То же и с русскими. Когда мы находимся за границей, нас видно. Есть устойчивые речевые конструкции вроде «это по-русски» и «это как-то не по-русски», «типичный русский» и прочее. Существуют привычные словосочетания как позитивного, так и негативного звучания: «русская удаль» — «русское разгильдяйство», «русская душевность» — «русская бесцеремонность», и так далее.

Прямую связь между природными условиями и характером нации отмечают самые авторитетные авторы.

Писатель Карамзин рассуждает: «Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствует долголетию, как замечают медики, благоприятствует и крепости состава, и действию сил телесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется».

Ему вторит историк Соловьев: «…Природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный раз вспышкою страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны

человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, — в таком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов».

В описаниях иностранцев, посещавших нашу страну начиная с XVI века (то есть, по периодизации Вернадского, в эпоху «Лесного реванша»), русские предстают нацией угрюмой, тяжелокровной, поведенчески скованной. И это впечатление с течением времени уже не меняется. Англичанин Джильс Флетчер, побывавший в Московии в 1591 году, пишет, что русские «обладают хорошими умственными способностями», однако в то же время «вялы и недеятельны, что, как можно полагать, происходит частью от климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных растений, производящих дурные соки».

Несмотря на значительные перемены, произошедшие в России позднее, в эпоху имперской экспансии, местные жители в описании приезжих наблюдателей предстают примерно такими же, как во времена Флетчера.

Маркиз де Кюстин, которого почему-то считают русофобом, хотя его книга враждебна по отношению не к русским, а к николаевской деспотии, пишет, что русские «насмешливы и меланхоличны» и умеют смеяться «только глазами», обладают «глубоким чувством поэтического», что этот народ «умен и по природе своей утончен, тактичен и деликатен», однако «русские обыкновенно проявляют свою сообразительность не столько в старании усовершенствовать дурные орудия труда, сколько в разных способах использовать те, что у них

есть… Они умны, но ум их подражательный, а значит, более иронический, чем плодовитый: такой ум все копирует, но ничего не в силах создать сам». «Здесь все вынуждены твердить себе суровую истину — что цель жизни лежит не на земле и удовольствие не тот способ, каким можно ее достигнуть».

Жовиальному Александру Дюма русские приглянулись тем, что у них «кроткий, терпеливый взгляд, красные лица и белые зубы», а не понравились своей меланхоличностью и «дьявольской недоверчивостью». На взгляд писателя, они похожи на «привидения, призраки»: «очень серьезные, идут они по улице не печальные, но и не веселые, очень мало говоря и жестикулируя. Дети у них не смеются, но и плачут тоже нечасто… Их кучера не кричат, как парижские, прося пешеходов и встречные экипажи посторониться. Нет; они лишь жалостно восклицают своё «bereghissa», вот и всё». При этом, если все предшествующие путешественники объясняли русскую замкнутость несвободой и крепостным гнетом, то Дюма пишет свои заметки в эпоху реформ и общественного подъема. «Ну говори, ну пой, ну читай, будь жизнерадостным! — недоуменно восклицает он, обращаясь к русскому народу. — Ты свободен сегодня. Да, я это понимаю: тебе остается приобрести привычку к свободе».

Но дело не только в привычке к свободе. Многие исследователи считают, что вышеперечисленные черты свойственны для всех наций «лесного» происхождения.

Интересно, что в начале своей истории, до ухода в леса, еще будучи наполовину степным народом, русославяне производили на иностранцев совсем иное впечатление. Чужеземные путешественники и летописцы — византийские, арабские, западноевропейские — в один голос утверждали, что «руссы» чрезвычайно радушны, любят всевозможные развлечения — пляски, игру на свирелях и бубнах, безудержно предаются «гульбищам», «бесовскому пению и глумлению». Греки отмечают в русославянах «приятную мужественность», хвалят их за необычно гуманное отношение к пленникам, которых не обращают в рабство навечно, а по прошествии некоторого времени отпускают на волю или уравнивают в правах. Славянский обычай требовал гостеприимно принимать путников, так что приезжие поражались «ласковости» аборигенов. Ну и все свидетели отмечают склонность приднепровских славян к «хмельному медопитию», касательно которого святой равноапостольный князь Владимир Красно Солнышко изрек знаменитую фразу: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти».

Это, пожалуй, единственная черта, сохранившаяся в национальном характере после того, как русские ушли в суровые, глухие леса и просидели там безвылазно полтысячелетия. Вдали от солнечного света и открытых пространств дионисийство съежилось и отступило. Конечно, сыграли свою роль и другие факторы: вытеснение язычества христианством и феодальное ограничение личных

свобод. Но среди христианских народов встречаются и жизнерадостные, а степень личной свободы жителя дофеодального, родо-племенного общества преувеличивать не стоит.

Поэтому в том, что мы такие нелегкие, очевидно, виноват все-таки Лес.

Кто здесь жил раньше?

Итак, территория, на которую пришли русославяне, делилась на две природные зоны: северную лесную и южную степную. Эти области существовали по совершенно разным законам. Нижняя находилась в постоянном движении, беспрестанно испытывала потрясения, время там двигалось быстрее. В верхней время будто застыло, а перемены если и случались, то малозаметные и очень-очень нескоро.

Про изначальное население севера рассказ будет недолгим, поэтому с него и начнем.

Коренная народность

Разумеется, всякий этнос может считаться «коренным» для данной местности весьма условно. Когда-то он все-таки пришел в эти края, просто история не помнит, когда именно, и уже тем более понятия не имеет, кто там прежде жил и жил ли кто-нибудь вообще.

В этом смысле коренным, изначальным народом древнерусского Леса безусловно являются финно-угорские племена, ветвь уральской (смешанной европеоидно-монголоидной) расы, населявшая огромные пространства на севере Европы и Азии. Как пишет Карамзин, мы не знаем «никого старобытнее их в северных и восточных ея [то есть России] климатах».

Из далеких племен, которые, согласно Геродоту, двадцать пять веков назад жили к северу от Скифии, два, по мнению историков, скорее всего, были протофинскими: меланхлены и андрофаги. Первые, про которых сообщается лишь, что они носили черные «плащи», возможно, были предками нынешних меря и марийцев. Про андрофагов (высказываются предположения, что это предки современных мордовцев) античный автор пишет, что они кочевали с места на место, не имели никаких законов и питались человечиной. Последнее отчасти подтверждается более поздними сведениями из других источников, рассказывающих, что в каком-то из финских племен существовал обычай поедать плоть умерших родителей (то есть речь идет о сакрально-ритуальном каннибализме).

Если геродотовы меланхлены и андрофаги действительно являются предками меря, марийцев и мордовцев, значит, в доисторическую эпоху эти народы обитали гораздо южнее, чем во времена славянских летописцев.

Самое ясное доказательство изначально финского прошлого России — археологические раскопки и названия рек, ибо известно, что речные топонимы древнее всех прочих. У большинства русских рек и речек финские имена, легко распознаваемые по окончаниям «ва» (например, Москва), «га» (Волга), «ма» (Кама), «ра» (Угра), «жа» (Унжа), «ша» (Мокша).

В первой русской летописи перечислено множество финских племен: в Эстонии и около Ладоги обитала чудь, вокруг Ростова Великого — меря, к юго-востоку от мери — черемись, мещера и мордва, у Белоозера — весь, близ впадения Оки в Волгу — мурома, за Волгой — пермь, на реке Печоре — печора, в Карелии и Финляндии — емь.

Племена Восточной Европы до прихода славян (М. Руданов)

Соседи, всяк на своем языке, именовали финнов «водяным» или «болотным» народом, потому что эти племена предпочитали селиться среди трясин, чувствуя там себя в безопасности от напористых пришельцев, всегда приходивших с юга. Многие исследователи задавались вопросом: почему первоначальные обитатели лесов почти никогда не оказывали сопротивления захватчикам, а просто перемещались всё дальше и дальше к северу?

Причин несколько. Главная, полагаю, состоит в том, что земля в глазах «болотного народа» не имела особенной ценности. В отличие от славян, финны не занимались ни земледелием, ни скотоводством. Лесов было сколько угодно, одно болото мало чем отличалось от другого и уж во всяком случае не стоило того, чтобы проливать из-за него кровь. Хотят славяне зачем-то селиться по берегам больших рек? Да ради Исянена-Громовержца, не жалко. Реки финнам были ни к чему, торговли они все равно не вели — не имели излишков. Лес хоть и кормил, но скудно — только чтобы не умереть с голоду. Известно, что быстрее всего развивались народы, которых природа либо щедро облагодетельствовала, либо обделила своими дарами и заставила активно бороться за выживание. На первом этапе истории преимущество получили жители плодородных земель Междуречья

и Нила, Эллады и Апеннинского полуострова; на следующем — те племена, кого нужда гнала с насиженных мест.

Финнов лес кормил недостаточно сытно, чтобы развивалась культура, но и не настолько впроголодь, чтобы побуждать к уходу с насиженных мест. Те финно-угорские племена, кому в силу изменившихся обстоятельств все-таки пришлось двинуться в путь, вроде угров, быстро переняли военные достижения сопредельных народов, окрепли и через некоторое время создали собственное государство — Венгрию.

У лесных аборигенов, судя по всему, не было ни вождей, ни какой-либо социальной структуры, которая могла бы дать организованный отпор чужакам. Единственным элементом, способным на лидерство, были волхвы — шаманы, обладавшие общественным влиянием и некими потаенными знаниями, которые славянам и скандинавам казались «чародейскими». Все столкновения с русославянами, а позднее восстания против власти князей-христианизаторов неизменно инициировались и возглавлялись волхвами, память о которых сохранилась и в летописях, и в русском фольклоре.

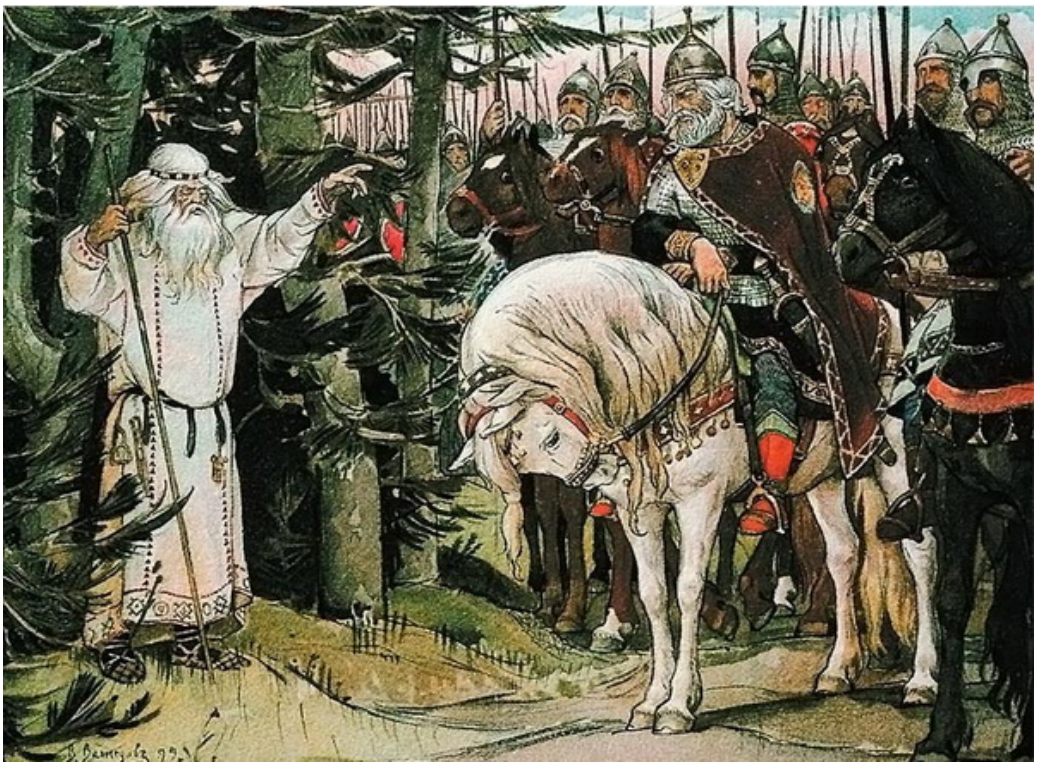
Каста волхвов (возможно, это слово одного корня с «волшбой») — феномен не славянский, он восходит к северным религиям шаманского типа. Однако по мере ассимилирования финских племен и частичного восприятия их обычаев у русославян появились и собственные волхвы. Эти люди обладали знанием астрономии, знахарства, ветеринарии, а некоторые, вероятно, владели искусством гипноза. В «Повести временных лет» рассказывается, как во время голода на Белозерье в 1071 году волхвы, мутя народ, на глазах у всех извлекали из воздуха «жито, либо рыбу, либо белку». Хотя авторы летописи, христианские монахи, относятся к языческим жрецам с явной враждебностью, сквозь вроде бы разоблачительные рассказы о происках волхвов проскальзывает почтение к их силе и мудрости.

Например, описано, как в 1024 году волхвы подняли в Суздале народное восстание против бояр, которые во время голода прятали продовольствие. Волхвы отправили караван за хлебом к соседним булгарам и тем самым спасли людей от вымирания. Князь Ярослав, вопреки своему прозванию «Мудрый», не одобрил этой разумной меры, сказав: «Бог посылает голод, мор, засуху или иную казнь за грехи, и не человекам судить о том».

Про князя полоцкого Всеслава Брячиславича по прозвищу Чародей (1029–1101) летописец сообщает как о чем-то общеизвестном, что мать родила его «ото волхования». На голове у новорожденного осталось «язвено» (очевидно, кусочек плаценты), и волхвы сказали княгине: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти». Далее монах простодушно присовокупляет: «И носит его на себе Всеслав до сего дня; оттого и немилостив на кровопролитие».

В другом месте «Повести» есть любопытный пассаж о беседе боярина с волхвом, которая позволяет нам заглянуть в космогонию этой давно исчезнувшей системы верований. О сотворении человека и соотношении плотного мира с бесплотным волхв говорит: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к Богу».

Влияние волхвов сохранялось в народе еще много веков после крещения Руси. Известно, что даже в XVII веке, в царствование Алексея Михайловича, издавались указы, запрещавшие православным слушать волхвов и вступать с ними в какой-либо контакт.



Князь и волхв (В. Васнецов)

Дальнейшая судьба «древнего и многочисленного народа, занимавшего великое пространство» (так аттестует финно-угров Карамзин), поражает своей многоцветностью. Казалось бы, между современными эстонцами, хантами и мадьярами нет совсем ничего общего — ни в культуре, ни даже во внешности. Однако же всё это разветвления одного языка, который оказался более живучим, чем цвет волос, форма черепа, разрез глаз и прочие антропологические черты. Вступая в контакт с инородным населением, финно-угры быстро его ассимилировали или ассимилировались сами. В типе лица, который сегодня считается типично русским (в отличие, скажем, от типично украинского), много

изначально финских характеристик: скуластость, курносость, некоторая «размытость» линий. В генетическом коде великорусского этноса финская составляющая не менее сильна, чем славянская. И чем севернее губерния, тем меньше этот хромосомный зазор (между коренными нижегородцами и мордовцами, например, он составляет всего 2–3 условных единицы), что дает основание некоторым полемически настроенным исследователям даже называть русских «русскоязычными финнами».

Миграционная эстафета

Южнее Великого Леса, где сидели в своих болотах древние финны, тянулась Великая Степь, она же Дикое Поле — широкий коридор, по которому кочевые народы, двигаясь от пределов Ирана или Китая, вторгались через уральско-каспийские «ворота» в Европу. Одной из первых остановок, иногда на несколько веков, неминуемо становилось северное Причерноморье. Временами возникало встречное движение и с запада — когда в этом плодородном краю в поисках лучшей доли оседали земледельческие племена Европы. Но они задерживались там ненадолго — из Азии надвигалась очередная орда и вытаптывала или подминала под себя ростки оседлой цивилизации.

Всё это случалось бессчетное множество раз в доисторическую эпоху, однако незадолго до начала христианской эры миграционная активность народов заметно усилилась.

Причины, по которым орда уходила из родных мест, могли быть сугубо природными: климатические изменения или просто затяжная засуха, нехватка пастбищ, демографический взрыв. Миграция могла произойти и в результате политического конфликта. Большое племя, потерпев поражение в войне с восточным соседом, откатывалось к западу, изгоняя ранее обитавший там народ; тот проделывал то же самое со своим западным соседом, и так далее. Срабатывал «эффект домино», причем положение каждого последующего изгнанника становилось всё более отчаянным, так что завоевание новой родины становилось вопросом жизни и смерти. Иногда орду гнала вперед воля незаурядно одаренного или просто феноменально удачливого вождя, который задался честолюбивой целью создать империю. Таким был Чингис-хан, мечтавший о великой державе, где «девушка с золотым блюдом в руках сможет пройти от океана до океана, не опасаясь ни за золото, ни за свою честь». (Как мы знаем, держава была создана, но девушкам, тем более с золотом, по ней лучше было не гулять).

При переселении кочевого народа скорость движения зависела от причины и цели. Если дело было в скудных пастбищах, племя просто плелось за истребляющими траву стадами, и путь из Азии в Европу растягивался на несколько поколений. Но если требовалось уйти от опасности, расстояния преодолевались быстрее. Известно, что авары, спасаясь от врагов, добрались с Алтая до степей Северного Кавказа всего за шесть лет. Еще стремительней

двигалась орда, для которой смыслом существования было завоевание. Она останавливалась, лишь когда требовалось дать отдых лошадям.

В научно-исторической терминологии Эпохой Великого Переселения считается период III–V веков, когда на севере Евразии изменился климат: наступило резкое похолодание, которое нарушило привычные условия жизни многих народов. Однако на самом деле орды кочевников и таборы блуждающих землепашцев бродили по Евразии на протяжении по меньшей мере полутора тысячелетий. Каждая последующая волна миграции обычно погребала под собой предыдущую.

Восточноевропейская равнина, самым ранним из зарегистрированных историей населением которой (если не считать полумифических киммерийцев) были скифы, затем поочередно становилась домом для самых разнообразных пришельцев: сарматов, аланов, готов, гуннов, аваров, булгар, угров, хазар, печенегов, половцев, монголов. Такими же находниками были и русославяне. Просто они сумели построить долговечное государство, на время поглощенное Чингисидами, но все-таки уцелевшее и оказавшееся жизнеспособным. Одна из причин, по которым восточные славяне сохранили государственность, состояла в том, что, в отличие от кочевников, они не испытывали столь острой нужды в пастбищах и в эпоху внешней угрозы смогли отступить в северные леса.

Ниже я кратко расскажу о народах, обитавших на территории Русской равнины до того, как она стала русской. Кажется, что все они сгинули бесследно, не оставив после себя ничего кроме могил. Но это не так. Остались гены, остались апроприированные славянами элементы культуры. Ну и, конечно, память — ведь это период, уже попадающий в поле зрения мировой истории.

Скифы

Когда Александр Блок гордо восклицает: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!» — тут всё неправда. Русские — не потомки скифов; скифы, скорее всего, не являлись азиатами; очи их не были раскосыми и вряд ли жадными, судя по тому, что скифы на чужие земли не зарились — во всяком случае никого не завоевывали. По крайней мере, с тех пор, как, согласно Геродоту, в VIII веке до н. э. вытеснили из Северного Причерноморья киммерийцев, память о которых сохранилась только в некоторых географических названиях.

Современные ученые довольно твердо заявляют, что славяне никак не могут быть потомками скифов. У этих народов захоронения совершенно разного типа.

Происхождение скифов неизвестно. Судя по греческим изображениям, это был народ иранского происхождения — неузкоглазый и сильно волосатый. Собственно, «Скифия» во времена античности была не обозначением страны, а географическим понятием, и очень возможно, что помимо господствующего племени, знакомого грекам, там жили и другие этнические группы, в том числе

славяне. Во всяком случае у кочевников-скифов имелись в подчинении какие-то инородные земледельцы. Бородатые всадники позволяли кому угодно селиться в своих степях и жить по собственным обычаям — лишь бы поселенцы исправно платили дань.

Благодаря греческим авторам мы знаем о скифах, близких соседях черноморских полисов, гораздо больше, чем о многих народах, обитавших в южной России в последующие века. У нас есть обстоятельный «Скифский логос» Геродота (V век до н. э.), есть «География» Страбона (рубеж христианской эры), имеются и другие свидетельства.

Скифы, изображенные на сосуде из кургана Куль-Оба (IV в. до н. э.)

Например, Гиппократ в своем трактате «О воздухе, водах и местностях» дает описание внешности первоначальных жителей России с точки зрения медика: «По внешнему виду скифы тучны, мясисты, нерасчлененны, влажны и слабы; желудки у них наиболее влажные из всех; да и не может в самом деле живот осушиться в стране при такой природе и таком состоянии времён года». Другие авторы присовокупляют, что скифы были белокожи, голубоглазы, с жидкими желтыми волосами и, на взгляд греков, «очень похожи друг на друга».

Домов они не имели, жили в кибитках, слыли непревзойденными всадниками (греки иногда даже называли их «кентаврами»). Пока не познакомились с достижениями цивилизации, скифы любили «пьяниться дымом дурманных трав», но потом научились у эллинов пить вино и употребляли его «по-варварски», то есть не разбавляя водой.

Несмотря на «тучность» и «влажность желудков», скифы отлично владели воинским искусством. В бою были храбры и предприимчивы, метко разили врагов отравленными стрелами, пленных ослепляли и обращали в рабство, с убитых

сдирали кожу, а из черепов делали чаши (эта скверная традиция, общая для многих кочевых племен, будет практиковаться в черноморских степях и тысячу с лишним лет спустя).

После того, как скифы нанесли поражение войску персидского царя Дария Первого, они стяжали себе репутацию непобедимых. Лет триста или четыреста никто не осмеливался идти против них войной — до тех пор, пока во II веке до н. э. не нагрянули дикие сарматы, которые не знали европейской истории и потому скифов не боялись. Сарматы без особенного труда покорили былых кентавров, размягчевших от эллинского влияния и неразбавленного вина.

Сарматы

Если по поводу происхождения скифов историки не могут прийти к единому мнению, то откуда взялись сарматы более или менее известно. Этот арийский народ проживал в пустынях и степях к востоку и, может быть, югу от Каспия. В западном направлении сарматы двигались небыстро, вслед за своими стадами. Как многие кочевники до и после них, сарматы не строили домов, а жили в кибитках из войлока, которые устанавливали на повозки. При этом известно, что часть этого большого этноса занималась и земледелием — либо же научилась ему, когда осела.

Но прежде всего сарматы были всадниками — еще более искусными, чем скифы. Греки полагали, что сарматы рождаются от связи скифов с амазонками. Эта легенда, вероятно, возникла из-за того, что женщины новой орды были сильными и храбрыми, а в бой ходили наравне с мужчинами. Поэтому войско сарматов было многочисленным — в сражении участвовало всё взрослое население. В пешем строю завоеватели, как многие кочевники, биться не умели, но их конные атаки были неотразимы. В военном смысле сарматы обладали еще одним важным преимуществом: они умели изготавливать панцири для людей и для лошадей из круглых пластин, которые вырезали из конских копыт, — это делало всадников почти неуязвимыми для стрел.

Меч почитался у сарматов за объект сакральный, религией было огнепоклонство. В жертву этот конный народ приносил самое дорогое, чем владел, — лошадей. Волосы и бороды у пришельцев были светлые, нестриженые; нрав даже по тогдашним негуманным временам жестокий; кожа то ли покрыта татуировками, то ли разрисована узорами.

Не встретив в европейских степях серьезного сопротивления, сарматы растворили в себе скифов, упоминания о которых с тех пор прекращаются, и, поделившись на ветви, расселились на обширном пространстве: язиги — на территории современных Молдавии, Румынии и Венгрии; бастарны — в восточногерманских пределах; роксоланы — между Днепром и Доном.

С первого века христианской эры входит в употребление название «аланы». Не вполне понятно, были ли аланы сарматами или одним из племен-спутников этого воинственного народа, но в римских источниках фигурирует аланская

конница, которая прошла по всему континенту до самой Испании и, возможно, даже проникла через Гибралтар в Африку.

Сарматская панцирная конница (справа) на барельефе колонны Траяна

Нас же интересуют восточные сарматы, оставшиеся на будущих русских землях. Некоторые историки девятнадцатого века считали, что от них-то и произошли славяне. Эта версия вряд ли верна, однако кое-что от сарматов мы всё же унаследовали — названия рек Дон, Днепр, Днестр. И еще — осетинов, жителей российского Кавказа. Они по праву именуют свою страну Аланией, ибо являются прямыми потомками некогда могучего народа, часть которого в III веке ушла в горы, спасаясь от победоносных готов.

Готы

На сей раз полчище захватчиков явилось не с востока, а с запада. Одно из германских племен, ранее живших на балтийских берегах, размножилось до такой степени, что оказалось вынуждено искать новые плодородные земли.

Размер катастрофы, обрушившейся на причерноморские регионы, стал ясен, когда готы уничтожили регулярное римское войско в сражении при Абритте (251 г.). Там впервые в истории от рук варваров погиб сам император.

Орда разделилась на две группы. Одна повернула на запад и перевернула вверх дном всю Европу, но нас интересует восточный вектор этой миграции.

В IV веке на огромном пространстве от Балтики до Черноморья остготы создали первое на российской территории государственное образование (приморские полисы и эллинистические государства не в счет, поскольку они являлись периферийными ответвлениями греческой цивилизации). Такое крупное

объединение разноязыких племен нуждалось в единобожии — и готы приняли христианство. Появилась у них и письменность, без которой управление было бы невозможным.

Готы (И. Сакуров)

Королевство Германариха (М. Руданов)

Новые условия жизни изменили организацию готского общества, которое приобрело некоторые черты феодального строя. Рабовладение сохранялось, но при этом появилось сословие всадников, прообраз дворянства, владевшее землей и управлявшее крестьянами. Вожди высшего звена назывались герцогами, а над герцогами в середине IV века утвердился верховный правитель Германарих, избранный королем.

Предки славян несомненно входили в число народов, подвластных Германариху, однако никаких следов готского влияния ни в русской культуре, ни в русском языке не обнаруживается. Может быть — это не более чем гипотеза — от готского kuni («глава рода») происходит слово «князь».

Дело в том, что готы оставались хозяевами восточноевропейских равнин недолго. Их королевство еще не успело окрепнуть, когда Дикое Поле исторгло из своих неиссякаемых глубин нашествие доселе невиданного масштаба.

Гунны

Грабительские набеги монгольского племени хунну несколько веков терзали северную часть китайской империи. Чтобы защититься от свирепых варваров,

династия Хань пошла на невиданные меры: отгородилась от буйного соседа великой стеной протяженностью в две с половиной тысячи километров.

Историки спорят, являются ли пришедшие в Европу гунны тем самым племенем, которое побудило китайцев воздвигнуть самое грандиозное архитектурное сооружение человеческой истории. Преобладает мнение, согласно которому племенной союз хунну, утратив возможность подкармливаться за счет Срединной империи, вступил в период внутренних распрей и проигравшая орда двинулась на запад, поглощая встречающиеся на пути племена. К тому времени, когда несколько поколений спустя орда вынырнула из пустыни на дальнем конце европейской ойкумены, она превратилась в народ-конгломерат, вошедший в историю под именем «гунны».

Появление нового врага зафиксировано летописцами около 370 года, когда ужасные неведомые варвары обрушились на готское королевство.

Хочется посвятить еще несколько слов Германариху и его сгинувшей державе — в память о первой, неудачной попытке создания российского (в географическом смысле) государства.

Фигура Германариха настолько мифологизирована раннесредневековыми эпосами, что очень трудно отделить факты от вымысла, однако вождь этот несомненно существовал. Последний римский историк Аммиан Марцеллин, живший в те времена, пишет, что это был «воинственнейший монарх, внушивший трепет соседним народам своими многочисленными подвигами». Точных размеров готского королевства историки не знают, но кроме славян ему были подвластны многие германские и финские племена.

Согласно преданию, Германарих прожил феноменально долгую жизнь — сто десять лет и умер отнюдь не от старости. Когда в его страну вторглись гунны, престарелый король вступил с ними в упорную борьбу, но кочевники оказались сильней, и Германарих лишил себя жизни.

Есть и другая версия его гибели, не менее распространенная. Воспользовавшись начавшейся войной, герцог одного из германских племен, росомонов, изменил своему сюзерену. В отместку Германарих велел схватить жену изменника Сунильду и разорвать ее на части конями. Братья несчастной устроили на изверга покушение и нанесли ему тяжелую рану, от которой монарх так и не оправился. Со смертью короля его держава раскололась: часть готов покорилась захватчикам, часть — на беду римлян — ушла на запад.

А если бы обстоятельства сложились иначе и держава Германариха устояла перед натиском гуннов, очень вероятно, что современные россияне были бы не славянами, а готами, и я бы, atta unsar þu in himinam, weihnai namo þein[1], писал эту книгу на языке, которого уж полторы тысячи лет как не существует.

Гунны (И. Сакуров)

Уцелевшие готы бежали на запад. Гунны же разместились в богатых травой полях между Волгой и Дунаем, кочуя с места на место и до поры ограничиваясь локальными грабительскими набегами.

Всякая новая орда, появляющаяся из неведомых краев, приводила более развитую цивилизацию в трепет свирепостью и жестокостью, но таких страшных варваров римско-греческий мир еще не видывал.

По уверениям европейцев, эти кочевники не спешивались ни днем, ни ночью: воевали, совещались, ели и спали на своих маленьких выносливых лошадях. Если же ходили, то очень неловко — вместо обуви они обматывали ноги кусками свежесодранной шкуры, и та ссыхалась; эти грубые «сапоги» было невозможно снять. Так же выглядела и одежда: раз надев ее, гунны меняли наряд, лишь когда предыдущий развалится сам. Ели дикие всадники сырое мясо — подкладывали кусок под седло и ждали, пока этот стейк с кровью как следует отобьется. Ни домов, ни даже шатров — вообще никакого крова — они не признавали. Их женщины рожали детей и занимались домашней работой прямо в телегах. Института семьи у ранних гуннов то ли вообще не существовало, то ли это была какая-то стаеобразная форма полигамии.

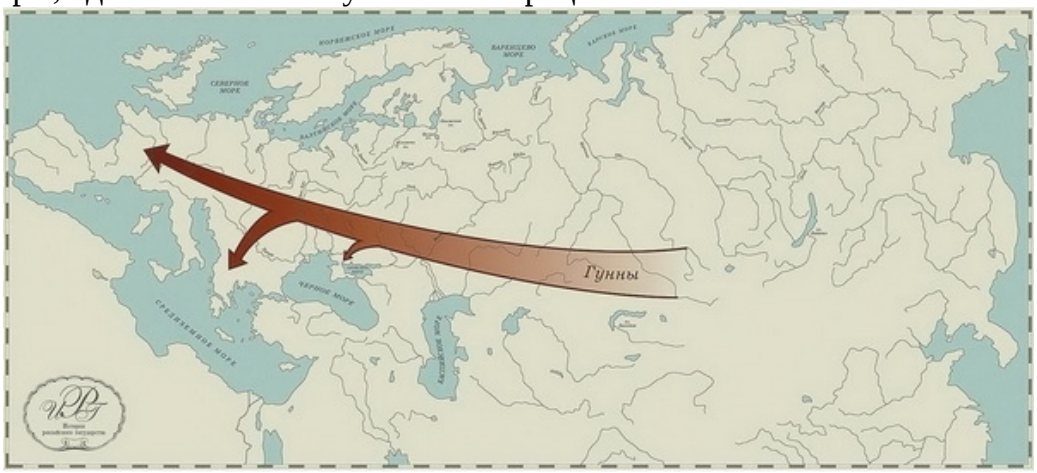
При этом в некоторых областях военного искусства кочевая орда опережала всех врагов, включая даже римлян — не только в кавалерийском бою, что было бы естественно, но и в инженерном искусстве. В отличие от большинства варваров, пасовавших перед каменными крепостями, гунны отлично умели строить осадные орудия (вероятно, их предки научились этому у китайцев).

Историки пишут, что лица гуннов были безобразны: плоские, безбородые, «похожие на скопцов», с маленькими, яростно прищуренными щелями вместо глаз. Некоторые авторы были уверены, что дикари расплющивают мальчикам носы, дабы шлем с вертикальной защитной планкой плотнее сидел на голове, а щеки изрезают ножами, истребляя растительность. Складывается впечатление, что античная цивилизация впервые столкнулась с представителями монгольской расы и объяснила ее антропологические особенности по-своему. (К сожалению, у гуннов не было летописцев, так что у нас нет возможности узнать, как растолковали себе гунны носатость, волосатость и пучеглазость европеоидов).

С V века полчища снова пришли в движение и устремились дальше на запад, с уже вполне сознательными захватническими намерениями. Мы говорили, что подобное происходило, когда у орды появлялся сильный лидер, желавший создать империю. Таким вождем был Атилла (правил в 434–453 г.г.), наделенный выдающимися полководческими, организаторскими и дипломатическими способностями. Лишь его смерть (что тоже типично для сугубо военных империй) помешала гуннам стать полновластными хозяевами континента.

Согласно хроникам, Атиллу погубило рискованное для пожилого человека сластолюбие. Он взял в жены юную германскую красавицу Ильдико и наутро после брачной ночи был найден на ложе мертвым — вероятно, вследствие инфаркта или инсульта.

После смерти владыки держава распалась на несколько враждующих фрагментов. Орды и таборы разбрелись по Европе в разные стороны. Некоторые осели на востоке. В более поздние времена соседями русославян будут волжские булгары, один из осколков гуннской миграции.



Миграция гуннов (М. Руданов)

В постгуннскую эпоху — на рубеже V и VI веков — активизировались несколько племен и племенных союзов, которые несомненно существовали и прежде, но лишь теперь появились на исторической арене в качестве независимой силы. Среди этих «новых» народов были и славяне, однако до собственной

государственности им оставалось далеко. Сначала предстояло вынести еще одно тяжкое иго.

Во второй половине шестого столетия со стороны Каспия приблизилась очередная орда — аварская.

Авары

Воспоминаний о гуннском или готском владычестве русославяне не сохранили. Первые угнетатели, кого они запомнили, были авары, или, как зовет их летописец, обры — «бяху телом велице, а умом горди».

Как и гунны, они явились из монгольских степей в результате «эффекта домино»: часть разгромленного в войне с врагами народа жэньжэней побежала на запад, по пути разбухая за счет покоренных тюркских племен. Конную рать, состоявшую из двадцати тысяч всадников (удивительно реалистичная цифра для хроник того времени, тяготевших к преувеличениям), вел хан Байан. Непобедимость его конницы объяснялась вроде бы мелким, но по тогдашнему состоянию военной техники очень важным обстоятельством: авары применяли не кожаные стремена, а железные, что позволяло всадникам вести стрельбу и наносить сабельные удары с лучшей опоры.

Авар: реконструкция облика по черепу

В 565 (по другим источникам в 570) году орда вынырнула из-за Дона и покорила земли к северу от Черного моря, а затем бассейн Дуная и Венгерскую равнину. На протяжении примерно двух столетий авары доминировали в этой части континента, сильно докучая Византийской империи и соседним народам.

Часть восточных славян — большой племенной союз дулебов, живший в западной Волыни, — оказалась во власти аварских ханов. О стране дулебов почти ничего неизвестно, лишь в одной из арабских хроник есть упоминание о некогда существовавшем «царстве» Валинана (очевидно, это «волыняне», другое название дулебов).

«Повесть временных лет» в самом своем начале описывает, как обры измывались над дулебами. Завоеватели не только «насилие творяху женам», но и запрягали славянок в телеги вместо тяглового скота.

А затем, согласно той же летописи, произошло некое чудо: аварское царство в одночасье развалилось. «Бог истребил их, все померли, не осталось ни одного; есть поговорка в Руси и теперь: сгинули, как обры». И летописец поясняет

тотальность исчезновения прежде могучего народа, присовокупляя: «иже несть ни племени, ни наследка».

На самом деле, как можно судить по византийским и европейским источникам, крах аварского каганата произошел вследствие комбинированного наступления франков Карла Великого и дунайских болгар хана Крума. Произошло это около 803 года.

Но к этому времени русославян в тех местах, судя по всему, уже не было. Спасаясь от притеснителей, они тронулись на восток — туда, где через некоторое время возникнет Россия. Таким образом, можно сказать, что своим появлением наше государство в некотором смысле обязано жестоким обрам.

После них были и другие нашествия, но они происходили уже в исторические, то есть худо-бедно задокументированные времена. Поэтому о хазарах, печенегах, половцах, татаро-монголах и прочих незваных гостях мы поговорим в последующих главах.

Русославяне

Россия стала (или начала становиться) русской в VII веке. Притом что ни русских, ни тем более России пока не существовало — поэтому до поры до времени я буду пользоваться не очень складным термином «русославяне» (некоторые историки предпочитают называть эти племена «славяноруссами»).

За двенадцать веков своей записанной истории русославянский этнос, положивший начало российской государственности, разделился на три ветви. Крупнейшая из них (собственно русские, или по-дореволюционному «великороссы») вобрала в свой генетический код множество неславянских компонентов: угро-финский, тюркский, литовский, монгольский.

Русская нация в современном понимании этого определения существует четыре или пять столетий, с того времени, когда оформилось последнее по времени разделение русославянского языка на русский («великоросский»), украинский («малороссийский») и белорусский. По европейским меркам, русские — нация среднего возраста. Моложе, чем английская или французская (тоже не особенно старые), но старше, чем итальянская или немецкая, которые окончательно сформировались лишь полтора века назад.

Слово «Россия» впервые встречается в документе 1387 года, а вошло в употребление много позже; официально наше государство стало именоваться российским лишь в эпоху Петра Великого. Так что до «русских» и до «России» в нашем повествовании мы доберемся еще нескоро.

Давайте сначала попробуем разобраться, кто такие русославяне и вообще славяне: откуда взялись, как и почему оказались там, где живут сегодня.

Происхождение

Сложнее всего вопрос, как славянские народы попали в те места, где их обнаруживают первые свидетельства. То есть понятно, что пришли они из Азии, но откуда именно и в особенности когда — истории неизвестно. Исследование этой проблемы в русской историографии постоянно запутывалось еще и политическими мотивами. В периоды, когда верховная власть по идеологическим соображениям начинала испытывать государственный интерес к исторической науке, ученые немедленно начинали искать не истину, а расположение начальства. Начальству же хотелось поднять международный и внутренний престиж главной российской народности, опоры государства, на должную высоту. Любимый историк Николая II Александр Нечволодов красноречиво сформулировал цель официального историоведения: «Оно показывает нам, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы происходим».

Об арийском происхождении славян этот верноподданный и патриотичный автор пишет: «…Арии выделялись из всех остальных обитателей земли того

времени как своей силой, ростом, стройностью и красотой, так, особенно, благородством своих душевных свойств», а далее Нечволодов называет славян «младшими, но славнейшими племенами всей великой семьи народов, произошедших от древних ариев» (младшими, разумеется, лишь в том смысле, что славяне осели в Европе позже германцев и других арийских народов).

Впрочем, были патриотичные историки, утверждавшие, что славяне обитают в России с каменного века, просто назывались как-то по-другому, поэтому и остались не замечены античными писателями.

В общем, всё, что касается славянских корней и доисторической миграции, очень туманно и недостоверно. Поэтому повторю вслед за Карамзиным: «… Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда Славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше Государство».

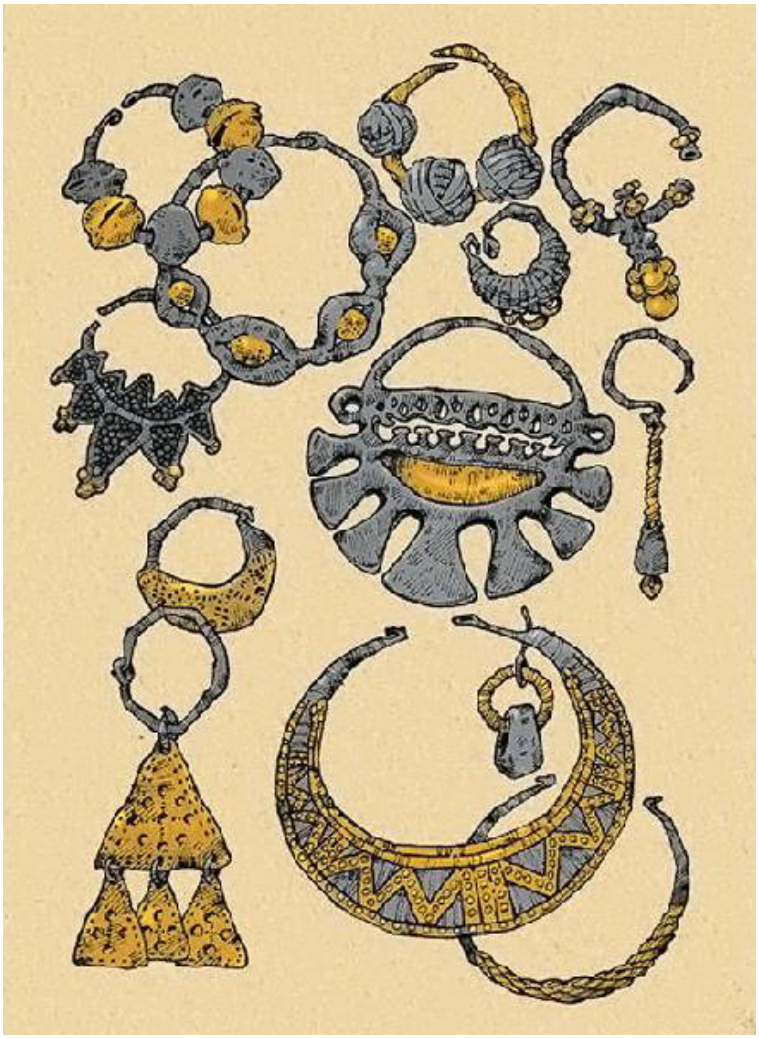
С определенной уверенностью можно сказать, что предки славян примерно во II веке христианской веры вышли из Дакийского царства, к числу народов которого они до той поры принадлежали. Вероятно, уход на северо-запад был вызван дакийскими походами императора Траяна. Во всяком случае, именно с этой поры в письменных источниках начинают встречаться упоминания о племенах, которые предположительно являлись славянскими.

Здесь, пожалуй, нужно объяснить, как ученые определяют историческую географию народов, менявших место проживания и не оставивших после себя архитектурных сооружений.

Очень просто: по захоронениям. У каждой этнической культуры были свои традиции погребения, а если эти традиции предусматривали снабжение покойника в дальний путь всякими необходимыми на том свете вещами, задача археолога упрощается. Есть некоторые характерные предметы, по которым всегда можно определить славянскую принадлежность могильника или иной археологической находки.

Это могут быть золотые, серебряные или бронзовые височные кольца — женское украшение, более всего распространенное у восточных славян. Часто встречаются шейные обручи-гривны с загнутыми концами и серебряные сережки с нанизанными шариками.

В мужских захоронениях находят оружие и инструменты, изготовленные по принятым у славян технологиям. Антропологическое исследование останков часто позволяет даже установить принадлежность к тому или иному славянскому племени — по размеру и форме черепа, углу выступания носа и прочим генетическим параметрам, а благодаря методу скульптурной реконструкции можно воспроизвести облик давно умерших предков.



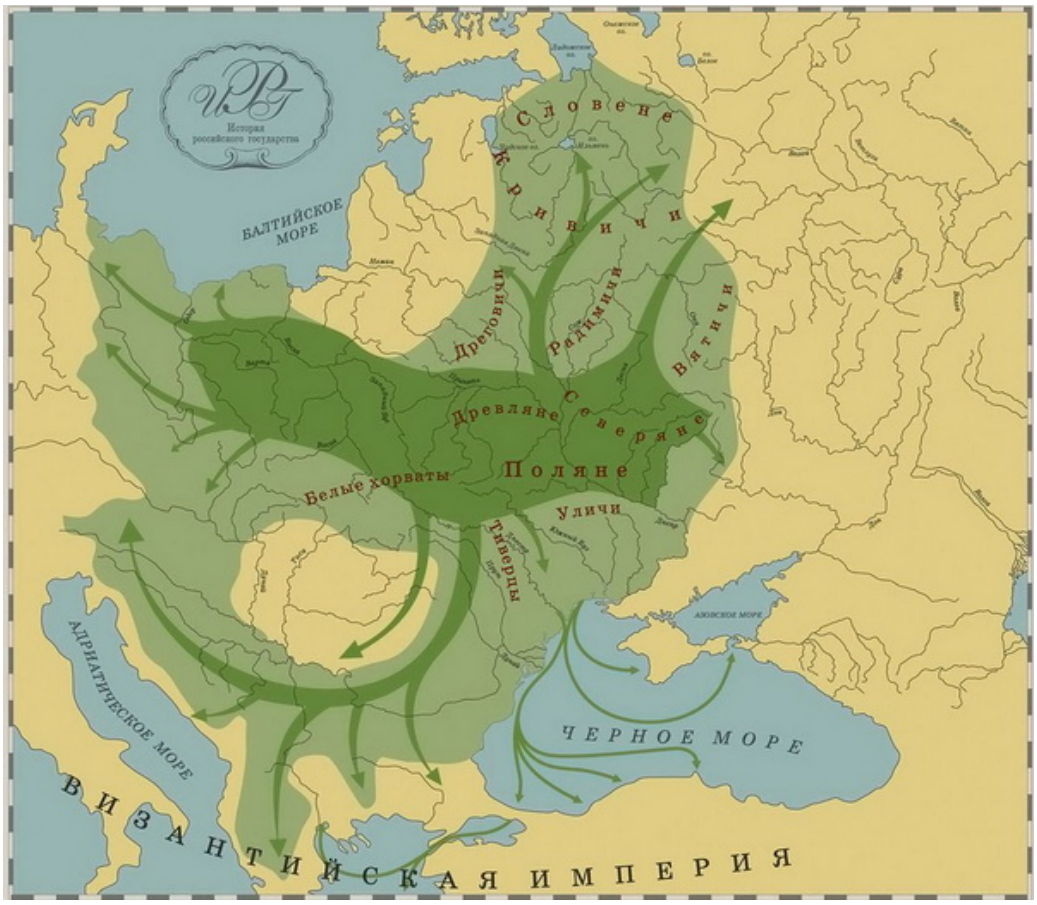
Славянские украшения (И. Сакуров)

На время праславяне, по-видимому, обосновались в центральной Европе, расселяясь на пространстве от Балтики до Карпат и от Одера до Днепра. На территории современной Польши, Венгрии, Германии, Украины и Белоруссии обитали три группы племен: венеды, анты и склавены. Последние — безусловно славянский народ. Насчет венедов и антов мнения историков расходятся, и я не думаю, что нам нужно здесь подробно входить в тонкости этой дискуссии. Будем держаться фактов, которые считаются консенсусными.

Реконструкции по черепам из захоронений: Кривич Вятичанка

Итак, в середине первого тысячелетия славяне (от кого бы они ни происходили и какие бы протонароды в себя ни включали) уже делились на три группы — западную, среднюю и восточную. Каждая из них, вследствие своего географического положения, подвергалась культурному воздействию ближайших соседей, приобретая некоторые новые этнические особенности и утрачивая ряд прежних; проявлялось это влияние и на языковом уровне. Западные славяне тесно контактировали с литовскими и германскими племенами; средние — с фракийскими; восточные — со сменяющими друг друга азиатскими кочевниками.

«Повесть временных лет» рассказывает: «По мнозех же временех селе суть словени по Дунаеви, кде есть ныне Угорьская земля и Болгарьская. От тех словен разидошася по земьли и прозвашася имены своими, кде седше на котором месте». И далее (уже в переводе на современный язык): «…Одни пришли и сели на реке именем Морава и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне — хорваты белые, сербы и хорутане. Когда волхи [по-видимому, имеются в виду римляне. Б.А.] нашли на славян дунайских, поселились среди них и начали насильничать, то те славяне двинулись, сели на Висле реке и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне, к племени же ляхов принадлежат лутичи, мазовшане и поморяне. Также и эти славяне двинулись и сели по Днепру». В этом перечислении легко запутаться, тем более что летописец называет здесь поляков «полянами», хотя поляне, как мы скоро увидим, совсем другое племя.



Пути расселения древних славян (М. Руданов)

Существенно для российской истории то, что восточные и часть средних славян в VII веке оказались на пути аварского нашествия. Не выдержав притеснений, эти племена одно за другим стали трогаться с места, двигаясь туда, где земли были малолюдны и плохо защищены, — то есть на восток.

Эта датировка миграции русославян косвенно подтверждается сведениями из византийских источников. Вернее говоря, отсутствием каких-либо сведений: если более ранние летописцы жалуются на набеги придунайских славян, то в VII веке упоминания об этих варварах исчезают и появляются вновь лет через двести — причем докучать империи они начинают со стороны Черного моря. Резонно предположить, что русославяне перестали соседствовать с балканскими провинциями империи и ушли на Русскую равнину.

Некоторые племена — уже упоминавшиеся в связи с аварскими притеснениями дулебы или бужане (жившие на берегах Буга) — остались на прежнем месте.

Процесс обживания русославянами полей и в особенности лесов огромной равнины сущностно отличался от движения народов в западной половине континента. Это было не столько завоевание, сколько колонизация. Завоевывать славянам никого не приходилось. Разрозненные финские племена и роды, как уже

говорилось, при появлении чужаков просто уходили глубже в чащу. Пришельцы, вероятно, выбирали удобные для посевов речные берега, несколько лет собирали там урожай, а когда земля истощалась, двигались по реке дальше, в поисках следующего подходящего места. Селились они при этом негусто — слабо развитая агротехника не могла прокормить большое скопление людей.

По мере заселения России и обретения каждой из славянских групп своего постоянного дома (это происходило, когда двигаться дальше становилось некуда или когда местность оказывалась в достаточной степени «хлебной») большинство племен теряли свои прежние названия и обретали новые. Этот процесс переименования еще не был забыт во времена написания «Повести временных лет».

Белые хорваты, сербы, хорутане пошли в северо-восточном направлении и разделились на две части: обитатели приднепровских полей стали полянами, жители прилежащих лесов («дерев») — древлянами.

Между Двиной и Припятью утвердились предки белорусов дреговичи (от старославянского слова дрягва, «трясина, болото»).

Дальше по Двине и ее притоку Полоте поселились полочане.

От них через некоторое время отделились кривичи (по имени первого вождя Крива), занявшие стратегически важную область в верховьях Днепра и Волги, а на западе соседствовавшие с летто-литовскими племенами.

Жители самых восточных земель несколько озадачивающе стали именоваться северянами, а их земля — северской. По поводу этимологии этого названия единого мнения не существует, однако «север» здесь явно обозначал не сторону света, а нечто иное.

Зато племена, занявшие окрестности озера Ильмень и впоследствии построившие Новгород, так и остались просто «славянами».

Славянские племена и их соседи (М. Руданов)

Вятичи и радимичи, жившие на тогдашней северо-восточной окраине новой родины славян, были, судя по Летописи, западно-славянского («ляшского») происхождения. Первых привел вождь Вятко, вторых — вождь Радимир.

При взгляде на карту поражают размеры пространства, на котором вскоре возникнет, взявшись вроде бы ниоткуда, русославянское государство. Минуту назад (по историческим меркам) никого и ничего не было — и вдруг появилась держава размером с империю Карла Великого или с Византию.

Удивляться тут нечему. Бóльшая часть территорий так и остались безлюдными. Славяне двигались и селились вдоль рек.

Речная страна (М. Руданов)

Первичная колонизация завершилась лишь в самом конце тысячелетия, однако к середине IX века русославянские племена, которым суждено было сыграть первые, вторые и даже эпизодические роли в действе создания государства, все уже заняли свои места на исторической сцене.

Что мы знаем про ранних славян

Прежде всего попробуем представить, как они выглядели.

Карамзин пишет: «Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклися о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во

многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые».

Сведения Карамзина почерпнуты из «Книги о войнах» византийца Прокопия Кесарийского, жившего в VI веке. Это единственный древний автор, позаботившийся описать внешность дальнего, не особенно важного для империи народа — и то лишь потому, что эти варвары надоедали пограничным областям своими набегами. Помимо несколько романтизированного карамзинского пересказа мы можем узнать из трактата Прокопия, что славяне «телом и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые».

Вообще источников, по которым можно составить представление о жизни славян предысторического периода, известно всего три: кроме Прокопия о далеких предках россиян писал около 600 года в «Стратегиконе» император Маврикий (или, что вероятней, его безымянный историограф), и еще есть трактат «Гетика» готского автора шестого столетия Иорданеса.

Суммируя сведения, почерпнутые из трех этих текстов, мы узнаем о ранних, «доисходных» славянах следующее.

Общественная структура у них была родо-племенная, и все важные дела решались на вече.

Поклонялись славяне пантеону богов, главным из которых почитался бог молнии. Перед рискованным предприятием или в час опасности они обещали богу щедрую жертву, но плату не авансировали, а вознаграждали божество «по факту» (эта предусмотрительность отчасти объясняет торговые таланты, которые проявятся у русославян, когда они окажутся на товарной магистрали «из варяг в греки»). Еще один обычай, который сыграет важную роль в истории восточноевропейской торговли, — необычайное (возможно, ритуальное) гостеприимство, удивляющее чужеземных хроникеров.

Ранние славяне (И. Сакуров)

Уже в то время эти язычники особенно чтили реки и мистических речных обитателей. Это может означать, что привязанность последующей миграции к водным путям имела не только практическую, но и сакральную причину. Плавали славяне в длинных узких лодках, выдалбливая их из древесных стволов. А еще речные жители умели прятаться под водой, дыша через тростинку — это искусство пригождалось во время охоты и войны.

Все авторы с неодобрением отмечают крайнее убожество славянских жилищ, но это несомненно объясняется тем, что поселения строились из расчета на недолгое использование. Истощение почвы заставляло род постоянно переселяться с места на место. Сеяли эти примитивные земледельцы в основном просо, гречиху, полбу. Рожь, ячмень и пшеница стали занимать важное место в рационе русославян, очевидно, уже после миграции. Хмельное медопитие было популярно с незапамятных времен; традиционным славянским промыслом считалось бортничество.

В «Стратегиконе» написано: «Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве». Про высокую нравственность славянок читать приятно, но добровольность их самоубийств вызывает сомнения. Обычно у народов, где существовала сходная традиция, вдову к суициду подталкивало

«общественное мнение», а иногда верность усопшему супругу достигалась и прямым принуждением.

Впрочем, о семейных и бытовых обыкновениях славян византийские авторы сообщают очень мало. Варвары интересовали их прежде всего как противники, то есть в сугубо военном смысле.

Например, император Маврикий рекомендует ходить в поход против славян исключительно зимой, когда те голодают, не могут спрятаться за густой листвой и убежать по снегу от конницы.

Он пишет, что язычники не знают военного строя и предпочитают атаковать из засад; лошадей у них мало; доспехов нет, да и одежды немного — иногда лишь «штаны, прикрывающие срам»; из оружия — два маленьких копья, тяжелый щит и смазанные ядом стрелы.

Вот, собственно, и вся более или менее достоверная информация о древних придунайских славянах, которой мы располагаем.

Пращуры по прямой

Гораздо больше нам известно о русославянах догосударственной эпохи. Они ближе к нам по времени, а главное — они представляли больше интереса для первых летописцев, непосредственных их потомков. Намного обширнее и количество археологических находок.

Различия между русославянскими племенами витиеватым романтическим слогом описал Карамзин:

«Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностию между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах.

Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц.

Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении».

Здесь уважаемый историк, возможно, слишком некритично придерживается версии «Повести временных лет», автор которой, по общему мнению, был полянином и превозносил свое колено превыше прочих.

Многоженство, кажется, было распространено у всех племен и сохранялось еще довольно долго после крещения Руси. Ссоры из-за похищения невест были одной из главных причин нескончаемых межродовых конфликтов. Со временем установился обычай выплачивать вено, выкуп за невесту, но это, очевидно,

произошло довольно поздно, на стадии разрушения родо-племенной структуры, о чем разговор пойдет ниже.

Поначалу же очень важную роль в жизни рода играл старейшина — иногда его называли «князь» (я уже говорил, что это слово, родственное норманнскому «конунг», возможно, произошло от готского «куни»).

Главный бог, повелитель молний, — Перун, бог солнца и дождя — Дажбог (судя по тому, что он не был главным, жители лесов еще не были преимущественно земледельцами и не полностью зависели от урожая), бог ветров — Стрибог, бог охоты и скотоводства — Велес. А впрочем, точного представления о русославянском пантеоне ни у кого нет. Вероятно, у разных племен иерархия богов, их имена и разделение полномочий варьировались. Накануне принятия христианства князь Владимир Святославич попытался преобразовать веру предков в официальную религию, выстроив богов по ранжиру, но попытка оказалась неудачной.

Храмов у русославян не было, но имелись капища для совершения священных обрядов. Происходили такие церемонии на возвышенностях или возле старых могучих дубов. При этом никаких упоминаний о специальных жрецах и тем более жреческой касте нигде не встречается. Волхвы, как уже было сказано, — это жрецы финских племен, внушавшие славянам суеверный страх и, очевидно, имевшие на них немалое влияние.

До принятия христианства существовала традиция человеческих жертвоприношений — для умилостивления бога или искупления вины перед ним. «Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, — сообщает Карамзин, — что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам». Вероятно, племена вели полуголодное существование и в периоды особенной нехватки продовольствия были вынуждены избавляться от бесполезных едоков.

Поклонение идолам (И. Сакуров)

Судя по довольно сложному устройству захоронений, у русославян имелось твердое представление о загробной жизни. Покойников закапывали в могилы; над местом погребения вождя насыпали курган. В некоторых племенах прах сжигали и устанавливали урны на перекрестках и межах. Покойный предок, чур или щур, должен был оберегать территорию, где проживало его потомство. Этимология слова «чересчур» — «вне доступных пределов», то есть за пределами межевого столба, где покоится прах чура.

Важную роль играл похоронный обряд «тризна», где скорбящие сначала бурно выражали свое горе, рыдая и расцарапывая лица, а потом закусывали, выпивали и пели песни, переходя от уныния к веселью. (Примерно в такой же последовательности настроений происходят в России поминки и в наши дни).

Если говорить о веселье, то есть карнавальной стороне жизни, у русославян было три основных праздника, все связанные с обожествлением природы. Они сохранились в народной традиции на долгие века, лишь заменив языческое обоснование на христианское.

В конце декабря люди отмечали рубеж, на котором ночи перестают удлиняться и световой день начинает прибывать. Впоследствии Коляда (от латинского calendae) переиначилась в Рождество. Праздник прихода весны стал Масленицей, рубежом христианского Великого Поста. Позднейший Иванов День (23 июня) связан с культом Солнца.

Железные изделия русославян (И. Сакуров)

Примечательно, что в языческой русославянской традиции отсутствует осенний праздник урожая, важный во многих земледельческих культурах, — еще одно свидетельство того, что на дары земли лесные жители первоначально уповали меньше, чем на рыбную ловлю, скотоводство и охоту.

Из ремесленных навыков ранних россиян, пожалуй, примечательно лишь сравнительно высокое развитие кузнечного дела. Мечи, ножи и копья русославян были хорошего качества. Археологи находят следы плавильного производства почти повсюду. Объяснялось быстрое развитие железного дела тем, что в Центральной и Северной Руси руда была легкодоступна и ее имелось гораздо больше, чем в прежнем регионе обитания восточных славян. Поляне и ильменцы выходили на бой уже не в одних штанах, «прикрывающих срам», как во времена императора Маврикия, а в шлемах и кольчугах.

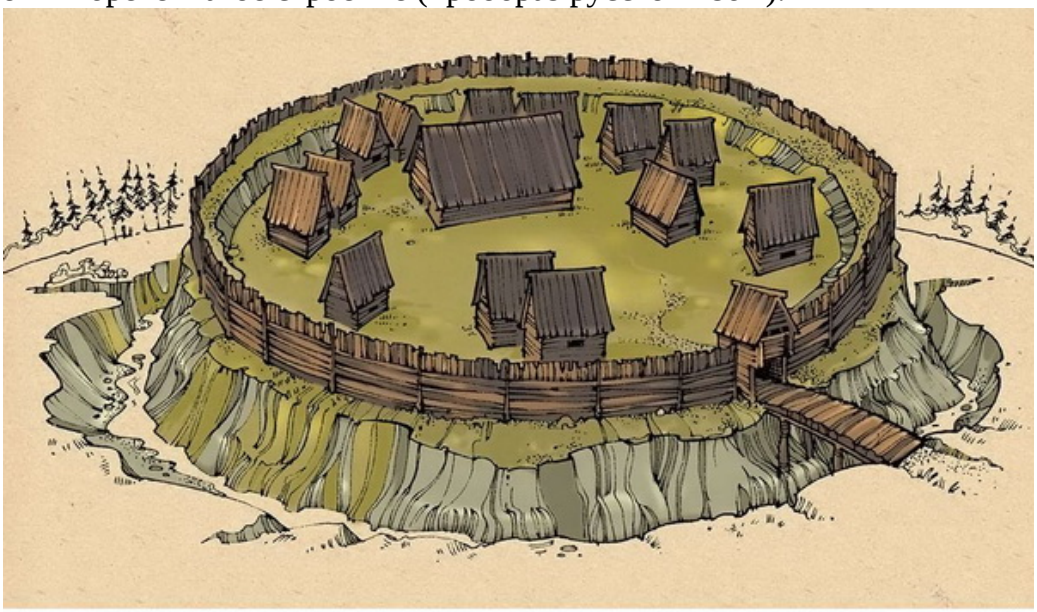
Изменений, которые новая среда произвела в жизни прежнего полуземледельческого-полукочевого народа, было множество. Некоторые из них послужили предпосылками для создания государства.

«Страна городов»

Когда все свободные местности были заняты и движение племен закончилось, русославяне наконец стали по-настоящему оседлыми. С этого момента и началась общественно-цивилизационная эволюция, которая довольно быстро, всего через несколько поколений, приведет единоязычный, но не состоящий в племенном союзе этнос к объединению.

Увеличившаяся плотность расселения по берегам рек вынудила земледельцев отказаться от прежнего принципа выбора пахотных земель, когда можно было просто перейти с одной удобной поляны на другую. Теперь приходилось вырубать деревья, сжигать их, удобряя землю золой, а когда почва истощится, освобождать от растительности следующий участок. Так постепенно увеличивалась площадь сельскохозяйственной обработки, а население обживало территорию, необязательно примыкавшую к берегам рек.

Естественно, изменился тип домов. Они стали добротнее, долговечнее. Археологи встречают два типа жилищ: для степной зоны, небогатой строительным деревом, характерна глинобитная конструкция (прообраз украинской хаты); для лесной — бревенчатое строение (прообраз русской избы).



Славянское городище (И. Сакуров)

Необходимость защитить домашнюю живность от хищных зверей заставила русославян, прежде всего лесных, окружать территорию частоколами и валами. Так появились городища, маленькие поселки на несколько домов. Их следы остались повсюду. В самых населенных местах, вдоль торговых рек, городища стояли почти непрерывной чередой, на расстоянии в несколько километров друг от друга.

Особое направление развития получили поселения, оказавшиеся на очень важной водной магистрали, опоясывавшей всю Европу.

Великий панъевропейский торговый путь (М. Руданов)

Верховья Днепра и Волги находятся в непосредственной близости к бассейну Западной Двины и Ильмень-озера, благодаря чему купцы могли провозить по этому маршруту товары из зачерноморских и даже закаспийских краев к Балтике; далее ладьи морем обходили весь континент и возвращались Средиземным морем обратно на Восток. Эта круговая дорога, по которой торговля происходила в обе стороны, на русском своем отрезке называлась «Путь из варяг в греки». В «Повести временных лет» объясняется: «…Шёл путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Ильмень-озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима

прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт-море, в неже втечеть Днепр река».

Византийские, арабские, хазарские, западноевропейские купцы везли по степным и лесным рекам самые разнообразные товары. Культ гостеприимства, издавна существовавший у славян, сильно удешевлял затраты коммерсантов, давая возможность экономить на охране караванов. Аборигены тоже не оставались внакладе. Вероятно, поначалу они просто получали выгоду от обслуживания транзита: снабжали путешественников продовольствием, строили или чинили лодки, нанимались на волоках. Однако через некоторое время русославяне активно включились в товарообмен. Статьями экспорта на раннем этапе была продукция лесного хозяйства: меха, мед, воск, но не зерно — его не всегда хватало для собственных нужд.

Вдоль рек археологи находят следы многочисленных торжищ. Известны клады догосударственного периода, где нет монет (византийских или арабских) позднее начала IX века. Стало быть, к тому времени русославяне, по крайней мере частично, перешли от натурального обмена к товарно-денежным отношениям и имели возможность накапливать ликвидность.

Маршрут, по которому плавали «из варяг в греки», — подлинное эльдорадо для «черных» кладоискателей. Дело в том, что у русославян было заведено, отправляясь в поход, ценные вещи закапывать, а поскольку обратно возвращались далеко не все (иногда, как мы увидим позднее, вообще никто не возвращался), сокровища оставались в земле.

На сравнительно небольшом участке близ современного Смоленска таких кладов обнаружено множество. На первый совершенно случайно наткнулись рабочие во время прокладки железной дороги в 1868 году. С тех пор вот уже полтора века в Гнездовском археологическом комплексе всё время находят что-то новое.

Гнездовский клад 1868 г

В IX–X веках на этом месте находился крупный торговый центр (возможно, первоначальный Смоленск). Кроме кладов здесь были обнаружены тысячи славянских и скандинавских захоронений. Находки позволяют судить о диапазоне транзитной торговли, проходившей по маршруту Днепр — Балтика. Кроме изделий местных мастеров в курганах и кладах нашли скандинавское оружие, европейские и восточные ювелирные изделия, англо-ирландскую конную упряжь, византийские золотые солиды и арабские серебряные дирхемы. Именно дирхемы (в том числе африканской чеканки) имели наибольшее хождение в русославянских землях. В двухстах пятидесяти официально известных кладах было найдено больше ста тысяч арабских монет, которые, впрочем, использовались в качестве не денежной единицы, а весовой меры серебра.

Благодаря торговле на речных путях возникли первые русославянские города: Киев, Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов, Новгород (есть версия, что последний назван так переселенцами с запада в память о Старигра́де, славянском городе, находившемся на севере Германии). Истории неизвестно, когда именно появились эти древнейшие населенные пункты. Зато понятно, как они образовались.

Обитатели разбросанных по речным берегам городищ свозили товары на продажу в определенные места, удобные для торговли (они назывались «погосты», от слова «гость», «гостьба» — то есть «торговец», «торговля»). Со временем там образовались товарные склады. Склады нужно было охранять, а «гостей» обслуживать. Население разрасталось, постройки приходилось огораживать — и погосты превращались в города.

Торг в стране восточных славян (С. Иванов)

Большие, средние и маленькие поселения, каждое за бревенчатым частоколом, выстроились в цепочку вдоль всего пути из варяг в греки. Норманны неслучайно назвали эту страну Гардарикия, «Страна городов». У жителей тогдашней Скандинавии городов почти не было. Но и западноевропейцев поражало такое обилие окруженных стенами населенных пунктов. Баварский автор IX века пишет, что у славянского племени уличей насчитывается 318 городов, а у северян аж 325. В Германии такого бума стеностроительства не существовало.

Теперь пришло время разобраться, в каких отношениях русославяне находились со своими соседями. Именно оттуда, извне, последует толчок, который вынудит разрозненные, обособленно существовавшие племена соединиться в государство.

Порубежье

Непосредственно перед стартом своей государственной истории русославяне соседствовали на севере и северо-востоке с финскими племенами; на западе — с летто-литовскими и, по морю, с норманнами; на востоке и юго-востоке — с волжскими булгарами и хазарами. На юге, вдали, находился политический центр тогдашнего мира Константинополь, чье магнитное притяжение на протяжении четырех столетий будет главным фактором русской жизни. Однако в этой главе о Византии мы говорить не будем — ее время еще не настало. Нечего прибавить и к тому, что уже было сказано о финно-уграх. Эти племена жили всё так же, их соседство никак не повлияло на генезис Киевской Руси.

Поэтому сосредоточимся на западных и восточных соседях русославян. На этих рубежах, в особенности восточном, в IX веке происходили важные события.

Западные соседи

Сначала, очень коротко — о литовских народностях, населявших Прибалтику с древнейших времен. Коротко — потому что эпоха возникновения и могущества литовского государства начнется несколько веков спустя. Пока же многочисленные языческие племена, представлявшие отдельное ответвление арийской расы — литовцы, пруссы, жмудины, куры, латгалы, земгалы, ятвяги и прочие, — никакой политической активности не проявляли. С одной стороны на них давили германцы, с другой подступали славяне, с моря нападали разбойничьи ватаги норманнов. Племена пятились в дремучие леса, в приграничных районах перемешивались с чужаками, находившимися на более высокой ступени материально-культурного развития, и ассимилировались. Некоторым коленам литовского этноса было суждено бесследно сгинуть, оставив о себе память лишь в географических названиях. От окончательного исчезновения литву, вероятно, спасло то, что поживиться в этих нищих краях было нечем, а времена экспансии под лозунгом «крещения язычников» еще не наступили.

Древние литовцы (И. Сакуров)

Религия древних литовцев была очень близка к верованиям русославян. То же поклонение силам природы, тот же главный бог молнии, только здесь он именовался не Перун, а Перкунас.

В русских летописях литовские племена упоминаются без особенного интереса, по большей части вскользь — чего не скажешь о других пришельцах с Запада, норманнах, которых у нас называли «варягами». О происхождении этого слова историки спорят, но скорее всего оно обозначало не этническую принадлежность к какому-то скандинавскому народу, а род деятельности. «Варяги» — это вооруженные дружины, отправлявшиеся в чужие края за добычей, заработком или торговыми барышами.

Гиперактивность скандинавских народов, начавшаяся в VIII веке, по-видимому, объяснялась недостатком пищи. Разросшееся население не могло прокормиться на скудных северных землях, и часть мужчин была вынуждена отправляться за моря. В одном из скандинавских преданий («Сага о гутах») рассказывается, как на Готланде из-за перенаселенности стало невозможно прокормиться, и каждый третий мужчина по жребию был выслан за пределы острова.

После того как первые походы оказались прибыльными, заморские набеги стали чем-то вроде традиционного промысла скандинавов. Эти рейды приносили и богатство, и славу.

Из-за обилия природного железа и корабельного леса норманны научились ковать прекрасное вооружение и строить большие ладьи, приспособленные для долгих плаваний.

Эти корабли были очень прочными и легкими, потому что сшивались из тонких длинных досок, выпиливаемых из целого ствола старых деревьев, обычно дубов. Толщина обшивки могла составлять всего один дюйм, а осадка у ладей была минимальной, что, в частности, позволяло ходить по мелким рекам, а при необходимости перетаскивать нетяжелое судно волоком.

Парус делали из руна длинношерстных овец. Он был легким и не промокал из-за естественного жирового покрытия. Самые легкие из скандинавских ладей, двигаясь на веслах при попутном ветре, могли развивать фантастическую для той эпохи скорость — до 35 километров в час.

В художественной литературе все норманнские корабли без разбора именуют драккарами («корабль-дракон») и изображают непременно с головой дракона на носу, но этот романтический термин вошел в употребление лишь в XIX веке, сами викинги называли свои ладьи иначе. И драконью голову на судно мог поставить только конунг или предводитель отряда. Она снималась в знак мирных намерений, если берега были дружественными. На борт военной ладьи вывешивались щиты воинов.

Со временем викинги начали строить ладьи нескольких типов, каждый предназначался для определенной цели.

Известней всего *лангскип*, «длинный корабль», главным образом использовавшийся для войны. Он мог достигать длины в 60 метров и иметь до 35 пар весел, а перевозил сотню или даже полторы сотни дружинников (но такие большие экипажи должны были ночью разбивать лагерь на берегу). Для плавания по пути «из варяг в греки» лучше подходили более легкие *снеккары*, «корабли-змеи». В дальние торговые путешествия по морю ходили *кнарры*, поднимавшие больше 20 тонн груза. Они имели сравнительно небольшую команду и невысокую скорость — за сутки покрывали расстояние в 100–120 километров.

Корабль для викинга был и домом, и главным богатством. На тот свет знатный скандинав тоже отправлялся на своей ладье: ее загружали ценными вещами, припасами и после пышного обряда сжигали вместе с мертвецом.

Родовитого варяга готовят к погребению (Г. Семиградский)

Главным заработком для скандинавских мужчин было наемничество. Византийские императоры охотно брали этих сильных, суровых, сплоченных родством воинов в свою гвардию. Следуя примеру Константинополя, правители других стран и городов или просто купцы тоже стали нанимать для защиты варяжских вождей-хёвдингов с их дружинами.

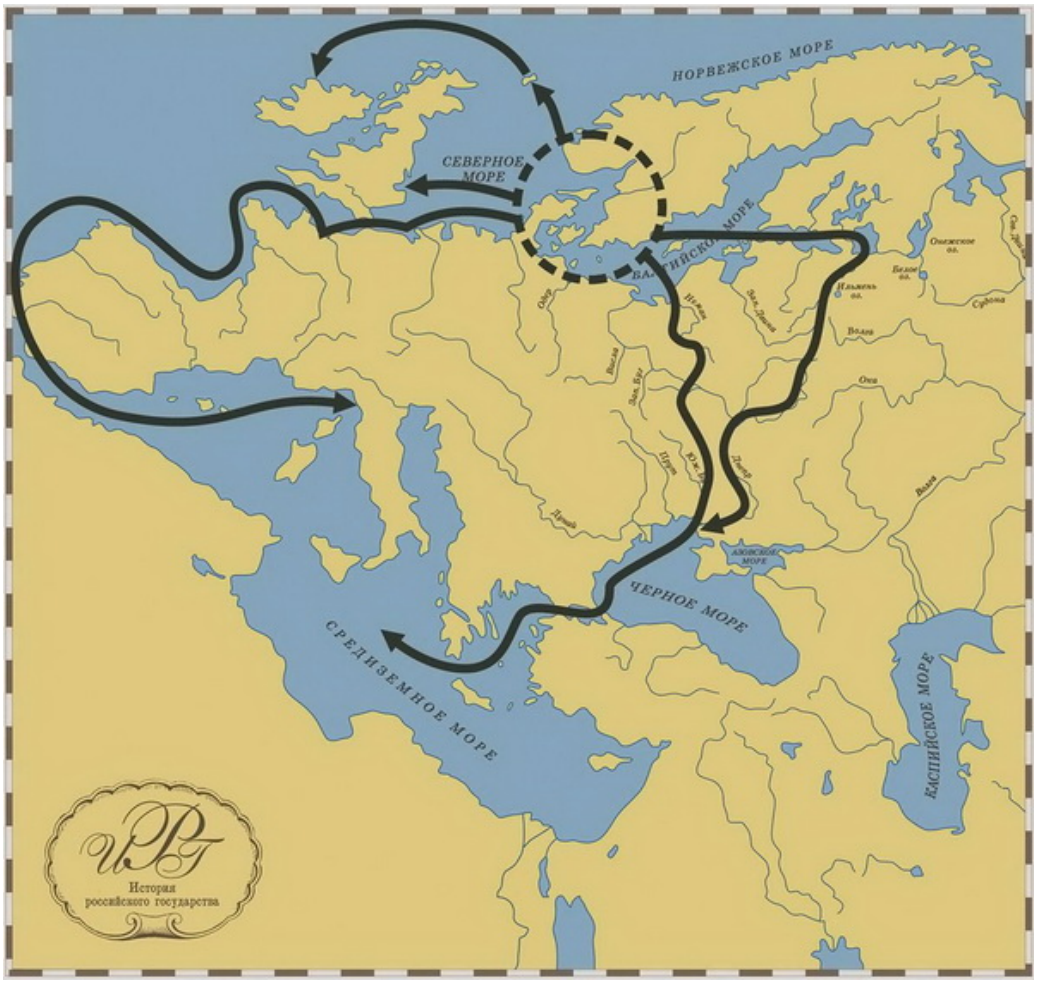
Норманны, превосходные мореплаватели, активно включились в международную торговлю. Мало что производя сами, они выполняли роль «доставщика грузов» с юга на север и с востока на запад.

Но главную известность, конечно, получили не купцы и не наемники, а грабители и завоеватели. Разница между двумя последними была небольшая. Викинги (еще одно распространенное название северных воителей) добирались до Испании и Италии, колонизовали Исландию и Гренландию. Их ладьи можно было встретить на Каспии и у берегов Северной Америки.

Часть норманнов оседала на новых землях, основывая там свои государства. Скандинавы захватили север Франции и Англию, несколько областей на южнобалтийском побережье.

Так появилась варяжская колония и у границы русославянских земель — на Ладоге. По мнению ряда исследователей, норманны обосновались там даже раньше славян. Впрочем, с точностью установить последовательность заселения новгородчины вряд ли возможно. В «Повести временных лет» довольно туманно сообщается, что «новгородцы — люди от варяжского рода, а прежде были словене», то есть можно понять так, что новгородцы вначале были славянами, а потом «оваряжились» вследствие постоянного притока норманнов. Есть и другая

версия, согласно которой всё наоборот: новгородские варяги, войдя в контакт с пришлыми славянами, «ославянились» — и это даже вероятнее, поскольку более развитая бытовая культура обычно становится доминирующей. Непохоже, что древнерусская жизнь хоть в какой-то степени подпала под влияние скандинавской цивилизации. У ранних норманнов славянам, видимо, заимствовать было особенно нечего.



Походы викингов (М. Руданов)

Варяги в морском бою (П.-Н. Арбо)

Тесные связи между местными жителями и варягами установились по всей протяженности великого речного тракта. Торговым городам было выгоднее и проще нанимать для охраны недорогую скандинавскую дружину, чем содержать собственную, где каждый воин к тому же принадлежал бы к какому-то роду и мог оказаться нелоялен по отношению к городу. Из норманнских источников известно, что конунг или хёвдинг заключал с местными старейшинами «ряд» (договор) на 12 месяцев. В одной из саг упомянута стандартная оплата: полное содержание плюс по одной гривне (примерно 200 г. серебра) за воина в год. По этой таксе можно определить какого размера были наемные варяжские дружины. Например, конунгу Олегу (тому самому, Вещему) новгородцы платили 300 гривен. Значит, войско, охранявшее самый большой город, вероятно, состояло из трех сотен викингов.

«Призвание варягов», если оно действительно имело место (об этом разговор впереди), произошло бесконфликтно. Варягов, собственно, незачем было призывать. Многие из них уже стали временными или постоянными обитателями русославянских городов, играя в их жизни важную роль и, очевидно, неплохо уживаясь с местным населением.

Булгары

Страна волжских булгар, по представлениям европейских географов, находилась на самом краю света. О ее месторасположении туманно пишут: «еще

восточнее славян». Точные границы Булгарии нам неизвестны. Не исключено, что она простиралась далеко на восток, за Уральский хребет, но скорее всего восточной границы просто не существовало — не с кем было граничить.

Прабулгары были одним из осколков гуннского нашествия. Этот некогда единый народ, скорее всего тюркского корня, под ударом аварской орды разделился на две ветви, которые в конечном итоге оказались почти в трех тысячах километров друг от друга. Одна утвердилась на Балканах и со временем растворилась в местном славянском населении, переняв его язык и культуру, так что от былых кочевников осталось лишь прежнее название България. Вторая часть ушла на северо-восток, долго скиталась и в конце концов то ли в VII, то ли в VIII веке осела в устье Камы. Там булгары (буду называть их так, чтобы отличить от дунайских болгар) смешались с коренными финскими племенами, но сохранили свои обычаи и язык, от которого происходит современный чувашский.

Так далеко на севере булгары оказались отступая от более сильных хазар, в вассальную зависимость от которых они в конце концов попали, но полностью самостоятельности не утратили, и их государство оказалось значительнее долговечнее хазарского.

Арабы пишут, что булгарами управлял «малик», то есть монарх. В периоды независимости он назывался ханом, а при хазарском владычестве — эльтебером, то есть наместником. Известно, что с ослаблением в X веке каганата булгарское государство приняло ислам, переняв его у арабских купцов.

Страна эта очень зависела от торговли с Востоком. Благодаря торговле, она, собственно, и возникла.

Булгары выгодно разместились на водном пути от Каспия в северную Европу. Аравийские и хазарские купцы везли по Волге с юга свои товары и меняли их на меха. Из торжищ образовались два больших города — Сувар и Булгар (он же Великий Булгар), в каждом из которых, согласно арабскому источнику, проживало до десяти тысяч человек, весьма значительное население для той эпохи. Первоначально народ не был многочисленным, он состоял примерно из пятисот родов, однако постепенно подчинил себе окрестные племена. Одни только черемисы в военное время давали хану несколько тысяч всадников.

Булгарские воины (И. Сакуров)

Впрочем, Булгария не была воинственным государством. Если и происходили столкновения с западными соседями русославянами, то обычно по инициативе последних. Вероятно, Булгарии и без военных походов хватало доходов от торговли, земледелия и ремесел.

В наших летописях волжских булгар называют «серебряными», поскольку они привозили серебро. Кроме того, они разводили хороших коней и поставляли «жито», то есть, очевидно, обладали более эффективным сельским хозяйством. О высоком уровне развития свидетельствует и то, что Булгария чеканила собственную монету.

В IX веке волжская Булгария воспринималась русославянами как страна завидного богатства и процветания, но отнюдь не как источник политического влияния.

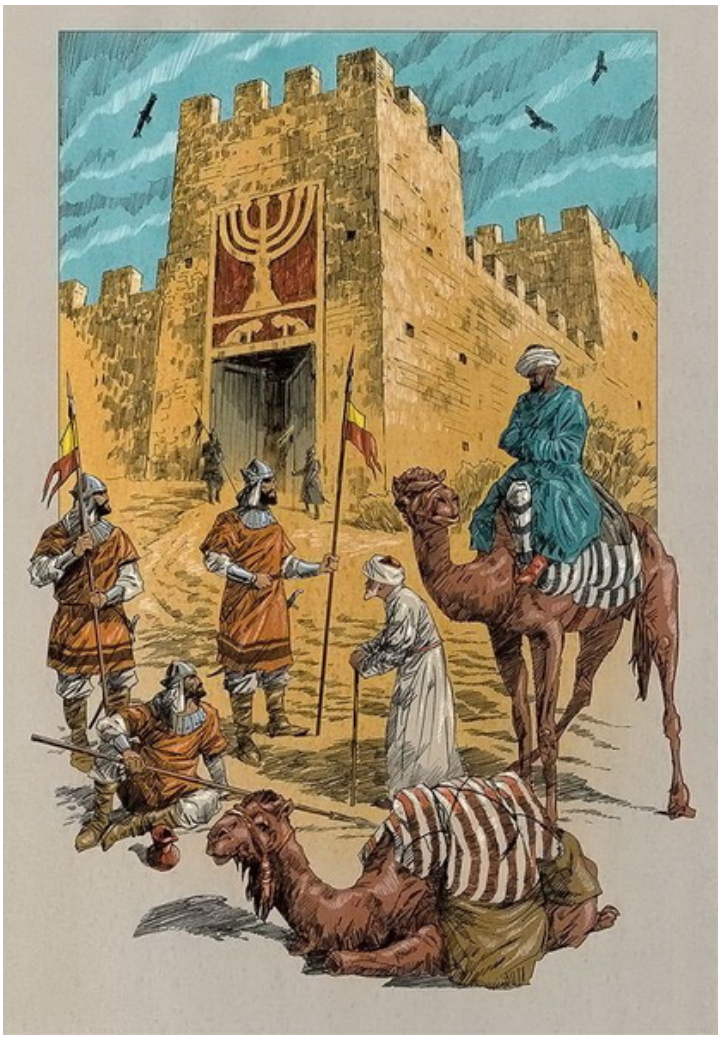
Доминирующей политической силой в восточноевропейском регионе был Хазарский каганат.

Хазары

Примерно в то же время, когда русославяне стали заселять восточноевропейскую равнину, со стороны Каспия в приволжские и причерноморские степи прибыл большой кочевой народ хазары. Он, видимо, представлял собой смешение разных этносов, преобладающим элементом среди которых был тюркский. Особенность хазар, которые вначале вели себя как все остальные бродячие племена (то есть жили набегами и следовали за пасущимися стадами), заключалась в том, что, укрепившись в низовьях Волги, они довольно скоро изменили свои обычаи.

По реке проходил важный торговый путь Восток — Северная Европа, удобный для арабских, еврейских и прочих восточных купцов, по тем или иным причинам предпочитавших возить товары в обход византийских владений, то есть не через Черное море. Хазары быстро поняли, что участие в товарообмене прибыльней грабительских походов.

Возникли большие торговые города. Главный из них, Итиль, стал столицей нового государства. В летнее время хазары по привычке еще уходили в степи и жили в кибитках, но все больше времени проводили в городских пределах.



У стен Итиля (И. Сакуров)

Прежде этот пришлый народ придерживался шаманских верований алтайского типа, но создание централизованного государства, как это часто случалось в истории, потребовало введения единобожия.

В середине VIII века после ряда неудачных войн с наступающими из Закавказья арабами верховный владыка хазар принял ислам, но затем арабский мир раскололся и утратил первоначальную напористость. Тогда каган решил подумать еще раз — какой из трех монотеистических религий отдать предпочтение.

Он оказался перед тем же выбором, который придется сделать Владимиру Святославичу сто с лишним лет спустя. Очень вероятно, что при избрании государственной конфессии киевский князь учел ошибку хазарского монарха — поставил на союз с Византией, центральной державой того времени, к тому же тесно связанной с Русью торгово-экономическими интересами.

Но каган, видимо, руководствовался иной логикой. Отлично понимая политические последствия этого решения, он не захотел попадать в религиозное

подчинение ни к константинопольскому патриарху, ни к багдадскому калифу, а предпочел иудаизм. В этой религиозной системе, не подвластной никакому иностранному владыке, он мог сам претендовать на роль главы церкви.

> Второй (после античности и перед современным Израилем) опыт создания иудаистского государства всегда вызывал большой интерес у исследователей, однако достоверных сведений о хазарах немного, так что реконструкции внутренней жизни каганата часто строятся на предположениях и отрывочных фактах. Существует, однако, вполне правдоподобная гипотеза, согласно которой отказ каганов от языческой религии предков был связан с политическим переустройством страны.
>
> Дело в том, что титул кагана, передававшийся по наследству, считался у хазар VII–VIII веков священным, но при этом верховный правитель обладал лишь номинальной властью. Он был полубожественным существом, представителем сверхъестественных сил и не смел загрязняться земными заботами. При восшествии на престол кагана слегка придушивали шелковым шнурком и задавали ему сакральные вопросы, на которые бедняга отвечал в полубессознательном состоянии. Эти ответы воспринимались как голос бога. Когда со страной происходили несчастья — неудачная война, мор или голод, — в этом винили кагана и убивали его, сажая на трон следующего. Лицезреть «правителя» могли всего несколько приближенных. Фактически он был не монархом, а верховным жрецом или, вернее, идолом.
>
> Реальная власть находилась в руках главнокомандующего каган-бека, власть которого передавалась по наследству. Всё это напоминает средневековую японскую систему бакуфу с ее двумя царствующими династиями: империей управлял не декоративный монарх-микадо, а главнокомандующий-сёгун. И закончилось двоевластие в Хазарии примерно так же. Один из каганов (очевидно, это произошло в самом начале IX века) перешел в иудаизм, тем самым лишив смысла всю прежнюю иерархию. За этим последовала междоусобная война, в которой каган-бек потерпел поражение. Во всяком случае, поздние источники о двоевластии в Хазарии уже не упоминают, государством правят каганы, и имена у них ветхозаветные: Езекия, Манассия, Ханукка, Исаак, Аарон и так далее.

Каган не попытался, как другие властители-неофиты (например, тот же князь Владимир), насильно обратить в официальную веру своих подданных. Иудаизм стал религией царского двора и аристократии, а среди населения имелись и мусульмане, и христиане, и язычники. Толерантность вообще являлась, по-видимому, одной из стержневых особенностей хазарского государства.

В своей внешней политике это царство рано перенастроилось с военной экспансии на экономическую. Подчинение Итилю было сродни «браку по расчету», поскольку покровительство хазар сулило больше выгод, чем тягот.

Например, Булгария, расположенная выше по течению Волги, при конфликте с каганом осталась бы без речной торговли, которая составляла основу ее процветания. Выгоднее было покориться, тем более что иго оказалось совсем не тяжким.

Точно так же поступили и русославяне: поляне, северяне, вятичи, радимичи. Признав власть хазар, они платили необременительную дань («по белке с дома»), а взамен получали все выгоды участия в каспийской и черноморской торговле. Правда, каган брал со славянских купеческих караванов десятипроцентную пошлину, но взамен обеспечивал безопасность торговых путей.

Очевидно, отношения с номинальным сюзереном были взаимовыгодными. В «Повести временных лет» нет жалоб на хазарские притеснения, а из иностранных хроник известно, что славяне охотно нанимались служить в регулярное войско кагана.

Пока каганат стоял крепко, необходимости в собственном государстве у русославян не возникало. Однако во второй половине IX века ситуация на юго-востоке изменилась.

Ушли в прошлое времена, когда каганат слыл могущественной державой и византийские базилевсы считали выгодной партией брак с хазарскими царевнами. (Император Лев IV, сын одной из них, даже вошел в историю под прозвищем Лев Хазар).

Хазарский каганат (М. Руданов)

Из Азии нахлынула новая волна миграции, под натиском которой каганату пришлось убраться из степей между Доном и Днепром.

Плохо организованная, но многолюдная и воинственная тюркская орда печенегов стала угрожать пути из варяг в греки. Хазарское царство не могло прикрывать своих данников от опустошительных набегов степной конницы.

Если русославяне не хотели потерять торговлю с Византией и угодить под печенежское иго, несравненно более тяжкое, чем мягкое правление хазар, нужно было научиться самим себя защищать.

Всё готово для государства

Итак, внешнеполитические обстоятельства требовали от русославян объединения и централизации. Больше всего в этом нуждались обитатели юго-восточного угла будущей страны, страдавшие от степных разбойников и зависевшие от днепровской торговли.

Там жило самое крупное и развитое из племен — поляне. Неслучайно столицей всего русского государства станет Киев, их главный город, хотя центростремительное движение стартовало на противоположном конце будущего государства.

Как и в случае с другими раннерусскими городами, неизвестно, кто и когда основал Киев. По преданию, своим названием он обязан некоему Кию, не то перевозчику, не то местному князю, но это почти наверняка легенда, придуманная в позднейшие времена.

В описываемую эпоху на западе уже возникли другие славянские государства — болгарское, чешское. Вскоре появится и польское. Внутренняя эволюция славян — и социальная, и экономическая — подготовила эту группу народов к переходу на следующий этап общежития.

Чем же определялась внутренняя готовность русославян к созданию собственного государства?

Мы видели, как речная торговля постепенно превратила страну хуторов-городищ, кормившихся от земли и леса, в страну городов, ориентированных на международную торговлю. Жители этих крупных населенных пунктов, оторвавшись от натурального хозяйства, должны были выменивать пищу и товары у соплеменников, оставшихся на периферии. Сначала близлежащие, а затем и удаленные поселки стали рассматривать город как источник постоянного дохода. В случае же опасности за стенами города и под защитой гарнизона можно было укрыться от врага.

Город естественным образом превратился в центр жизни целой волости, а если это был большой город, то и области. Со временем оказалось, что прежние родо-племенные связи менее актуальны, чем географическая близость к средоточию экономической и политической жизни.

В границах области, прилегающей к большому городу, могли жить люди, принадлежавшие к разным родам и даже племенам. Постепенно областной принцип организации у русославян стал преобладающим, разрушая прежний родовой уклад. От региональной централизации до создания государства всего один шаг.

Имелся и активный агент, который мог исполнить роль крови, циркулирующей по инфраструктуре удобного речного сообщения. Таким подвижным элементом были наемные варяжские дружины, не привязанные к определенному месту проживания и всегда готовые тронуться в путь. Не хватало лишь энергетического толчка, с которого начинается история любого государства.

В 862 году (или около этой даты) такой импульс наконец возник.

Рождение государства

Всё под вопросом

Что именно произошло в 862 году (или несколько раньше), никто толком не знает. Историки оперируют одним и тем же источником сведений — коротким фрагментом из «Повести временных лет», причем каждый интерпретирует текст по-своему, препарируя каждую фразу и рассматривая под микроскопом каждое слово, допускающее разные толкования.

Приведу этот кусок хроники, на котором, как на фундаменте, держится весь небоскреб российской историографии, целиком в переводе на современный язык.

> **«В год 6370**[2] **(862).** Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них[3] правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».
>
> И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь[4]: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене.
>
> Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.
>
> И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?». Те же ответили: «Были три брата Кий, Щек и Хорив[5], которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.
>
> **В год 6374 (866)**. Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян[6], дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь.

Эти же вошли внутрь Суда[7], множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и смочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой.

В год 6387 (879). Умер Рюрик, передал княжение Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

Итак, отправной точкой истории российского государства является следующее событие: славянские (словене, кривичи) и финские (чудь, весь) племена Новгородчины, прогнав каких-то прежних варяжских угнетателей, затеяли между собой распрю, не выявившую победителя, и договорились призвать неких «варягов-русь» под предводительством Рюрика, который стал править в Новгороде.

Здесь всё туманно, всё вызывает вопросы и сомнения.

Куда именно «за море» отправились новгородские посланцы?

Что за «варяги-русь» такие — не «свеи», не «урмане», не «аньгляне» и не «готе»? Почему этот этнос не упоминается ни в каких скандинавских источниках?

Было ли добровольное призвание чужеземного князя или произошло нечто иное?

Что за таинственный Рюрик, приглашение которого покняжить в иноземных краях (событие незаурядное) не нашло отражения ни в европейских хрониках, ни в сагах?

Официальная версия в изображении В. Васнецова

Нельзя забывать о том, что первоначальный автор «Повести временных лет» писал текст (а последующие копиисты его еще и редактировали), учитывая политические запросы своей эпохи, а может быть, и по прямому заказу власти предержащей. Власть же во все времена рассматривала историю не как собрание объективных фактов, а как инструмент пропаганды. Обычно правители начинали проявлять сугубую заботу о Клио, когда требовалось произвести над ней какую-нибудь косметическую операцию. Для киевских Рюриковичей самым насущным вопросом была легитимизация владычества их династии в иноплеменной среде. В сущности, летописец XI века последовательно проводит ту же идею, которую изящно сформулировал придворный историограф Карамзин много столетий спустя: «Отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года…, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти».

Поэтому принимать на веру благостную версию «Повести временных лет», написанной в столице Киевского княжества, которое управлялось варяжской династией, — это всё равно что считать достоверным историческим свидетельством знаменитый гобелен из Байё, где (как раз во времена Нестора) была выткана подробнейшая наглядная хроника завоевания Англии норманнами, да только заказал этот средневековый комикс брат Вильгельма Нормандского, дабы обосновать его сомнительные права на трон, поэтому гобелен излагает сугубо норманнскую версию событий.

Надо заметить, что у многих европейских народов существует предание о том, что их корни тянутся из Скандинавии. Готский историк Иорданес даже именует Скандинавию vagina gentium («лоно народов»). Однако вряд ли следует трактовать

этот этногенетический вектор буквально. С точки зрения остальных европейцев, Скандинавия была концом света, за которым ничего уже не существовало, и «скандинавское» происхождение означало лишь, что предки пришли откуда-то очень издалека, с края земли. Кстати говоря, сами скандинавы, следуя той же логике, выводили свой род с далекого юга.

В своем монументальном труде, на чтении которого выросли все образованные русские люди девятнадцатого столетия, Карамзин уверенно пишет: «Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан…»

Каждое из этих утверждений весьма и весьма сомнительно.

Призвание (?) норманнов (?)

Несомненно одно: в середине IX века в Новгороде или его окрестностях произошли события, приведшие русскую историю в движение.

Появился некий званый или незваный вождь, которого, возможно, звали Рюриком; какие-то ратные люди «варяги-русь» утвердили свою власть сначала на северо-западе славянских земель, а затем и на юге. Когда оба варяжских центра, Новгород и Киев, объединились под властью единого правителя, родилось государство, которое с тех пор много раз распадалось, но окончательно не исчезло, беспрестанно меняло свои размеры, очертания и даже название (Киевская Русь, Владимирская Русь, колония Золотой Орды, Московское великое княжество, Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация), однако сохранило преемственность языка, культуры и политического развития.

Давайте попробуем разобраться в двух «вечных» вопросах, из-за которых было сломано много научных копий, а в болезненно идеологизированные моменты истории и человеческих судеб.

Так приглашали славяне варягов или нет? И кто это такие — «варяги» нашей летописи?

В эту бесконечную дискуссию, длящуюся скоро уж триста лет, примешано слишком много эмоционального и конъюнктурно-политического.

Одним нашим соотечественникам казалось лестным вести генеалогию от викингов; другим мнилось зазорным происходить от иностранцев; третьим — они-то, собственно, и были настоящими историками — просто хотелось установить истину (скажу сразу, что это не удалось и точка в споре не поставлена).

Всякий раз, когда государственная доктрина ориентировалась на борьбу с «низкопоклонством перед Западом», версия норманнского происхождения русского государства подвергалась суровой критике как антипатриотическая и оскорбительная для самосознания великой нации или даже преступная. Но во времена либеральные, западнические «норманизм» с удовольствием поднимали на щит, ибо эта теория подтверждала тезис об изначально европейской сущности России.

> Первый бой государственно мыслящих «антинорманистов» с безыдейными «норманистами» произошел еще в царствие кроткия Елисавет.
>
> Санкт-Петербургская академия наук и художеств решила провести «публичную ассамблею», назначенную на 6 сентября 1749 года — день тезоименитства государыни. Два ученнейших профессора — Герхард Миллер и Михайла Ломоносов должны были приготовить каждый по докладу: первый на латыни, второй на русском. Ломоносов отнесся к парадному мероприятию прагматично — сочинил «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне», которое, как и подобает панегирику,

было «цветно и приятно, тропами, фигурами, витиеватыми речьми как драгоценными камнями украшено», за что и получил лавры вкупе с высочайшим благоволением. Но историограф Миллер, ученый сухарь, воспринял задание слишком буквально. Он подготовил научный трактат «De origine gentis russicae» («Происхождение народа и имени российского»), где, изучив разные источники, пришел к выводу, что русская держава была создана пришельцами из Скандинавии.

Идея была высказана исключительно не ко времени. Российская держава никак не могла идти от скандинавского корня, потому что отношения со Швецией в тот момент были отвратительные. Многоопытное академическое начальство на всякий случай отменило тезоименитственную «ассамблею», а Миллерову «диссертацию» отправило на экспертизу.

Уже отпечатанный тираж научного труда был уничтожен. Более всех негодовал на автора-немца Ломоносов, написавший в своем отзыве, что сии выводы «российским слушателям досадны и весьма несносны». После этого Михайла Васильевич затеял сам писать «правильную» историю России с похвальной целью обосновать «величество и древность» славянского народа.

Бестактному Миллеру урезали жалованье и понизили из профессоров в адъюнкты.

Двести лет спустя сторонник «норманизма» так легко не отделался бы. В эпоху борьбы с «низкопоклонством перед Западом» возник настоящий культ Ломоносова как истинно русского патриота, самоотверженно сражавшегося с иностранным засильем в отечественной науке. Именем Ломоносова назвали Московский университет, где великому ученому стоит целых два памятника — сидячий и стоячий.

Главный советский специалист по древнерусской истории, лауреат Сталинской премии Борис Рыбаков писал в научном труде «Рождение Руси»: «Мы обязаны отнестись с большой подозрительностью и недоверием к тем источникам, которые будут преподносить нам Север как место зарождения русской государственности, и должны будем выяснить причины такой явной тенденциозности». Современники отлично понимали, какие именно органы будут выяснять причины этой тенденциозности, и в те годы никому не хотелось быть «норманистом».

Однако с деидеологизацией исторической науки все запрещенные теории воскресли.

Политически близорукий Миллер (Э. Козлов)

и пишущий отзыв на его «диссертацию» Ломоносов (Л. Митропольский)

Версии этнической принадлежности «варягов-руси» подразделяются на три группы.

Сторонники первой утверждают, что никаких «находников» не было, а если и были, то не инородные, а свои, славянские. Словом «варяги» летописец называет не норманнов, а варгов, славянское племя, обитавшее на берегах Балтики и родственное новгородцам.

Некоторые историки этого направления уверены, что «русь» — это русии или ругии, славянское население острова Рюген.

Примыкает к этой точке зрения теория историка-славянофила Иловайского, который хоть и признавал скандинавское происхождение «варягов», но считал, что они существенной роли в создании русского государства не сыграли. Оно образовалось без внешних влияний, трансформировавшись из древнеславянского княжества.

«…Есть ли малейшая вероятность, — пишет Иловайский, повторяя на свой лад карамзинский тезис о «беспримерности», — чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом и призвали для господства над собой целый другой народ, то есть добровольно наложили на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немыслимы».

На это можно возразить, что примеры-то как раз имеются. Английское предание VIII века рассказывает о том, как бритты, измученные набегами скоттов и пиктов, отправили за море посольство, чтобы призвать на правление саксов.

Известны в Западной Европе и случаи, когда викингских вождей приглашали поселиться на какой-нибудь территории в обмен на охрану от внешних врагов (так, например, возникло герцогство Нормандия, «страна норманнов»). Наш Рюрик, судя по всему, тоже сначала поселился не в самом Новгороде, а в Старой Ладоге, возможно, выделенной ему по договору. Более того, у новгородцев и в гораздо более поздние, хорошо задокументированные времена имелся обычай приглашать князей со стороны, в том числе и неславянских.

Адепты второго направления считают «варягов-русь» племенем инородным, но не скандинавским, а каким именно — тут мнения расходятся. Историк XVIII века Василий Татищев полагал, что это были финны. Николай Костомаров — что литовцы. Иоганн фон Эверс считал, что речь в летописи идет о хазарах. Михайла Ломоносов настаивал на том, что «русь» это балтийские пруссы.

Однако главенствующей — во всяком случае, наиболее распространенной — всё же считается «норманнская» теория, ближе всего придерживающаяся буквального смысла «Повести временных лет».

Вот ее основные аргументы:

— Слово «варяги» употреблялось современниками довольно широко, оно известно не только по русским источникам. Происходит оно от скандинавского vaering (которое, впрочем, неизвестно что означает). Византийцы называли «варенгами» наемников-норманнов. В арабских хрониках тоже встречаются упоминания о «варангах», скандинавских воинах.

— Имена первых русских князей, бояр, послов и старших дружинников почти сплошь скандинавские: Олег (Helgi), Игорь (Ingvar), Аскольд (Hoskuldr), Свенельд (Sveinaldr), Рогволд (Ragnvald) и т. п., так что Татищев в своей «Истории Российской» по этому поводу даже расстраивается: «Сих князей пришествием, видимо, народ славянский настолько уничижен был, что мало где в знатности славян осталось, но всюду имена варяжские упоминаются». Правда, начиная с третьего поколения Рюриковичей, со времен князя Святослава, норманны, видимо, окончательно обрусели и стали брать по преимуществу славянские имена.

— Важным аргументом считается также трактат базилевса Константина Багрянородного «Об управлении империей» (сер. X века), где перечислены названия днепровских порогов на славянском и «русском» языке, причем последние явно скандинавского звучания.

Варяжский шлем из захоронения

Оставим все же некоторую вероятность того, что «варяги-русь» могли быть не скандинавским, а каким-то иным этническим элементом. Сути это не меняет. Так или иначе «варяжская инъекция» сыграла роль адреналина, побудившего восточно-славянские племена к созданию государства — и это можно считать историческим фактом.

По правде говоря, вопрос о том, приглашали варягов или они пришли без приглашения, тоже не является ключевым.

Как уже сказано, ничего исторически беспримерного в этом событии не было бы. Однако, если «призвание» и имело место, вряд ли это произошло столь торжественно и значительно, как описано в летописи. Вероятнее всего, Новгородчина попала под варяжское управление не сразу, а постепенно.

В предыдущей главе было рассказано, что норманнские дружины охотно служили славянским городам в качестве охранников и к середине IX века, вероятно, составляли значительную часть населения этих естественно возникших торгово-административных центров. Городок Старая Ладога (Aldeigjuborg), в

котором, по-видимому, сначала обосновался Рюрик, по мнению археологов вообще был основан выходцами из Скандинавии, славяне поселились там позже норманнов. Не исключено, что новгородские посланцы ни за какие моря не плавали, а просто наведались к соседям в Ладогу.

В киевские времена, в X–XI веках, различные русские князья неоднократно приглашали на службу отряды викингов и даже, случалось, специально за ними отправлялись в Скандинавию. Очень возможно, что и приглашение Рюрика выглядело так же: северо-западный племенной союз нанял варяжскую дружину для охраны, заключив с нею «ряд». Некоторые историки считают, что в летописной фразе: «Поищем сами в собе князя, иже бы володел нами и рядил по ряду, по праву» словосочетание «по ряду» следует переводить как «по контракту», то есть за плату, на определенных условиях. В этом случае могла повториться история уже поминавшихся саксов, приглашенных в Англию бриттами и через некоторое время превратившихся из гостей в правителей.

Или же никакого приглашения и «ряда» вообще не было, а просто в варяжском поселении Ладога появился некий активный и честолюбивый хёвдинг (предводитель), который через некоторое время распространил свою власть на Новгород и сопредельные городки, посадив там родичей и соратников, а легенда о «приглашении» возникла в более поздние времена, чтобы облагообразить происхождение династии и успокоить национальное чувство коренного населения.

Родоначальник

Как это нередко бывает в монархической генеалогии, основатель династии Рюриковичей выглядит фигурой не столько исторической, сколько легендарной. Ученые не могут прийти к согласию в вопросе, существовал ли Рюрик на самом деле. Главный повод для сомнений — отсутствие каких-либо упоминаний в иных кроме «Повести временных лет» источниках о столь важном событии, как воцарение (военное или мирное) варяжского вождя на славянской земле.

Всё же думается, что этот человек существовал. Лучшим доказательством, на мой взгляд, является совершенно ненужный зигзаг в официальной генеалогии Рюриковичей. После смерти Рюрика правителем стал Олег, приходившийся основателю каким-то (очевидно не очень близким) родственником, а после Олега — Игорь, сын Рюрика. Если бы летописец желал «спрямить» историю династии, он мог бы объявить Игоря сыном Олега, тем самым устранив неудобный династический вывих. Однако в XI веке еще помнили, что князь Игорь был не Олеговичем, а именно Рюриковичем.

Кроме того, в тексте русско-византийского договора 944 года упомянуты племянники Игоря, из чего следует, что у Рюрика были и другие дети (вероятно, дочь или дочери).

Большинству историков несомненно было интересней считать, что Рюрик «Повести временных лет» — не вымышленный, а реальный персонаж. В конце концов, после долгих поисков, в европейских хрониках обнаружился более или менее подходящий кандидат: ютландский хёвдинг Рёрик (Hrørek).

Основания у идентификации Рёрика Ютландского с Рюриком Новгородским довольно зыбкие. Во-первых, созвучие имен; во-вторых, совпадение по времени; в-третьих (это, пожалуй, самое существенное), западноевропейские упоминания о Рёрике прекращаются примерно тогда же, когда умирает наш летописный Рюрик. Вот, собственно, и всё.

Если ютландский Рёрик — тот, кто нам нужен, известно об этом беспокойном викинге следующее.

Выглядеть Рёрик мог примерно так (Г. Кёккек)

Он родился около 800 г. и бóльшую часть жизни провел в борьбе за власть над Ютландией и Фрисландией. Возможно, принял крещение вместе со своим старшим братом Харальдом, когда они стали вассалами франкского императора Людовика Благочестивого, однако был сугубо номинальным христианином и не отказался от своих языческих обычаев. После смерти Харальда некоторое время правил уделом, но в 840-е годы, при императоре Лотаре I, стал безземельным и превратился в морского разбойника: грабил германцев, англов и франков, заслужив прозвище Jel Christianitatis («Язва христианства»). В 850 году Рёрик приплыл в Англию на 350 ладьях, разорив побережье острова. Чтобы утихомирить буйного викинга, император был вынужден вернуть ему утраченный лен. С этого момента (середина 850-х годов) Рёрик становится менее активен, хотя еще и в 860-е годы эпизодически участвует в некоторых западноевропейских сварах. В последний раз это имя упоминается в 873 году.

То есть теоретически возможно, что Рёрик (не ранее 855 года) перенес свою резиденцию на восток Балтики и сосредоточился главным образом на заботах по

управлению своими новыми владениями.

В 1870 году, откликаясь на ожесточенные баталии между «норманистами» и «антинорманистами» по поводу призвания/непризвания Рюрика, Салтыков-Щедрин написал пародийную повесть «История одного города», в которой желчно высмеял попытки благообразить отечественную историю. Россия предстает у Щедрина в образе некоего собирательного «города Глупова»: «…Родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет три реки и, в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается. Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас — благочестие, Рим заражало буйство, а нас — кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас — начальники».

Разумеется, у воинственно-патриотичной части читательской аудитории уподобление России «городу Глупову» вызвало негодование, автора обвиняли в глумлении над русским народом и русской историей. Но способность к самоиронии — одна из спасительных черт нашей культуры; без этих освежающих инъекций мы все давным-давно задохнулись бы от казенной патетики и сиропной сладости, всегда свойственных официальным трактовкам истории.

Вот как переиначивает Щедрин знакомый нам текст летописи: «Ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верности, когда же лгали, то прибавляли «да будет мне стыдно», и были наперед уверены, что «стыд глаза не выест». Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими женами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепешки кору с последней сосны, когда не стало ни жен, ни дев, и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум…» (и отправились искать в чужих землях хоть какого-нибудь князя).

В одном из списков «Повести временных лет» есть забавное прибавление к каноническому тексту о том, что никто из варяжских князей долго не желал отправляться к новгородцам: «Они же бояхуся звериного их обычая и нрава, и едва избрашася три браты». (Замечу не из уязвленного патриотизма, а во имя исторической справедливости, что варяги IX века вряд ли могли устрашиться славянских обычаев, ибо существовали в еще более грубых условиях). У Щедрина эта короткая вставка развернута в целый диалог между послами и князем:

«— А пришли мы к твоей княжеской светлости вот что объявить: много мы промеж себя убивств чинили, много друг дружке разорений и наругательств делали, а все правды у нас нет. Иди и володей нами!

— А у кого, спрошу вас, вы допрежь сего из князей, братьев моих, с поклоном были?

— А были мы у одного князя глупого, да у другого князя глупого ж — и те володеть нами не похотели!

— Ладно. Володеть вами я желаю, — сказал князь, — а чтоб идти к вам жить — не пойду! Потому вы живете звериным обычаем…»

Здесь любопытно то, что Щедрин предугадал появившуюся гораздо позднее гипотезу о том, что Рёрик Ютландский, уже став новгородским князем, и после этого бóльшую часть времени проводил в Западной Европе.

Теперь перейдем от весьма сомнительного ютландского Рёрика к нашему менее сомнительному Рюрику. Согласно сведениям, имеющимся в «Повести временных лет», он прибыл на новгородскую землю в 862 году, а умер в 882-м. Что же он (опять-таки согласно летописи) успел сделать за эти двадцать лет?

Его упомянутые в тексте братья Синеус и Трувор еще более туманны, чем сам Рюрик. По мнению некоторых исследователей это просто титулование хёдвинга: Signjotr (Победоносный) и Thruwar (Верный). В средневековых сказаниях традиционно популярны истории о трех братьях (например, миф об основании Киева братьями Кием, Щеком и Хоривом), к тому же летописец мог просто не понять скандинавских слов, сочтя их именами собственными.

Как бы то ни было, власть варягов вначале распространилась на три области: новгородскую, белоозерскую и изборскую, а потом шире — на полоцкую, муромскую и ростовскую. Более же из первоначальной летописи о деятельности собственно Рюрика мы ничего не узнаём. В некоторых копиях приписано, что он «рубил» (то есть строил или огораживал стеной) города. Сохранилось весьма неопределенное предание об антиваряжском мятеже коренных новгородцев под главенством некоего Вадима (возможно, это не имя, а производное от «вадити» — «сеять смуту»), которое Рюрик подавил, убив предводителя бунтовщиков.

Карамзин пишет: «Чрез два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую».

Однако всё было не так просто и не так быстро.

Вклад Рюрика в создание российской государственности исчерпывается тем, что он «пришел и сел» на северо-западе русославянских земель. Остальную работу исполнили его спутники.

Сначала эстафету приняли двое Рюриковых «бояр» — Аскольд и Дир, которые «испросистася к Цесарюграду с родом своим», то есть отпросились у князя в поход на Константинополь.

Движение на юг

Есть предположение, что Аскольд и Дир — один человек, какой-то Haskuldr по прозвищу «Dyr» («Зверь»), но поскольку по летописи Аскольд-Дир в жизни и в смерти совершенно неразлучны, пускай уж остаются двумя людьми.

Очень возможно, Аскольд с Диром у Рюрика не отпрашивались, а ушли без спроса или даже в результате ссоры с князем (дальнейшие события позволяют сделать такое предположение). Вместе с этими искателями приключений с Новгородчины ушли те варяги, кому не хотелось сидеть на месте. Их ладьи поплыли сначала вверх по балтийским рекам, потом вниз по черноморским, и на полпути в далекий Царьград разбойники увидели город, расположенный в стратегически важном пункте, где Днепр делает поворот к востоку. Киев как раз незадолго перед тем перестал пользоваться выгодами хазарского покровительства, хотя по инерции еще платил каганату дань. Собственной вооруженной силой город, по-видимому, не обладал. Аскольд с Диром спросили: «Чий се градок?» и, узнав, что фактически «ничий», взяли его себе. По предположению историка Соловьева, в Киеве к тому времени скопилось немало варягов и всякого приблудного люда, осевшего здесь из-за нарушения речного пути «в греки». Вся эта вольница признала Аскольда с Диром своими вождями.

Здесь происходит событие не менее важное, чем приход в Новгород заморского (или незаморского) Рюрика: Аскольд с Диром перестали быть разбойниками и стали киевскими князьями. Это, разумеется, не означало, что они отказались от планов пограбить византийцев, однако изменилась логика поступков варяжских предводителей. Отныне они вели себя как правители, озабоченные долговременными интересами своего новоприобретенного княжества.

Изменилась задача будущего похода на Царьград: не просто грабительский набег, а восстановление торговли, прекратившейся из-за кочевников и из-за притеснений, которым византийцы подвергали киевских купцов.

Сначала Аскольд и Дир нанесли несколько ударов по печенегам и черным булгарам, блокировавшим днепровские пороги. Известно, что в одной из схваток пал сын Аскольда (хочется по привычке добавить «и Дира»), однако в целом война, видимо, была успешной, поскольку через некоторое время поход на Царьград состоялся — то есть проход через степи был расчищен.

«Чий се градок?» Радзивилловская летопись

Летописец утверждает, что Аскольд с Диром «иде на грекы» в 866 году, но здесь он, как и во многих других случаях, на несколько лет ошибается. Из надежных византийских источников мы знаем, что «северные варвары» обрушились на столицу империи в 860 году, и даже число известно: 18 июня.

Это было первое явление на международной арене нового, еще не окончательно сформировавшегося государственного образования. Неслучайно наш летописец пишет, что с этого момента «начася прозвати Руска земля», и византийский автор с ним согласен, хоть формулирует ту же мысль довольно обидным образом: «Народ неименитый, народ ни за что не считаемый, народ поставляемый наравне с рабами, неизвестный, но *получивший имя со времени похода против нас*» (курсив мой).

Нашествие киевской флотилии, состоявшей из 200 судов (где могли разместиться 8-10 тысяч воинов), поразило константинопольцев как гром среди ясного неба. С севера никто угрозы не ждал — император воевал против арабов и увел на восток всю свою армию, так что огромный, богатый город был почти беззащитен.

«Что это? — восклицает патриарх Фотий. — Что за удар и гнев столь тяжелый и поразительный? Откуда нашла на нас эта северная и страшная гроза?»

Константинополь спасло то, что варяги не имели опыта захвата настоящих крепостей. Не воспользовавшись выгодами внезапности, воины кинулись грабить предместья, так что город успел затворить ворота. Осадных орудий и даже лестниц у русов не было. Они попробовали сделать земляную насыпь вровень со стенами, но эта наивная тактика, конечно, не могла увенчаться успехом.

Патриарх Фотий возлагает на воды плащаницу

Фреска в Новодевичьем монастыре

Фотий пишет, что столицу спас лично он, устроив крестный ход по стенам и опустив на воды залива Золотой Рог плащаницу Святой Девы, из-за чего поднялся шторм, разметавший вражеские корабли. Эту версию повторяет и киевский летописец. Как бы вспомнив, что он в первую очередь христианин и лишь во вторую русский, автор благочестиво радуется поражению «безъбожных руси».

В Константинополь спешно примчался византийский флот, торопился в свою столицу с армией и сам базилевс. Варягам пришлось уйти.

Два года спустя из Киева в Царьград прибыли послы, чтобы заключить торговый договор. Это еще одно доказательство того, что поход Аскольда и Дира был не примитивным разбойничьим набегом, а военным демаршем новой страны — Руси.

«Русь» и «русские»

С наименованием нашей страны и ее титульного этноса всё очень непросто. Ясно лишь, что это название пришло к нам из Византии. «Страна Росия» сначала упоминается только в греческих источниках: у Константина Багрянородного и в переписке константинопольского патриархата. В русских текстах — да и то пока еще не в качестве официального имени — этот термин начинает встречаться лишь со второй половины XIV столетия.

Однако не позднее X века Чёрное море уже звали «Русским» и, по свидетельству современников, там никто не плавал кроме «Руси». (Это еще один аргумент в пользу версии, что «варяги-русь» были норманнами, ибо в ту же эпоху Балтийское море называлось «Варяжским», так как плавали по нему почти исключительно варяги, тогдашние повелители морей).

Откуда же взялось название: «Русь», «русские»? Точнее, откуда взяли это слово византийцы, которые и ввели его в употребление?

На сей счет имеется несколько версий.

Первая — сугубо книжная, библейская. В «Книге пророка Иезекииля» сказано: «Сыне человечь, утверди лице твое на Гога и на землю Магога, князя Рос», где «Рос» — край каких-то северных варваров. Нашествие 860 года могло вызвать у греков ассоциацию с этим ветхозаветным пассажем. В греческом тексте конца X века прямо сказано: «Росы… получили свое имя от древнего властителя Роса после того, как им удалось избежать судьбы, предсказанной им пророками».

Второе предположение связано с тем, что «русиос» по-гречески значит «русые». Византийцы вполне могли называть так светловолосых северян.

Третья гипотеза, вернее целая группа гипотез, возводит слово «Русь» к самоназванию нового народа, однако объясняет происхождение этнонима по-разному.

В Восточной Европе имелось несколько рек с названием «Рось» или «Русь» (этот корень на старославянском обозначал «реку» или «воду», в общем что-то мокрое, и дал производные: «русло», «русалка», «роса»).

Возможно также, что «Русь» — сохранившееся в языке воспоминание о готском племени гросс (hroth), ассимилировавшемся среди славян (таких примеров в истории народов очень много).

Не исключено, что «Русь» — сокращение от «Рустринген» (ленное владение Рёрика Ютландского).

Ряд исследователей были уверены, что этимология названия нашей страны связана со славянским названием острова Рюген — Ругия, где жило племя ругиев (или русиев).

Однако большинство историков склоняются к версии о скандинавском происхождении этого слова. Норманнского этноса, который именовал бы себя «русью», не существовало, однако викинги, приплывавшие в землю славян, называли себя «ropsmen», «гребцы». Дело в том, что для плавания по речной

стране воинам приходилось не столько пользоваться парусами, как в море, сколько грести веслами. По-фински Швеция и сейчас называется Ruotsi, по-эстонски — Rootsi. Отсюда и летописное «варяги-русь», то есть викинги, привычные к гребным походам в славянские края.

Еще долгое время после того как варяги-русы утвердились в Киеве, не славяне, а именно они, будучи ближним окружением и дружиной князей, плавали за море с военными, торговыми или дипломатическими целями. Византийцы и арабы, естественно, полагали, что всё население страны, откуда приходят остроклювые корабли, называет себя так же — русь.

Если эта версия верна, то Россия — Страна Гребцов.

Название нашей страны имеет довольно неожиданное звучание или значение и в некоторых современных языках.

Воспоминание о древних венедах зафиксировалось в эстонском Venemaa и финском Venäjä. Латыши называют Россию Krievija — «Страна кривичей».

Любопытно посмотреть (именно посмотреть), как изображают название России языки с иероглифической письменностью. Если при фонетической азбуке достаточно с большей или меньшей точностью просто воспроизвести корень «Рос-Рус» (Russia, Russland, Ruslönj, Ресей и даже Oroszország), то китайцам и японцам, впервые услышавшим название «Россия», пришлось записывать его иероглифами — пиктограммами, которые имеют некий первоначальный смысл. Одинаково звучащих иероглифов довольно много, так что у нарекающих имелся выбор, и вряд ли он был случаен.

Жители Срединной империи узнали про нас от монголов, называвших Россию «Орос», и переделали эту неудобную для китайского уха фонему в «Э-ло-сы» (俄 羅 斯). Главная смысловая нагрузка лежит на первом иероглифе, поэтому в сокращенном виде Россия называлась «Страна Э» (俄國), что можно перевести как «Страна Внезапностей». Мне кажется, китайцы эпохи Мин проявили удивительную прозорливость, предугадав одну из самых характерных черт России.

История названия или вернее обзывания нашей страны японцами комична. В эпоху Токугава обитатели изолированного островного государства относились ко всем иностранцам с презрением и давали «варварским» нациям всякие неполиткорректные обозначения. Имя северного соседа «Ро-си-а» писали иероглифами 魯西亜, а сокращенно Ро-коку (魯國), то есть «Страна глупцов», что поразительным образом совпадает с щедринским «Городом Глуповым». Лишь в XIX веке, уже вступив с Токио в цивилизованные отношения, царские дипломаты после долгих переговоров добились замены обидного иероглифа «ро» другим — того же звучания, но незазорного значения. И японцы стали писать

Ро-коку вот так: 露國, что означает «Страна росы» (и вполне соответствует одной из славянофильских версий происхождения слова «Россия»).

И все-таки попытка хронологии

Известно, что летописец изрядно напутал в датировке событий нашей ранней истории. Например, Рюрик никак не мог прибыть на новгородскую землю в 862 году, потому что в 860-м, согласно византийским источникам, Аскольд и Дир уже атаковали Константинополь. Тем более невозможно считать 862 год хронологической точкой, с которой начинается русское государство. Оно образовалось несколько позднее, в 880-е годы, когда, уже после смерти Рюрика, север объединился с югом.

Попробуем же — безо всякой категоричности, с массой оговорок — реконструировать последовательность и хронологию первых шагов нашего государства. Ни одна дата, ни один факт и даже ничье имя не являются здесь стопроцентно достоверными. Я всего лишь попытаюсь привести разные версии, теории и источники к логическому компромиссу по принципу наибольшей вероятности, а то в официальной хронологии слишком уж много неразрешимых противоречий.

Причина ошибок отчасти объясняется тем, что автор «Повести временных лет» запутался в византийской хронологии, по которой — совершенно разумно — решил сверить отсчет вех русской истории (ведь собственного летоисчисления у русославян не существовало).

«В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим», — бодро пишет летописец — и сразу же задает неверный старт, поскольку Михаил III по прозвищу Мефист, что означает Пьяница, был базилевсом не с 852 года, а с 842-го, править же начал с 856 г.

Дальше путаница лишь усугубляется. Первый поход русских на Константинополь летописец относит к 866 году, хотя на самом деле это произошло в 860-м, то есть за два года до того, как варяги-русь во главе с Рюриком вообще явились к Новгороду.

Не достовернее выглядит и хронология жизни первых киевских князей. Летопись сообщает, что Рюрик умер в 879 году (6387 от сотворения мира), оставив малолетнего сына Игоря. Игорь женится на Ольге в 903 году, а погибает в 945-м, опять-таки оставив маленького сына Святослава Игоревича, трех лет от роду. Если еще можно допустить, что князь лишь в семьдесят лет произвел на свет наследника, то поверить в материнство Ольги совершенно невозможно. Если бы Ольга, будучи по понятиям того времени глубокой старушкой, родила сына после сорока лет брака, летописец непременно упомянул бы о таком физиологическом чуде, достойном библейской Сарры.

Совершенно ясно, что, если всё это и произошло, то не в годы, которые указаны в летописи.

Попробуем, учитывая все эти поправки, вычислить, когда вероятнее всего произошли основные события:

856 г. В Ладогу прибыл со своей дружиной Рюрик (возможно, Ютландский). Он подчинил своему влиянию Новгород и другие северо-западные волости, построил несколько укрепленных городов.

856–860 г.г. Часть дружины Рюрика не пожелала оставаться в Ладоге. Под водительством Аскольда и Дира она отправилась в поход на Константинополь, однако по пути задержалась в Киеве, где создала собственное княжество. Оно включило земли полян и стало распространять свое влияние на другие окрестные племена. Аскольд и Дир предприняли несколько походов против степных кочевников.

860 г. Киевские русы совершили большой поход на Константинополь, не сумев взять город.

862 г. Русы предприняли первую попытку заключить торговое соглашение с Византией.

860-е — 870-е г.г. Рюрик укреплял свою власть на северо-западе. Аскольд и Дир продолжали борьбу с печенегами и черными булгарами.

873 г. Смерть Рюрика. (Поскольку «Повесть временных лет» в этот период всё время обсчитывается на 6 лет, то ее 879 год превращается в 873-й. Именно тогда в европейских хрониках последний раз мелькает и Рёрик Ютландский). Правителем Новгородчины стал Олег, родственник прежнего князя.

Около 880 г. Несомненно потратив какое-то — вряд ли короткое — время на упрочение своей власти в Новгороде (он ведь не был прямым и очевидным наследником), Олег неспешно двинулся на юг, захватил Киев и перенес туда свою столицу.

Вот, собственно, весь «сухой остаток» более или менее общепризнанных фактов.

В общем-то для истории российского государства не так важно, кем были варяги, откуда взялось слово «Русь» и в каком точно году Рюрик явился (если явился) в новгородскую землю.

По-настоящему существенны всего три тезиса:

— Наше государство возникло в последней трети IX века.

— Его столицей стал город Киев.

— Создателем единого государства был Олег (а Рюрик — лишь родоначальником династии, правившей с конца IX до конца XVI века).

Единовластие

Олег

Не отец, но основатель

«Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна лишь со времени новгородского правителя или князя Олега», — писал сто лет назад Сергей Платонов, выражая общее мнение российских историков. Однако не следует обольщаться. Как мы увидим, фигура Вещего Олега и события его княжения окутаны легендами в еще большей степени, чем деяния Рюрика. Есть, впрочем, и принципиальная разница: князь Олег безусловно и несомненно существовал.

Мы даже приблизительно не знаем года его рождения, неясна и степень его родства с Рюриком. Один не вполне достоверный источник утверждает, что Олег был братом Рюриковой жены.

Не очень понятно и происхождение прозвища «Вещий». Возможно Олег заслужил его благодаря главному своему таланту — остроте ума (главными победами он обязан не полководческим талантам, а изобретательности); не исключено также, что это просто перевод на славянский язык варяжского имени Helgi (Святой).

Из летописи следует, что Рюрик оставил своим законным наследником (хоть и сомнительно, что в те времена существовало подобное понятие) трехлетнего Игоря. Олег не был сыном Рюрика и к династии Рюриковичей не принадлежит.

На фреске в кремлевской Грановитой палате три первых князя — это Рюрик, Игорь и Святослав. Основатель государства Олег из-за неясности своего династического статуса отсутствует

Дальнейшее развитие событий, однако, доказывает, что Олег вовсе не считал себя всего лишь опекуном или регентом при княжиче на период его малолетства. Чувствуй Олег себя узурпатором, он наверняка избавился бы от опасного конкурента, но ни о каких трениях между старым князем и Игорем Рюриковичем хроника не сообщает. Отправляясь в походы, Олег спокойно оставлял повзрослевшего Игоря управлять Киевом, очевидно, не опасаясь переворота. В те времена и в той среде главенство определялось не родословием, а лидерскими качествами. Карамзин наверняка прав, когда предполагает: «Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами».

Если сравнить величественные достижения основателя с весьма скромными итогами следующего княжения, можно предположить, что Олег был во всех отношениях мощнее и масштабней Игоря, которому не приходило в голову заявлять о своих правах, если они у него и были.

Олег был прежде всего дальновидным стратегом, заложившим прочную основу для нового государства. Все его поступки выглядят логичными. Они были направлены на создание военно-экономической модели, которая окажется эффективной и жизнеспособной.

Потратив некоторое время (если верить летописи — три года) на упрочение своей власти в Новгороде, Олег приступил к осуществлению амбициозной задачи: взять под контроль весь великий речной путь из Балтики в Византию.

Объединение Руси

Новгородский правитель двинулся на юг, как это сделали примерно четвертью века ранее Аскольд и Дир, но этот поход был организован с гораздо большим размахом. В экспедиции участвовала не только варяжская дружина, но славянские и финские отряды.

Действовал Олег с присущей ему обстоятельностью. Он не торопился. Сначала занял Смоленск, главенствовавший над днепровскими волоками, и посадил там своего наместника. Потом спустился по Днепру и оккупировал центральный город северян Любеч, где тоже сменил местную областную верхушку на своих людей. Поскольку летопись не упоминает о каких-либо сражениях, резонно предположить, что два эти завоевания дались новгородцам бескровно.

Лишь после этого Олег взялся за более трудную задачу — покорение Киева, который был ключевым пунктом всего торгового пути из варяг в греки.

Это был не Смоленск и не Любеч, здесь прочно утвердились Аскольд и Дир со своей испытанной в боях варяжской дружиной. Битва или осада могли бы дорого обойтись Олегу, но хитрый князь и тут умудрился избежать потерь.

> «Повесть временных лет» рассказывает: «И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: “А это сын Рюрика”». Без дальнейших объяснений Олеговы воины накинулись на киевских князей, «и убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша на горе».
>
> В «Никоновской летописи» сообщаются еще некоторые подробности этого ловкого предприятия. Олег-де попросил местных правителей посетить его на ладье, потому что он тяжко болен, однако имеет важные новости и кроме того привез ценные дары — бисер и украшения. Вероятно, это было сделано для того, чтобы на берег явились оба князя, не желая остаться без подношений.
>
> Коварство Олега российские историки оценивают по-разному. Романтический Карамзин сокрушается, но оправдывает князя нежеланием затевать большое сражение с братьями-викингами: «неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле

воинском, принудила его употребить хитрость». А вот военный историк генерал Нечволодов ничего неприятного в операции по захвату Киева не усматривает и пишет про хитроумного Олега: «самое его совершение должно и в наши времена, несмотря на то что с тех пор прошло уже более тысячи лет, служить примером, достойным подражания».

Убийство Аскольда и Дира (Ф. Бруни)

Конечно, невозможно поверить, будто Олег узнал о киевском княжении Аскольда и Дира, только подплыв к городу. Нет никаких сомнений, что Киев был изначальной и главной целью всего большого похода.

Здесь, достигнув цели, Олег и остановился, завершив объединение Руси — вернее, пока лишь взяв под контроль становой хребет новой страны: балтийско-черноморскую водную трассу. Произошло это, очевидно, не в 882 году, как утверждает «Повесть временных лет», а несколько ранее.

Карамзин аппетитно описывает преимущества новой столицы: «Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега».

И объявил Олег: «Се будет мать городам русским». Очевидно, эта хрестоматийная фраза была произнесена на каком-то скандинавском диалекте, где

слово «город» относится к женскому роду. На славянский лад было бы естественней наречь Киев «отцом русских городов».

Собирание земель и подготовка

Однако вовсе не захват Киева был окончательной целью основателя-объединителя. Речной путь не имел никакого смысла, пока не восстановятся торговые связи с Константинополем-Царьградом, то есть «царем среди городов». Эту торговлю требовалось сделать не только постоянной, но и более выгодной. На подготовку к финальному этапу монументальной задачи, от которой зависело благополучие новорожденного государства, Олег потратил почти всё время своего правления.

Каждое начинание великого князя (просто «князьями» вскоре стали именоваться областные наместники) было подчинено этой магистральной цели.

Первым делом понадобилось обеспечить безопасность изначального пункта экспансии и одновременно крайней точки речного пути — Новгорода. Мы знаем, что Олег оставил в прежнем своем владении дружину, на содержание которой новгородцы должны были ежегодно выплачивать 300 гривен (около 60 килограммов) серебра. Как я уже писал, исходя из примерных расценок выплаты варяжского жалованья, дошедших до нас благодаря одной из скандинавских саг, на эту сумму, вероятно, можно было содержать сотни три воинов. Небольшой размер гарнизона, должно быть, объяснялся тем, что новгородцы и не думали бунтовать против Олега, сами кровно заинтересованные в единстве транзитного пути.

Труднее пришлось с ближайшими соседями полян. По выражению Карамзина, «там, среди лесов мрачных древляне свирепые наслаждались вольностию», и у этих лесных жителей, не участвовавших в речной торговле, не было никаких резонов подчиняться Киеву. Однако жили они совсем рядом и, должно быть, сильно докучали полянам своей «мрачностью» и «свирепостью». Требовалось привести неспокойное племя к повиновению, которое в те времена символизировала выплата любой, хоть бы даже символической дани.

Свое обустройство на новом месте Олег начал с карательной экспедиции, как следует «примучив» древлян и обложив не пустяковым, а вполне существенным побором — «по кунице с дыма» (куний мех был одним из самых дорогих). Пока в Киеве правил грозный Олег, древляне вели себя тихо, но с притеснением не смирились. Преемники основателя еще хлебнут с этим лесным княжеством лиха.

С речными племенами — северянами и радимичами — обошлось без войны, поскольку они были совсем не против оказаться под рукой Киева. Северян Олег обложил «данью легкой»; осторожные радимичи договорились, что будут платить и хазарам, и Киеву — по «две шляги от рала», то есть по две серебряные монеты от каждой сохи (из чего можно заключить, что в ту пору это племя жило не столько охотой, сколько земледелием, причем продавало урожай за деньги).

По летописи, Олег покорил древлян в 883 году, северян — в 884 году, радимичей — в 885 году. Историк Ключевский считает эту хронологию

подозрительно аккуратной, но очень возможно, что князь действительно совершал по одному походу в год (впоследствии эти ежесезонные поездки по окрестным областям за данью примут форму «полюдья», о котором речь впереди).

Другие славянские племена еще долго противились главенству Киева. Например, вятичи окончательно сдались лишь сто лет спустя. Правда, Олег вряд ли считал завоевание этой северной территории важной задачей. Внимание князя было сосредоточено на юго-западе.

Там возникла серьезная проблема, требовавшая решения.

«Повесть временных лет» сообщает: «В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру и стали вежами» (то есть шатрами).

Угры или мадьяры, предки современных венгров, под натиском более сильных печенегов временно оккупировали все нижнее Приднепровье и, как мы видим, подошли к самому Киеву.

Не очень понятно, как именно избавился Олег от мадьярской угрозы. Если верить венгерской летописи, угрский вождь Альмош осадил Киев и ушел, лишь получив богатый выкуп в тысячу коней и десять тысяч серебряных монет. В наших источниках об этом ничего не сообщается. Историк Вернадский считает, что угры были разбиты — потому и убрались дальше на запад. Карамзин пишет осторожнее: «Олег пропустил ли их дружелюбно или отразил силою, неизвестно».

Так или иначе «угрский эпизод» растянулся на несколько лет и имел важное для Киева продолжение. Когда орда шла из юго-западной Руси в Паннонию (где вскоре возникнет венгерское государство), по пути она ослабила славянские племена хорватов, тиверцев и дулебов. Этим не замедлил воспользоваться Олег. Нагрянув вслед за мадьярами, он присоединил эти сообщества к своей державе.

В целом обстоятельному Олегу понадобилось около четверти века на то, чтобы приготовиться к своему главному деянию, от успеха или неуспеха которого зависела судьба молодого государства.

Красивая сказка

Согласно летописи, Олег затеял большой поход на Константинополь только в 907 году. Как мы помним, предыдущая попытка Киева принудить Византию к равноправным отношениям, предпринятая Аскольдом и Диром полувеком ранее, была безуспешна. Хоть Русь и сумела впервые обратить на себя внимание империи, но никаких существенных результатов та война не принесла. Посольство, вроде бы отправленное в Царьград два года спустя, не завершилось заключением торгового соглашения.

Если Аскольд с Диром сделали основную ставку на внезапность атаки, то Олег по своему обыкновению не торопился, зато собрал войско по меньшей мере вдесятеро сильнейшее — так во всяком случае утверждает «Повесть временных лет». В русской хронике содержится живописный рассказ о цареградском походе, изобилующий красочными подробностями.

> В Босфор вошли две тысячи кораблей («а в корабли по сорок муж»), да еще берегом шло конное войско — тоже многочисленное, иначе оно не смогло бы проделать долгий путь через земли, занятые не подвластными Олегу народами.
>
> Базилевс не осмелился вступить в сражение с русскими ни на море, ни на суше, а запер вход в залив Золотой Рог цепями и засел в городе. (Очевидно, варяги и славяне по-прежнему не умели штурмовать большие крепости).
>
> Пограбив окрестности столицы, Олег устроил невиданное действо: приказал вытащить ладьи на берег, поставить их на колеса и, дождавшись сильного ветра, поднял паруса. Чудо-корабли покатились вдоль запертого Золотого Рога. Устрашенные этим виндсерфингом, греки запросили мира. Они прислали Олегу вина и угощения, но князь, будучи вещим, ничего пить и есть не стал, догадавшись, что яства отравлены. От такой прозорливости византийцы окончательно перетрусили. «И почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецькой земли». Они дали огромный выкуп и согласились заключить торговый договор.

В знак победы Олег прибил свой щит над воротами Цареграда. Добыча была столь богатой, что из тканей (большой по тем временам ценности) победители сшили паруса для своих судов: славяне из полотна, а «русь» (варяжская дружина) даже из шелка.

Летописное описание славного похода по традиции перешло из дореволюционных гимназических учебников в советские, а оттуда и в некоторые современные, однако всё это, вероятно, не более чем красивая сказка.

Не могло быть у Олега таких размеров войска, не могли корабли катиться по суше. Маловероятно и триумфальное приколачивание щита, который сразу после ухода русов был бы снят и выкинут.

Скажем больше: кажется, никакого нападения на Константинополь вообще не было. Византийские хроники не умолчали бы о таком грозном событии — ведь предыдущее (860 г.) и следующее (941 г.) появления «северных варваров» у ворот столицы подробно описаны.

Наша летопись пересказывает условия мирного договора 907 года, якобы заключенного прямо во время похода, однако никаких упоминаний о переговорах в византийских источниках не обнаружено. Существует версия, что летописец использовал здесь содержание договоров более позднего времени — чтобы поубедительнее обосновать результативность легендарной победы Олега над византийцами.

И всё же, пускай «Повесть временных лет» выдает за факт предание и никакой осады Царьграда не было — походом на греков Олег наверняка ходил, и это предприятие оказалось весьма удачным.

Корабли на колесах

Радзивилловская летопись

Возможно, князь ограничился мощной демонстрацией, выведя к Черному морю армию и флот, после чего Византия, не дожидаясь нападения на столицу,

поспешила вступить в переговоры. Это было бы похоже на Олега, который, как мы знаем, предпочитал обходиться без лишних потерь; греки же всегда, когда возможно, не воевали с врагами, а откупались от них. Косвенное подтверждение этой версии есть в описании похода 941 года, где император говорит Игорю Рюриковичу: «*Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и ещё к той дани*» — то есть можно заключить, что Олег взял дань и «не пошел».

То, чего не было и быть не могло (Ф. Бруни)

Однако русским была нужна не дань, а торговое соглашение. И лучшим доказательством успеха похода (или просто военного давления) на Византию является то, что первый русско-греческий договор был вскоре заключен, причем на очень выгодных для Киева условиях.

Рождение российской дипломатии

«В лето 6420 (911). Посла Олег мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью». В Константинополь прибыло большое посольство для заключения «многолетнего мира». В результате переговоров появился первый международный юридический акт Киевского княжества, так что с этого момента ведет свою историю отечественная дипломатия.

Сохранилась лишь русскоязычная версия соглашения, подробно пересказанная в «Повести временных лет», но в подлинности документа ни у кого

из исследователей сомнений нет. Лингвистический и историко-юридический анализ подтверждают, что текст в точности соответствует греческим канцелярским образцам той эпохи. Кроме того, о заключении мирного договора с русами есть упоминания в византийских источниках.

Известно, как звали киевских послов: Карл, Фарлоф, Велмуд, Рулав, Стемир, Инегельд, Гуды, Руальд, Карн, Фрелаф, Рюар, Актеву, Труан, Бидульфост. Из 14 имен два похожи на славянские: Велмуд (Велимудр?) и Стемир (с характерным окончанием «мир»). Если это действительно славяне, значит к концу правления первого киевского князя в элиту государства входили уже не только варяги.

Договор русских с греками

Радзивилловская летопись

В договоре Олег именуется «великим князем русским», хотя на раннем этапе российской истории титулование киевского правителя еще не было фиксированным. В эпоху, когда была свежа память о могуществе хазарского каганата, первые русские монархи для солидности именовали себя «каганами» — так называли их и иностранцы.

Соглашение 911 года определило правила торговли, права русских купцов в Константинополе и порядок решения судебных вопросов. Есть одно важное отличие от гипотетического договора 907 года — исчезло упоминание о беспошлинной торговле. Возможно, этот пункт входил в перечень предварительных условий, обговоренных при заключении перемирия, но впоследствии был оспорен византийскими дипломатами как предоставляющий русским торговцам неоправданные привилегии, которыми не пользовались купцы других народов. Войско Олега уже не стояло у рубежей, так что можно было и проявить твердость. Киевляне же, вероятно, были довольны и таким договором.

Самая главная черта этого документа — признание равенства сторон. Для страны, которая только что появилась на карте, равноправный договор с ведущей державой мира несомненно был огромным достижением, а установление

регулярных и юридически оформленных торговых отношений гарантировало Киевскому княжеству процветание.

Думается, империя тоже была заинтересована в установлении цивилизованных отношений с опасным соседом — не столько из экономических, сколько из политических соображений. Такова была обычная практика византийской дипломатии: как только неподалеку возникало агрессивное государство или приближалась очередная орда, Константинополь стремился нейтрализовать угрозу мирным путем. Договор с «дикарями» уменьшал риск внезапного нападения. Кроме того, «варварское» войско можно было нанять для удара по другим врагам. (Русские князья будут охотно браться за эту выгодную службу).

Через год после заключения договора основатель российского государства, словно решив, что теперь его историческая миссия выполнена, умер.

Страшный финал и хороший старт

Если верить преданию, изложенному в «Повести временных лет», смерть Олега была причудливой и жуткой.

> Мы все с детства, из пушкинской «Песни о Вещем Олеге», помним эти строки наизусть:
>
> Из мертвой главы гробовая змея,
> Шипя, между тем выползала;
> Как черная лента, вкруг ног обвилась,
> И вскрикнул внезапно ужаленный князь.
>
> В «Повести временных лет» рассказывается, что некий волхв еще до греческого похода предсказал Олегу: «Княже! Конь, его же любиши и ездиши на нем, от того ти умрети». Чтобы не искушать судьбу, Олег на всякий случай удалил от себя любимого скакуна. Прошло четыре с лишним года. Князю стало известно, что опасный конь умер. Олег поехал посмотреть на скелет, наступил ногой на голый череп и шутливо сказал: «От сего ли лба смерть мне взятии?». Дальше всё как у Пушкина: «И вступи ногою на лоб, и выникнучи змея и уклюну̀ и в ногу. И с того разболевся, умре».
>
> Это зловещее событие почти наверняка — еще одна сказка про великого древнего правителя, жизнь которого было настолько чудесна, что и его смерть не могла быть заурядной. Более ядовитых змей, чем гадюка обыкновенная, на Украине не водилось, а осенью, когда, согласно летописи, был ужален князь, токсичность яда Vipera berus заметно ослабевает. Нельзя, конечно, полностью исключить вероятность того, что

старый Олег скончался от анафилактического шока или стресса, вызванного суеверным ужасом, но скорее всего летописец придает вид факта легенде, руководствуясь назидательными мотивами. Мол, глядите, земные владыки: самый великий из вас, кого называли «вещим», оказался бессилен перед Промыслом и не избежал предначертанной судьбы.

В средневековой европейской литературе сюжеты, где великий герой погибает от укуса змеи или от собственного коня, нередки, но есть одна исландская сага, которая совпадает с нашим преданием явно неслучайным образом.

Викингу Одду по прозвищу Стрела еще в отрочестве ведунья предсказывает смерть от лошади. Одд убивает животное, хоронит в яме, да еще и засыпает ее камнями. Через триста лет, после многих подвигов (и, что примечательно, сразу после похода в славянские земли) Одд оказывается на том самом месте и гибнет, ужаленный выползшей из конского черепа змеей. Судя по тому, что «Сага об Одде Стреле» датируется XIII веком, ее автор воспользовался уже существовавшим к тому времени преданием.

Вероятно, правы исследователи, которые полагают, что притча о «змее из черепа» первоначально возникла в русско-варяжском дружинном фольклоре и уже оттуда проникла как в летопись, так и в сагу.

«Так вот где таилась погибель моя!» (Ф. Бруни)

Объединение нескольких ключевых славянских племен; централизация власти; восстановление балтийско-черноморского пути; заключение равноправного договора с Византией; создание экономической базы государства, которому суждено было существовать за счет торговли и сбора дани, — вот впечатляющий итог Олегова княжения, которое длилось 33 года. Такую цифру, во всяком случае, называет летопись, но здесь опять, как и в случае с Рюриком, не следует слишком доверяться официальной хронологии.

Идентичность событий 879 г. (указанный «Повестью» год смерти Рюрика) и 945 г. (год смерти Игоря) вызывают сомнения: Олег становится правителем при трехлетнем наследнике и правит 33 года; затем 33 года правит Игорь и тоже оставляет после себя трехлетнего наследника. Похоже, что летописец ничтоже сумняшеся «зарифмовал» события, о которых сохранилась весьма приблизительная память.

Вместе с тем в датировке последних лет Олегова княжения летопись уже становится довольно точна — это установлено по записи от 911 года: «В лето 6419. Явилась на западе большая звезда в виде копья». Из астрономических исчислений известно, что «звезда велика копейного образа», то есть комета Галлея, появилась в июле 912 г… Стало быть, хроника ошибается всего на один год.

Олег умирает следующей осенью после кометы — значит, не в 912, а в 913 году. Поскольку Рюрик, как мы уже вычислили, на самом деле, вероятно, умер не в 879 году, а в 873-м, получается, что правление Олега длилось ровно сорок лет. Это большой срок, и достался он большому человеку, который выше всего ценил основательность и умел одерживать победы без лишнего кровопролития.

Заложенное Олегом государство получило такой хороший старт, что сумело выдержать испытание следующим княжением — тоже долгим, но бездарным.

Игорь (Рюрикович?)

Привычная оговорка

Читателю пора уже привыкнуть к тому, что рассказ о каждом из первых князей начинается с сомнений касательно достоверности сведений, изложенных в учебниках истории (а первоначально — в «Повести временных лет»).

В случае Игоря Рюриковича летопись вроде бы предельно точна: родился в 876 году, женился на Ольге в 903-м, стал великим князем в 912-м, погиб в 945-м.

И тем не менее почти каждая дата и почти каждый факт вызывают вопросы.

Про неправдоподобность брака, который лишь через сорок лет привел к рождению наследника, я уже писал. Но это не главная проблема, связанная с личностью второго киевского правителя.

Есть основания подозревать, что князь Игорь, правивший с 912 (вернее, с 913-го) до 945 года, и маленький княжич, которого Олег предъявлял злосчастным Аскольду с Диром, это не один и тот же Игорь. Не исключено, что летописец, живший двести лет спустя, соединил двух Игорей, новгородского и киевского, причем «назначил» второму в отцы Рюрика во имя династической непрерывности.

Эта версия возникла вследствие того, что шестилетняя ошибка в хронологии «Повести» считается доказанной и, стало быть, Рюрик умер в 873 году, а новгородский Игорь[8] родился в 870-м. То есть к моменту гибели ему было бы уже 75 лет, а всего за год до этого он водил войско в большой поход на Византию. Подобная бодрость в преклонном возрасте скорее всего была бы отмечена летописью как нечто выдающееся.

Возможно, Игорь был не Рюриковичем, а Игоревичем — то есть сыном новгородского Игоря и внуком Рюрика. Либо же (что тоже вероятно) он был сыном и наследником Олега, а киевская генеалогия «облагородила» происхождение второго князя, чтобы династия велась от конунга, а не просто от старшего дружинника.

Чьим сыном был Игорь, правивший Русью с 913 года до 945-го, не так уж существенно. Важно то, что происходило в годы его княжения.

Памятные события Игорева правления

Как ни странно, за этот долгий срок — три десятилетия — произошло довольно мало событий. Во всяком случае, летопись запомнила всего шесть:

— Мятеж древлян 913–914 годов;
— Приход печенегов (915) и война с ними (920);
— Поход на греков 941 года;
— Второй поход 944 года;

— Заключение нового договора с Византией в 945 г.;
— Гибель Игоря.

В арабских и еврейских источниках еще сообщается о двух больших походах «русов» к Каспию в 913 и 943 г. г… Арабский автор сообщает о русских: «Они — могучий народ с большим размахом и великой смелостью. Им неизвестно поражение, и никто из них не поворачивается спиной к врагу пока не убил его или сам не убит». Однако эти набеги, вероятнее всего, были предприняты не киевскими русами, а «русскими» в варяжском значении этого слова — то есть викингами, причем обитавшими на землях хазарского каганата. В таком случае к истории России каспийские рейды отношения не имеют. Отечественная летопись об этих военных предприятиях ни словом не упоминает.

Итак, по порядку.

«В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега… В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой».

При смене власти и, в особенности, после смерти великого правителя беспокойные области нередко пробуют освободиться от зависимости, что, видимо, и попытались сделать древляне, в отличие от других славянских племен, не заинтересованные в союзе с Киевом. С этой, первой проблемой своего княжения Игорь вроде бы справился. Однако, как будет видно позднее, древлянский вопрос и теперь не был решен окончательно. Эта мина замедленного действия еще взорвется.

На следующий год «приидоша печенези первое на Рускую землю», докладывает хроника. Слово «первое» (то есть «впервые») нужно понимать в том смысле, что печенеги прежде лишь бродили по днепровским степям, мешая торговле, но непосредственно в славянские владения доселе не вторгались. Главная их масса пока обитала за Волгой, на Русь она двинется позднее. Тогда мы и поговорим об этих грозных кочевниках подробно. Сейчас же я ограничусь кратким и прекрасным карамзинским определением печенегов: «Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость».

На первый раз со свирепыми печенегами, которых, вероятно, было не очень много, Игорь сумел договориться и спровадил их дальше на запад. Печенеги «створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю». Но пять лет спустя воевать все-таки пришлось — то ли с той же ордой, возвращавшейся на восток, то ли с новой, но опять, видимо, не особенно сильной. «Игорь же воеваше на печенегы», — коротко, безо всяких подробностей извещает нас летопись, для которой в тот 920 год более важным было известие о воцарении византийского императора Романа. Должно быть, Игорь просто отогнал кочевников, и они убрались восвояси.

Далее следует более чем двадцатилетняя пауза, когда ни о каких памятных происшествиях на Руси не сообщается. Видимо, ничего исключительного не происходило, то есть держался мир.

Самым активным периодом являются последние годы Игорева княжения, когда случилось много драматичных событий. «Повесть временных лет» рассказывает о них очень подробно, сохранились свидетельства и в иностранных текстах.

«В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков».

То есть после тридцатилетнего мира русские вновь, как при Олеге и Аскольде с Диром, пошли войной на Византию, торговля с которой была основой государственной экономики. Произойти такое могло, очевидно, лишь вследствие нарушения Царьградом условий прежнего соглашения либо вследствие полного прекращения хозяйственных связей (причина всех русских походов на Константинополь была одна и та же). Справедливость этого предположения подтверждается тем, что война прекратилась с подписанием нового торгового договора.

Печенеги (И. Сакуров)

Первая попытка военного давления окончилась не просто неудачей, а полным разгромом.

Войско Игоря пересекло Черное море и высадилось в Малой Азии, где занялось разграблением двух византийских провинций, Вифинии и Пафлагонии. Наш летописец честно пишет, что Игорева дружина вела себя отвратительно: «кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы». Пока киевское войско грабило и бесчинствовало, время для захвата столицы было упущено. Константинополь успел собрать флот и армию.

Судя по всему, в описании кампании 941 года «Повесть временных лет» черпает сведения из византийских хроник, поэтому лучше обратиться к первоисточникам. Там рассказано, что близ Константинополя развернулась ожесточенная борьба, и состоялось три сражения: морское, сухопутное и снова морское.

Сначала — в июне — византийский флотоводец, «укрепившись молитвой, постом и слезами», напал на корабли русских близ входа в проливы и сжег их огнем («и нача пущати огнь трубами на лодья рускыя. И бысть видети страшно чюдо», — подтверждает наша летопись). Затем военачальники Варда Фока и Иоанн Куркуас нанесли поражение пешей рати, высадившейся обратно на малоазийский берег. Сентябрьской ночью, сев на оставшиеся корабли, русские попытались скрытно уйти, византийцы их перехватили и довершили разгром.

Византийский флот того времени слыл непобедимым благодаря особому оружию, которое наша летопись называет «греческим огнем». Это был прообраз огнемета, выбрасывавшего горючую жидкость. Агрегат устанавливали на носу или на корме. Радиус поражения составлял 25–30 метров. Загоралось всё: деревянные обшивки кораблей, паруса, люди. Даже спрыгнув за борт, пламя погасить было нельзя — состав пылал и в воде.

Секрет «греческого огня» считался важнейшей государственной тайной. Император Константин Багрянородный завещает своему наследнику бережно хранить ее, ибо она «раскрыта первому христианскому императору Константину Святому через ниспосланного ангела». Однако известно, что создателем сифонофора (так по-гречески называлась огнеметная пушка) был инженер Каллиник, живший во второй половине VII века. Его изобретение дважды помогло Византии отразить арабские нашествия.

Существует предание, что тайной владели только потомки Каллиника, передавая формулу «греческого огня» по наследству. На самом деле секретность была гарантирована методологией производства: одни мастера изготавливали пушки, другие — смесь; контакты между ними были запрещены. Отдельно готовили прислугу, которой не полагалось знать технических секретов.

Последний раз византийцы использовали свое тайное оружие в 1453 году. Им тогда удалось сжечь турецкие суда, стоявшие в бухте Золотой

Рог, но Константинополь это не спасло. Империя пала, секрет чудо-оружия был утрачен.

По-видимому, сифонофор представлял собой род пневматической пушки с насосом. Огнемет стрелял какой-то смесью нефти, серы, гудрона, фосфина и селитры. Выстрел сопровождался оглушительным грохотом, повергавшим неприятеля в еще больший ужас. Вообще думается, что главная сила «греческого огня» была в психологическом воздействии. Вероятно, при мало-мальски сильном ветре огнеметы были не слишком эффективны, а то и опасны для собственного судна, но один вид зловещей трубы вызывал у врага панику.

Греческий огонь (Миниатюра из «Хроники Иоанна Скилицы»)

В истории этой войны самое поразительное то, что тяжкое поражение 941 г. не остановило Игоря.

Миновало всего три года, и Русь снова пошла на Царьград. То ли византийские летописи преувеличивают масштаб русских потерь во время первого похода, то ли Киевское княжество к середине X века обладало такой мощью, что могло позволить себе быстро построить новый флот и набрать новое войско. Впрочем, у Игоря не оставалось иного выхода. Без византийской торговли существование русского государства было невозможно (об этом речь пойдет ниже).

На сей раз Игорь подготовился как следует. «Собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя». Обратим внимание, что летописец называет варягов отдельно от «руси». Это означает, что для войны была нанята еще и дружина из иноземных викингов. Есть основания полагать, что возглавил ее воевода Свенельд, которому суждено будет сыграть заметную роль в русской истории.

К императору сначала из Крыма, потом от болгар полетели донесения об огромном нашествии, в котором участвуют и печенеги.

И тогда византийцы поступили по своему обычному правилу: не стали доводить конфликт до сражения, исход которого мог оказаться иным, чем три года назад. Базилевс отправил к Игорю послов со словами: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». А заодно, для верности, отправил дары и печенегам. Характерно, что Игорь, правитель слабый, не стал принимать решение сам, а спросил мнения дружины, которая, памятуя о недавнем поражении, благоразумно рассудила не биться: «Еда кто весть: кто одолееть, мы ли, они ли?». Взяв у греков дань и заключив перемирие, Игорь вернулся в Киев, а печенеги отправились грабить Болгарию.

Цель войны была достигнута. В следующем 945 году состоялось подписание нового договора. Торговля возобновилась.

Византийцы явно боялись Игоря меньше, чем Олега, поэтому соглашение оказалось для Руси менее выгодным, чем прежнее. Для купцов появились новые ограничения, которых раньше не было. Некоторые статьи звучат довольно обидно: «Входяще же Русь в град, да не творят пакости». Более того, в договоре есть пункт, демонстрирующий неравноправие сторон. Русские обязуются защищать Крым от черных болгар, причем базилевс «велит» князю это делать: «Иже то приходять черьнии болгаре и воюють в стране Корсуньстий, и велим князю рускому, да их не пущаеть». Разрешение вести торговлю в этом контексте выглядит как милость, которую Византия обговаривает определенными условиями.

Государство при Игоре

Таким образом, успехов на внешнеполитическом поприще Игорь не добился. Международный статус Руси по сравнению со временами Олега даже несколько понизился. Но главные события этих тридцати с лишним лет были внутренними. В силу своей обыденности они остались не замеченными летописцем.

В правление Игоря оформилась и закрепилась первичная хозяйственно-экономическая база русского государства.

При этом нужно учитывать, что государством эту аморфную федерацию можно назвать лишь условно. Связи между областями и племенами были пока еще очень слабы. Не существовало единого закона, границы толком не определились, отдаленные провинции иногда выходили из-под контроля.

До некоторой степени Русь объединял общий язык, но далеко не все говорящие на нем общины подчинялись Киеву, а у финских народов было собственное наречие. Фактически страна держалась лишь властью великого князя, но напрямую он мог управлять разве что столичным округом. Во всех остальных регионах настоящими властителями являлись наместники из числа Игоревых родственников, варяжских бояр или местной знати. По отношению к центру наместники (их все чаще называют «князьями») имели только две обязанности:

делиться собираемой с населения данью и во время войны предоставлять сюзерену отряд воинов.

Пройдет еще немало времени, прежде чем государственная монотеистическая религия, общий свод законов и развитие хозяйственных связей сделают Киевскую Русь настоящей страной.

Центральная власть в период ранних князей исполняет всего три основные функции: пытается объединить как можно большее количество славянских племен и как можно крепче привязать их к столице (на этом поприще Игорь не слишком преуспел); обеспечивает торговлю с Византией (с этим Игорь кое-как справился); защищает Русь от вечной, главной опасности — степных орд.

Третье направление государственной деятельности удавалось Игорю лучше остальных. Он успешно сдерживал кочевников (печенегов и черных болгар), используя то дипломатию, то вооруженную силу. Кроме того, он продолжал незаметную, но очень важную и дорогостоящую работу, начатую еще Олегом: ставил к востоку от Киева сторожевые города. Эти укрепленные пункты с гарнизонами оберегали столицу от внезапного нападения орды. Со временем крепости будут соединены земляными валами и заставами в целую оборонительную систему.

Иерархическая структура киевского княжества в X веке типична для раннефеодального государства, однако имеет две специфические черты.

Во-первых, аристократы не владеют землей, потому что Русь еще не является той крестьянской страной, которой станет впоследствии. Хлебопашество пока не обрело ключевого значения, зерно часто ввозится из-за границы.

Во-вторых, правящее сословие (которое, собственно, и называется «русью») этнически отличается от основной массы населения.

Из летописи можно заключить, что при Игоре важные решения принимались старшей дружиной — «боярами» или «княжьими мужами», и это почти без исключения варяги. Младшие дружинники назывались гридями (от скандинавского слова grid, «дворня»). Гражданское управление — прежде всего в городах — осуществляли «старцы», среди которых помимо купцов-варягов было немало и славянских старейшин.

Это этнокультурное размежевание продолжалось не очень долго. Через два-три поколения варяги забыли свой язык и растворились в славянской культуре. Сохранились лишь имена, тоже в значительной степени славянизировавшиеся, да традиционные связи со Скандинавией, откуда еще лет двести к русским князьям будут прибывать новые воины, а иногда и целые наемные дружины. Сохранится и обычай заключать брачные союзы, о чем мы знаем не столько из наших летописей, сколько из саг — видимо, для скудно живших скандинавов брак с богатыми и могущественными Рюриковичами был более значительным событием, чем для русских.

«Сезонная» экономика

Экономическое благополучие раннерусского государства держалось на двух столпах, каждый из которых рухнул бы без поддержки другого. Великий князь являлся не только монархом, но и, так сказать, главным менеджером всего этого предприятия, функционировавшего по сезонному принципу. Год делился на две части: с осени до весны киевский правитель собирал припасы для отправки на внешний рынок; с весны до осени длился период торговли, когда русские купцы отвозили в Византию одни товары, а обратно привозили другие. Правитель был самым крупным купцом своей страны. На доходы от собственных экспортно-импортных операций и налогообложения частной торговли существовали и великокняжеский двор, и государство в целом.

Русь поставляла продукты лесного хозяйства (меха, мед, воск) и рабов, которых варяжские дружины захватывали во время войн, грабительских походов в чужие края, покорения новых племен и подавления мятежей.

Приречные славяне тоже имели заработок от торговли: всю зиму рубили большие лодки для следующего сезона. На то, что русские купеческие суда были именно славянской, а не варяжской модели, указывает их греческое название — «моноксилы», то есть «выдолбленные из одного ствола» (как мы помним, скандинавы применяли для кораблестроения другую технологию). Поскольку леса были вековые, с огромными деревьями, ладьи получались немаленькими — длиной в 30 и более метров.

Весной в Киеве проходило торжище, на котором купцы раскупали эти суда. Составлялся огромный караван, в котором наряду с великокняжескими участвовали и частные ладьи. В апреле армада спускалась по Днепру до порогов, преодолеть которые и в мирное время было непросто, а в периоды напряженных отношений с кочевниками (то есть почти всегда) приходилось пробиваться с боем. Поэтому князь часто отправлял по берегу сильный конвой. На самих судах вооруженных людей тоже хватало. Благодаря трактату императора Константина Багрянородного «De Administrando Imperio» («Об управлении империей»), мы очень хорошо знаем, как именно русские преодолевали это опасное место.

> К югу от Киева река Днепр пробивается сквозь вздыбление земной коры, так называемый Азово-Подольский щит. В нескольких местах утесы, скалистые островки, гряды камней перегораживали всё русло. После строительства большой гидроэлектростанции в 1932 году почти все пороги ушли на дно водохранилища, но в летописные времена река в семи местах была полностью непроходимой. Быстро несущиеся воды разбивали любое судно в щепки.
>
> Пересечение порогов было трудным делом. Приходилось выгружать весь товар и нести его на руках; рабов сковывали цепью и вели берегом; сами ладьи или тащили волоком, или очень медленно тянули вручную меж валунов, ощупывая дно.

Этот тяжелый 70-километровый отрезок пути становился смертельно опасен, если ватага степных разбойников устраивала засаду, — а мест, удобных для внезапного нападения, здесь было много. Поэтому все люди, не занятые на работах по перетаскиванию лодок и грузов, вооружались и выдвигались в степь. Однако караван из нескольких сотен кораблей неминуемо растягивался очень длинной вереницей, и от быстрого удара по любой его части уберечься было невозможно.

Константин Багрянородный пишет, что после преодоления последнего порога русские делали остановку на острове Святого Георгия (нынешняя Хортица). «На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита».

Днепровский порог на фотографии начала XX века

Но «пачинакита» (печенега) приходилось опасаться еще долго. Нередко степные разбойники провожали караван до моря и даже дальше, надеясь, что непогода вынудит суда пристать к берегу. Лишь миновав устье Дуная, русские могли вздохнуть свободно.

Оставаться в Царьграде (вернее в его пригороде) приезжим разрешалось не более 6 месяцев. За это время купцы продавали свой товар и закупали то, что можно было выгодно сбыть на Руси: ткани, вина, золото, овощи и фрукты. Судя по тому, что в русских кладах находят мало византийской монеты, торговля в основном велась не за деньги, а на обмен.

Историк Вернадский попробовал высчитать возможный объем русско-византийского товаропотока и пришел к выводу, что средний киевский караван

состоял не менее чем из 500 ладей и доставлял на константинопольский рынок около 5000 тонн грузов (не считая рабов) — для Средневековья огромная цифра, намного превышавшая оборот имперской торговли с Западной Европой.

Однако, чтобы отправить такую массу товаров на экспорт, сначала нужно было их собрать, и этим великий князь усердно занимался всю предшествующую половину года. Часть положенной дани привозили из областей наместники — эта статья дохода именовалась «повоз», но основным источником наполнения государственной казны было «полюдье», сбор дани на местах. С ноября, как только заканчивалась осенняя распутица, князь лично отправлялся с дружиной в объезд своих обширных владений и возвращался обратно лишь с таянием снегов. За это время фискальная экспедиция успевала преодолеть тысячу, а то и полторы тысячи километров. К концу путешествия обоз должен был разрастаться до гигантских размеров, либо же князю приходилось несколько раз отвозить собранное в Киев. Вряд ли он дробил свой отряд, отправляя дань в столицу с конвоем, — взимание дани не всегда проходило гладко.

Собирают дань (Н. Рерих)

Часть добычи делилась между дружинниками; всё остальное шло в казну. Таким образом, от количества мзды, которую удавалось собрать с подвластных областей и племен, зависела вся жизнь государства: как будет жить великокняжеский двор, останутся ли довольны воины, хватит ли средств на строительство степных укреплений и главное — много ли удастся вывезти товаров в Византию.

Хоть размеры дани определялись соглашениями между князем и племенной старшиной, Игорь, кажется, не очень с этим считался. Его алчность не знала пределов. В конце концов нарушение баланса между аппетитами монарха и реальными возможностями (а также долготерпением) податного населения закончилось бедой.

Гибель Игоря

За тысячу лет до того, как последний русский венценосец Николай II был убит взбунтовавшимися подданными, та же участь постигла первого русского монарха Игоря (мы знаем, что за Олегом династическая традиция «августейшего» статуса не признает). История российской монархии началась с цареубийства, им же и завершилась.

«Повесть временных лет» рассказывает о случившемся так:

«В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени».

Этот рассказ нуждается в некоторых пояснениях.

Мирный договор 945 г. с Византией оказался менее выгоден, чем, видимо, рассчитывал Игорь. Он позвал с собой печенегов и пришлых варягов, но полученных от императора даров не хватило, чтобы расплатиться с союзниками. От печенегов князь отделался, пустив их грабить болгар, но с викингами пришлось труднее. Есть предположение, что их отрядом командовал Свенельд (то, что этот воевода не принадлежал к числу киевской аристократии, можно заключить по отсутствию его имени в тексте договора, где перечислено множество русских «мужей»). Летопись говорит, что Свенельду в вознаграждение было дано право собрать дань с уличей и древлян. Этим и объясняется недовольство Игоревой дружины, которая почувствовала себя обделенной: «Отроци Свенделжи изоделеся суть оружьем и порты, а мы нази».

Тогда Игорь, «забыв, что умеренность есть добродетель власти» (Карамзин), пошел собирать с древлян дань во второй раз. Те были недовольны, поэтому дружинники «насиляше им». Но и того ненасытному князю показалось мало. Он

явился за данью еще и в третий раз, причем от жадности взял с собой мало людей, чтобы не делиться со всеми. Из одной арабской летописи, рассказывающей о княжеских «полюдьях», известно, что обычно в экспедиции участвовало 100–200 воинов. Вероятно, Игорь вернулся всего с десятью или двадцатью воинами, которых возмущенные древляне без труда перебили. Самого князя, то ли мертвого, то ли живого, победители, согласно преданию, привязали к двум согнутым деревьям, так что, когда стволы распрямились, Игоря разорвало надвое.

Гибель Игоря (А. Бруни)

Так страшно завершилось это довольно бесцветное княжение.

Конечно, Игорь Рюрикович как правитель не может идти ни в какое сравнение со своим великим предшественником. Второй киевский князь почти не расширил владений, утратил равноправие в отношениях с Византией, не мог удерживать под контролем собственных подданных. Он был завистлив, нерасчетлив, безрассудно жаден и к тому же, очевидно, не пользовался достаточным авторитетом у собственной дружины — иначе он не зависел бы от нее как в больших (мир с греками), так и малых (древлянская дань) вопросах.

Правление Игоря закончилось трагически не только для него самого, но и для молодого государства. Лишившееся монарха столь позорным образом, оно оказалось на грани катастрофы.

Ольга

Единственная женщина

Княгиня Ольга, правившая государством во время малолетства Святослава единолично, а затем совместно с сыном, — единственная женщина среди древнерусских великих князей. Особенно почтительное отношение к этой властительнице объясняется тем, что она принадлежит к числу первых русских святых и по православной агиоиерархии приравнивается к апостолам. «Повесть временных лет» сравнивает Ольгу с «зарей перед рассветом» и пишет, что она «сияла, как луна в ночи» и «светилась среди язычников, как жемчуг в грязи». При этом самое прославленное деяние княгини — месть древлянам — весьма далеко от святости и вызывает содрогание.

> Интересно, что Ольга сегодня — самая популярная женщина российской истории, в чем я мог убедиться, когда провел у себя в блоге соответствующий опрос. Киевская княгиня, жившая более тысячи лет назад, по итогам интернет-голосования вышла на первое место. Из обсуждения ясно, что княгиней прежде всего восхищается женская половина аудитории, причем отнюдь не святостью, а силой характера и распорядительностью. Ольгу воспринимают как «деловую женщину, которая умеет за себя постоять» и «даст мужчинам сто очков вперед». Двумя веками ранее Карамзин весьма неполиткорректно выразил, в общем, ту же эмоцию, написав, что Ольга «мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами». На проведенных в том же блоге, но несколько ранее интернет-выборах наиболее привлекательного женского типажа та же аудитория и по тем же причинам отдала первенство главному персонажу романа «Унесенные ветром», так что в сознании современных россиянок княгиня Ольга — это такая Скарлетт О`Хара десятого столетия.

Неудивительно, что о единственной киевской монархине легенд сохранилось больше, чем о ее предшественниках-мужчинах, и предания эти гораздо красочней. Летописец именует Ольгу «остроумной» — разумеется, в старинном значении этого слова, то есть безо всякого намека на чувство юмора, однако в предании о мести княгиня выглядит остроумной и в современном смысле — правда, юмор этот черный.

С преданий об «остроумной» (то есть хитрой, сметливой) Ольге и начнем, а уж затем перейдем к историческим фактам.

Предание о замужестве

«Святая и блаженная и великая княгиня Олга руская родися во Плесковъскои стране, в веси, зовомыа Выбуто (то есть в деревне Выбута, что в 12 километрах от Пскова)», — рассказывает «Житие Святой Ольги». — «Отца имяше неверна (то есть язычника) сущи, такоже и матерь некрещену от языка варяжьска, от рода не от княжьска, ни от велмож, но от простых бяше человек…». Есть и другая версия, согласно которой Ольга была славянкой и звали ее Прекраса. В любом случае была она хороша собой и с юных лет необычайно умна («Телом жена сущи, мужеску мудрость имеющее»).

Однажды юный княжич Игорь, охотясь на Псковщине, хотел переплыть реку и подозвал к берегу лодку. «Когда же во время плавания взглянул на лицо гребца, узнал Игорь в мнимом юноше красную девицу, и страстью воспламенилось сердце князя, — пересказывает старинное повествование религиозный автор XIX века камергер А.Н.Муравьев, — но старческий разум дан был сей юной деве и целомудренным словом удержала она страстный порыв своего князя».

Игорь «говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли Князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу», — не без скепсиса поддерживает житийную версию менее восторженный Карамзин.

Княжич пожелал жениться на простолюдинке, пленившей его красой и умом. Олег на это, как ни странно, согласился и в знак особенного расположения даже пожаловал невесту своим именем, после чего новонареченная Ольга «оставила легкое весло малой ладьи своей, чтобы взяться впоследствии за кормило государственное» (Муравьев).

Первая месть древлянам (Ф. Бруни)

Предание о мести

Подвергнув великого князя позорной казни, древляне вообразили, что одержали победу над Киевом. Там осталась вдовица с маленьким сыном. Бояться слабую женщину было нечего. Древлянский князь Мал отправил к Ольге посольство с предложением выйти за него замуж — согласно древнему обычаю, женщина побежденного врага доставалась триумфатору.

Двадцать послов приплыли в Киев на ладье, явились к вдове. Она их учтиво приветствовала: «Добре, гостье, приидоша?» и спросила, зачем-де явились. Звать тебя замуж за нашего князя, ответствовали послы. «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить, — сказала на это Ольга. — Но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье», — и вознесут вас в ладье».

Обрадовавшись, послы так и сделали. Наутро потребовали, чтобы киевляне несли их к терему прямо в ладье.

Там, во дворе, за ночь выкопали большую яму, куда ладью с глупыми древлянами и бросили.

«И приникши Олга и рече имъ: «Добьра ли вы честь?» Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смерти». После чего несчастных засыпали землей, похоронив живьем.

Но это было только начало мести.

Ольга послала к древлянам сказать, чтобы прислали других послов, из самых лучших мужей, «чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди».

Прибыло новое посольство, из первых старейшин древлянского края. Их Ольга тоже приняла с почетом, велела растопить баню, где послов заперли и сожгли.

Сразу после этого, пока весть о казнях не достигла врагов, княгиня передала, что сама отправляется к ним: «Готовьте меды, хочу справить тризну по убитому мужу».

Чтобы не вызвать подозрений, Ольга взяла с собой небольшую дружину. Насыпали погребальный холм, стали поминать Игоря. Когда древляне спросили про своих послов, княгиня ответила, что они скоро прибудут вместе с остальной дружиной. Подождав, пока хозяева перепьются, вдова приказала всех их изрубить. Летопись утверждает, что было убито пять тысяч человек.

После этого всё еще не насытившаяся местью Ольга вернулась в Киев и стала готовиться к большому походу. На следующий год она явилась уже с сильной ратью, нанесла древлянам поражение и разорила их землю, однако главный город Искоростень взять не смогла. Древляне уже поняли, что пощады им не будет, и стояли насмерть.

В конце концов Ольга объявила, что больше мстить не хочет, и попросила уплатить символическую дань: по три голубя и три воробья с каждого двора. Осажденные обрадовались, наловили птиц, принесли в киевский лагерь. Ночью воины Ольги привязали голубям и воробьям к хвосту по клоку пылающей пакли. Птицы полетели домой и подожгли город во множестве мест, так что гасить пожар было невозможно. Тут дружинники без труда ворвались за стены и устроили бойню.

«Вот как отомстила Ольга, как добрая и верная жена, за смерть своего мужа, — хвалит святую Ольгу придворный историк Нечволодов. — И за эту жестокую месть, которую она совершила с такой хитростью и мудростью, народ прозвал свою княгиню мудрейшей от человек».

В наказание за бунт княгиня обложила древлян очень тяжелой данью, две трети которой предназначались государству, и треть — в личную казну Ольги.

Неспокойное племя, долго противившееся гегемонии Киева, наконец было приведено к полной покорности.

Четвертая месть (Радзивилловская летопись)

Крещение княгини Ольги (И. Акимов)

Предание о крещении

Православная церковь канонизировала Ольгу, конечно, не за изуверское истребление древлян, а за то, что она первой из русских монархов приняла христианство.

История об обращении княгини в христианскую веру подается преданием в виде сказки о том, как Ольга самого цесаря перехитрила.

Явилась-де она в Царьград, а император, «видев ю добру сущю лицем и смыслену велми», воспылал к ней страстью и сказал: «Подобна еси царствовати в городе сем с нами» — то есть, предложил стать его императрицей. Ольга ему отвечает: «Аз погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя сам, аще ли — то не кресщюся». Наивный цесарь ее покрестил (то есть стал ее крестным отцом) и дал христианское имя Елена, в честь матери первого христианского императора Константина. Потом снова стал подступаться с матримониальными намерениями. Тут Ольга его и сразила: «Как же ты на мне женишься, если ты мой крестный отец? У христиан так не заведено». И воскликнул император: «Переклюка (перехитрила) мя, Олга!».

Главную изюминку сказания опять-таки составляют «остроумие» Ольги и ее желанность-недоступность для чужих властителей — теперь уже не для древлянского князя, а для величайшего из государей.

Сюжетная основа легенды несомненно почерпнута летописцем из фольклора, но, будучи монахом, он присовокупил некоторое количество благочестивых рассуждений. Ольга первоначально решает принять крещение, чтобы избавиться от притязаний цесаря, однако, получив наущение от патриарха, «стояше, аки губа (губка) напояема, внимающи ученью», «просвещена же бывши, радовашеся душею и телом», то есть уверовала в Христа истинным, а не показным образом.

Подвиг молодого киевлянина (А. Иванов)

Предание о печенегах

Еще одно предание, вполне правдоподобное, относится к последним годам жизни княгини, когда ее сын Святослав ходил походами в чужие земли, а мать оставлял править Киевом.

Летописец пишет, что в 968 году печенеги, «бещисленое множьство», впервые (на самом деле во второй раз, через полвека после попытки 915 года) подошли к Киеву и осадили его. Дружина ушла со Святославом, людей у Ольги, опекавшей малолетних внуков, было немного. На той стороне Днепра стоял с небольшим отрядом русский воевода Претич, но не решался прийти на подмогу из-за слишком очевидного неравенства сил. Однако вся надежда осажденных была только на Претича. Требовалось побудить его к решительным действиям. Но как это сделать, если город плотно обложен печенегами?

Один храбрый отрок вызвался передать послание. Он знал печенежский язык, поэтому смог пройти через вражеский лагерь, делая вид, будто ищет отвязавшегося коня. Дойдя до берега, кинулся вплавь. Печенеги стреляли из луков, но не попали. «Аще не подъступите заутра рано под город, предатися имуть людье печенегом», — сказал гонец воеводе. Претич испугался, что Святослав ему не простит, если его мать и сыновья попадут в печенежский плен, и решил попытаться вывезти княжеское семейство из Киева.

Однако вышло еще лучше. Увидев приближающиеся ладьи, печенеги вообразили, что это возвращается Святослав, и отступили от города. Потом, правда, поняли, что воинов немного, и стали выяснять, князь это или нет. Претич ответил, что он возглавляет передовой отряд, а Святослав идет следом. Хан заключил перемирие, но все равно не ушел — встал неподалеку станом, очевидно, решив посмотреть, велика ли у князя армия.

Снятие осады позволило Ольге отправить гонца к сыну. «Ты, княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишив: мале бо нас не възяша печенези, и матерь твою и детий твоих. Аще не придеши, ни оборониши нас, да пакы възмуть. Аще ти не жаль отьчины своея, и матерь, стары суща, и дети своих?».

Святослав спешно вернулся и прогнал печенегов.

Подлинные события

Первые годы

Из всего этого собрания красочных легенд не так просто восстановить картину подлинных событий. Некоторые эпизоды безусловно вымышлены, другие сильно разукрашены или искажены, некоторые важные обстоятельства летописью не объяснены, а то и вовсе пропущены.

Попытаемся реконструировать то, что происходило — или скорее всего происходило — на самом деле.

Во-первых, сразу оговоримся, что наша княгиня — не та Ольга, которую летопись в 903 году выдает замуж за Игоря. Прекрасная и не по летам мудрая

«девушка с веслом» из жития никак не могла родить Святослава в 942 году и быть объектом брачного вожделения для князя Мала в 945-м, а еще десятилетие спустя — для византийского императора. Автор «Жития святой Ольги», рассказывая историю ее замужества, простодушно пишет в XVI веке: «И аз многогрешьныи и грубыи сия написах от многих и неложных сведетелеи слышах», но какие могут быть «неложные свидетели» шестьсот лет спустя?

Есть, правда, версия, по которой Ольга приходилась Святославу не матерью, а бабушкой, однако резоннее всё же предположить, что у Игоря (если это один и тот же Игорь) в разные периоды жизни были жены-тезки. Нельзя забывать о том, что в языческие времена у князя могло быть одновременно несколько супруг (Иоакимовский список «Повести временных лет» впрямую говорит о многоженстве Игоря). Но Ольга, фигурирующая в тексте русско-византийского договора 944 года, это несомненно уже наша Ольга.

Святая Ольга (В. Васнецов)

Вероятней всего, происходила она не из славянского, а из варяжского рода, и до крещения ее звали «Хельга». Год рождения этой женщины нам неизвестен, но в 945 году она была еще молода, поскольку ее сыну (очевидно старшему или единственному) исполнилось всего три года. То, что в 968 году в послании Святославу она называет себя «стары суща», не обязательно означает старость в современном смысле. В те времена пятидесятилетняя, даже сорокапятилетняя женщина, особенно имеющая внуков, могла считаться старой. (Почти тысячелетие спустя главная героиня романа Горького «Мать» называет себя «старухой», а ей всего сорок лет).

С преданием о вдовьей мести еще Карамзин, сначала добросовестно его пересказав, расправляется решительным образом: «Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том,

что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена». Так оно, вероятно, и было. Невозможно поверить, что княгиня могла заманить древлян в ловушку три раза подряд. Расстояние от Киева до древлянских владений составляло всего два-три дня пути, так что известие об ужасной смерти первого посольства непременно должно было дойти до древлянской столицы.

История про птиц тоже и фантастична, и неоригинальна. Точно такое же предание содержится в исландской «Младшей Эдде». Очевидно, летопись почерпнула историю о сожжении города птицами из скальдической традиции.

Не вызывает сомнения лишь то, что после смуты, вызванной убийством мужа, Ольга отомстила древлянам, приведя их к полной покорности. Без этого ей не удалось бы утвердиться на киевском престоле, сохранить целостность державы и заставить дружину повиноваться. С точки зрения современников (да и летописца, не столь отдаленного от них по времени), жестокость Ольги не бросала на нее ни малейшей тени — совсем наоборот. Она поступила похвально, даже восхитительно как с варяжской, так и со славянской точки зрения: во времена, когда закона еще не было, а существовал лишь обычай, смерть мужа требовала отмщения. Это был высоконравственный поступок, и ранние русские отцы церкви препятствий к канонизации в нем не видели.

После подробного (и вполне сказочного) рассказа о «древлянской мести» летопись сообщает: «…В лето 6455 (947 г.) иде Олга Новугороду. И устави по Мьсте погосты и дань, и по Лузе погосты и дань, и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения, и места, и погосты». Короткое, изложенное между делом, безо всякой заинтересованности событие, между тем, является главным деянием Ольгиного княжения, ее самым существенным вкладом в развитие киевского государства.

По сути дела, великая княгиня осуществила масштабную административно-экономическую реформу, коренным образом изменила систему сбора налогов. Трагический опыт Игоря продемонстрировал, что метод княжьего «полюдья» громоздок и опасен. Князь должен был лично тратить по полгода на сбор дани, таскать за собой по рекам и лесам всё разрастающийся обоз, да еще и рисковать своей жизнью.

«Погосты», которые повсюду учредила Ольга, были чем-то вроде укрепленных районных центров, где находились «тиуны», представители центральной власти. Дань, размеры которой княгиня твердо установила во избежание будущих недоразумений, отныне собирал тиун. Если княгиня совершала объезд страны, теперь у нее были безопасные пункты для остановки. Вокруг «погостов» появились «села» — деревни, где жили «смерды», то есть крестьяне, находившиеся в личной зависимости от Ольги; местным властям запрещалось их «мучить».

Кроме того, Ольга закрепила за собой «ловища» (охотничьи угодья) и «становища» (места стоянок). Она вообще была очень озабочена отделением

своего личного имущества от общегосударственного. Это дало великим князьям возможность свободнее распоряжаться средствами, но в то же время заложило под централизованное государство мину замедленного действия: со временем деление страны на «великокняжеские» и «невеликокняжеские» участки станет одной из причин распада Киевской Руси. Однако на ближайшие сто лет Ольга обеспечила своему роду и могущество, и богатство.

По завершении большого турне 947 года, говорит летопись, великая княгиня «възвратися к сыну своему в Киев и пребываше с ним в любви».

Наступил период мира и спокойствия.

Крещение Ольги

С крещением Ольги ясно только одно: оно действительно произошло. Всё остальное под вопросом.

К середине X века христианство уже давно не являлось на Руси религией экзотической или новой. Многие киевляне как славянского, так и варяжского происхождения, веровали в Иисуса. Хотя по церковной версии первым проповедником Христовой веры на Руси был апостол Андрей, на самом деле никто не знает, кто и когда начал распространять в днепровских краях Слово Божье. Очень возможно, что это были варяги, возвращавшиеся после поездки в Царьград. Еще во времена Аскольда и Дира, по свидетельству патриарха Фотия, какие-то послы русов приняли крещение.

Если в договоре Олега с византийцами (911 г.) русские еще не клянутся крестом, то в договоре 945 года часть переговорщиков присягает уже именем не Перуна, а Христа, причем написано, что в Киеве имеется соборная (то есть главная, а стало быть, не единственная) церковь Илии Пророка.

Неизвестно и когда именно у нас вошла в употребление славянская грамота, изобретенная в середине IX века греческими книжниками Константином (в схиме Кириллом) и Мефодием для перевода на славянский язык Священного Писания.

Непохоже, чтобы Ольга приняла христианство во время своей встречи с базилевсом. Описание аудиенции сохранилось во всех подробностях, я о ней расскажу чуть ниже. Там ни словом не упомянуто об обращении русской княгини, хотя такой важный религиозно-политический акт наверняка был бы отмечен. Кроме того, в тексте упомянут некий «поп Григорий», сопровождающий Ольгу, из чего резонно предположить, что она уже была к тому времени христианкой и прибыла к императорскому двору в сопровождении духовника.

Возможно, княгиня приняла христианство просто по зову сердца. Историка религии, вероятно, более всего интересовали бы сугубо духовные мотивы такого поступка, но меня занимает история государства, поэтому остановлюсь на возможных политических причинах этого деяния.

Людям той эпохи представлялось неоспоримым, что чем сильнее бог, покровительствующий народу, тем сильнее и сам народ. В X веке самой

могущественной державой известного Ольге мира была Византия. Иисус Христос лучше заботился о своих чадах, чем Перун.

Кроме того, всякий правитель крепнущей, структурно усложняющейся страны рано или поздно начинал сознавать необходимость государственной религии — причем именно монотеистической, ибо единобожие логически обосновывало такую же единовластную иерархию земной власти.

Мы помним, что хазарский каган, поколебавшись между другими конфессиями, выбрал иудаизм. Такие же колебания будут одолевать и внука Ольги великого князя Владимира. Не исключено, что в пользу «греческой веры» его склонили воспоминания о бабушке-христианке, близ которой он вырос.

Ольга и Византия

Историки спорят, сколько раз и когда Ольга ездила в Константинополь. Называют три разные даты. Вероятней всего, великокняжеское посольство все же состоялось только единожды и не в год, упомянутый в «Повести временных лет» (955), а в 957 г. Дело в том, что сохранился трактат Константина Багрянородного, посвященный придворному церемониалу, и там подробно описаны аудиенции, данные архонтиссе (княгине) «Эльге Росене». Год не указан, но обозначены числа: среда 9 сентября и воскресенье 18 октября. Такое сочетание подходит для 946 и 957 годов, однако первая дата исключается — в то время Ольге, занятой усмирением древлян и укреплением власти, было не до дальних путешествий.

Из византийского источника мы узнаём массу любопытных, но несущественных подробностей, однако о содержании и цели переговоров приходится лишь догадываться.

> 9 сентября сначала состоялась официальная аудиенция в присутствии всей семьи императора. Про Ольгу сообщается: «сев по повелению базилевса, она беседовала с ним, сколько пожелала».
>
> В тот же день прошел торжественный обед с «театральными игрищами». Ольга выделена из числа других «архонтисс»: те преклоняют перед императором колени, а она лишь наклоняет голову и занимает место за августейшим столом.
>
> Позднее был еще малый прием («десерт»), на котором гостья получила в подарок драгоценную чашу с 500 золотых.
>
> 18 октября состоялась большая аудиенция, видимо прощальная. «Архонтисса Эльга» получила в дар еще 200 золотых.
>
> Из этого описания видно, что русскую княгиню принимали хоть и с почетом, но не как монархиню, равную базилевсу. Слова летописной Ольги о том, что император нарек ее дочерью, означают не только взаимоотношения крестного отца с крестницей, но и, по межгосударственной дипломатической терминологии эпохи, ее меньший, чем у базилевса, статус.

Ольга и император Константин

Радзивилловская летопись

В промежутке между 9 сентября и 18 октября несомненно происходили какие-то переговоры, притом безуспешные. Визит был неудачен. Ольга вернулась из Константинополя оскорбленной. Ей явно не понравилось то, как с ней обращался император. Правительнице большой страны дар в 700 золотых монет должен был показаться недостаточным, а срок ожидания аудиенции — чрезмерным. Когда вскоре после этого в Киев явились византийские послы с просьбой о военной подмоге, Ольга отправила их назад с пустыми руками, высокомерно заявив: «Пусть император сначала явится сюда и подождет у киевской пристани столько, сколько я его ждала в Золотом Роге».

Другое христианство

Еще одним доказательством провала русско-византийских переговоров 957 года является история с посольством ко второму, западному императору, который конкурировал с базилевсом и принадлежал к римской церкви. Из немецких источников известно, что в 959 году, то есть вскоре после константинопольского визита Ольги, к императору Оттону прибыли «послы от народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали».

Этот любопытный эпизод яростно отрицался многими российскими историками, в особенности церковными, как ставящий под сомнение приверженность Ольги православию, однако же факт посольства и последующей

миссии Адальберта несомненен, так как упомянут сразу в нескольких западных анналах.

Новопосвященный епископ Руси был отправлен в киевский диоцез нескоро, поскольку первый кандидат заболел и умер. В 961 году монах из Трира по имени Адальберт наконец отбыл на восток, однако его там отказались принять, и он вернулся назад после многих злоключений — отсюда и обвинение в адрес русских, что они «во всем солгали».

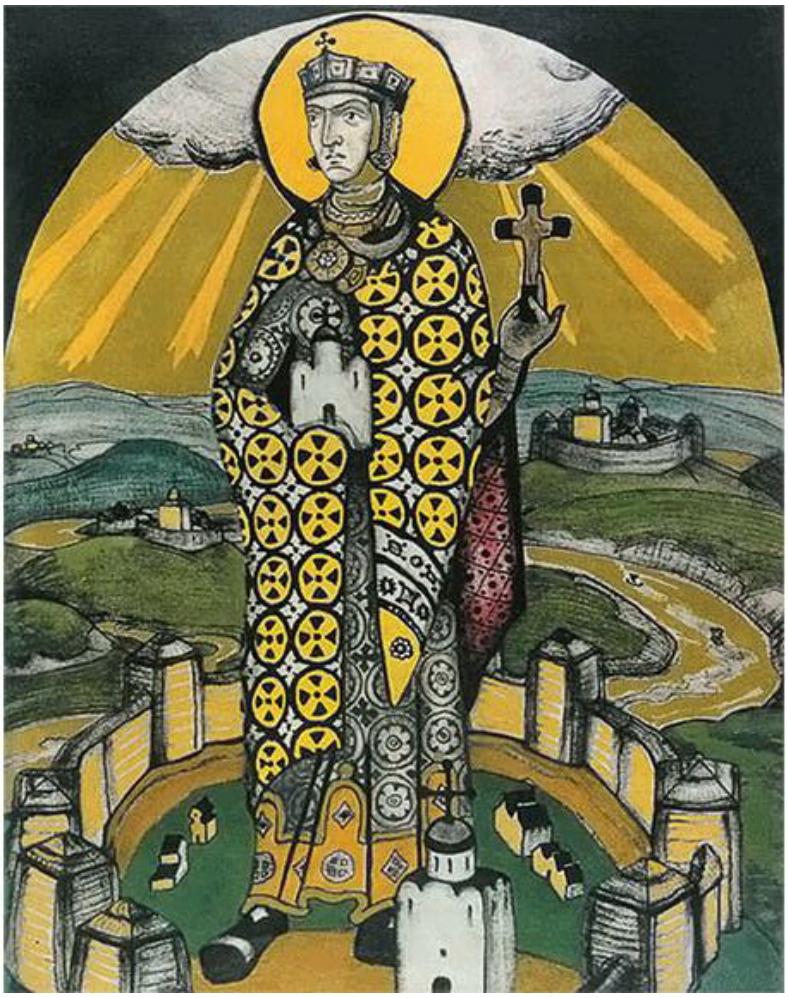
Вероятнее всего, западноевропейское посольство, затеянное вскоре после греческого, означало, что Ольге не удалось заручиться согласием византийского императора на учреждение киевского епископства, которое обеспечило бы Руси церковную автономию, и тогда княгиня обратилась с той же просьбой к другому императору, к другому христианству. Не исключено также, что немцы в своей обиде правы: это была лишь дипломатическая уловка с целью оказать давление на Византию — потому Адальберта и отправили восвояси.

Но есть и другое объяснение, более правдоподобное.

Соправительница

В летописи рассказывается, что Ольга пыталась, но не сумела склонить сына к принятию христианства. Он говорил, что дружина будет над ним смеяться, «не послуша матери и творяше норовы поганьскыя».

Точно неизвестно, когда повзрослевший Святослав начал править Русью, однако с начала 960-х годов Ольга утрачивает первенствующее положение в государстве и становится соправительницей, причем младшей. Политику страны определяет молодой князь, самостоятельно решающий, на кого идти войной. Мать остается наместницей в Киеве во время частых отлучек своего боевитого сына.



Святая Ольга (Н. Рерих)

Есть обоснованное предположение, что изменение баланса власти произошло не вполне мирно и стало следствием борьбы двух противоборствующих партий — христианской и языческой. Первая группировалась вокруг Ольги и, очевидно, была партией мирного развития. Вторая ориентировалась на наследника, не желала попадать в зависимость ни от восточного, ни от западного императора и хотела войны. Поэтому, когда Святослав говорит матери, что, если он станет христианином, «дружина моя сему смеяти начнут», вряд ли это юношеская боязнь насмешек. Княжич был не таким человеком, над которым осмелились бы издеваться дружинники, — недаром Ольга ему возражает: «Аще ты крестишися, вси имут то же створити». Святослав сам не желает принимать веру, которая поставила бы его ниже чужеземного владыки, контролировавшего Константинопольский патриархат.

Неудача византийской поездки Ольги должна была нанести сильный удар по ее партии. Великая княгиня предприняла вторую попытку найти христианского покровителя — теперь уже на Западе, но похоже, что в промежуток между отправкой посольства к императору Оттону в 959 году и прибытием Адальберта в

961-м в Киеве свершился бескровный переворот. Языческая партия взяла верх, юный Святослав оттеснил мать на второй план, потому-то немецкому епископу и пришлось возвращаться несолоно хлебавши.

О последних годах правления, вернее соправления Ольги летопись почти ничего не сообщает. Главным героем повествования становится Святослав. Единственное исключение — вышеприведенное предание о печенежеской осаде, когда Ольга спасает столицу и упрекает сына, что ему «не жаль отьчины своея».

Но Святославу не сидится на месте, на следующий год он снова затевает большой поход. Тяжелобольная мать просит: «Сначала похорони меня, а потом иди, куда хочешь». Три дня спустя она скончалась. Произошло это, согласно летописи, 11 июля 969 года. В этот день церковь и чтит память святой Ольги. Княгиня завещала не творить по ней языческой тризны, а похоронить по христианскому обряду, что и было исполнено.

Единоличная власть первой российской монархини длилась не так долго — примерно полтора десятилетия, с 945-го до начала 960-х годов. Надо признать, что этот период выгодно отличается как от правления неосторожного Ольгиного мужа, так и от кровавого княжения ее сына.

Центральная власть окрепла, сила Руси возросла, образовался избыток ресурсов, который позволил наследнику «остроумной» Ольги перейти от внутригосударственного обустройства к попытке внешней экспансии и создания империи.

Святослав

Ранние годы

Правление Святослава было коротким и бурным. Это первый из киевских князей, годы жизни которого во всех энциклопедиях обозначены вполне уверенно: 942–972. Датировка взята из «Повести временных лет», однако этой точностью не следует обольщаться. Если Святослав прожил на свете всего тридцать лет, не очень понятно, как он мог оставить после себя трех сыновей, которые почти сразу после его смерти совсем не по-мальчишески сцепились в борьбе за власть. Считается, что действиями подростков управляли ближние бояре, соперничавшие между собой, однако средний из братьев лично участвует в бою и даже погибает. Известно также, что старший из Святославичей, Ярополк, в 969 году во время короткого возвращения отца в Киев получил в подарок греческую наложницу необычайной красоты (об этой женщине я расскажу позже). По версии летописи, в это время великому князю было 27 лет. Сколько же могло быть его сыну? Самое большее лет десять. Не рано ли для таких подарков?

Резоннее предположить, что «Повесть временных лет» обсчиталась в возрасте Ольгиного сына, и Святослав появился на свет не в 942 году, а несколько ранее. Тогда всё встает на свои места.

В том числе и описание первого боя, в котором участвовал маленький княжич. В 946 году, во время сражения с древлянами, он сидит на коне и бросает копье, подавая дружине сигнал к началу сражения. Как бы ни был резв и развит мальчуган, для четырехлетнего это все-таки чересчур.

Пускай по поводу даты рождения Святослава есть сомнения, зато это первый Рюрикович, про которого известно, как он выглядел. Подробный словесный портрет оставил византийский автор, видевший князя собственными глазами. «Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким». Благодаря этому описанию художники и скульпторы позднейших времен изображали Святослава примерно одинаково, лишь несколько путаясь в деталях «клока волос» — обычной стрижки варяжского конунга.

Святослав (Ф. Соловьев)

Святослав Памятник на острове Хортица

После страшной смерти Игоря жизнь его наследника оказалась под угрозой. Древлянский князь Мал, пожелавший взять вдову в жены, прямо заявил:

«Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». С раннего детства мальчик привык к опасностям. Они его не страшили, а наоборот притягивали.

Несмотря на славянское имя, Святослав получил типичное воспитание викинга. Он рос в дружине, среди воинов. Его сызмальства готовили не к управлению страной, а к войне. Наставниками Святослава были воевода Свенельд (в сущности, предводитель банды варяжских разбойников) и дядька Асмольд, несомненно, того же поля ягода. Войдя в возраст, князь превзошел воспитателей своей воинственностью.

Летопись вновь упоминает о Святославе через девять лет после древлянского похода — когда рассказывает о неудачной попытке Ольги обратить сына в христианство. Запись отнесена к 955 году, однако из нее нельзя понять, когда именно произошла эта коллизия. Как мы знаем, Святослав на уговоры не поддался, а в начале 960-х годов он уже полновластный правитель государства. Времена мирного княжения Ольги уходят в прошлое.

Ничем кроме войны молодой князь не интересовался. «Когда Святослав вырос и возмужал, — рассказывает летопись, — стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины». Пардусом, то есть барсом, Святослава прозвали за невероятную скорость передвижения его дружины. Не отягощенная обозом, она умела совершать длинные и быстрые марши. Чего стоит хотя бы молниеносный бросок с берегов Дуная к Киеву, когда понадобилось спасать столицу от печенегов. «Святослав вборзе въсед на кони с дружиною своею и приде къ Киеву, и целова матерь свою и дети своя» — а ведь это семьсот километров.

Так все десять лет своего княжения Святослав Игоревич и метался пардусом то на восток, то на юг.

Восточный поход

«Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, — пишет Карамзин. — Берега Оки, Дона и Волги были первым феатром его воинских, счастливых действий».

В сущности, кроме общего представления о «феатре» первого Святославова похода, мы не имеем об этой войне почти никакой информации. Летописные сведения крайне скупы, свидетельства иностранцев фрагментарны и противоречивы.

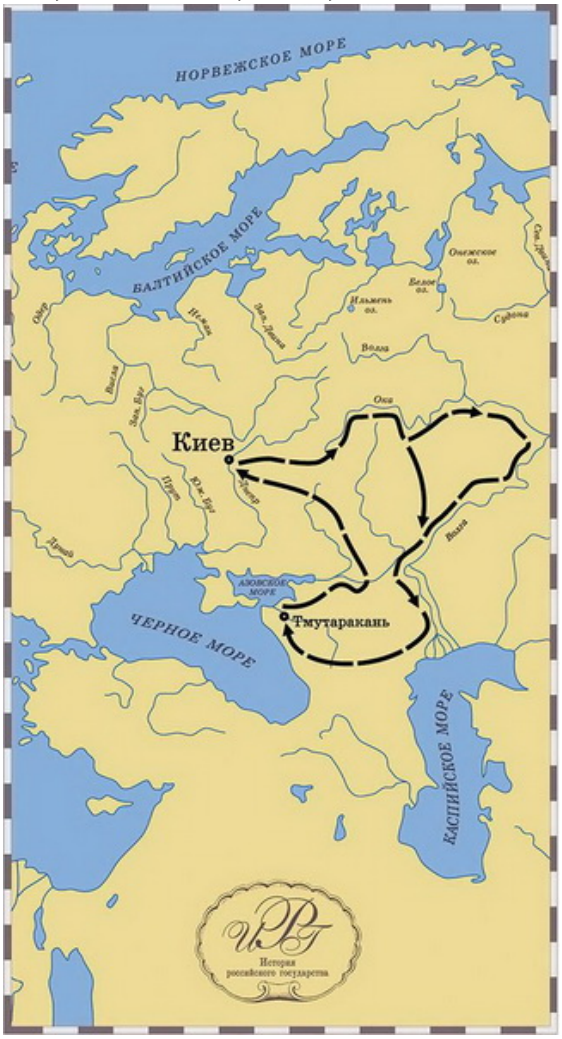
«Повесть временных лет» сообщает:

«В год 6472 (964)… И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил».

Вот, собственно, и всё, что мы знаем. Остальное — предположения.



Восточный поход Святослава

М. Руданов

Очевидно, в первый раз проходя через земли славян-вятичей, которые до сих пор оставались независимыми от Киева и по-прежнему платили дань хазарам, Святослав решил не портить отношений с этим племенем. Если бы война оказалась неудачной, отступление через территорию вятичей могло стать опасным.

Главной целью похода была Хазария, очень ослабевшая за минувшее столетие, но все еще соперничавшая с Русью и к тому же державшая в своих руках ключ к волжско-каспийской торговле. Впрочем, Святослава, кажется, не очень интересовали торговые пути. Разгромив каганат и разграбив его столицу, князь

двинулся дальше. Через некоторое время каган вернулся, и хазарское государство кое-как просуществовало еще некоторое время, пока не было окончательно добито князем Владимиром.

Ради чего Святослав повернул от хазарской Белой Вежи в Прикавказье и сразился с ясами (предками осетинов) и касогами (предками черкесов), не совсем понятно. В отличие от хазар, у этих народов поживиться было особенно нечем. Единственной целью, которая оправдывала бы этот поход, мог быть город Тьмутаракань, занимавший стратегически важную позицию у соединения Азовского и Черного морей. Историки спорят, с какого именно момента Тьмутараканское княжество стало русским. Возможно, это произошло вследствие успешной экспедиции Святослава.

На обратном пути в Киев князь завернул к вятичам и теперь, уже ничего не опасаясь, присоединил их к своей державе.

Есть довольно туманные сведения о том, что на каком-то этапе восточной войны (то ли до победы над хазарами, то ли после) Святослав также наведался в волжскую Булгарию, где взял и разорил столицу. Тем не менее булгарское государство устояло и держалось еще долго, вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Трудно сказать, состояла ли эта война из отдельных сезонных кампаний или представляла собой один трехлетний поход. Если верно второе, то Святославу пришлось делать по пути зимовки, а общая протяженность маршрута превысила шесть тысяч километров.

Некоторые историки, изображая Святослава мудрым государственным деятелем, пытались найти для войны 964–966 г.г. стратегические причины, однако дальнейшие действия князя демонстрируют, что восточные земли его не интересовали. Единственным результатом грандиозного военного предприятия было присоединение вятической земли — этого Святослав легко достиг бы и куда меньшими усилиями. Остается предположить, что цель у войны была обычная варяжская: за добычей. Ну и прав, конечно, Карамзин, полагавший, что «бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами».

Первый южный поход

Следующий повод «повеселиться опасностями» долго ждать себя не заставил.

«Повесть временных лет» излагает ход событий совсем уж лаконично:

«В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на булгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков».

Из этого сообщения трудно что-либо понять. Однако на сей раз поход был в европейские края и попадал в зону византийских интересов, поэтому кроме русской летописи имеются и другие источники, проясняющие смысл этой войны. Известны и подробности.

Святослав Игоревич вмешался в давний конфликт между болгарским царством и империей, выступив на стороне последней.

У Константинополя в ту пору было две застарелых проблемы: на востоке арабская, на севере болгарская. При этом дунайские славяне были совсем рядом и сильно донимали греков. Последние сорок лет Византия была вынуждена платить Болгарии обременительную и унизительную дань. Новый император Никифор Фока (963–969) решил положить этому конец, тем более что болгарское государство начало приходить в упадок. Его элита, размягченная благами греческой культуры, утратила прежнюю воинственность, царь Петр был стар и немощен. Византия же недавно одержала ряд важных побед на Средиземноморье и вступала в период очередного подъема.

В конце 966 года, когда болгарские послы явились за обычной данью, император отказал им в оскорбительной форме — согласно хронике, велел бить по щекам и рёк: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет к тебе и сполна отдаст тебе дань».

Сам базилевс идти в болгарские земли не собирался. Главным противником империи Никифор считал арабов, с которыми воевал всю свою жизнь, а по отношению к врагу менее опасному решил применить обычную византийскую тактику: уничтожить одних «варваров» руками других. Для этого императору и пригодился воинственный Святослав. Византия и раньше часто нанимала отряды киевских русов для участия в своих походах. Теперь речь шла о полноценном военном союзе.

Болгарский царь Петр славился благочестием и был канонизирован

К Святославу прибыло посольство во главе с патрицием Калокиром, вельможей из Херсонеса. Он доставил аванс — почти полтонны золота.

Вероятно, долго уговаривать киевского князя не пришлось. Тем более что Святослав получил от Калокира еще одно предложение, о котором Никифор не догадывался. По мнению византийских авторов, посол повел собственную игру — не только заключил с русским правителем антиболгарский союз, но и втянул Святослава в комплот, целью которого был захват престола. Никифор Фока был непопулярен в Константинополе, против него постоянно плелись заговоры, и Калокир надеялся русскими мечами добыть себе корону.

В 967 (или 968) году Святослав вторгся в Болгарию, не встретив серьезного сопротивления.

Город Переяславец находился в дельте Дуная и позволял контролировать стратегически важную область, к тому же населенную восточно-славянским племенем уличей, близким по культуре и говорившим на том же языке, что победители. Князь получил от греков «дань» (то есть, видимо, окончательный расчет за военную помощь), однако уходить обратно на Русь и не подумал.

Маловероятно, что оккупация Дуная входила в условия русско-византийского соглашения. Никифор Фока забеспокоился. Хроника сообщает, что он стал

готовиться к оборонительной войне: укрепил столичный гарнизон, перегородил Босфор железной цепью и начал переговоры с болгарами, предлагая династический союз. Две болгарские царевны прибыли в Константинополь, чтобы сочетаться браком с сыновьями покойного императора Константина Багрянородного.

Назревала новая большая война, теперь между русскими и византийско-болгарским альянсом, но стратегическое преимущество было на стороне Святослава: он держал под присмотром царя Петра, а от Царьграда князя отделяло всего пятьсот километров — сущий пустяк для быстрого «Пардуса».

Южные походы Святослава

М. Руданов

В отличие от восточного похода, на Балканы Святослав явился не за добычей, а с явным намерением утвердиться в этом густонаселенном и богатом краю. Болгарией князь ограничиваться не собирался и рассматривал Переяславец как опорный пункт для дальнейшей экспансии. Об этом свидетельствуют слова,

произнесенные Святославом перед смертью Ольги: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Если Святослав считал Переяславец серединой своих владений, значит, он собирался завоевать и земли, расположенные южнее, — то есть собственно Византию.

Величественный замысел киевского князя состоял в том, чтобы основать собственную империю. В 968 году из дунайского Переяславца эта задача должна была казаться Святославу вполне осуществимой.

Вынужденный перерыв

Однако история распорядилась иначе. В то самое время, когда завоеватель готовился к войне с Византией, из Киева примчался гонец с известием о нашествии печенегов. Как мы помним, старая Ольга корила сына, что он забросил отчизну и оставил мать и детей без защиты. Княгиня сумела хитростью отогнать кочевников от городских стен, но орда не ушла. Столице Руси по-прежнему угрожала опасность.

> Пришло время подробнее рассказать о народе, который на протяжении двух веков был беспокойным соседом русских и доставил им много неприятностей.
>
> Как это часто бывало с восточными пришельцами, печенеги представляли собой пестрый конгломерат племен разного происхождения. Киевскому отроку, знавшему печенежский язык, удалось беспрепятственно пройти через стан осаждающих — это значит, что он, славянин или варяг, вполне мог сойти за своего.
>
> Вслед за многими раннеисторическими мигрантами из Азии, печенеги канули в прошлое, не оставив следов и письменных свидетельств. О некогда многочисленном и могущественном этносе мало что известно. Союз этот сложился то ли в VIII, то ли в IX веке где-то на просторах великой азиатской Степи. Язык, на котором разговаривали печенеги, был тюркским, огузской подгруппы. Название возводят к имени вождя Бече (иногда народ называли «беченегами»).
>
> Во второй половине IX столетия под натиском врагов — а может быть, спасаясь от сильной засухи — печенеги пересекли Волгу и принялись бродить по восточноевропейским пастбищам, выдавив оттуда угров.
>
> Сведений о жизни, быте и обычаях кочевого народа сохранилось мало. Известно, что печенеги были черноволосы, неузкоглазы, брили бороды; жили они в повозках; в бою рубились не кривыми саблями, а палашами. Еще византийский историк сообщает, что они «пожирали

вшей», но в каком смысле — непонятно. Возможно, это фигуральное выражение, обозначавшее некую особенную степень дикости.

Государства у печенегов не существовало, и создать его они не пытались. Не имели они и централизованной власти, а делились на восемь автономных орд, каждая состояла из пяти родов. Жили скотоводством и грабежом. Кажется, не любили утруждать себя лишней работой: не насыпали могильных курганов, а предпочитали «подселять» своих покойников в скифские захоронения, чем впоследствии сильно затруднили работу археологов.

Печенежские нападения на русские земли поначалу были фрагментарны — видимо, кочевникам не хватало сил для серьезного нашествия. Но, сокрушив хазарский каганат, Святослав создал Руси новую большую проблему. В вакууме власти печенеги быстро окрепли и осмелели. Если хазары вели себя тихо и на русских не нападали, то новые хозяева степей не замедлили явиться прямо под стены Киева.

Преемникам Святослава с этими грозными соседями придется еще горше. Печенеги не только грабили торговые караваны у днепровских порогов, но постоянно нависали над восточными рубежами Руси. Во времена князя Владимира укрепленная граница проходила всего в двух днях пути от Киева.

В середине XI века остатки печенегов были разбиты русскими и изгнаны новыми пришельцами из Азии — половцами (мы увидим, что Русь от смены одного восточного врага на другого ничего не выиграла). Печенеги разбрелись на запад и на юг, затерялись меж другими народами. Считается, что от печенежского корня происходят современные гагаузы и балкарцы.

Прервав южный поход, «Пардус» спешно вернулся на Русь. Летопись говорит, что он «прогна печенегы в поле, и бысть мирно». Кажется, обошлось без кровопролития. Более того, Святославу, очевидно, удалось сговориться с ордой о союзе. Когда князь вернется на Дунай, печенеги отправятся с ним.

Однако, хоть Святославу не терпелось продолжить завоевание Юга, пришлось задержаться в Киеве.

Согласно летописи, Ольга попросила дождаться, пока она умрет, и сильно сына не обременила — скончалась три дня спустя. Но и в следующем, 970 году, мы находим Святослава все еще на родине. Он озабочен административным обустройством русских земель. Сам править ими не собирается — у него более честолюбивые планы, но хочет распределить области между сыновьями.

Старшего, Ярополка, сажает в Киеве. Второго, Олега, делает древлянским князем. В это время прибывают новгородские послы, тоже просят себе князя. Ярополк с Олегом на север отправляться не хотят, но у Святослава есть еще один сын, статусом пониже (его мать — рабыня). Новгородцев устраивает и такой князь,

лишь бы собственный. К каждому из юных (а может быть, и малолетних) правителей приставляется боярин, главный советник.

Лишь разделив земли между своими отпрысками и обеспечив преемственность власти, Святослав с войском отправляется обратно на Дунай.

На этом его русское княжение, собственно, заканчивается. Больше Святослав в Киев не вернется.

Второй южный поход

С большим войском, в которое кроме русских воинов входили печенежские и венгерские отряды, Святослав вернулся в Болгарию (по нашей летописи, это произошло в 971 году, по византийским источникам — в 970-м).

Но ситуация там коренным образом изменилась.

Старый царь Петр отрекся от престола. Болгары восстали против оккупационных властей и захватили Переяславец. Святославу пришлось с ними биться, и на этот раз победа далась ему гораздо труднее, чем в предыдущий раз. У стен Переяславца «бысть сеча велика», которую русские чуть не проиграли. В самый отчаянный момент сражения Святослав был вынужден обратиться к дружине с увещеванием (он был выдающимся военным оратором): «Уже нам зде пасти. Потягнем мужьскы [явим же мужество], братье и дружино!».

Русские все-таки одолели, а затем захватили город. Болгария вновь была покорена.

Казалось бы, Святослав сумел полностью вернуть утраченные позиции. Теперь он был готов приступить к главному: войне с Византией. Из Переяславца князь отправил грекам послание: «Хощю на вы ити и взяти город вашь, яко и сий».

Однако за минувший год перемены произошли не только в Болгарии. В Константинополе появился новый император, и повел он себя не так, как прежний.

Царица как переходящий приз

В более чем тысячелетней истории византийских династий фигурирует несколько ярких, а выражаясь мелодраматически, роковых женщин. Одна из самых поразительных femmes fatales Константинополя — императрица Феофано.

Эта пелопонесская гречанка была дочерью простого трактирщика. «Самая прекрасная, обольстительная и утонченная женщина своего времени, одинаково выделявшаяся своей красотой, способностями, честолюбием и порочностью», — аттестует ее современник Лев Диакон.

Царевич Роман, юный наследник Константина Багрянородного, воспылал к красавице такой страстью, что сочетался с ней браком, невзирая на гнев отца. Вскоре после этого император скончался. Ходили слухи, что его отравила невестка, дабы поскорее возвести мужа на

престол (впрочем, сплетни подобного рода сопровождали эту женщину всю жизнь).

Так Феофано стала императрицей в первый раз. Молодой базилевс оказался никчемным правителем. Он так бурно прожигал жизнь, что в 26 лет умер от истощения. А может быть, не умер, но был опять-таки отравлен. Уж очень быстро Феофано оказалась женой следующего венценосца — императрицей во второй раз.

Никифор (то есть «Победоносец») Фока считался самым выдающимся полководцем своего времени. Он вернул империи Крит и Кипр, успешно воевал в Сирии и Малой Азии. Правда, новый муж Феофано был немолод и безобразен. «Большеголовый карлик с крошечными кротовьими глазками», пишет про него современник. Это был грубый и суровый солдат, который собирался навести в державе порядок и устрашить врагов Византии.

Но управлять империей труднее, чем командовать армией. Мы видели, как неудачно Никифор попробовал решить болгарскую проблему, в результате накликав на Византию еще худшую беду. Страна была базилевсом недовольна.

И тогда Феофано задумала стать императрицей в третий раз. Она взяла в любовники полководца Иоанна Цимисхия, который приходился Никифору племянником.

Иоанн, как и дядя, не отличался статью («Цимисхий» означает «Коротышка»), но был хорош собой, энергичен, решителен. Он слыл непобедимым в схватке воином и превосходным военачальником. С помощью Феофано осуществить переворот было нетрудно — императрица помогла заговорщикам проникнуть в царскую опочивальню.

В первый миг убийцы решили, что замысел не удался, — постель была пуста. Но затем увидели, что Никифор спит на полу. Неприхотливому вояке так было привычней. Иоанн снес императору голову собственной рукой. (На гробнице Никифора потом высекут надпись: «Ты завоевал всё кроме женщины»).

Однако Цимисхий оказался хитрее своих предшественников. Он не пожелал стать игрушкой в руках опытной интриганки и заточил Феофано в монастырь. В третий раз императрицей она так и не стала.

Теперь у Святослава появился достойный противник.

Реконструкция наряда византийской императрицы (XIX век)

События русско-византийской войны 970–971 г.г. описываются «Повестью временных лет» и греческими авторами по-разному.

У русского летописца дело выглядит так, что побеждал все время Святослав, у византийцев — что верх раз за разом брал Цимисхий. Судя по исходу войны, доверять, пожалуй, следует грекам. К такому выводу еще двести лет назад пришел и Карамзин: «В описании сей кровопролитной войны Нестор и Византийские Историки не согласны: первый отдает честь и славу победы Князю Российскому, вторые Императору — и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстию воинов, идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же Греческие Историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания».

Не будем его отвергать и мы. Но сначала давайте посмотрим, как излагает ход событий «Повесть временных лет», в тексте которой тоже немало любопытного. Вероятно, прав С.М.Соловьев, предположивший, что в основу летописи легли устные рассказы русских дружинников, «которые, передавая об одних подвигах своих, умолчали о неудачах».

Начинается описание войны с того, что греки присылают к Святославу послов: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». При этом сдаваться без боя базилевс вовсе не намерен и просто хочет выведать точную численность русского войска. Но не на того напали хитрые греки. Святослав увеличивает размер своей армии вдвое — говорит, что у него двадцать тысяч воинов. Однако эта цифра не пугает византийцев. Они выводят в поле стотысячную армию.

Увидев, сколь многочисленны враги, дружина приходит в ужас, и Святослав воодушевляет ее очередной речью: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». В последующие века эту хрестоматийную орацию на Руси цитировали чуть не перед каждым сражением, а слова «мертвые сраму не имут» стали у нас главной военной максимой.

«И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали», — утверждает летопись. Князь двинулся прямо на Царьград, разоряя мелкие города, «иже стоять пусты и до днешьнего дне».

Дальше повествование приобретает явно сказочный вид, используя один из кочующих с древности фольклорных сюжетов. Испуганный император собирает своих «бояр» на совет: как быть? Решают испытать Святослава на алчность — посылают ему в дар золото и шелка. Но князь даже не смотрит на эти подношения. Тогда император отправляет Святославу в подарок оружие — и такому дару князь очень радуется. Вернувшись к царю, послы говорят: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань».

После этого летописец ни о каких военных действиях уже не рассказывает, а лишь описывает мирные переговоры, в результате которых Святослав получает от византийцев богатую дань, подписывает с ними мир и отправляется назад, на родину. Дается в «Повести» и пересказ этого договора, датированного 14 июля 971 года. Там Святослав клянется Перуном и Велесом никогда больше не воевать с Византией.

То есть, в изложении русского летописца, война выглядит обычным — притом удачным — походом за добычей. Цель достигнута, дань получена, можно с честью отправляться восвояси. Только почему-то больше не упоминается о том, что Переяславец — середина Святославовых земель.

Не совсем так рассказывают о противостоянии византийские авторы. Их двое — Лев Диакон и Иоанн Скилица. Первый был очевидцем и непосредственным участником событий; второй описывал их без малого век спустя, очевидно пользуясь документами и другими ныне утраченными источниками. Эти повествования во многом совпадают и отчасти дополняют друг друга. Если выкинуть явные преувеличения и натяжки, картина войны предстает следующим образом.

Греки преследуют русских

Миниатюра из хроники Иоанна Скилицы

Весной 970 года Святослав вторгся на византийскую территорию с армией, к которой кроме печенегов и венгров присоединились покоренные болгары. Перейдя через Балканы, князь взял Филиппополь (современный Пловдив) и оказался всего в 120 километрах от Константинополя. Здесь, под Аркадиополем, состоялось генеральное сражение. Греческим войском командовал Варда Склир. Святослав потерпел поражение, причем печенежский отряд его многонационального воинства был истреблен полностью. От идеи захвата византийской столицы пришлось отказаться. Русские отступили назад, к Дунаю.

> Не могу здесь удержаться от того, чтобы не привести оценку этого похода главным советским историком Б.А. Рыбаковым — в качестве примера того, как губительна для исторической науки (а бывает, что и комична) всякая идеологическая предвзятость и сиюминутная политическая конъюнктура.
>
> Мысль о том, что русское войско даже тысячу лет назад могло просто взять и проиграть сражение, для высокопатриотичного историка недопустима. «Печенеги и венгры, входившие в русско-болгарское войско, дрогнули», — пишет Рыбаков, тем самым давая понять, что русские и даже болгары «дрогнуть» никак не могли. Исследование писалось в годы большой советско-болгарской дружбы, поэтому ученый вообще старается обойти тему завоевания Русью болгарского царства. Академик пишет о Святославе: «…Его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии». По-моему, это настоящий шедевр политической тактичности.

Развить успех византийцы не смогли, потому что Цимисхий был вынужден перекинуть войска в Малую Азию, где восстали сторонники свергнутого императора Никифора.

На некоторое время в русско-византийской войне наступило затишье.

В болгарской столице Великом Преславе под присмотром русского гарнизона сидел новый царь Борис. Сам Святослав обосновался в Переяславце, продолжая совершать набеги на византийские земли.

Так продолжалось до апреля 971 года, когда Иоанн Цимисхий наконец решил положить этому конец. Он лично возглавил большую армию, а Дунай запер флотом из 300 кораблей, чтобы русские не могли уйти. Император рассчитывал уничтожить неприятеля без остатка.

Задача оказалась трудновыполнимой. Преслав греки захватили, русский отряд оттуда изгнали, взяли в плен болгарского царя, но потом надолго застряли у крепости Доростол (современная Силистрия), к которой Святослав стянул свои основные силы.

После трехмесячной осады, в которой обе стороны понесли большие потери, произошла упорная битва. Победителя она не выявила. Когда Святослава ранило стрелой, русские отступили в крепость, но и греки были обескровлены.

> Византийские авторы сообщают ряд любопытных подробностей об осаде Доростола. Лев Диакон утверждает, что русские хорошо сражаются в пешем строю, а искусством кавалерийского боя совсем не владеют. (В это можно поверить, учитывая, что варяги изначально не конные воины, хотя непрерывные стычки с кочевниками должны были научить киевских воевод основам кавалерийской тактики). Не умеют русы и противостоять метательным машинам византийцев. «Каждый день от ударов камней погибало множество скифов», пишет историк. Зато в рукопашной схватке они неостановимы: «Росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя, как одержимые, на ромеев».
>
> После битвы осажденные на глазах у врага устроили тризну с человеческими жертвоприношениями. «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев, а также петухов, топя их в водах Дуная».

Тризна после битвы у Доростола

Г. Семирадский

После такого кровопролития обе стороны были рады заключить мир. Император уже не надеялся уничтожить русских без остатка; Святослав понял, что Болгарии он не удержит.

Условия мира были почетными: уцелевшие воины брали с собой захваченную добычу и даже получили от греков в дорогу продовольствие; торговля между Киевом и Константинополем восстанавливалась.

И всё же победу в этой войне несомненно одержала Византия.

Империя не только отразила нападение с Севера, но и расширила свои владения, покорив прежде враждебную Болгарию. Святославу же пришлось отказаться от планов основать державу с центром на Дунае.

Возможно, через некоторое время воинственный князь собрал бы новую силу и опять попытался осуществить свое намерение, однако его дни были сочтены.

Герой или авантюрист?

Летопись повествует, что Святослав не смог добраться до Киева, ибо у днепровских порогов его поджидали печенеги. Князь был вынужден зимовать в степи, и в стане русских «бысть глад велик», так что за конскую голову давали по полгривне серебра. Весною Святослав все-таки тронулся в путь, решив прорваться, но пал в неравном бою. Печенежский вождь Куря сделал из черепа

убитого князя чашу для вина. (Этот зловещий ритуал существовал у степных народов с незапамятных времен — его придерживались еще Геродотовы скифы).

Чаша из черепа

Тибет

В том, что печенеги устроили русским засаду, летопись обвиняет переяславцев, которые якобы предупредили кочевников, что добычи у Святослава много, а людей мало. Если так, вряд ли болгар можно осуждать — князь приходил к ним с войной дважды и, вполне вероятно, явился бы снова. Некоторые историки подозревают в коварстве Цимисхия — это тоже вполне возможно и было бы в привычках византийской дипломатии. Но, думается, печенеги и без подсказки сообразили бы, что им выпадает отличный способ поживиться. Не исключено также, что степняки жаждали мести, — ведь их сородичи, поверившие Святославу и пошедшие с ним на Константинополь, все полегли в сражении под Аркадиополем.

Почему князь не обошел пороги на конях, как советовал ему старый Свенельд, понятно — все лошади были съедены в голодную зиму. Неясно вот что: как вышло, что Ярополк за всю зиму не нашел возможности прислать из Киева подмогу отцу? Можно предположить, что сын не очень-то желал, чтобы великий князь вернулся — тогда пришлось бы уступить ему престол. К тому же в летописи нет сведений о каких-либо попытках отомстить Куре за убийство отца и глумление над его останками. Там просто сказано: «Нача княжити Ярополк» — и всё, как будто ничего особенного не произошло. Более того — несколько лет спустя, во время междоусобной войны, Ярополк раздумывает, не отправиться ли ему за помощью к печенегам, то есть явно не держит на них зла.

Финал Святослава, в общем, логичен. Именно так и должен был окончить свои дни этот неукротимый и неугомонный воин.

Это первый из русских князей, который сквозь строки летописи и византийских хроник предстает перед нами не персонажем легенды, а реальной личностью с определенными чертами характера.

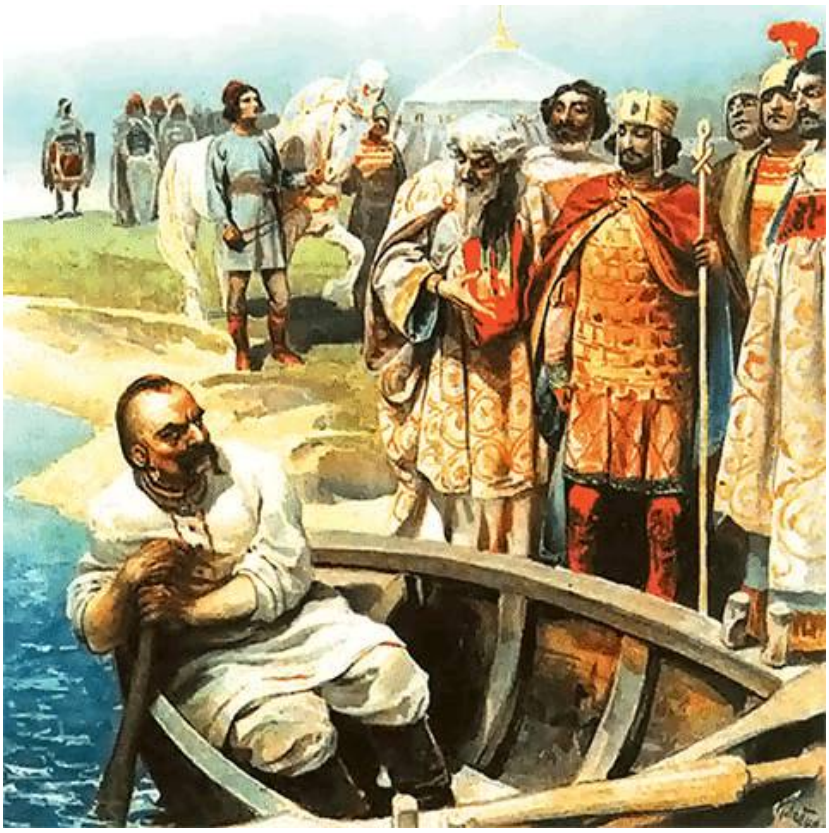
Он был архетипическим «человеком войны». Из точно такого же теста были слеплены многие завоеватели разных эпох и стран — от Александра Македонского до Карла XII Шведского.

Святослав был мрачен, аскетичен, безжалостен к себе, умел воспламенять сердца воинов правильно подобранными словами, но при этом не признавал никакой рисовки. У греческого историка Иоанна Скилицы описан эпизод, красноречиво демонстрирующий разницу между двумя видами храбрости — театральной греческой и суровой варяжско-русской. «Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Сфендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властителем всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает больше жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою…».

Они все-таки встретились, но не в схватке, а уже после заключения мира. То, как проходила эта встреча, тоже многое объясняет о Святославе.

Цимисхий явился к берегу реки пышно разодетый, в сопровождении златолатных телохранителей. Русский князь сидел в лодке, почти неотличимый от других гребцов. Только белая рубаха была чище, чем у остальных, да в ухе висела золотая серьга с рубином и двумя жемчужинами.

Но восхищаться доблестью и личной скромностью Святослава легко. Гораздо труднее дать адекватную оценку его княжению.



Святослав встречается с Цимисхием

К. Лебедев

Те отечественные историки, кто был озабочен не столько фактами, сколько их «правильной» интерпретацией, писали о Святославе Игоревиче восторженно. Так было и в царские, и в советские времена.

Генерал Нечволодов славил не только «великого Святослава», но и его вполне разбойничью дружину: «Это были настоящие сыны своей великой Родины и преданные друзья и слуги своего князя». Академик Рыбаков, придерживавшийся совершенно противоположной идеологии, тоже называет правление Святослава «блистательным».

Я же склонен согласиться с Карамзиным: «Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка».

Укорять Святослава, пожалуй, не за что — он был совершенно естественным порождением своей эпохи и воинственного варяжского воспитания, но приходится констатировать, что жертвы, подвиги и походы этого выдающегося полководца были напрасны.

Первая попытка российского государства превратиться в транснациональную империю окончилась крахом. Следующая произойдет очень нескоро, много

столетий спустя.

Владимир

Не будет преувеличением сказать, что князь Владимир Святославич, вошедший в официальную историю как Владимир Святой или Владимир Креститель, а в фольклор как Владимир Красно Солнышко, является главным героем «Повести временных лет», которая уделяет этому правителю больше внимания, чем какому-либо другому. Но рассказ этот неравномерен. Пространные, очень подробные эпизоды чередуются с лакунами, растягивающимися на годы. Жизнеописание состоит из нескольких блоков и фрагментов, важнейшим из которых для автора-монаха являются события, связанные с крещением Владимира и христианизацией страны. О военно-политических деяниях и государственном строительстве сведений гораздо меньше.

Памятник св. Владимиру в Киеве

П. Клодт

Однако в этот период в глазах окружающего мира Русь превращается из глухого края, где обитают опасные, но малоинтересные варвары, в значительную и, по понятиям того времени, цивилизованную страну, а киевский «король» («каган», «архонт») начинает восприниматься как пусть периферийный, но влиятельный европейский властитель. Поэтому информацию нашей изначальной летописи можно пополнить за счет иностранных свидетельств. Наконец, впервые появляются и альтернативные русские источники — например, «Память и похвала князю Владимиру» чернеца Иакова Мниха, сочинение по жанру религиозно-житийное, но написанное всего через несколько десятилетий после смерти Крестителя — можно сказать, по свежим следам.

Все эти тексты вместе взятые позволяют нам восстановить картину жизни и деяний Владимира с относительной полнотой.

Путь к трону

Год его рождения, впрочем, неизвестен. Если верно, что Святослав родился в 942 году, то Владимир, не старший из его сыновей, вряд ли мог появиться на свет ранее 960 года. Однако современник, немецкий монах Титмар Мерзебургский пишет, что князь умер в 1015 году глубоким стариком (даже для XI века пятьдесят пять лет «глубокой старостью» никак не считались); а в 970-е годы, в период борьбы за власть, княжич ведет себя как вполне зрелый муж, поэтому вероятнее, что летопись несколько омолаживает Владимира.

Известно, что матерью будущего великого правителя была некая Малуша из Любеча, ключница княгини Ольги — по тогдашним представлениям невольница. Это ставило ее ниже не только жен, но и других наложниц, а Владимир хоть и считался княжичем, но по статусу уступал единокровным братьям Ярополку и Олегу. По сведениям некоторых летописей, Малуша была удалена Ольгой из Киева за какую-то провинность, и бабушка воспитывала Владимира сама (однако к христианской вере приобщить не сумела).

Клеймо «холопища» и «рабичича» доставило юноше немало неприятностей. Когда Святослав распределял земли между сыновьями и новгородцы попросили собственного князя, третий сын был предложен им не без смущения — как кандидат несколько подмоченный. Новгородцы, впрочем, согласились, поскольку с ними предварительно поговорил Добрыня, брат Малуши и в дальнейшем главный советчик молодого князя.

Таким образом, к моменту гибели Святослава Игоревича Русь была поделена между тремя наследниками: Ярополк сидел в Киеве, Олег у древлян, Владимир в Новгороде. Принцип раздела страны между сыновьями лишний раз доказывает, что воинственный Святослав не был в достаточной мере наделен государственным предвидением. Вскоре после его смерти началась борьба за главенство — первый приступ болезни, которая в конце концов приведет Киевское государство к распаду.

Ярополк считался старшим в роде, но его власть, очевидно, распространялась только на столичную область. Ближним боярином при князе состоял старый Свенельд.

О периоде Ярополкова княжения почти ничего не известно. Мирная жизнь вскоре прервалась. Судя по инциденту, который летопись относит к 975 году, к этому времени отношения между братьями давно уже были враждебными.

Поводом к гражданской войне послужила драма на охоте. Лют, сын Свенельда, гонясь за зверем, оказался в заповедных угодьях Олега Древлянского. Это считалось серьезным нарушением феодального права. Узнав, что виновник — сын Свенельда, Олег велел его убить. Этот поступок был равнозначен объявлению войны.

Жаждущий отмщения Свенельд стал уговаривать Ярополка: «Поиди на брата своего и приимеши власть един его». Киевский князь напал на древлянского. В битве Олег потерпел поражение; во время панического бегства он упал с моста в ров и был задавлен трупами лошадей и людей. Летопись рассказывает, что Ярополк, увидев мертвого брата, плакал и горько корил Свенельда: «Вижь, иже ты сего хотяше». (Это последнее упоминание о Свенельде; с сего момента у Ярополка появляется новый ближний боярин по имени Блуд).

Устрашенный расправой над Олегом, Владимир Новгородский бежал за море к скандинавам, и Ярополк стал править русской землей один. Длилось его торжество недолго.

«Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою, — пишет Карамзин. — Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях Норманов, которых флаги развевались на всех морях Европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; прибыл с сей надежною дружиною в Новгород».

Нападение застало Ярополка врасплох. Собрать войско он не успел, а киевская дружина уступала численностью варяжской, которую Владимир и Добрыня наняли в Скандинавии, пообещав большую награду. И всё же Владимиру для победы над братом одного преимущества в силе оказалось недостаточно. Понадобилось коварство.

Летопись излагает историю падения Ярополка следующим образом.

Предатель Блуд

Киевский князь укрылся в столице, за крепкими стенами, где взять его было трудно. И тогда Владимир тайно вступил в переговоры с главным советником брата воеводой Блудом, пообещав: «Аще убью брата своего, имети тя начну в отца место своего, и многу честь возмеши от мене». Блуд соблазнился. (Скорее всего, летописец называет этого

человека не именем, а хулительным прозвищем, так как одно из значений слова «блуд» — «неверность»).

Предатель убедил Ярополка уйти из города, жители которого якобы готовились взбунтоваться. Князь послушался и переместился в городок Родень, не подготовленный к длительной осаде. Через некоторое время в крепости начался голод, и тогда Блуд стал убеждать Ярополка отправиться к брату на переговоры. Он сопроводил своего князя к месту встречи, пропустил первым в горницу, а потом запер двери. Оставшегося без охраны Ярополка люди Владимира, двое варягов, «подняли мечами под пазухи».

Так свершилось второе братоубийство, и в летописи не сказано, чтобы Владимир лил над братом слезы, как Ярополк над Олегом. Блуда победитель за предательство, правда, «в отца место» почитать не стал — в дальнейшем «Повесть» не содержит упоминаний об изменнике. Зато известно, что Владимир охотно привлек на свою сторону некоего воеводу Варяжко, до конца остававшегося верным Ярополку.

Хроника утверждает, что Владимир захватил Киев в 980 году, однако большинство историков полагают, что летописец ошибся в летоисчислении и случилось это двумя годами ранее. Да и сам автор хроники в другом месте пишет, что князь Владимир правил Русью 37 лет. Если считать от года смерти (1015), получается, что с 978 года.

Первая проблема, с которой столкнулся триумфатор, могла стать для него и последней. Наемное войско викингов, обеспечившее князю победу, состояло из отъявленных разбойников. Владимир полностью зависел от этой вольницы. Награда, которой потребовали норманны, была непомерно высокой: по две гривны серебра с каждого киевлянина. «Се град нашь», — заявили воины.

И вновь, как в истории с Блудом, молодой князь проявил впечатляющую изворотливость. Он попросил у варягов месяц отсрочки на то, чтобы собрать требуемую сумму, и за это время принял меры. Во-первых, внес раскол в ряды чужеземцев, переманив к себе «мужей умных, добрых и славных», — назначил их наместниками по городам. А во-вторых, вероятно, собрал военную силу, способную дать остальным викингам отпор. После этого тон наемников совершенно изменился. Они уже не добивались расплаты, а лишь просили отпустить их на службу к грекам. Владимир с большим облегчением отправил скандинавов в Константинополь, да еще предупредил императора, чтоб тот распределил головорезов по разным местам и ни в коем случае не держал у себя в столице — «или то створят ти в граде, яко зде». Надо полагать, что базилевс по достоинству оценил эту мудрую рекомендацию.

Убийство Ярополка

Б. Чориков

Теперь нужно было укрепиться на киевском «столе», где завоеватель, приведший в город шайку иностранных разбойников, вряд ли пользовался популярностью.

Традиционным способом повышения статуса являлся престижный брак, и со временем Владимир использует этот прием самым блестящим образом, добившись руки византийской царевны. Но до этого пока было далеко. Для начала сын рабыни поступил так же, как делали в подобных случаях другие сомнительные победители и узурпаторы (вспомним сватовство древлянского князя к вдове Игоря): он взял в жены вдову брата — ту самую красавицу-гречанку, в прошлом монахиню, которую Святослав привез в подарок старшему сыну из балканского похода. Она была беременна и вскоре родила сына, знаменитого в будущем Святополка Окаянного. Официально он считался Владимировичем, но летопись называет его сыном «от двою отцю» и этим обстоятельством объясняет дальнейший конфликт между

Владимиром и Святополком. Однако для киевлян символическое значение брака было вполне очевидно: младший брат занял место старшего и на престоле, и в опочивальне.

Гордая Рогнеда

В «Повести» есть интересный сюжет, демонстрирующий, насколько ущербным было положение «сына рабыни» в глазах современников.

Сразу после высадки в Новгороде, еще до начала похода на Киев, претендент был озабочен тем, чтоб обзавестись как можно большим количеством союзников. В Полоцке правил конунг Роговолд, и Владимир посватался к его дочери Рогнеде. Та отказала, высокомерно молвив, что не станет «разувать робичича» (по свадебному ритуалу невеста должна была разуть своего суженого), и если уж выйдет замуж, то за Ярополка.

Владимир и Рогнеда

А. Лосенко

Такого оскорбления Владимир снести не мог. Он присоединил к своей варяжской дружине славянское и финское ополчение, напал на Полоцк и убил Роговолда с сыновьями, а Рогнеду взял насильно.

О дальнейшей судьбе этой женщины сохранилось следующее предание.

В Киеве, после победы, Владимир обзавелся целым гаремом и стал относиться к Рогнеде с пренебрежением. Гордая княжна не могла этого стерпеть. Однажды ночью она попыталась зарезать ненавистного мужа — Владимира спасло лишь то, что он вовремя проснулся.

Вместо того, чтобы молить о пощаде, Рогнеда накинулась на князя с упреками: «Уж мне горько стало: отца моего ты убил и землю его полонил для меня, а теперь не любишь меня и младенца моего».

Владимир решил казнить преступницу собственной рукой, на что по обычаю имел полное право. В знак того, что это будет не убийство, а именно казнь, он приказал жене надеть свадебный наряд и ждать у себя в покоях.

От смерти Рогнеду спасла находчивость. Она успела вызвать к себе первенца, маленького Изяслава, и при нем Владимир не смог зарубить преступницу. Он лишь отселил ее от себя в специально построенный город Изяславль, где Рогнеда жила, пользуясь всеми правами княгини, вплоть до «законной», то есть христианской свадьбы Владимира.

«Величайший прелюбодей»

Отношениям Владимира с женским полом в летописи и иностранных хрониках вообще уделено довольно много внимания. «Бе же Володимир побежен похотью женьскою», — сокрушается автор и сообщает довольно фантастические цифры: будто бы у князя было триста наложниц в Вышгороде (замок близ Киева), триста в Белгороде и двести в Берестове (загородная резиденция). «И бе несыт блуда, и приводя к себе мужьскыя жены (замужних женщин) и девици растляя», жалуется летописец, уподобляя князя библейскому сластолюбцу царю Соломону. Далее следует сентенция: вот-де, Соломон славился мудростью, а погиб; Владимир же, даром что был «невеглас» (неуч), но благодаря христианству спасся — так что, возможно, автор преувеличивает масштабы княжеского любвеобилия именно ради эффектного сравнения с Соломоном.

Однако Владимир дохристианской поры действительно поражал современников своими чувственными аппетитами. Карамзин пишет: «Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности». Титмар Мерзебургский именует киевского государя fornicator maximus, то есть «величайший прелюбодей». Немецкий хронист тоже поминает многочисленных наложниц и еще приводит сплетню о том, что Владимир будто бы надевал для любовных утех какой-то «венерин набедренник» (lumbare venereum).

Из всех грехов, приписываемых летописью Владимиру, разврат — далеко не худший. Молодой князь предстает в «Повести» редкостным негодяем. История с насилием над Рогнедой прямо у тел ее убитых родственников отвратительна. Гнусно выглядит вероломное умерщвление брата. Да и с варягами, добывшими Владимиру победу, он обошелся не слишком порядочно. Однако все эти события описаны без особенного осуждения. Наихудшим из злодейств, с точки зрения автора, была попытка укрепления язычества на Руси.

Владимир, по-видимому, от природы обладал задатками выдающегося правителя. Уже в ранней молодости он руководствовался в своих действиях политической целесообразностью. Так, он очень хорошо понимал, что сильная власть невозможна без сильной религии, и вначале попытался превратить верования, которые исстари существовали у славян, в настоящий государственный культ.

«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими».

Форсированное возвеличивание языческого пантеона объяснялось еще и тем, что при Ярополке в Киеве верховодила христианская партия и теперь требовалось подорвать ее влияние. Однако главным мотивом, видимо, всё же была потребность в религиозно-идеологической поддержке княжеской власти. Если бы проблема ограничивалась только Киевом, Владимир не отправил бы своего дядю Добрыню со специальной экспедицией в Новгород — дабы установить там большого идола и принести ему жертвы. Это была именно попытка преобразовать дедовскую веру в полноценную церковь.

Для демонстрации серьезности своего намерения князю понадобились суровые меры, способные впечатлить подданных. «Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обагрить алтари, — пересказывает летопись Карамзин. — Исполняя совет Бояр и старцев, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов, — и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином». Эти двое варягов стали первыми русскими мучениками — они были растерзаны толпой за то, что обозвали истуканов «древом»: «днесь есть, а утро изъгнило есть».

Прошло несколько лет, прежде чем Владимир понял, что многобожие для его целей не годится. Централизованному государству и единовластию нужна сильная монотеистическая религия, в которой небесная иерархия соответствовала бы земной.

Святой Креститель

На исходе первого тысячелетия властители разных стран и разных культур, каждый своим путем, приходили к такому же выводу.

Мы видели, как еще в IX веке хазарские каганы отказались от религии предков и приняли иудаизм, чтобы отобрать власть у беков, светских вождей своего царства. Волжские булгары, связанные торговыми интересами с арабским востоком, предпочли ислам. Скандинавские монархи обратились к римскому христианству (датский король — в 974 году, норвежский — в 976-м). Польский правитель Мешко принял крещение в 974 г., венгерский — в 985-м. Таким образом, киевский князь следовал примеру других властителей, озабоченных укреплением государства.

Давайте сначала посмотрим, как излагает ход и логику этих знаменательных событий «Повесть временных лет». Глава эта столь длинна и наполнена таким количеством благочестивых отступлений, что лучше дать ее в пересказе.

В 986 году к Владимиру вдруг являются представители четырех основных конфессий и начинают склонять князя всяк к своей вере.

За ислам агитируют волжские булгары, соблазняют мусульманским раем, где праведники будут «с женами похоть творити блудную». Это распутному Владимиру нравится, но его смущает необходимость «обрезати уды тайныя» и не есть свинины, а более всего не устраивает отказ от алкоголя. Здесь князь произносит, вероятно, самый известный слоган всей русской истории: «Веселье Руси есть пити, не можем без того быти».

Потом перед князем предстают посланцы Рима. Соблазняют тем, что в их религии пост нестрогий, ешь и пей сколько хочешь. Князь не впечатлен.

Владимир (почему-то с седой бородой, хотя ему в это время еще нет тридцати) выбирает религию

И. Эггинк

Являются хазарские иудеи, начинают похваляться, что распяли христианского бога. Владимир сражает их едкой репликой: «Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Совсем по-другому разговаривает он с греческим «философом». Тот, как водится, сначала ругает конкурентов. Про мусульман лжет, что они, «подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета» (Владимир на это плюется). Римскую церковь обвиняет в том, что она неправильно отправляет службу на опресноках, хотя нужно на квасном хлебе. (Владимир никак не реагирует, эти тонкости ему безразличны). Иудеев миссионер разоблачает аргументом, уже известным князю: они рассеяны по иным землям в качестве наказания Господня. Далее начинается длинная лекция о христианстве, которую Владимир перебивает сочувственными вопросами. Заканчивается беседа тем, что «философ» показывает картину, на которой изображен Страшный Суд, справа — праведники в раю, слева — грешники в аду. Владимир замечает: «Хорошо этим, справа, и плохо тем, что слева». Крестись, говорит ему грек, и будешь справа. Но князь отвечает: «Пожду еще мало» — и отпускает византийца с честью.

На следующий год Владимир собирает «бояр своих и старцев градских», чтобы посоветоваться, какую веру выбрать. Те предлагают не верить никому на слово, а съездить и посмотреть, как служат Богу в разных землях. Посольство из десяти «мужей добрых и смысленных» отправляется к булгарам, к «немцам» и к грекам (к хазарам они не едут, из чего можно заключить, что иудаизм отсеялся на первом этапе). Самое большое впечатление на инспекторов производит греческое богослужение: «Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать». Владимир вроде бы соглашается и даже задумывается, где именно ему принять крещение, но всё еще медлит.

Затем летописец, как может показаться, отклоняется от темы и начинает подробно рассказывать о военном походе 988 года на Корсунь (Херсонес Таврический) — большой крымский город, принадлежавший Византии. Взять крепость Владимир никак не может, осада затягивается. Наконец один корсунянин пускает в русский стан стрелу, к которой привязана записка: если перекрыть воду, поступающую в город по подземным трубам, осажденные сдадутся. «Коли сбудется это, крещусь!» — восклицает князь. Оставшийся без воды Корсунь сдается, но и теперь Владимир не спешит принимать христианство. Он посылает византийским императорам-соправителям Василию и Константину предложение: если они отдадут за него свою сестру, город будет возвращен империи. Базилевсы отвечают, что не могут выдать царевну за язычника. После некоторой торговли относительно того, что должно произойти раньше — крещение или приезд

царевны, стороны приходят к соглашению: Анна приедет со священниками, они совершат обряд крещения, а затем состоится венчание.

Последней каплей, окончательно разрешившей сомнения Владимира, становится болезнь, поразившая его «по божественному промыслу»: князь вдруг слепнет. Прибывшая в Корсунь царевна говорит, что нужно поскорее стать христианином и тогда недуг пройдет. Тут-то Владимир наконец крестится. Едва епископ «возложил на него руку», как слепота сразу прошла. И многие приближенные, увидев это, тоже стали христианами. (Между прочим, с хитрого Владимира вполне сталось бы инсценировать временную слепоту, чтобы преодолеть предубеждение тех дружинников, которым не нравилась идея перехода в чужеземную религию).

Отдав Византии Корсунь как «вено» (свадебный выкуп) за царевну, Владимир возвращается в Киев. Там он велит изрубить или сжечь идолов, которых совсем недавно с такой помпой установил, а главного из них, Перуна, привязывают к хвосту коня, колотя палками, и сбрасывают в реку.

Поскольку киевляне не очень-то хотят креститься, князь объявляет, чтобы назавтра все пришли к реке, а кто не придет — «противник мне да будеть». После этого все, конечно, являются, и свершается массовое крещение.

Случилось это, согласно летописи, 28 июля (по Григорианскому календарю) 988 года.

Крещение Руси

Гравюра с картины К. Лебедева

А теперь давайте пройдем по канве событий еще раз, чтобы получить ответы на возникающие по ходу чтения вопросы и привести версию «Повести» в соответствие с другими историческими источниками.

Начнем с того, что никакого открытого конкурса конфессий скорее всего не было — это не более чем притча, полемический прием, с помощью которого монах-летописец прославляет свою веру и принижает иные.

В конце X века у Владимира не могло существовать серьезных сомнений относительно того, что в качестве государственной религии выбирать следует христианство, причем именно византийского толка.

Ислам вряд ли мог вызывать в Киеве особенное почтение, поскольку ассоциировался прежде всего со слабым волжско-булгарским царством, которое русские не раз побеждали. До Рима было далеко, серьезных политико-экономических связей с ним у Руси не существовало, а западноевропейская империя только-только сформировалась и не могла восприниматься как нечто, равнозначное великой и вечной Византии. Об иудаизме нечего и говорить: он был дискредитирован тем, что хазарские каганы к тому времени сами от него отказались и приняли ислам, попав в политическую зависимость от Хорезма.

Таким образом, речь могла идти только о греческом христианстве. И отправлять в Царьград послов с инспекционной поездкой, чтобы проверить, красиво ли греки чествуют Бога, Владимиру, разумеется, было незачем. Русские купцы и воины и без того часто бывали в византийской столице.

Вопрос заключался только в одном: как и на каких условиях присоединится Русь к греческой церкви.

Аргументом в этом споре и стал крымский поход Владимира, никак не объясненный летописью.

Предыстория этой военной экспедиции такова.

Молодой базилевс Василий II (976 1025), при котором Византии суждено было достичь вершин могущества, в первые годы своего правления столкнулся с трудными проблемами.

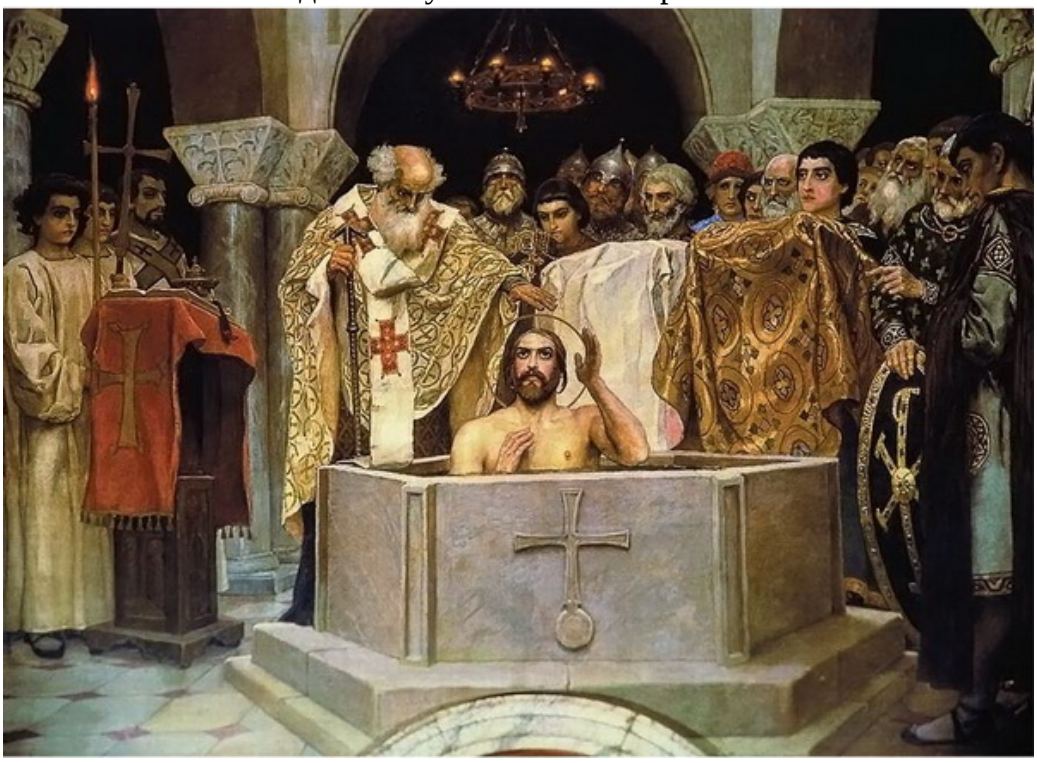
Болгария, покоренная было Иоанном Цимисхием, вновь взбунтовалась и незадолго до описываемых событий, в 986 году, нанесла византийцам тяжелое поражение.

Еще хуже обстояли дела внутри самой империи, раздираемой мятежами. Племянник свергнутого Никифора Фоки захватил Малую Азию и шел на Константинополь. Поэтому в начале 988 года Василий прислал в Киев послов с просьбой о военной помощи.

Владимир выдвинул условие — отдать ему в жены царскую сестру. Требование было неслыханно дерзким. Законы византийской монархии запрещали брак «багрянородной» принцессы (то есть родившейся у правящего монарха, в особой Багряной палате дворца) с любыми иностранцами, не говоря уж о язычниках. Всякий правитель, который получил бы в жены «порфирогенитую» царевну, невероятно возвышался в глазах всего тогдашнего мира. Западноримский

император Оттон II и французский король Гуго в свое время попытали счастья — и получили отказ.

Василий находился в таком отчаянном положении, что спорить не стал, однако и выполнять скандальное условие не собирался.



Крещение Владимира

В. Васнецов

После того как Владимир послал базилевсу на выручку шеститысячное варяжское войско, с помощью которого мятежники были разгромлены, Константинополь и не подумал отправлять в Киев царевну.

Тогда-то, чтобы заставить греков исполнить обещанное, Владимир и захватил Корсунь. Он был согласен принять христианство — но лишь в качестве платы за брак и не соглашался креститься, пока Анна не прибудет в Крым.

Титмар Мерзебургский, скандализованный этим мезальянсом, пишет в своей «Хронике», что Владимир «учинил большое насилие над изнеженными данайцами» (то есть греками).

Точно неизвестно, где именно князь принял христианство, но видимо это произошло именно в Корсуни, накануне свадьбы, и обряд был совершен священниками из свиты царевны. Неслучайно Владимир был наречен Василием, как бы признавая себя духовным чадом базилевса.

Креститься самому и понудить к этому приближенных было легко. Но на обращение в новую религию населения страны понадобилось много времени и сил. Из летописи ясно, что столичных жителей сделали христианами при помощи

запугивания — и сугубо формально, ничего толком не объясняя. Скорее всего, киевляне восприняли непонятный обряд с залезанием в воду как очередную прихоть сурового властителя и, хоть повесили на шею крестики, все равно остались при прежних верованиях.

Владимир и не стремился проникнуть в душу подданных — ему довольно было внешнего соблюдения новых установлений.

Однако и с этим получалось не гладко.

Известно, что в Новгород пришлось снарядить целое войско во главе с боярином Добрыней. Новгородцы отказались от язычества лишь после ожесточенной борьбы. В ходе столкновений были убиты жена Добрыни и несколько его родичей. Киевским карателям пришлось поджечь город — лишь тогда местные жители объявили себя христианами. Идолы были уничтожены, разрушенную во время беспорядков церковь Преображения восстановили, горожан заставили надеть крестики.

Во времена Владимира даже подобным, исключительно декоративным образом христианство распространилось по стране лишь узкими полосами, вдоль водного пути. К лесным племенам, находившимся в стороне от этой трассы, еще несколько веков ходили миссионеры. Есть сведения, что вятичи и в XIII веке оставались язычниками. В конце концов, всё русское и финское население Руси приняло христианство, но народное православие вобрало в себя и сохранило множество обычаев прежней веры.

Владимир, очевидно, и не рассчитывал на скорый результат. Он действовал последовательно и основательно.

Первым шагом, совершенно разумным, было строительство множества церквей — причем на тех же местах, где раньше находились капища и стояли идолы. Ни в коем случае нельзя было допустить религиозного вакуума.

Постепенно возникла и стала развиваться церковная иерархия — с митрополитом в Киеве и областными епархиями, которых к концу Владимирова княжения насчитывалось семь: Новгородская, Полоцкая, Черниговская, Волынская, Туровская, Белгородская и Ростовская.

Трудно переоценить роль, которую введение христианства сыграло в русской истории. Это одна из самых важных вех в эволюции государства и культуры, в формировании нации; событие не столько религиозного, сколько цивилизационного значения. Благодаря новой вере — не сразу, постепенно — произошел качественный скачок в представлениях о правильности и неправильности, приемлемом и неприемлемом поведении, Добре и Зле.

Нравы дохристианской эпохи были суровы и жестоки. Наши ранние историки описывают их, словно бы извиняясь за неприличное варварство пращуров. Еще Татищев сетовал на «мерзкое зловерие и злоключение» предков, которые жили «безумно и вредно». «Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться», — пишет Карамзин — и все-таки стыдится.

Христианство упразднило человеческие жертвоприношения, многоженство, кровную месть, однако гораздо важнее то, что эта милосердная религия заложила в умы принципиально иную этическую основу. Крестившись, люди автоматически не стали нравственнее. На протяжении последующих веков они точно так же проливали кровь, нарушали все христианские заповеди, вели себя по-скотски. Но раньше, совершая всевозможные злодейства, они считали себя молодцами (вспомним месть княгини Ольги), а теперь стали сознавать, что поступают скверно. Идея о том, что убивать, воровать, изменять, обижать слабых нехорошо, сегодня кажется нам азбучной истиной. Для вчерашних язычников это, вероятно, было революцией сознания.

Но религия оказывала влияние не только на нравы. Церковь очень скоро превратилась в одну из опор, на которых держалось всё русское государство. Иногда — единственную опору. В самые тяжкие времена от России оставались только язык да церковь, причем последняя оказалась прочнее. Разделенный границами, русский язык через некоторое время начинал делиться (на великорусский, украинский, белорусский), церковь же неизменно тяготела к единству и в конце концов вновь собирала рассыпавшиеся осколки страны воедино.

Академик Рыбаков, которого так приятно цитировать, пишет: «Но русский народ дорогой ценой заплатил за эту положительную сторону деятельности церкви: тонкий яд религиозной идеологии проникал (глубже, чем в языческую пору) во все разделы народной жизни, он притуплял классовую борьбу, возрождал в новой форме первобытные воззрения и на долгие века закреплял в сознании людей идеи потустороннего мира, божественного происхождения властей и провиденциализма, то есть представления о том, что всеми судьбами людей всегда управляет божественная воля».

И действительно, в истории православия не всё так благостно, однако, по моему разумению, главная проблема русской церкви не в том, о чем пишет советский историк. Церковь раз за разом — парадоксальным образом — оказывалась сильной в годину слабости и слабой в эпоху силы. Когда, благодаря митрополии, воскресло и окрепло русское государство, духовная власть срослась со светской до такой степени, что по сути дела превратилась (после XVII века) в одно из казенных учреждений. Это усилило ее мирскую мощь и ослабило духовную. Впрочем, к тому времени российское государство уже стояло прочно и могло обойтись собственными ресурсами.

Исторически определяющим, судьбоносным для России стало то, что Владимир Креститель избрал христианство не западной, а восточной ветви. Сделал он это из политических соображений: в 988 году Рим был в запустении, Западная Европа жила скудно, а Византия казалась великолепной и могущественной. От самого своего истока Русь взяла себе за образец греческую империю и в результате стала сначала отростком, а затем преемником византийской цивилизации — не только в религиозном, но, что еще более важно, в

культурном, правовом и государственном смысле: не столько «Третий Рим», сколько «Второй Царьград».

Обменяв руку царевны на приобщение Киева к своей церкви, Константинополь не добился политического подчинения Руси, но включил ее в зону своего духовного влияния. Позднее, когда империя пришла в упадок и вовсе исчезла, Россия стала центром православного мира, жившего и развивавшегося не по европейскому, а по собственному пути. В идеологии «собственного пути», сформировавшейся примерно тогда же, когда перестала существовать Византия, есть свои плюсы и свои минусы. Мы еще не раз будем касаться этой темы.

Войны

О ратных предприятиях Владимира летопись рассказывает по большей части скороговоркой, без подробностей, очевидно, малоинтересных сто с лишним лет спустя, после многочисленных новых конфликтов. О наступательных походах князя в «Повести» говорится совсем коротко, о войнах оборонительных — пространнее, ибо они происходили на русской земле и лучше запомнились населению.

Все довольно многочисленные войны Владимирова княжения можно разделить на три категории.

К первой относятся усилия, направленные на расширение территории государства — главным образом за счет восточнославянских племен, еще сохранявших независимость или же отбившихся от Киева во время братоубийственной свары 970-х годов. Так, Владимиру пришлось вновь завоевывать радимичей и вятичей, причем на последних князь был вынужден идти с мечом дважды, прежде чем они смирились.

Территория Руси при Владимире и его походы

М. Руданов

Важным актом было покорение западной («Червеной», то есть Красной) Руси, современной Галиции, где пришлось потеснить новорожденное польское княжество.

Кроме того, Владимир ходил походом на Днестр, где обитали белые хорваты, посадил своего сына Мстислава править отдаленной Тьмутараканью и обложил данью (но не присоединил к державе) литовское племя ятвягов.

Войны второго типа преследовали не экспансионистские цели, а должны были обозначить и закрепить возросшее значение Киевской Руси. К этой категории, например, следует отнести крымский поход 988 года «за невестой». По меньшей мере дважды Владимиру пришлось выяснять оружием отношения с Польшей. Помимо того, русские добили хазар, обложив их данью, и дважды предпринимали экспедиции против волжских булгар.

Результатом подобной деятельности великого князя (ее можно назвать военно-дипломатической) стали договоры, которые были заключены с соседними державами и зафиксировали новый статус русского государства.

Но самыми тяжелыми были войны вынужденные, когда приходилось не наступать, а защищаться. Из-за ослабления хазарского каганата значительно усилились печенеги, орды которых всё чаще и чаще нападали на Русь. За время правления Владимира это случилось не менее шести раз: в 990, 992, 993, 995–997, 1001 и 1013 годах.

Тяжелее всего была война 995–997 годов, которая началась с тяжелого поражения у Василева. «Не мог Володимер стерьпети противу, подбегь, ста под мостом и едва укрыся от противных», — рассказывает летопись. Очевидно, князь был совершенно разбит, остался без войска и чудом уцелел, спрятавшись от «противных» печенегов под каким-то мостом.

В «Повести временных лет» описаны два колоритных эпизода борьбы со степными ордами.

Предание о Кожемяке

Когда в 993 году Владимир возвращался из похода против белых хорватов, большая орда перешла границу и вторглась на русскую территорию. Князь встретился с печенегами у реки Трубеж. Враги предложили не устраивать кровопролитие, а выпустить на единоборство по богатырю: если победит русский, степняки уйдут и три года не будут нападать на Русь; если одолеет печенег, то в течение трех лет орда станет беспрепятственно грабить княжество.

Разослал Владимир по лагерю гонцов — не сыщется ли где муж, способный постоять за отчизну? Никого найти не смогли. Наутро выпустили печенеги своего бойца, но некому было с ним сразиться.

Тогда пришел к князю некий старик и рассказал, что есть у него младший сын-кожемяка, который, единственный из пяти братьев, не пошел на войну и остался дома. Не было случая, чтобы кто-то мог в борьбе повалить его наземь.

Испытание силы Яна Усмаря

Г. Угрюмов

Доставили юношу-усмаря (кожевенника). Для начала устроили ему испытание — слишком многое зависело от исхода поединка.

Взяли могучего быка и прижгли его раскаленным железом, чтобы разъярить. Взбешенный бык понесся, сметая всё на своем пути. Юноша на бегу схватил его рукой за бок и вырвал большой кусок шкуры вместе с мясом. Тогда Владимир поверил в силу богатыря и позволил ему биться.

Вышли навстречу друг другу два борца (поединок был без оружия). Печенег был огромен, русский — среднего роста. «И възрев печенежин и посмеяся». Но кожемяка удавил врага голыми руками и швырнул наземь уже мертвым. «И вьскликоша русь, а печенезе побегоша». На том месте в память о чудесной победе князь заложил город Переяславль, «зане перея славу отрок».

Предание о колодцах

В 997 году, когда шла затяжная война с печенегами, Владимиру пришлось уйти на Новгородчину, за подкреплением. В это время враги осадили Белгород, главную крепость русской оборонительной линии. Прийти осажденным на выручку князь не мог — не было достаточно сил.

После продолжительной осады, истощив запасы продовольствия, белгородцы собрались на вече и порешили сдаться: «Вдадимся печенегом, да кого ли оживят, кого ли умертвят, уже помираем от глада». Но один уважаемый старец, отсутствовавший на собрании, сказал людям: «Потерпите еще три дня, а потом уж сдавайтесь. Но сначала сделайте, как я велю».

Он попросил собрать последние остатки овса, пшеницы и отрубей, сварить жидкую кашу. Эту кашу налили в большую бадью, которую спустили в колодец. Еще отыскали в княжеской кладовке лукошко меда — из него старец велел сварить сладкое питье. Его тоже перелили в бадью, опустили в другой колодец.

После этого отправили послов к печенегам. «Идете в град и видите, что ся дееть в град нашем». На всякий случай потребовав в заложники десять белгородцев, печенеги отправились осматривать крепость. Враги думали, что предстоят переговоры о сдаче.

Но вышло иначе. В городе им сказали: «Почто губите себе? Коли можете перестояти нас? Аще стоите десять лет, что можете створити нам? Имеемь бо кормьлю от земля. Аще ли не веруете, да видите своима очима». И показали, как достают из одного колодца болтушку, из другого медовое питье. Сделали варево, угостили печенегов. Дали в корчаге с собой — чтобы военачальники тоже попробовали, а то не поверят.

Тут печенеги поняли, что не возьмут Белгород измором, и ушли прочь.

Обе эти истории похожи на сказку, однако, в отличие от многих других преданий, содержащихся в летописи, не являются перепевом блуждающих фольклорных сюжетов. Поэтому вполне возможно, что какие-то схожие события произошли на самом деле. Во всяком случае, тот самый богатырь Ян Усмошвец (то же, что «усмарь») упоминается и впоследствии — как воевода князя Владимира, сражающийся с печенегами.

«Красно Солнышко»

Оборона Руси от печенегов — главная забота всего Владимирова княжения: самая затратная статья государственных расходов, важный стимул к строительству новых городов, причина перераспределения населения.

В летописи рассказывается, как князь, озабоченный тем, что Киев мало прикрыт крепостями, распорядился ставить городки по рекам, находящимся к востоку и югу от столицы, и переселил туда «мужей лучших» из новгородских словен, кривичей, вятичей и чуди.

Так постепенно возникла мощная оборонительная система, состоявшая из крепостей с гарнизонами, сторожевых застав и земляных валов с частоколами. Всего было четыре линии, одна позади другой. Они тянулись с юга на север почти

на тысячу километров — своего рода Великая Русская Стена. Городки находились на расстоянии в 15–20 километров друг от друга, обычно около речных бродов, где могла переправиться печенежская конница. Остановить большое нашествие эти укрепления, конечно, не могли, но они замедляли стремительное продвижение орды, а главное — по эстафете, дымовыми сигналами — предупреждали Киев об опасности, чтобы столица успела приготовиться к отпору.

Именно так возникли Переяславль и Белгород, где обычно стояли главные силы русского войска.

Для удобства сообщения с этими пунктами на Руси впервые стали прокладывать дороги — раньше перевозить грузы можно было только по рекам или зимой на санях.

Благодаря градостроительству появились профессиональные зодчие, причем дома возводились не только деревянные, как прежде, но и каменные. Кроме всех прочих эпитетов князя Владимира следовало бы наречь еще и Строителем. Если крепости он ставил только вдоль степных рубежей, то церкви — по всей стране. «Материальному обеспечению» христианизации Владимир придавал не меньше значения, чем защите от внешних врагов.

Сколь бы прагматичными ни были мотивы, по которым Владимир решил принять крещение, к Христовой вере он отнесся с усердием неофита. Судя по летописи, даже воспринял некоторые заветы слишком буквально.

Например, он отселил всех своих наложниц, предложив им выбрать иных мужей (как известно, другие христианские государи бывали к себе более снисходительны). Заповедь «не убий» до такой степени впечатлила властителя, что он перестал карать преступников смертной казнью — весьма экзотическое нововведение для той жестокой эпохи. Тут даже присланные из Византии епископы пришли в недоумение: «Се умножишася разбойници, почто не казниши?» «Боюся греха». Тогда епископы объяснили князю, что Бог дозволяет казнить злых людей, только сначала нужно произвести над ними суд. Владимир успокоился и восстановил смертную казнь.

Из этого эпизода видно, что наряду с традиционной системой принятия государственных решений, когда князь советовался с боярами, старшей дружиной и городскими старейшинами, появилась новая авторитетная инстанция: духовенство. Церковь не только давала правителю духовные наставления и разъясняла смысл христианских законов, но и демонстрировала принципиально иной способ управления паствой, а стало быть и подданными.

Прежде на Руси не существовало представления о едином законе. Все действия власти подчинялись одной лишь примитивно понимаемой целесообразности и опирались на угрозу применения силы. Церковь же в своих решениях руководствовалась сводом правил, одинаковым для всех и неукоснительно соблюдавшимся. Идея праведного суда пришла на Русь через церковный суд. Созданный в Византии, стране с давней юридической традицией, этот институт был разумно устроен и хорошо разработан. А будучи по своему духу христианским, он распространял более гуманные представления о нравственности,

грехе, милосердии. Для церкви не существовало раба и господина, все считались братьями и сестрами во Христе, а сирым и убогим истинный христианин был обязан помогать.

Эта идея, неслыханная для языческого общества, особенно поразила Владимира. Он ввел в обычай бесплатное кормление киевской бедноты. Телеги с хлебом, мясом, рыбой и медом разъезжали по городу, и всякий мог утолить свой голод. По воскресеньям ворота княжеского дворца распахивались и на столы выставлялось угощение для простонародья.

«Ласковый» Владимир

Радзивилловская летопись

Неизвестно, сколько времени продолжался этот разгул благотворительности, но память о неслыханной щедрости князя сохранилась в народной памяти на долгие века. «Святым», «Равноапостольным» или «Крестителем» Владимира именуют только официальные источники, а в фольклоре, в былинах правителя называют «ласковым» и «Красным Солнышком»: он милостив, озаряет всех своим сиянием и беспрестанно пирует.

Правление Владимира связано еще с одним эпохальным событием: началом распространения книжности. Связано это было не с тем, что князь, как предполагает летопись, «бе бо любя книжная словеса», а с необходимостью обеспечить государственную религию штатом священников. Из Византии присылали представителей высшего духовенства, но не рядовых клириков. Их предстояло взрастить и обучить.

Князь взялся за эту колоссальную задачу с той же решительностью, с которой загнал в реку для крещения киевлян. У «лучших людей» забирали детей и отдавали их в «учение книжное». По свидетельству летописца, матери пришли в ужас от такого зверства и плакали о своих чадах, «акы по мерьтвуце плакахуся».

Именно тогда на Руси по-настоящему распространилась славянская грамота, изобретенная Кириллом и Мефодием еще за век до этого. Благодаря тому, что священные книги уже существовали в переводе на понятный язык, христианское учение было доступнее и понятнее.

Дети выросли и стали первым поколением русского духовенства. Это монахи со священниками будут составлять первые законы и писать летописи с житиями, благодаря которым мы сегодня имеем представление о собственной истории.

Российское государство в сказочно быстрый срок поднялось на высоту, немыслимую для предшественников Владимира.

Не самым важным, но знаковым свидетельством нового международного положения Руси стала чеканка собственной монеты. Острой нужды в своей валюте у Владимира не было — торговле вполне хватало арабского и византийского серебра, но это повышало престиж государства, выводило его в разряд первых держав тогдашнего мира. При этом Русь стала выпускать не только серебряные деньги, но и золотые («златники») — это уж исключительно для солидности.

Златник князя Владимира

На монетах, отчеканенных по византийским образцам, был изображен правитель на троне с подписью «Владимир на столе».

Так раннерусское государство вошло в период своего наивысшего расцвета, которому суждено было продлиться немногим больше полувека, захватив два княжения: Владимира и его сына Ярослава.

Незаконченное дело

Киевская держава несомненно оказалась бы прочнее и долговечнее, если бы Владимир успел довести до конца важную государственную реформу: установить твердый порядок престолонаследия. К сожалению, князю не хватило на это времени.

К концу своего тридцатисемилетнего правления Владимир добился очень многого — он по праву может считаться великим монархом.

Унаследовав плохо организованное, примитивное государство с повадками полуразбойничьего варяжского княжества, с дикими верованиями, человеческими жертвоприношениями, без письменной культуры, Владимир сделал Русь органичной частью тогдашнего цивилизованного мира. Его держава ни в чем не уступала другим европейским странам, а иные из них и превосходила.

Обновленная христианская Русь соединилась прочными связями — экономическими, политическими, семейными, церковными, культурными — с Византией; эти контакты дали мощный толчок развитию всех сторон национальной жизни.

Ценой огромных жертв и усилий Владимир выстроил эффективную систему обороны от хищных орд — печенегам так и не удастся ее взломать.

Наконец, князь произвел на свет многочисленное мужское потомство, гарантировав продолжение династии. Подрастая, сыновья получали в управление разные области большой страны, племена которой пока еще не слишком крепко были привязаны к Киеву и требовали неукоснительного надзора. Пока Владимир был жив и в силе, этот «семейный» принцип административного управления прекрасно работал. Однако обилие сыновей и невыстроенность взаимоотношений между ними таили в себе серьезную опасность.

Ни в славянской, ни в варяжской традиции не существовало твердого закона о престолонаследии, который обеспечивал бы бесконфликтную преемственность власти. Ясного представления о первородстве не было, какой-то иной иерархии между княжичами тоже не существовало. Владимир, сам пришедший к власти в результате братоубийственной междоусобицы, не мог об этом не задумываться. На исходе княжения, очевидно предчувствуя скорую смерть, он попытался назначить себе преемника, однако взялся за дело слишком поздно.

Всего летопись числит в потомстве Владимира тринадцать сыновей (некоторые умерли еще при жизни отца) и не менее десяти дочерей.

В последний период правления великого князя уделы были распределены между сыновьями-посадниками следующим образом: старший, Святополк (отпрыск Ярополка), сидел в Турове, правя дреговичами; в Полоцке находились дети уже умершего Изяслава; Ярослав был в Новгороде; Всеволод — во Владимире-Волынском; Святослав — у древлян; Мстислав — в Тьмутаракани; Станислав — в Смоленске; Судислав — в Пскове; Борис — в Ростове; Глеб — в Муроме.

Княжичи происходили от разных матерей, находились в скверных отношениях между собой, и можно было не сомневаться, что, едва лишь отца не станет, братья сцепятся в смертельной схватке. Владимир, вся жизнь которого прошла в борьбе за укрепление централизованного государства, попытался предотвратить неминуемое.

До введения закона о престолонаследии он не додумался. На Руси тогда вообще еще не существовало законотворчества. Даже в Византии не было твердого

правила перехода короны к старшему сыну. Скорее всего, Владимиру, привыкшему к неограниченной власти, сама идея о том, что закон может быть выше воли государя, показалась бы бредовой. Кого великий князь пожелает сделать своим наследником, того и назначит.

Если бы от почетного брака с византийской царевной родился сын, вероятно, вопрос о преемнике решился бы естественным образом, но Анна принесла только дочерей. С неродным Святополком, старшим из сыновей, отношения у Владимира, судя по летописи, были неважные. И великий князь поступил наиболее естественным образом: отдал предпочтение тому сыну, которого больше всего любил, — одному из младших, Борису, сыну «болгарыни» (очевидно, волжской).

Это событие, видимо произошедшее в 1014 году, вызвало ярость у Святополка и Ярослава, каждый из которых имел основания надеяться на престол: первый — по старшинству, второй — как старший из родных детей Владимира.

Великий князь, несомненно, предвидел такое развитие событий. Возможно, он нарочно спровоцировал мятеж, чтобы самому решить проблему старших сыновей, не оставляя ее юному Борису.

Действовал Владимир со всегдашней решительностью: Святополка он велел схватить и держать под стражей в крепости Вышгород близ Киева, а на Ярослава, находившегося в далеком Новгороде, собрался идти войной. На помощь арестованному Святополку шел его тесть, польский король Болеслав, позвавший в союзники печенегов; Ярослав призвал из Скандинавии варяжскую дружину. И все же нет никаких сомнений в том, что Владимир разгромил бы непокорных сыновей. Против печенегов он послал Бориса с дружиной, сам же приготовился идти на Новгород — уже приказал расчищать дороги и строить мосты. Но тут вдруг разболелся и 15 июля 1015 года скоропостижно скончался в своем загородном дворце.

Эта внезапная смерть вызвала переполох среди приближенных. Весть о кончине Владимира сначала попытались сохранить в тайне — боялись, что Святополк захватит престол прежде, чем вернется Борис.

Великого государя вынесли из покоев безо всяких почестей, украдкой: разобрали дощатый пол и, завернутого в ковер, на веревках спустили на землю, а потом потихоньку перевезли в церковь.

Но вскоре тайное стало явным. Воле покойного не суждено было осуществиться — его любимый сын не успел принять власть. Святополк освободился из-под стражи, и большая смута стала неизбежной.

Современник событий Титмар Мерзебургский, узнав о смерти Владимира Киевского, пишет в своей «Хронике»: «Власть его делят между собой сыновья, и во всем подтверждается слово Христово, ибо, боюсь, последует то, чему предречено свершиться устами нелживыми — ведь сказано: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет. Пусть же молится весь христианский мир, дабы отвратил Господь от той страны приговор».

Ярослав

Первая половина жизни

Великий князь Ярослав Владимирович, почтительно именуемый «Мудрым», прожил долгую жизнь — 76 лет. Хронологически она делится на две равные, но разительно отличающиеся части. Начиная с 1014 года мы знаем об этом человеке очень многое, и почти совсем ничего — о том, что с ним происходило ранее. А ведь, если верить летописи, в 1014 году князю было уже 36 лет, то есть, по понятиям той эпохи, его молодость давно миновала.

Правда, с возрастом Ярослава в летописи есть некоторая путаница. В последней записи, за 1054 год, говорится, что ему было «семьдесят и шесть лет», то есть выходит, что он родился в 978 году; в записи за 1016 год Ярослав назван двадцативосьмилетним, и тогда выходит, что он появился на свет в 988-м.

Вообще-то обе эти даты неправдоподобны. В 978 году Ярослав родиться никак не мог, ибо был лишь третьим сыном полоцкой княжны Рогнеды, которую Владимир именно в том году захватил силой, истребив ее семью. Однако в 988 году княжич уже получает от отца свое первое княжение и уезжает в Ростов. Киевские властители нередко отправляли на периферию номинальными представителями центральной власти своих маленьких сыновей, но, конечно, не грудных младенцев. Таким образом, Ярослав скорее всего родился где-то в начале 980-х годов. Два его старших единоутробных брата, Изяслав и Всеволод, к 1014 году уже умерли.

Кроме того что юность и молодость Ярослава прошли на Ростовском княжении, больше ничего об этой поре его жизни неизвестно. Кажется, он основал Ярославль. Согласно преданию, город был назван именем князя в память об удачной охоте: на этом месте он зарубил секирой медведя. Если это правда, значит, в молодости Ярослав был отчаянней, чем в зрелом возрасте.

Сколько времени этот сын Владимира Красно Солнышко просидел в отдаленном Ростове, тоже неизвестно, однако после смерти старшего (единокровного) брата Вышеслава, правившего Новгородом, он был переведен в этот город, второй по важности после Киева. Произошло это предположительно в 1010 или 1011 году. Непонятно, почему Владимир обошел честью старшего из своих живых сыновей Святополка, оставленного в менее значительном Турове. Вероятно, великий князь недолюбливал своего пасынка, чьим биологическим отцом был убитый Ярополк.

Герб Ярославля

У Ярослава Владимировича была жена, происхождение которой неизвестно. В одном месте сказано, что ее вроде бы звали Анной. О потомстве от этого брака история ничего не знает. Детей либо не было, либо они умерли в раннем возрасте.

Вот и вся информация, которую можно выудить из текстовых источников о жизни Ярослава до того момента, когда он решился восстать против отца и тем самым сделал первый шаг в большую историю.

Как ни странно, гораздо больше об этом человеке историки узнали через тысячу лет после его смерти, благодаря антропологическим исследованиям его останков и краниологической реконструкции.

Метод восстановления облика по структуре черепа появился еще в конце XIX века, однако первые попытки были неудовлетворительны. Подробно разработанная, научная технология составления портрета давно умерших людей по скелетной основе возникла лишь в 1930-е годы. Советский ученый Михаил Герасимов много лет исследовал в моргах «свежих» покойников, с еще не деформировавшейся из-за трупного окоченения пластикой лицевых мускулов, и вывел ряд формул, которые позволили точно определить зависимость толщины мышечных и хрящевых тканей, а также кожного покрова от костного рельефа. Пользуясь этим алгоритмом, герасимовская лаборатория воссоздала несколько сотен скульптурных изображений далеких предков.

Сначала, на основании анатоморентгенологического исследования, полностью восстанавливается череп. Затем делается графическая реконструкция. Далее приступают к созданию объемной модели, нанося на нее мягкие ткани слой за слоем. На последнем этапе «голую» голову декорируют волосяным покровом и элементами одежды (если имеются достоверные описания из письменных источников). Кстати говоря, обычай отпускать бороду появился на Руси как раз в эпоху Ярослава — под греческим влиянием. Владимир, подобно Святославу, брил подбородок и носил длинные варяжские усы. Это со времен Ярослава князья, бояре, дружинники, вообще все русские мужчины обзавелись бородами и не расставались с ними вплоть до петровских времен.

Ярослав Мудрый

Реконструкция М. Герасимова

Воссоздать облик Ярослава Мудрого оказалось возможно благодаря вскрытию в 1939 г. саркофага в киевском соборе Святой Софии. Ни одежды, ни украшений в гробнице не обнаружили (очевидно, мавзолей был разграблен татарами во время штурма 1240 года), но неплохо сохранились мужской и женский скелеты — князя и его супруги. Во время немецкой оккупации Киева останки Ярослава Мудрого пропали и не найдены до сих пор, однако Герасимов успел закончить свою работу.

Был исследован не только череп, но и весь скелет, что дало некоторые дополнительные сведения.

Ярослав был высоким для своего времени (172–175 сантиметров). Летопись называет его «хромцом», и прежние историки полагали, что князь получил увечье на войне или в результате несчастного случая. Теперь известно, что князь сильно припадал на левую ногу из-за врожденной аномалии тазобедренного и коленного суставов, либо же

вследствие болезни Петерса, перенесенной в раннем детстве. К старости Ярослав передвигался с трудом и мучился болями в позвоночнике, а также сильными мигренями.

Физический недостаток должен был очень мешать князю в его политической деятельности, особенно в период борьбы за власть. Вряд ли он мог водить в бой дружину, как было принято в ту эпоху. К тому же врожденное увечье считалось божьей карой и подрывало престиж лидера. Возможно, именно из-за хромоты Владимир, выбирая наследника, предпочел Ярославу его младшего брата Бориса.

Брат на брата

Итак, в последний год жизни Владимира Святославича в его большой державе произошел мятеж двух старших сыновей, недовольных тем, что отец отдал предпочтение молодому Борису Ростовскому и собирается сделать его своим преемником.

Святополк Туровский, годом ранее женившийся на дочери польского правителя Болеслава Храброго, мог рассчитывать на поддержку воинственного тестя, к тому же союзничавшего с печенегами. Новгород, ревниво относившийся к Киеву, стоял горой за своего князя Ярослава. Тот был обязан отдавать две трети всей собираемой дани (три тысячи гривен) Владимиру, но теперь перестал это делать и смог нанять за морем сильную варяжскую дружину.

Эти враждебные действия не застали великого князя врасплох. Как уже было сказано, самого опасного из бунтарей, Святополка, он взял под стражу и поместил в Вышгородский замок, вблизи от себя. Против печенегов, выступивших в поддержку Святополка, послал сильное войско во главе с Борисом. К войне с Ярославом опытный властитель готовился неспешно, очевидно, зная, что в неприятельском лагере нет единства и долго варяги с новгородцами не уживутся. Как мы увидим, тактика Владимира была верна. Если б не внезапная смерть великого князя, смута была бы подавлена и Борис занял бы отцовский престол без серьезных осложнений.

Но 15 июля 1015 года Владимир Красно Солнышко скончался, и ситуация коренным образом изменилась.

Сохранить известие о смерти великого князя в тайне до возвращения Бориса у приближенных не получилось. Кто-то из них явно решил сделать ставку на Святополка. Хотя русские летописи очень не любят этого князя и описывают его исключительно в черных красках, судя по всему, он был человеком небездарным. Во всяком случае, отлично умел привлекать людей на свою сторону.

В этот критический момент оказалось, что вышгородские бояре, которым полагалось стеречь пленника, успели стать его ревностными приверженцами. Вероятно, они понимали, что у них появился шанс возвыситься вместе со Святополком, оттеснив от трона бояр Владимира, которые неминуемо сплотились бы вокруг Бориса.

Святополк вышел на свободу и немедленно начал действовать, проявив молниеносную решительность и абсолютное отсутствие сентиментальности, за что получил прозвище «Окаянный».

Претендент начал с того, что постарался привлечь на свою сторону киевлян: «и созва кыяны и нача имение имь даяти» — то есть купил их расположение щедрыми подарками. Это было необходимо сделать еще и потому, что дружинники, ушедшие с Борисом, были связаны с горожанами родственными узами и вряд ли захотели бы нападать на родной город, поддержавший Святополка.

Но этой мерой князь не удовлетворился, не особенно полагаясь на расположение киевлян. Закрепиться на престоле можно было, лишь устранив конкурентов, главным из которых, конечно, был Борис.

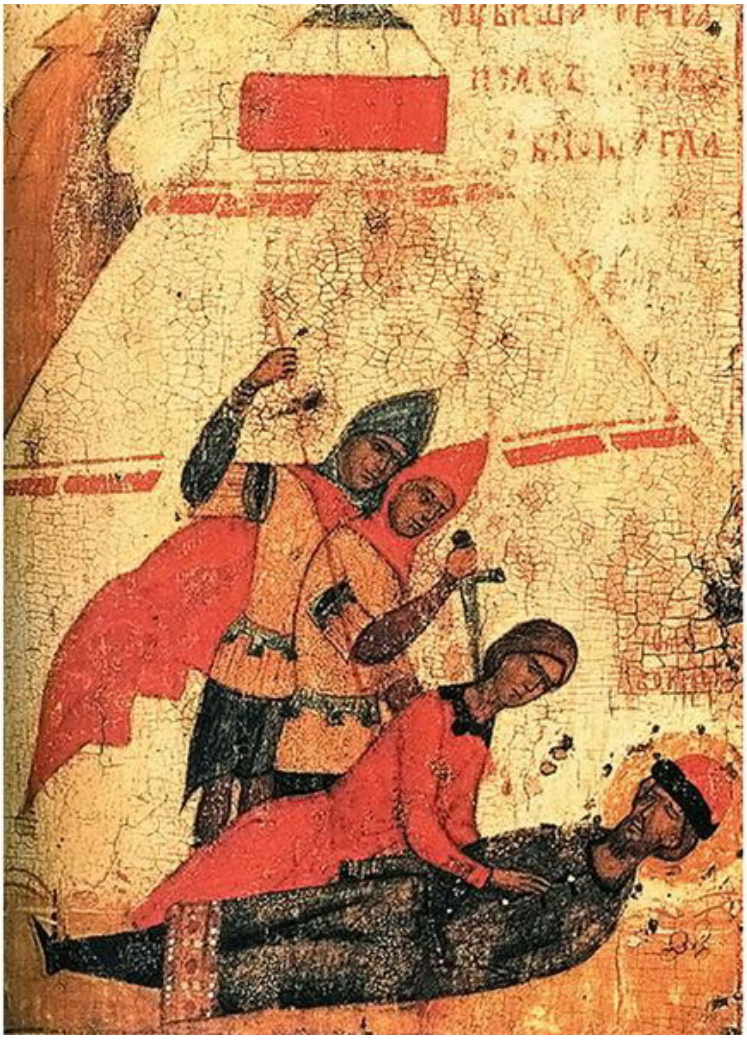
Святополк поступил коварно. Отправил к Борису гонцов, сообщая о том, что намерен занять трон, но хочет жить с братом в любви и значительно увеличит его личные владения.

Должно быть, Святополк хорошо знал миролюбивый и нерешительный характер княжича. Тот уже возвращался в Киев, но не из-за смерти отца (об этом еще не было известно), а потому что нигде не встретил орды — вероятно, узнав о выступлении сильной киевской дружины, печенеги ушли восвояси.

Советники стали убеждать Бориса не слушать посулов Святополка, а идти в Киев и брать власть вооруженной рукой, но уговоры были тщетны. Воевать со старшим братом Борис отказался. «Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием, — пишет Карамзин. — Оставив Князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать». Дружина ушла к Святополку.

Борис же остался только с «отроками» (слугами). Святополк не преминул этим воспользоваться: отправил группу своих верных вышгородцев уничтожить брата, что и было исполнено. Убийцы окружили шатер и пронзили его копьями. «Суть же имена сим законопреступникам: Путьша, Талець, Еловичь, Ляшько, отець же их сотона», — увековечивает «Повесть временных лет» имена злодеев.

Теперь Святополку надлежало как можно скорее избавиться от второго из сыновей «болгарыни» — муромского Глеба, пока тот не узнал о случившемся. «Се уже убих Бориса, а еще како бы убити Глеба?» — призадумался братоубийца.



Бориса убивают в шатре

Фрагмент иконы

В Муром был отправлен гонец от имени Владимира, который якобы срочно вызывал сына в Киев. Ничего не подозревающий Глеб отправился в путь с малой свитой и угодил в засаду. На его ладью напали люди Святополка во главе с неким Горясером, и княжич был зарезан.

Еще один брат, Святослав Древлянский, не стал дожидаться той же участи и попытался бежать в Карпаты, но за ним уже была отправлена погоня. На берегу реки Стрый беглецов настигли и изрубили, причем, согласно одному из преданий, вместе с древлянским князем были убиты его сыновья.

Не очень понятно, почему православная церковь канонизировала только Бориса и Глеба, которые вошли в число наиболее почитаемых русских святых, и обошла этой честью Святослава. Возможно, причина в том, что он пал «некротко», с оружием в руках, а церкви в эпоху затяжных междоусобиц хотелось поставить в

пример князей, которые не противятся воле старшего брата, даже когда тот злодействует.

В результате своей безжалостной распорядительности Святополк в считаные дни оказался хозяином всей страны — за исключением Новгорода, где находился Ярослав. Вероятно, Святополк каким-нибудь образом пытался заманить в западню и этого брата, но тот вовремя узнал о трагических событиях от своей сестры Предславы, отправившей на север гонца.

Впрочем, послание это все-таки запоздало. Как раз перед тем, как из Киева пришло письмо со страшными вестями, Ярослав совершил одну ужасную ошибку.

Борьбу за престол он начал совершенно таким же образом, как без малого сорок лет тому назад его отец: призвал на помощь викингов. Наемной дружиной командовал конунг Эймунд, о русских приключениях которого сложена целая сага (впрочем изобилующая неправдоподобными деталями). Но если юный Владимир сразу занял варяжских головорезов делом, то его сын медлил, не решаясь идти на Киев. От безделья норманны начали творить в городе бесчинства: «начаша варязи насилие деяти на мужатых женах» (замужних женщинах). Новгородцы этого не потерпели и однажды ночью перерезали часть буянов.

Ярослав не мог оставить этого кровопролития без последствий — викинги от него ушли бы, а он считал их главной опорой. Поэтому князь прикинулся, что прощает горожанам избиение своих дружинников. «Уже мне сих не кресити» (не воскресить), — сказал он, пригласил виновных в свою резиденцию и там предал смерти.

В самый разгар этого кровавого конфликта, готового перерасти в настоящую войну, пришло сообщение о кончине Владимира, убийстве братьев и торжестве Святополка.

Положение князя было, казалось бы, отчаянным: вся Русь за Святополка, в собственном стане раздор. И здесь Ярослав впервые проявил те качества, благодаря которым его прозвали «Мудрым». Этот человек в своей жизни не раз терпел поражения, бывало, что и падал духом, но всякий раз поднимался и умудрялся извлечь пользу из самой безнадежной ситуации.

Ярослав понял главное: как бы ни были разъярены новгородцы, у них нет выбора. Если они не окажут своему князю решительной поддержки, в Новгород придет Святополк, посадит своего наместника, и всем вольностям, всему привычному укладу новгородской жизни конец.

Поэтому Ярослав отправился в город с повинной головой. Рассказал про киевские события, покаялся в содеянном и пообещал выплатить за убитых виру, то есть денежную пеню. Расчет оказался верным. Новгородцам было некуда деваться. Они простили князя и собрали для него войско.

«И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка», — пишет летопись, безбожно преувеличивая размеры войска. Во всем Новгороде тогда вряд ли набралось бы столько населения. «Новгородская первая летопись» приводит более правдоподобные цифры: тысяча варягов и три

тысячи славян — немалая сила для того времени. Киевская дружина наверняка была многочисленней (в одном источнике сказано, что Борис водил на печенегов восемь тысяч человек), зато викинги считались лучшими воинами своего времени.

На самом деле Ярослав «пошел» на Киев совсем не сразу, а лишь следующим летом. В течение целого года двое претендентов на великокняжеский престол, очевидно, собирали силы и пытались склонить на свою сторону нейтральных князей. В Пскове сидел тихий Судислав, в Тьмутаракани воинственный Мстислав, в Полоцке — молодой Брячислав, приходившийся Владимировичам племянником. Естественней было бы, чтобы все они встали на сторону центральной власти, но этого не произошло. Возможно, Святополк всех настроил против себя братоубийством, но вероятнее другое: судя по последующим событиям, Ярослав дал Мстиславу и Брячиславу на случай своей победы какие-то соблазнительные обещания. Так или иначе, на помощь Киеву никто из этих князей не пришел, и это уже было большой удачей для новгородского лагеря. Подкрепление Святополку прислали только печенеги.

Оба соперника в глазах современников обладали серьезными дефектами. Ярослав был «хромцом», Святополк — сыном «расстриженицы» (бывшей монахини), да еще «сыном двух отцов». Чувствовали себя и тот, и другой неуверенно. Осенью они сошлись близ Любеча, встали на противоположных берегах Днепра и, если верить «Повести», целых три месяца не решались вступить в сражение.

Битва Ярослава со Святополком

Радзивилловская летопись

В конце концов атаковал Ярослав. Ему помогло то, что печенежские союзники были отделены от основных сил Святополка озером, которое покрылось тонким льдом. Нападение было неожиданным, ночным. Чтобы отличить своих, новгородцы повязали головы белыми платками. Киевская дружина не выдержала удара, побежала и была частью перебита, частью провалилась под лед.

Ярослав занял отцовскую столицу и объявил себя великим князем. Но война на этом не закончилась.

Весной следующего 1017 года Святополк вернулся, приведя с запада войско своего тестя Болеслава Польского. Титмар Мерзебургский пишет, что к полякам и русской дружине присоединились тысяча печенегов, пятьсот венгров и триста саксонцев.

В новой битве, произошедшей на берегу Буга, польский князь наголову разгромил Ярослава, который потерял всю свою армию и бежал на север всего «с четырми человекы».

Въезд Болеслава Храброго в Киев

Ян Матейко

Болеслав почти без сопротивления занял Киев, однако вовсе не собирался передавать власть зятю, а уселся на престоле сам и расставил по городам свои гарнизоны.

Победителю, помимо награбленного, досталась вся государственная казна. Передал ее полякам тот самый Анастас-корсунянин, который тридцать лет назад выдал Владимиру тайну Херсонесского водопровода и за это был приближен ко двору. Теперь хитрый грек снова вовремя переметнулся на сторону победителя и ловко втерся ему в доверие — «ся ему вьверил лестью».

Такое положение дел не могло устроить ни киевлян, оказавшихся во власти чужеземных захватчиков, ни, конечно, обманутого Святополка. Пользуясь тем, что Болеслав рассредоточил свои силы, князь призвал русских к мятежу, на что те охотно откликнулись. Немногочисленные польские гарнизоны были перебиты, а Болеслав ушел в свои края. Киев ему, собственно, был не нужен — хватило щедрой добычи, а вот западнорусские земли, Червеную Русь, Болеслав оставил за собой. Кроме того, в качестве трофеев он увел множество пленных, в том числе жену Ярослава, которую тот не успел вывезти из Киева. (Впрочем, как мы увидим, многоумный князь сумел извлечь выгоду и из этого досадного события).

К 1019 году расстановка сил словно вернулась на три года назад: Святополк находился в Киеве, Ярослав — в Новгороде. Нужно было всё начинать сначала.

Во время постыдного бегства с берегов Буга наголову разбитый Ярослав думал только о спасении собственной жизни. Добравшись до Новгорода, он собирался сесть на корабль и уплыть за море. Но здесь новгородцы еще раз продемонстрировали, до какой степени сильна их неприязнь к «киевским». Князя задержали насильно. Посадник Константин (летопись называет его «Коснятин»), сын того самого Добрыни, который был главным советником молодого Владимира, приказал изрубить ладьи, чтобы Ярослав не бросил город на милость Святополка. Константин Добрынич не только являлся, выражаясь по-современному, главой городской администрации, но еще и приходился Ярославу двоюродным дядей, что позволяло ему обращаться с князем как с младшим родственником. (Примечательно, что этого унижения Ярослав не забыл и не простил. Вскоре после победы он отправил Константина в ссылку, а затем велел умертвить).

Новгород не только собрал новое войско, но еще и добровольно обложил себя огромной данью (с простых людей по четыре куны, с бояр — по две тысячи), что позволило вновь нанять дружину Эймунда.

Нет никаких сомнений, что Ярослав нашел бы способ убежать, даже если бы новгородцы перепортили все свои корабли, однако, видя столь мощную поддержку, князь решил остаться. К этому времени стало ясно, что Болеслав не намерен идти походом на север, а вскоре до Новгорода должны были дойти слухи о недовольстве киевлян и раздорах между Святополком и его тестем.

Ярослав подождал, пока брат лишится своего грозного союзника, а тем временем сам приобрел сильного сторонника: женился на дочери шведского короля Олафа, который прислал еще войска. Вот почему князя наверняка совсем не расстроило то, что его первую супругу забрал с собой Болеслав Храбрый. С этого момента упоминаний о ней больше нет. То ли она умерла, то ли была помещена в монастырь.

Новое наступление на Киев произошло весной 1019 года. Святополк кинулся за помощью к орде — больше уповать было не на кого.

Новгородцы и варяги Ярослава сошлись с киевлянами и печенегами Святополка у реки Альты — на том самом месте, где четыре года назад пронзили копьями Бориса. Северяне победили. Раненый Святополк бежал прочь, теперь уже навсегда. Его дальнейшая судьба неизвестна, след теряется где-то «в пустыне меж чехи и ляхи», за западными рубежами Руси. «Окаянный» то ли умер от полученной раны, то ли просто сгинул в ничтожестве, брошенный всеми своими союзниками. Летописец мстительно фантазирует: «Есть же могила его в пустыни той и до сих дний. Исходит же от ней смрад зол».

В летописном описании гражданской войны 1016–1019 годов есть два сходных эпизода, дающих представление о том, как в ту эпоху начинались сражения. Согласно древнему обычаю, от каждого войска вперед выходили записные зычноголосные остряки, которые всячески обзывали и оскорбляли неприятеля. Остальные воины по мере сил тоже участвовали в забаве, делая непристойные жесты, обнажая срамные части тела и т. д. При небольшом расстоянии между армиями и их сравнительно скромном размере (максимум несколько тысяч человек) такие «боевые дразнилки» иногда давали требуемый эффект: побуждали разъяренного врага к необдуманным действиям.

Любопытно, что в обоих описанных случах удачная шутка в результате обернулась против оскорбителей.

Во время трехмесячного стояния под Любечем, когда ни северяне, ни южане все не могли решиться на переправу через реку, какой-то из Святополковых воевод уязвил новгородцев в самое сердце. «Вы зачем приперлись со своим хромцом? Хоромы для нас строить?» — крикнул он, намекая на то, что новгородцы никакие не воины, а всего лишь плотники. Этот каламбур, по уверению летописца, ужасно оскорбил новгородцев, и они заставили Ярослава (опять заставили — как в истории с порубленными ладьями) той же ночью предпринять атаку.

Похожая коллизия случилась во время битвы на Буге с поляками. Ярославов воевода Будый выехал вперед и стал потешаться над Болеславом: вот-де сейчас проткнем палкой твое толстое брюхо («Да что ти пропорем трескою чрево твое толстое»). Дело в том, что к пожилому возрасту польский князь ужасно разжирел, даже с трудом садился на коня.

Но Болеслава не зря прозвали «Храбрым». Разобидевшись на выпад по поводу своей комплекции, он один ринулся через брод, крикнув, что лучше погибнет в одиночку, чем стерпит такое поношение. Всё польское войско бросилось за князем и опрокинуло армию Ярослава. Победа была быстрой и сокрушительной.

Болеслав Храбрый

Я. Якоби

«Повесть временных лет» заканчивает рассказ о войне северян с южанами торжественно: «Ярослав же, пришед, седе в Кыеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Однако пот утирать было еще рано.

Дуумвират

Едва справившись со Святополком и заняв отцовский престол, Ярослав оказался в конфликте с родственниками, которые потребовали вознаграждения за свой нейтралитет.

Псковский Судислав вел себя смирно, но князья полоцкий и тьмутараканский были настойчивы, а исполнять свои посулы Ярослав не собирался — во всяком случае, в полном объеме.

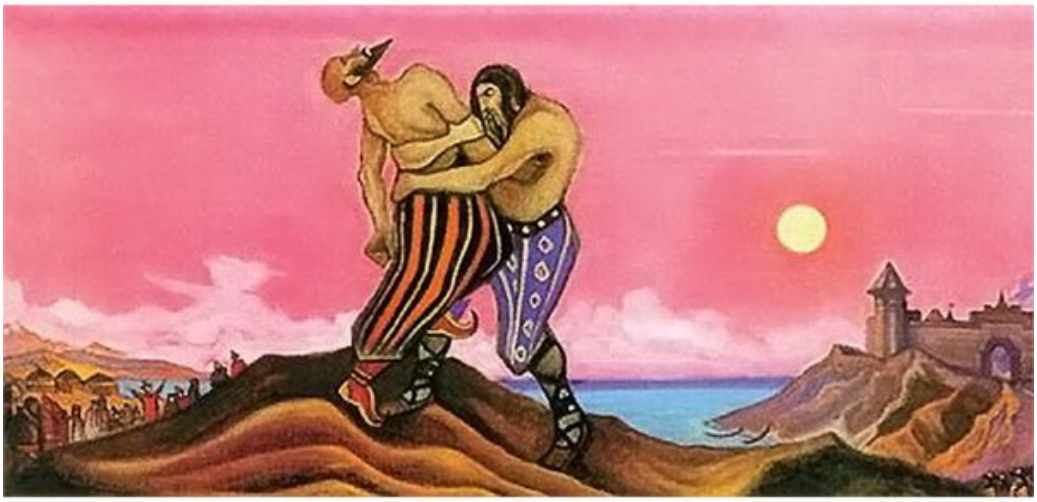
Первая проблема возникла с племянником Брячиславом, внуком того самого Изяслава, который в младенческом возрасте спас свою мать Рогнеду от гнева Владимира и после этого был отселен в полоцкий край. В течение долгого времени это небольшое, но расположенное в стратегически важном северо-западном сегменте Руси княжество оставалось независимым от Киева.

В 1020 году Брячислав напал на расположенный неподалеку от его владений Новгород, очевидно, решив наказать дядю за обман. Племянник взял город, захватил добычу и пленных, однако был настигнут войском Ярослава. В битве полоцкая дружина потерпела поражение, но не была окончательно разбита. Рассудительный Ярослав решил, что будет дешевле откупиться от такого задиристого родственника, и отдал ему во владение два города — Витебск и Усвят. Неизвестно, соответствовало ли это прежним договоренностям, но Брячислав этой компенсацией удовлетворился, и в дальнейшем у Ярослава проблем с Полоцким княжеством не возникало.

Не так быстро и не так гладко разрешился конфликт с братом Мстиславом (983?–1036), которому по разделу досталась Тьмутаракань, расположенная на Таманском полуострове, а значит отделенная от остальной Руси дикой степью. Славяне составляли меньшинство в населении этого многонационального черноморского княжества, где жили и хазары, и булгары, и греки, и евреи, и касоги (будущие адыгейцы). Править такой областью, со всех сторон открытой для ударов и окруженной буйными соседями, мог только лихой, активный вождь. Именно таков был Мстислав, недаром заслуживший прозвание «Удалой».

Воинственностью и непоседливостью он пошел в «пардуса» Святослава Игоревича, только был еще и могучим бойцом, настоящим богатырем, который, в отличие от деда, не уклонялся от единоборств.

Летопись рассказывает, как во время похода в касожские земли он согласился решить исход войны поединком с вражеским предводителем Редедей. Договорились бороться без оружия. «И нача изнемогати Мьстислав бе бо велик и силен Редедя». Тогда князь помолился богородице и, ничтоже сумняшеся, зарезал противника припрятанным ножом. Почему-то это нарушение правил никак не опорочило его в глазах зрителей и потомков: касоги согласились перейти под власть победителя.



Единоборство Мстислава с Редедей

Н. Рерих

«Был же Мстислав могуч телом, багров лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил», — восхищается летописец.

Ярослав попробовал отделаться от претензий брата малой ценой, предложив отдать Муром, но Мстиславу этого было мало, и к тому же Муром находился на противоположном краю русских земель.

Поэтому в 1023 году тьмутараканский князь пошел на Ярослава войной. Происходило всё очень небыстро. Вероятно, братья то и дело возобновляли переговоры, пытаясь прийти к соглашению. Тем временем Мстислав покорил левобережных славян-северцев и присоединил их к своей хазарско-касожской дружине.

Компромисса достичь не удалось. Ярослав решил, что притязания Мстислава чрезмерны. Выгоднее раскошелиться на очередную варяжскую подмогу. Великий князь вызвал из Скандинавии конунга Хакона (в летописи «Акуна») Слепого. Это был знаменитый военачальник, который произвел на русских неизгладимое впечатление какой-то золотой повязкой на глазах. (Вряд ли Хакон был совсем слепым, но проблемы со зрением у него, по-видимому, имелись).

До сих пор викинги неизменно одерживали победу в сражении с южанами. Ярослав несомненно был уверен, что так произойдет вновь. Но он недооценил полководческие способности брата.

Мстислав поступил хитро. В центре — там, где наступали варяги, — он поставил многочисленное ополчение северян и дождался, пока воины Хакона увязнут в сече. Потом ударил с флангов своими лучшими отрядами. Битва происходила ночью, в страшную грозу, под проливным дождем, так что маневры Мстислава, вероятно, оставались незамеченными до самого последнего момента. Северяне полегли почти полностью, но полегли и варяги, а прославленный Хакон побежал с такой резвостью, что даже потерял свою «златую луду».

Летопись рассказывает, не без восхищения, как Мстислав обходил заваленное трупами поле и ликовал: «Кто сему не рад? Се лежить северянин, а се варяг, а своя дружина цела». Нас не должно шокировать такое пренебрежение к славянской крови. В XI столетии понятие «соотечественник» еще не существовало, и появится оно еще очень нескоро. Для князя люди делились на своих и чужих, этническое происхождение значения не имело. Поэтому касоги и хазары собственной дружины были для Мстислава безусловно дороже каких-то северян.

После столь неожиданного и тяжкого фиаско Ярослав вновь продемонстрировал мудрость: извлек из поражения пользу. Братья заключили мир, который должен был показаться Мстиславу чрезвычайно выгодным. Они поделили Русь пополам. Всё, что находилось по левую сторону Днепра, отходило к Мстиславу, учредившему свою столицу в Чернигове, Ярослав же властвовал над правобережной половиной Руси, считаясь при этом «старшим» братом, то есть великим князем.

При всей кажущейся равномерности разделения Ярослав оказался в безусловном выигрыше. Он оставил за собой самые устроенные и богатые области, включавшие и Киев, и Новгород. От опасной Степи прикрылся владениями Мстислава, которому предстояло самому защищаться от кочевников. А кроме того, великий князь еще и заполучил очень сильного союзника, который охотно участвовал во всех его походах.

Неудивительно, что Ярослав с Мстиславом «начаста жити мирно и в братолюбьи, и преста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».

Гражданская война, продолжавшаяся больше десяти лет, наконец закончилась. С 1026 года Русью правил дуумвират, в котором ведущую роль играл киевский князь.

Однако жить в Киеве Ярослав не решился — очевидно, все же предпочитал находиться на безопасном расстоянии от Мстислава, сидевшего в Чернигове. Или, может быть, не слишком доверял преданности киевлян. Так или иначе, всё следующее десятилетие Ярослав правил своими землями из Новгорода.

Теперь, когда на Руси наступил мир, силы и средства больше не тратились на междоусобную войну. Впервые за долгое время появилась возможность для внешней экспансии. Ярослав немедленно занялся укреплением международного влияния государства — главным образом, той половины, которая принадлежала ему.

Всего один раз, в 1029 году, великий князь помог брату военной силой — в походе против ясов, угрожавших Тьмутаракани. Во всех остальных случаях на подмогу приходил Мстислав, с помощью которого Ярослав сильно укрепил свое положение на северном и западном направлениях.

Во-первых, он покорил чудские племена, обеспечив Новгороду надежный выход к морю. Здесь был построен город-крепость Юрьев (современный Тарту).

Во-вторых, воспользовался смутой, воцарившейся в Польше после смерти Болеслава Храброго, и взял реванш за поражение 1017 года: разграбил города, отобрал назад Червеную Русь, взял в плен много поляков и расселил их по границе со Степью, где вечно не хватало людей.

Двоевластие завершилось весьма удачным для Ярослава образом. В 1036 году во время охоты Мстислав внезапно умер (точная причина его смерти неизвестна). Наследника великий воин не оставил, и все его владения без каких-либо осложнений перешли к киевскому князю.

Последнего из живых братьев, псковского Судислава, Ярослав на всякий случай посадил в темницу и забрал его удел себе.

Только теперь, обеспечив себе полное единовластие, Ярослав Мудрый вернул столицу в Киев.

Однако предстояло выдержать еще одно тяжелое испытание.

В том же 1036 году пришла большая орда. Мстислав умел договариваться с печенегами, или, что еще более вероятно, они опасались его ратной славы. Теперь же кочевники нагрянули в великой силе («бе же печенег бещисла»), и так стремительно, что Ярославу пришлось биться с ними прямо у киевских стен.

В центре, как обычно, встала варяжская дружина, по флангам — киевляне и новгородцы. Битва продолжалась до самого вечера и была очень упорной. Зато и победа получилась окончательной. Должно быть, печенеги собрали для удара все свои силы, потому что от этого поражения они уже не оправились. Уцелевшие вернулись в свои становья, после чего вся орда снялась и навсегда ушла из русских земель. Как пишет «Повесть», «бегают где-то и поныне» («прок их пробегоша и до сего дни»).

На самом деле основная часть печенегов перебралась в византийские земли, где эти кочевники доставили грекам множество хлопот, а на восточной границе Руси впервые за всю историю государства стало спокойно, и это феноменальное состояние длилось целую четверть века, пока Азия не исторгла из своего бездонного чрева новую угрозу — половцев. Но иметь с ними дело пришлось уже потомкам Ярослава. А он, начиная с 1036 года, был избавлен от опасности со стороны Степи и мог беспрепятственно заниматься развитием страны и европейской политикой.

Могущество

Больше двух десятилетий шел Ярослав к своей цели, достиг ее, будучи уже стариком (тогда мало кто доживал до такого возраста), и судьба отвела ему еще довольно много времени на мирное государственное строительство. «Мирное», разумеется, лишь в том смысле, что войны шли не на русской территории, а за ее пределами, и лишь тогда, когда это было выгодно великому князю.

Того международного значения, которым обладала Русь в этот восемнадцатилетний период, страна добьется вновь лишь при Петре Великом. У Ярослава Мудрого хватало ресурсов для того, чтобы распространять свое влияние — с большим или меньшим успехом — во все четыре стороны света.

Наименьшую активность он проявлял на востоке, где после ухода печенегов соперничать стало не с кем, а расширять владения незачем. Князь удовлетворился тем, что передвинул защитную линию на несколько десятков километров дальше в Степь. Это был один лишний день пути до Киева — то есть теперь при внезапном нападении какой-нибудь кочевой орды у столицы имелось целых два дня на подготовку к обороне. После прихода половцев эта дополнительная полоса безопасности окажется очень кстати.

Но гораздо больше Ярослава интересовали север, запад и юг.

В ту эпоху Русь — во всяком случае русская знать — считала себя частью норманнского мира, соединенная с ним культурными, родственными и военными связями. Если до сих пор взаимоотношения Руси со Скандинавией складывались по одному и тому же сценарию (викинги по приглашению или без оного вмешивались в русскую жизнь), то теперь вектор изменился. Ярослав сам стал активно участвовать во внутренней политике норманнских королевств. «Конунг Ярицлейв» является одним из самых популярных персонажей средневековых саг.

Он оказывал покровительство одним вождям, противодействовал другим, давал прибежище третьим.

Так, он приютил у себя Олафа Норвежского и помог ему вернуть трон, а когда король пал в бою, воспитал его сына, принца Магнуса, который впоследствии стал королем не только Норвегии, но и Дании.

Другой норвежец, Харальд Суровый, тоже ставший норвежским королем, перед этим служил у Ярослава в дружине.

Нашел у великого князя пристанище и политэмигрант из далекой Британии, англосаксонский принц Эдуард Изгнанник.

Удачнее всего Ярослав действовал в Польше. Западнорусские земли он себе вернул еще во времена дуумвирата, а в сороковые годы сумел посадить на польский престол своего зятя Казимира и затем помог ему справиться с врагами. Через четверть века на родину наконец вернулись русские пленные, которых угнал на чужбину Болеслав Храбрый в ходе войны 1017–1018 годов.

В результате двух походов на литовские земли Ярослав упрочил свое положение на балтийском побережье.

В результате всех этих усилий к 1050 году русское государство стало главной державой всего северо-западного сегмента Европы.

Попытался Ярослав изменить баланс сил и в отношениях с византийской империей, но эта война сложилась неудачно. Впрочем, великий князь сумел извлечь выгоду и из поражения.

В 1043 году Русь в последний раз пошла на Константинополь — впоследствии таких возможностей у раздробленной страны уже не будет.

Походы Ярослава

М. Руданов

Летопись невнятно объясняет причину этого предприятия: греки-де умертвили в Царьграде какого-то именитого русского и Ярослав пожелал за него отомстить. Как-то это мало похоже на мудрого князя. Скорее всего, причиной конфликта, как это неоднократно случалось прежде, стало ущемление прав русской торговли, а убийство купца (или посланца?) стало предлогом. Из греческих источников известно, что базилевс был готов заплатить за это преступление разумное вено, но русские потребовали невозможную сумму: по килограмму золота на каждого воина (так рассказывает в своей хронике Иоанн Скилица). Тогда император Константин Мономах предпочел биться.

Летопись, как всегда при поражении, сваливает вину за потери русского флота на ужасную бурю. Греческие летописцы пишут о морской победе Византии. Так или иначе, большая часть войска, шесть тысяч человек, во главе с военачальником Вышатой были вынуждены высадиться на берег и попали в плен. Византийцы

ослепили этих несчастных (во всяком случае, некоторых из них) и вернули на родину лишь три года спустя, после заключения мира.

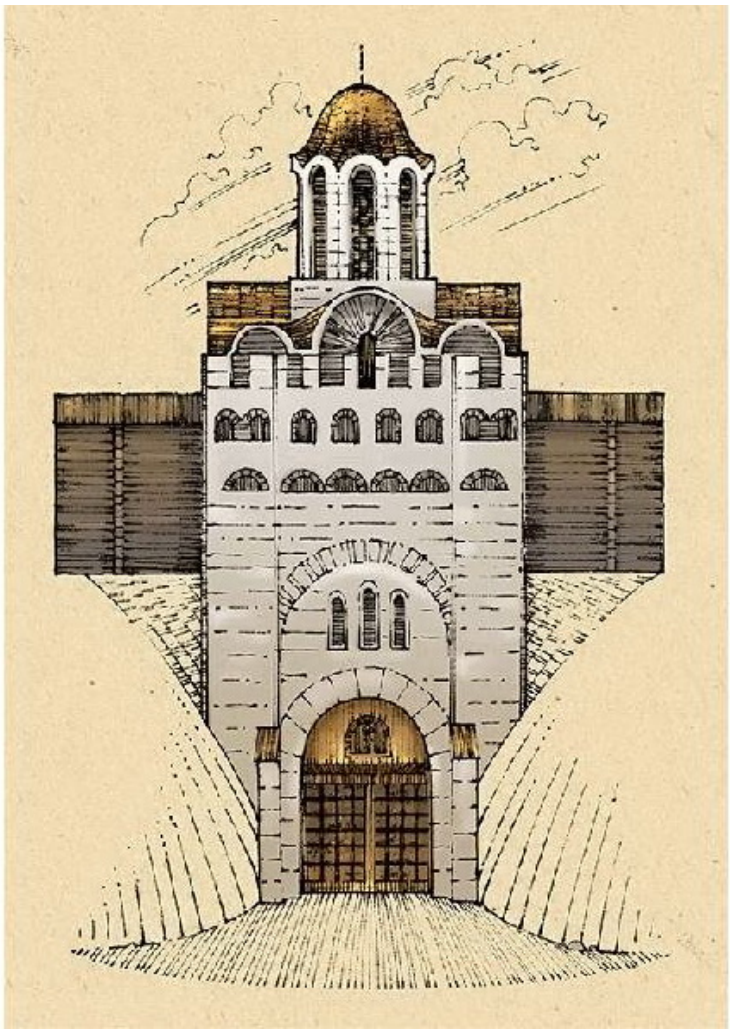
Несмотря на печальный исход боевых действий, Ярослав каким-то образом сумел не только установить выгодные торговые отношения с Царьградом, но еще и женил сына Всеволода на царевне Марии, дочери Мономаха. Никакой сенсации брак не произвел — уже по этому видно, как сильно изменилось положение Руси со времен Владимира Красно Солнышко, с таким трудом добившегося руки византийской принцессы.

«Бысть тишина велика»

Этой благостной формулировкой летописец обозначает события 1046–1047 годов — но так можно было бы назвать и весь период единовластного правления Ярослава.

Войны если и происходили, то далеко, а на Руси было тихо и мирно. Великий князь в старости оружия в руки не брал — предпочитал посылать в походы сына Владимира (1020–1052) и воевод. Сам же занимался делами нешумными, но важными.

Много сил и средств он потратил на то, чтобы превратить свою столицу в политический и культурный центр, соперничающий с самим Константинополем, — и добился немалых успехов. Когда летописец говорит: «Заложи Ярослав город великый Кыев», он имеет в виду, что Ярослав постарался придать Киеву величие. Подражание Царьграду было буквальным, даже наивным. Князь тоже завел у себя Золотые ворота, храм Святой Софии, монастыри Святого Георгия и Святой Ирины — всё как у базилевсов. В Киеве активно велось каменное строительство, стены церквей расписывались фресками, купола золотились.



Золотые Ворота в Киеве

И. Сакуров

Город быстро разрастался. В нем были кварталы, населенные иноплеменными купцами и мастерами: поляками, латинянами, армянами, иудеями (например, епископом в Новгород был отправлен некий киевлянин Лука Жидята, вероятно, крещеный еврей). Сравниться с Константинополем Киев, конечно, не мог, но путешественникам из небогатой Западной Европы он казался великолепным. В одной из хроник с почтением написано, что в Киеве восемь рынков и четыреста церквей (должно быть, включая и маленькие часовни).

Великий князь слыл книгочеем и покровителем грамотности. В главном соборе страны он устроил первое русское книгохранилище. Чернецы в монастырях переводили и переписывали церковную литературу. Самые древние из сохранившихся русских книг — «Реймсское Евангелие» Анны Ярославны и Евангелие новгородского посадника Остромира — датируются серединой XI века.

Если Владимир учил грамоте детей, чтобы обеспечить церкви клиром, то при Ярославе стали открываться обычные, недуховные школы, вследствие чего на Руси появилась широкая прослойка грамотного и при этом — большая редкость для Средневековья — не связанного с церковью населения.

Естественным шагом для государя, желавшего равенства с Царьградом, стало стремление сделать русскую церковь организационно независимой от Византии. Прежде киевского митрополита назначал константинопольский патриарх, но в 1051 году русские епископы сами избрали себе предстоятеля, которым стал близкий к Ярославу монах Илларион.

Момент для этого смелого демарша был выбран очень умело. Западная и восточная церкви находились на грани окончательного разрыва (католичество и православие формально обособятся три года спустя), и Константинополь не мог себе позволить слишком резкой конфронтации с Киевом — русские вполне могли перейти в лагерь приверженцев Рима, к которому принадлежали польские и скандинавские свойственники Ярослава.

Это, пожалуй, было апогеем могущества древнерусского государства. Вскоре после смерти Ярослава Мудрого его наследники будут вынуждены отказаться от церковной автономии и вновь принять митрополита-грека. Звезда Киева постепенно начнет меркнуть.

Самым важным вкладом Ярослава в эволюцию государственности безусловно был первый свод законов — так называемая «Правда Ярослава», развернутая потомками князя в целый юридический кодекс, «Русскую правду».

В родо-племенном обществе письменных законов не существовало, каждый князек или местный старейшина вершил суд, руководствуясь обычаями или — если мог себе это позволить — собственной прихотью. Главным инструментом восстановления справедливости и воздаяния за преступления была кровная месть, что делало слабые семьи беззащитными, а сильные — агрессивными.

Перечень универсальных правил общежития, обнародованный Ярославом, покажется нам сегодня примитивным и очень кратким — там всего 17 статей. Кровная месть не отменена, но введена в твердые рамки: за что и как позволяется мстить (окончательно вендетту упразднят сыновья Ярослава). Но «Правда» обеспечивала два базовых условия любого законодательства — личную безопасность жителей и неприкосновенность их собственности.

Были установлены твердые, неизменяемые наказания (в основном денежные) за каждый тип преступления или правонарушения.

Подданные имели право на самооборону от разбойников, однако не должны были убивать схваченных злодеев без суда.

Давалась классификация разнотипных преступлений против собственности. Самыми тяжкими считались «коневые кражи» (лошади ценились дорого) и поджигательство — за это виновного лишали всех прав состояния; затем шли «клетные» (проникновение в дом), «житные» (похищение зерна) и всякие прочие

типы воровства вплоть до «бортного» (это когда крадут мед из ульев). К воровству приравнивалось и укрывательство беглых холопов.

Порядок начисления процентов за ссуду и возврата долгов отныне тоже регламентировался.

Был установлен порядок свидетельствования в судах. «Правда» ввела распространенный по всей Европе принцип «Божьего суда». Правдивость показаний следовало испытывать водой или огнем. Считалось, что лгущий не сможет войти в реку без трепета — и тем себя выдаст. Проверка огнем была более суровой: человеку следовало коснуться раскаленного железа, и, если через три дня на коже не оставалось ожога, считалось, что испытуемый сказал правду.

Особенное значение имел закон о порядке наследования, призванный упразднить распри, которые неизбежно возникали между детьми и родственниками умершего.

Ярослав лучше, чем кто бы то ни было, понимал всю важность этого установления — ведь от него зависел мир не только семейный, но и государственный.

Насколько мудро распорядился мудрый Ярослав своим собственным наследством, мы увидим. Пока же давайте разберемся в сложной системе семейно-династических связей, образовавшихся к концу правления великого князя.

Родственники и свойственники

Когда отец Владимира взял в супруги византийскую принцессу, это было из ряда вон выходящим событием, которое поразило современников. Во времена Ярослава брак членов княжеского семейства с представителями чужеземных династий превратился в самый обычный инструмент заключения политических союзов. В ту эпоху Русь была органичной частью Европы, а раскол между православием и католичеством еще не принял окончательного вида, поэтому никаких препятствий не возникало. Более того, члены правящего русского дома, богатого и могущественного, для большинства европейских принцев считались очень выгодной партией. Бывало, что соискателям приходилось долго добиваться этой чести или даже отменять предыдущие матримониальные договоренности.

Например, свою жену Ингигерду (на Руси ее стали звать Ириной) Ярослав отбил у норвежского короля, брак с которым был уже сговорен. Сага рассказывает, что принцесса даже успела сшить для прежнего жениха плащ с золотым аграфом. Но отец Ингигерды, шведский король, предпочел отдать дочь Ярославу, в ту пору еще только боровшемуся за престол.

Этот брак был долгим и многодетным. Всем сыновьям и дочерям (или почти всем, потому что точного количества детей Ярослава мы не знаем) великий князь подыскал иностранных супругов.

Старший княжич Изяслав (р. 1025) получил в жены Гертруду, дочь польского короля Казимира, всецело зависевшего от Киева.

Следующий сын Святослав (р. 1027) вторым браком был женат на австрийской принцессе Оде.

Самая блестящая партия выпала Всеволоду (р. 1030), которому досталась рука дочери византийского императора.

Игорь (р. 1036), считавшийся одним из «младших князей», стал мужем германской принцессы Кунигунды.

Дочери Ярослава Мудрого

Фреска из собора Св. Софии в Киеве

Еще более впечатляющим был выбор женихов для дочерей Ярослава.

Анастасия (видимо, она была старшей) вышла замуж за венгерского герцога Андраша, который скрывался от врагов в Киеве. Через несколько лет, получив от русского тестя помощь, он вернулся на родину и захватил престол. В Венгрии Анастасию называли королевой Агмундой.

Елизавета стала женой храброго норвежского конунга Харальда Сигурдарсона, одного из военачальников Ярослава. Он очень долго добивался ее руки, даже писал в ее честь стихи, но получил согласие великого князя, лишь когда прославился боевыми подвигами (а также разбогател на военной добыче). Этому своему зятю Ярослав тоже помог завоевать трон. В норвежской истории супруг Елизаветы («королевы Эллисиф») известен как Харальд Суровый.

В 1066 году этот грозный воин пал в бою, пытаясь присоединить к своим владениям Англию. Ингигерда, дочь Елизаветы и внучка Ярослава Мудрого, впоследствии стала датской королевой.

Харальд Суровый

Фрагмент иллюстрации из «Хроники Эдуарда Исповедника»

Довольно неожиданно выглядит брак Анны Ярославны с французским королем Генрихом Первым. Здесь, впрочем, политические интересы большой роли не играли — Русь находилась слишком далеко от Франции. Король посватался к дочери Киевского правителя не от хорошей жизни: католическая церковь тогда запрещала браки с родственниками вплоть до седьмого колена, что чрезвычайно осложняло для европейских принцев поиск невест, поскольку все знатные семейства находились в той или иной степени родства. Отец Генриха король Роберт Благочестивый был отлучен от церкви за женитьбу на четвероюродной сестре и в конце концов расторг этот союз вопреки своему желанию. Беря в супруги принцессу из отдаленного царства, Генрих мог не опасаться подобных неприятностей. Чем руководствовался Ярослав, отдавая дочь монарху малоинтересной для Киева страны, сказать трудно, но французскому посольству, в котором участвовали два епископа, каким-то образом удалось заручиться согласием великого князя. Анна после долгого путешествия добралась до противоположного конца Европы, где стала супругой, а затем и матерью короля, так что в жилах всех последующих Капетингов текла кровь Ярослава Мудрого. (Примечательно, что русская принцесса поразила французов своей грамотностью — в тогдашней Европе читать и писать умели почти исключительно представители духовного сословия, а уж женщинам подобная ученость вообще была не свойственна).

Есть еще довольно туманные сведения о том, что английский принц Эдуард Изгнанник, находясь в Киеве, женился на дочери великого князя Агафье, однако на этот счет у историков согласия нет. В любом случае, Эдуарду не было суждено стать королем Англии, так что если Ярослав и выдал за него дочь, то просчитался.

Брачные союзы с чужеземными домами заключали и потомки Ярослава — эта традиция в той или иной степени сохранялась до тех пор, пока Русь после монгольского нашествия не выпала из состава европейских государств, однако эти женитьбы и замужества уже не были столь блестящими. Когда страна вошла в период раздробленности, матримониальная привлекательность рода Рюриковичей потускнела.

Затем наступит долгий перерыв. Великие князья и цари будут брать себе невест из числа подданных — за очень редкими исключениями. Междинастические родственные связи вновь станут нормой лишь в XVIII веке, когда Россия вернется на карту Европы.

Наследие Ярослава

Последние годы жизни старый князь провел в Вышгородском замке. Скончался он 20 февраля 1054 года, оставив сыновьям цветущую державу. Именно «сыновьям» — потому что Ярослав фактически ввел порядок наследования «всем родом», сделав старшего сына не полновластным властителем, а первым среди равных.

«Повесть временных лет» рассказывает об этом следующим образом:

«В год 6562. Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяслав, а Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их».

Ярослав на смертном одре

Б. Чориков

Таким образом, Изяслав унаследовал столицу вкупе с титулом великого князя, а еще раньше ему были отданы Новгород и Туров. Чернигов и Переяслав, доставшиеся двум следующим сыновьям, считались богатыми и стратегически важными уделами. Владимир-Волынский и Смоленск, завещанные младшим братьям, не могли соперничать с этими ключевыми областями.

Совершенно очевидно, что последняя воля Ярослава была продиктована не заботой о введении на Руси твердого закона о переходе монаршей власти, а конкретной ситуацией и мнением отца о способностях своих сыновей. Вероятно, великий князь сомневался, что в случае раздора Изяславу достанет силы и ума справиться с остальным братьями в одиночку. Поэтому и возникло подобное «пятивластие».

История не знает случаев, чтобы подобные конструкции держались долго. Созданная Ярославом система худо-бедно просуществовала полтора десятка лет, но при первом серьезном испытании развалилась. И на этом история первого централизованного русского государства закончилась. Ярославу хватило мудрости на то, чтобы создать мощную державу, но не на то, чтобы обеспечить ее прочность.

Впрочем, это вряд ли вообще было возможно. Все раннефеодальные королевства и царства после периода первичной централизации были обречены пережить длительный период феодальной раздробленности, и Русь не стала исключением.

Экономические и политические связи между столицей и областями были недостаточно сильны. Для воинского сословия, опоры тогдашнего общества, личная преданность непосредственному господину значила больше, чем верность далекому монарху и тем более какой-то абстрактной «Руси». Люди, еще недавно считавшие себя вятичами, или кривичами, или полянами, теперь говорили: «мы — киевляне» либо «мы — новгородцы», но не «мы — русские». Понятие нации еще не сформировалось. Верховная власть Киева была скорее обременительна, нежели выгодна — и для жителей, и для удельного правителя. Из летописи известно, что две трети собираемой дани он должен был отсылать великому князю. Разумеется, гарантией исполнения этой тяжкой повинности могла служить только военная мощь Киева. Если же угроза кары за неповиновение ослабевала, у местного князя пропадало желание делиться доходами со старшим родственником. Так область, еще недавно являвшаяся административной единицей большой страны, превращалась в независимое государство.

В конце IX столетия Вещий Олег объединил Русь в централизованную державу. Киевское княжество просуществовало в режиме единовластия меньше двух веков, с перерывом на междоусобицы, происходившие при смене правителей. Во времена шестого монарха (если не считать регентшу Ольгу, то пятого) страна достигла пика своего могущества, но вскоре после смерти Ярослава Мудрого начала распадаться на небольшие княжества, плохо ладящие друг с другом.

Золотой век Киева закончился.

Закат Киевской Руси

Время разбрасывать камни

Первое русское государство оказалось непрочным. С определенного момента это, казалось бы, на века поставленное монументальное строение вдруг, словно заколдованное, стало быстро разваливаться на всё более мельчающие куски.

По мнению Василия Ключевского, распад был совершенно естественным, а исторической аномалией являлось затянувшееся централизованное существование Киевской Руси. Историк пишет: «Единовластие до половины XI века было политическою случайностью, а не политическим порядком». Однако у многих государств феодальной эпохи начальным этапом существования была первичная, относительно непродолжительная централизация, вслед за которой наступила раздробленность. Россия здесь следовала универсальной логике общественно-политической эволюции. Когда административное объединение той или иной страны начинало препятствовать развитию областей, там усиливались центробежные тенденции. Структура ранней монархической власти была недостаточно сильна, чтобы удержать в подчинении регионы, стремящиеся к автономии, а затем и к независимости. Политической случайностью на Руси единовластие сделалось не до, а после середины XI века.

Трижды появлялись феноменально одаренные и удачливые вожди: Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, которым удавалось на время остановить и даже повернуть вспять развал государства, но после смерти этих лидеров держава опять рассыпáлась.

Были, однако, и специфические, сугубо русские факторы, под воздействием которых процесс феодальной раздробленности, общий для всех или почти всех средневековых держав, происходил у нас в особенно острой форме.

Главной причиной распада был принцип перехода власти, закрепленный Ярославом Мудрым — как ни парадоксально — именно для того, чтобы воспрепятствовать растаскиванию страны на куски. Заботясь о единстве, великий князь своим завещанием окончательно утвердил концепцию, согласно которой Русью владел не государь, а весь род киевских Рюриковичей. Для того чтобы сыновья не превратились в самостоятельных князей, озабоченных только интересами своего удела, Ярослав придал вид закона (или во всяком случае, общепризнанного обычая) так называемому «лествичному восхождению».

Все области страны, в зависимости от величины, доходности и стратегической важности, были выстроены в «лествицу» (лестницу), состоявшую из пяти «ступеней»: главное по старшинству Киевское княжество вкупе с Новгородской землей (то есть начало и конец великого речного пути), затем — богатое Черниговское княжество, потом — Переяславское княжество, охранявшее страну от Степи и обладавшее большой военной силой; замыкали список менее значительные Владимир-Волынское и Смоленское княжества.

В соответствии с «лествицей» выстроились и сыновья Ярослава. Первому досталась первая территориально-иерархическая позиция вкупе с титулом

великого князя, второму — вторая «ступень», третьему — третья и так далее.

Сыновья Ярослава, наглядно выстроенные «лествицей»

Реконструкция фрески из киевского собора Св. Софии

Со смертью князя, занимавшего более высокое положение, на его место заступал не сын, а следующий по возрасту брат. Таким образом управление областью превращалось во временно занимаемую административную должность, и князь не «прирастал» к своему владению, а считал себя одним из хозяев всей русской земли, дожидаясь очереди занять великокняжеский «стол».

Теоретически эта система выглядела разумной и обоснованной, но, озабоченный сохранением мира между сыновьями, Ярослав при всей своей мудрости оказался недостаточно дальновиден.

В таком порядке наследования (оно еще называется «очередным») минусов оказалось даже больше, чем в наследовании «отчинном», когда владение закрепляется за феодалом в родовую собственность навечно, — именно таким путем пошли другие европейские страны.

Дробление страны на автономные мини-государства при «отчинном» делении все равно происходило, однако накал междоусобной борьбы не был так яростен. Владетельные принцы начинали жить интересами своей территории, вовсе необязательно стремясь захватить власть над всей страной. Русские же князья с нетерпением ждали очереди подняться на более высокую «ступеньку» и не слишком пеклись о развитии своего временного удела, торопясь лишь выжать из него побольше соков. Естественно, и область не испытывала к такому правителю особенной привязанности, он оставался для нее чужаком. Богатые города, обладавшие собственной военной силой, могли выразить недовольство властью князя, даже изгнать его и пригласить другого. В самом могущественном из провинциальных городов, Новгороде, фигура князя вскоре станет более или менее декоративной.

Еще одним сугубо русским фактором хронической нестабильности были «князья-изгои». Так назывались дети князя, который умер, не достигнув высшей площадки «лествицы», то есть не дождавшись очереди на великое княжение. Его сыновья, согласно обычаю, не получали собственного удела и выпадали из иерархии. Многие княжичи не желали мириться с подобной несправедливостью, начинали мечом завоевывать «кормление» — и нередко своего добивались.

План Ярослава сохранить власть над Русью в коллективном владении рода Рюриковичей оказался утопическим. Развитие страны замедлилось, крупные и мелкие междоусобицы почти не прекращались. Из ста семидесяти лет, которые оставалось просуществовать Руси до монгольского нашествия, половина прошла во внутренних войнах.

Через век после Ярослава страна состояла из полутора десятков княжеств; через два века — из полусотни; через три века — примерно из двухсот пятидесяти. Лишь к середине XIV столетия в русской истории закончится время политического распада и вновь наступит пора «собирать камни».

Если в предыдущей части книги удобнее было рассказывать историю России, привязывая повествование к фигуре очередного монарха, то применительно к следующей эпохе такая структура утрачивает смысл. Великие князья беспрестанно сменяются, их власть чаще всего номинальна, а масштаб личностей (за тремя вышеназванными исключениями) настолько мал, что нет резона обременять читателя запоминанием всех этих многочисленных Мстиславов, Изяславов и Ростиславов. История княжений превращается в историю отдельных регионов и сменяющихся тенденций.

Самая существенная из перемен — постепенное смещение центра политической тяжести из днепровского края во владимиро-суздальский. Именно северорусскому региону будет суждено принять эстафету государственного развития, и современная Россия является прямым потомком не киевской монархии, а ее владимирского ответвления.

Звезда Киева, «матери городов русских», закатилась по нескольким причинам.

Одна из них, самая важная — близость к Степи, где во второй половине XI века утвердилась новая могучая орда, которая не сумела завоевать Киев, но подорвала его силу. Северная Русь, до которой хищные половцы не добирались, жила безопасней и развивалась спокойней. Юг же беднел из-за разрухи и скудел людьми, которых угоняли в неволю.

Еще одним ударом по Киеву — не военным, а экономическим — стали крестовые походы, открывшие Западной Европе более короткий и удобный путь на Восток. Товарная магистраль «из варяг в греки», на которой и благодаря которой, собственно, возникло киевское государство, сделалась менее оживленной. Киев вырос и поднялся прежде всего как ключевой торговый и таможенный пункт; теперь это его значение заметно потускнело.

Момент, когда Киев утратил звание главного русского города, точно датирован: это произошло в 1169 году, ровно век спустя после первого большого нашествия половцев (1068 г.) и вызванного этой катастрофой раскола единой Руси.

Чтобы понять, как складывалась политическая история страны на протяжении бурного столетия между 1068 и 1169 г.г., нам понадобится подробнее изучить «половецкий фактор», который постоянно и активно влиял на ход внутрирусских событий, часто определяя их направление и исход.

Половцы

Через десять с лишним лет после смерти Ярослава Мудрого, рассказывает «Повесть временных лет», было явлено сразу несколько пугающих знамений.

Сначала на западе взошла большая звезда «лучи имуще акы кровавее» и изливала свое зловещее сияние семь ночей подряд. Потом рыбаки вынули из реки Сетомль, близ Киева, мертвого младенца, невиданного урода, у которого вместо лица были «срамнии удовие, а иного нельзе казати срама ради» (хотя, казалось бы, чего уж хуже). К тому же еще случилось частичное затмение солнца — «не бысть светло, но акы месяць бысть». Летописец предупреждает: «Се же бывають сия знамения не на добро», готовя читателей к рассказу о первом половецком нашествии 1068 года.

Вообще-то русские пограничные области уже были знакомы с этими новыми соседями. В феврале 1061 года хан Искал напал на владения Всеволода Ярославича, князя Переяславского, нанес ему поражение в бою, пограбил селения и ушел обратно в степи. Очевидно, это был просто набег за добычей или разведка боем. Большого впечатления на русских нападение не произвело, хроника сообщает о нем очень коротко.

Но семь лет спустя на Русь пришла не одна из сравнительно небольших половецких орд, а войско всего степного союза — на сей раз с целью основательно разграбить всю русскую землю, а то и завоевать ее.

Что это за народ и откуда он взялся, летописец понятия не имеет и высказывает следующее предположение: «Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди».

Мы знаем о происхождении куманов-половцев несколько больше.

Этот кочевой народ представлял собой западную группу тюркоязычного кипчакского этноса и называл себя «сары-кипчаками», то есть «желтыми кипчаками». Русское слово «половцы», по-видимому, является переводом этого самоназвания, поскольку на старославянском «половый» означает «желтый».

Половецкая степь

М. Руданов

В начале XI века половцы двинулись из туркестанских и западносибирских равнин в сторону Европы извечным маршрутом кочевых народов. Да и мотивы были всё те же: давление могущественных врагов с востока, незащищенные и обильные травами пастбища на западе. Частично вытеснив, а частично поглотив остатки печенегов, половцы постепенно расселились отдельными ордами по всему Причерноморью и стали временными хозяевами огромного пространства от Иртыша до Дуная. С этих пор Великая Степь для русских стала Половецкой.

Размеры кипчакских владений обуславливались необходимостью кормить огромные стада. Весь народ состоял то ли из двенадцати, то ли из пятнадцати отдельных орд, каждая из которых блуждала по территории площадью примерно в 100000 квадратных километров. Средняя численность одной орды составляла несколько десятков тысяч человек. Для большого похода несколько ханов объединялись и избирали предводителя — кагана («хана ханов»). В войне 1068 года каганом был Шарукан, дед того самого Кончака, борьбе с которым посвящено «Слово о полку Игореве».

Навстречу врагу вышло объединенное войско всех троих Ярославичей: великого князя Изяслава, Всеволода и Святополка (двое младших братьев к тому времени умерли). Подробностей битвы летописец сообщать не хочет. Он скупо пишет: «Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы». Можно предположить, что, помня о былых победах над степняками, русские не ожидали встретить такого сильного противника.

Половецкое побоище

В. Васнецов

Впечатление от разгрома было настолько сильным, что столичные жители свергли великого князя Изяслава (об этом подробнее в следующей главе). Авторитет центральной власти был подорван, прежних высот она уже никогда не достигнет.

Таким образом, точкой, от которой следует отсчитывать начало конца Киевской Руси, стало поражение в первой большой битве с половцами.

Но покорить державу Ярославичей степному войску не удалось. Два месяца спустя князь Святослав, средний из братьев, в одиночку защищая от половцев свои черниговские земли, всего с тремя тысячами воинов разбил вчетверо превосходившую половецкую рать на реке Снов. После этого хан Шарукан возвратился в степь, удовольствовавшись богатой добычей.

Русско-половецкая война 1068 года определила баланс сил. Они были примерно равны. Так и останется: иногда будут побеждать половцы, иногда русские. Чаще нападающей стороной были кочевники, но случалось и наоборот — русские князья сами вторгались на вражескую территорию.

На протяжении 170 лет два народа жили бок о бок в тесном контакте — то врагами, то союзниками, а со временем и родственниками (что, впрочем, не препятствовало войнам). «Половецкий» период русской истории продолжался вплоть до вторжения монголов.

> Второе половецкое нашествие, произошедшее через четверть века после первого, оказалось еще более губительным.
>
> Снова, как водится, началось с нехороших предзнаменований. «В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие

леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам… В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды», — гласит летопись.

В 1093 году умер великий князь Всеволод, и над Русью нависла угроза междоусобицы: следовало ожидать, что сын покойного Владимир Мономах и сын старшего из Ярославичей князь Святополк Изяславич сцепятся в схватке за престол. Половцы к тому времени уже очень хорошо разбирались в тонкостях династических взаимоотношений Рюриковичей и рассчитывали хорошо поживиться в ходе назревавшей смуты. Составился новый союз орд во главе с ханом Тугорканом.

Но осторожный и дальновидный Владимир предпочел уступить Киев своему кузену. Половцы передумали нападать на Русь и отправили к новому великому князю послов договариваться о мире. Казалось бы, тучи рассеялись.

В бедах, которые затем обрушились на русскую землю, была повинна исключительно верховная власть. Святополк Изяславич, желая продемонстрировать величие своего нового статуса, приказал схватить половецких посланников и посадить их в темницу.

У этого слабого и непоследовательного правителя припадки кичливости чередовались с приступами паники. Когда возмущенный Тугоркан выступил в поход и осадил важную пограничную крепость Торческ, Святополк немедленно выпустил пленников и запросил мира. Но было поздно — половцы уже не могли повернуть обратно без добычи.

Тогда великий князь вновь впал в шапкозакидательство и засобирался на войну, хотя у него в дружине было всего 800 воинов. На помощь пришли другие отряды, но войска все равно было мало. Владимир Мономах уговаривал Святополка продолжить переговоры, но тот не слушал.

У реки Стугны, на противоположном берегу которой стояли половцы, Мономах опять предложил двоюродному брату не вступать в сражение, а решить дело без кровопролития. «И присоединились к совету этому разумные мужи», — сообщает летопись. Но киевское окружение Святополка жаждало славы.

Русские сами напали на врага, хоть река «сильно вздулась тогда водою». По тогдашнему обыкновению каждый из трех князей (третьим был младший брат Владимира Мономаха переяславский князь Ростислав) вел свою дружину, и бились они не под общим командованием, а поврозь. Этим и воспользовались половцы, действовавшие согласованно. Они сначала разгромили главный полк — великокняжеский, так что Святополк и его люди побежали. Потом

разбили Владимира, а за ним и Ростислава, причем последний при отступлении утонул. «Случилась эта беда в день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день», — горестно пишет летописец.

Но на этом несчастья не закончились.

Город Торческ держался, но там заканчивались припасы. Бежавший в столицу Святополк отправил обоз с продовольствием, но половцы его перехватили. Через девять недель положение осажденных стало отчаянным, они приготовились к сдаче.

Желая спасти осажденную крепость, великий князь пошел на выручку с новым войском. У городка Желань состоялась вторая битва этой несчастной для русских войны. Поражение бездарного Святополка было еще более сокрушительным. Он прибежал назад в Киев всего с двумя людьми — остальные были истреблены, пленены или рассеялись.

Торческ пал. Половцы не пошли на Киев, так как еще не научились брать большие укрепленные города, но увели в степь множество рабов, а надменному Святополку пришлось заключить с победителями унизительный мир и даже взять в жены дочь хана Тугоркана. Давно ли византийские императоры и европейские монархи считали за выгоду породниться с русским государем? Теперь же великой княгиней стала дочь степного разбойника…

Мирная передышка оказалась недолгой, и дальнейшие войны шли с переменным успехом. (Так всего два года спустя Святополк в союзе с Мономахом наголову разбили того же Тугоркана, который пал в бою и был с почетом похоронен зятем в Берестове, великокняжеской резиденции). Однако перечисление всех русско-половецких войн заняло бы слишком много места — всего их было не менее сорока, а мелких конфликтов никто и не считал. Один из таких походов, далеко не самый значительный, известен нам во всех подробностях, поскольку описан в «Слове о полку Игореве», шедевре древнерусской литературы. По этой маленькой войне (нетипично в ней лишь то, что в данном случае агрессорами оказались не степняки, а русские) можно легко реконструировать то, как происходили остальные сорок.

Поэма написана по горячим следам событий 1185 года, когда Игорь Святославич, правитель Новгород-Северского княжества, небольшого приграничного государства, пошел с войском в Половецкую степь.

Вначале, разумеется, явилось плохое предзнаменование: «Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты». (1 мая 1185 года действительно было солнечное затмение). И поход, который замышлялся как долгий и дальний («поискати града Тьмутороканя»), оказался кратким и незадачливым.

Вместе с новгород-северским князем шли его брат Всеволод князь Курский и племянник Олег князь Рыльский. Неожиданным натиском они

опрокинули передовые заставы половцев и захватили кое-какую добычу: «Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, разлетевшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам, и всякими узорочьями половецкими»[9]. Пока победители тратили время на все эти безобразия, ближние орды хана Кончака и хана Гзака приготовились к отпору. Эффект неожиданности и инициатива были утрачены.

У реки Каялы, притока Дона (недалеко же продвинулось русское войско от границы), половцы нанесли ответный удар. Как и сто лет назад, князья плохо умели биться единым фронтом. Дружина Всеволода, атакованная превосходящими силами «бесовых детей», заняла оборону — «перегородила поле червленными щитами». Игорь пришел на помощь не сразу: «Игорь плъкы [полки] заворочает, жаль бо ему мила брата Всеволода». Но поздно. «Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудню падоша стязи [знамена] Игоревы».

Князья попали в плен, где их содержали с почетом и не слишком строго. Игорь вскоре сбежал, а его юный сын Владимир остался в плену и женился на дочери хана Кончака, так что, в общем, всё закончилось по-доброму. Это и неудивительно. Князь Игорь был по матери наполовину половцем, внуком хана Аепы, а с Кончаком в прежние времена им доводилось вместе биться против общих врагов.

Вся эта война вообще выглядит семейной или, во всяком случае, родственной ссорой.

Поход Игоря

Н. Рерих

С конца XI века и до начала XIII века ни одна мало-мальски заметная русская междоусобица не обходится без участия половцев. Всякий князь, которому не хватало войска, без труда находил его в Степи.

После того как с исторической сцены сошли варяжские дружины, главным поставщиком наемников в Восточной Европе стали половцы, превосходные воины.

Они поступали на службу не только к русским князьям, но и к византийским императорам, и к грузинским царям, и к венгерским королям. Можно сказать, что половецкий элемент постепенно утратил свою первоначальную деструктивность и вписался в хаотичный расклад тогдашних противоборствующих политических влияний.

Со временем ожесточенная борьба между Русью и Степью сменилась более или менее мирным сосуществованием, чему способствовали многочисленные брачные союзы. По меньшей мере дважды (Изяслав Ярославич в 1094 г. и Юрий Долгорукий в 1108 г.) великие князья женились на половчанках. В летописях нет упоминаний о выдаче княжон замуж за ханов, но это объясняется религиозными причинами: русской девушке, уходящей в орду, было бы невозможно сохранить свою веру, в то время как половчанки легко принимали христианство.

Рюриковичи довольно быстро «окипчачились» — не только переняв некоторые обычаи и военные приемы половцев, но даже и чисто внешне, что видно по антропологическим реконструкциям.

Половецкий мир распался одновременно с крахом древнерусского государства, в результате монгольского нашествия. Характерно, что поражение русских и половцев было совместным. В 1223 году, во время первого европейского рейда армии Чингис-хана, русские князья пришли на помощь половецким родственникам и вместе с ними погибли в битве на реке Калке.

После монгольского завоевания основная часть кипчаков растворилась в населении Золотой Орды, а отдельные курени разбрелись в разные стороны. Кто-то осел на Руси, кто-то в Закавказье, кто-то на Балканах, кто-то добрался даже до Северной Африки, так что некоторые египетские султаны происходили из половцев. Большой кипчакский контингент, сорок тысяч всадников, под предводительством Котяна ушел в Венгрию, где король Бела IV женил сына на ханской дочери. Но ни в одной стране половцы не сохранились как этнический анклав, они повсюду были ассимилированы.

Такой была судьба исчезнувшего кочевого народа, который сыграл столь важную роль в русской истории.

Половцы

И. Сакуров

О внутренней жизни половцев мы знаем сравнительно немного, поскольку собственной письменной культуры у них не было и единого государства они не создали, но все же сохранилось достаточно сведений и свидетельств, чтобы составить некоторое представление об устройстве этого степного сообщества.

Каждая орда состояла из родовых объединений — куреней. Курень подразделялся на коши, большие семейства, во главе которых находились старейшины-кошевые. (Здесь видна очевидная связь с куренно-кошевым устройством будущих казацких общин, которые возникнут в тех же приднепровских краях несколько веков спустя).

Летом половецкие курени кочевали каждый на своей территории, а в холодное время года вся орда собиралась в определенных местах, которые в русских летописях названы «городами», хотя это были всего лишь зимовья. Один из таких станов, Шарукань, впоследствии превратился в город Харьков.

Социальная структура орды состояла из трех неравноправных сословий: знати, которой доставалась львиная часть добычи; рядовых воинов, каждый из которых владел десятком коней; наконец, «колодников», рабов-пленников, носивших деревянную колодку и выполнявших всю работу. Особенную прослойку

составляли шаманы-бахсы, жрецы распространенного у многих тюркских и монгольских народов культа Неба — тенгрианства.

Главный интерес для нас представляют военная организация и боевое искусство половцев, поскольку это был прежде всего народ-воин и в русской истории он неизменно участвовал с оружием в руках.

При относительной немноголюдности каждой орды (да и все половцы вместе взятые вряд ли насчитывали больше полумиллиона человек) в момент войны у кочевников почти всегда имелось серьезное численное преимущество, потому что взрослые мужчины поголовно садились в седло. Всё половецкое войско было конным и передвигалось очень быстро, поскольку имело в изобилии сменных лошадей. Кипчаки не уклонялись от рукопашной, но особенно хорошо владели оружием, действующим на расстоянии: луками, дротиками и арканами. Чаще всего степняки атаковали, но отлично умели и обороняться. Если силы были неравны, половцы выстраивали в круг свои повозки, некоторые из которых оснащались дальнобойными арбалетами.

Когда половецкая конница, участвуя в войне с крестоносцами, столкнулась с западноевропейскими рыцарями, выяснилось, что боевые качества азиатов выше. В кровопролитной битве под Адрианополем (1205) кипчаки наголову разгромили войско Балдуина I Фландрского, а самого его захватили в плен.

В бою половцы были изобретательны и дисциплинированны, что позволяло осуществлять сложные маневры вроде ложных отступлений с последующей контратакой.

> В «Повести временных лет» есть описание одной битвы, по которому можно понять, как именно воевали половцы. Рассказ этот не окрашен обычной враждебностью по отношению к кочевникам, поскольку в данном случае они дрались вместе с русскими против общего противника.
>
> В 1099 году западнорусский князь Давыд Игоревич (о нем пойдет речь дальше) воевал с венгерским королем Коломаном. Дружина у князя была совсем маленькая, и он позвал на помощь половецкого хана Боняка.
>
> Противники сошлись у реки Вягр, в узкой долине, зажатой между гор. Численность русско-половецкого войска летописец знает в точности: сто воинов у Давыда и триста у Боняка. Про венгров пишет с обычной для той эпохи страстью к фантастическим преувеличениям: «бе бо угор числом 100 тысящь». Так или иначе, у Коломана имелось значительное преимущество, венгры не сомневались в победе.
>
> Когда наступила полночь, Боняк один выехал в поле и начал выть по-волчьи. Ему откликнулся сначала один волк, потом множество. Тогда хан вернулся в лагерь и сказал Давыду Игоревичу: «Завтра мы победим». (Этот странный ритуал, очевидно, связан с тем, что у половцев волк считался тотемным животным, покровителем племени).

Наутро венгерские латники выстроились в колонну, маленькая русская дружина приготовилась к обороне, а Боняк разделил свой отряд на три части: две разместил в засадах по краям от долины, а третью, пятьдесят человек, отправил вперед. Эти всадники обстреляли неприятеля из луков, а потом, якобы дрогнув, пустились наутек. Нарушив построение, венгры ринулись вдогонку. Неожиданный удар с двух сторон привел их в смятение; дорога обратно оказалась перекрыта. По образному выражению летописца, половцы и русские «сбиша угры в мячь», то есть заставили сгрудиться, и стали истреблять, «яко сокол галице» («как сокол галок»). Многие срывались с обрыва и тонули в реке, а больше всего жертв было во время погони, продолжавшейся два дня.

Имя хана Боняка в русской хронике встречается неоднократно, и всегда с эпитетами «безбожный» либо «шелудивый» — но только не в этот раз. А главным героем битвы был другой знаменитый воин, хан Алтунопа, командовавший передовым отрядом. (Четыре года спустя Алтунопа сложит голову в неравном бою с русским войском).

Вот с какими грозными врагами (или полезными союзниками — в зависимости от стечения обстоятельств) свела история потомков Ярослава.

Триумвират

Про великого князя Изяслава, занявшего киевский «стол» в 1054 году после смерти Ярослава Мудрого, хроника сообщает, что он был красив собой, толст (что тогда тоже считалось красивым), нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; хитрости и льстивости не ведал, был немстителен и «прост умом». Последнее, увы, верно. Среди наследников Ярослава Мудрого очень умных вообще не оказалось. Кажется, задатками государственного мужа обладал старший сын Владимир, удачно правивший Новгородом и обладавший полководческими талантами, но он умер в 1052 году, еще при жизни отца. На склоне лет Ярослав отличал Всеволода («бе бо любим отцем паче всея братья»), но отдать ему первенство в обход двух старших братьев не мог — те ни за что не примирились бы с подобным распоряжением. В результате Ярослав сделал что мог: постарался никого из сыновей не обидеть в надежде, что тем самым избавит державу от междоусобицы, а своих детей от братоубийства.

Ключевский пишет про завещание Ярослава: «Оно отечески задушевно, но очень скудно политическим содержанием» — и это действительно так. Система пятивластия с условным главенством Изяслава была слишком сложна и ненадежна. Не помогло даже то, что вскоре двое младших братьев — Вячеслав в 1057 г. и Игорь в 1060 г. — умерли, а их земли были разделены между Изяславом, Святославом и Всеволодом, в результате чего соправление преобразовалось в триумвират. Он простоял недолго, не выдержав первого же испытания на прочность — половецкого нашествия.

Те относительно спокойные четырнадцать лет (1054–1068), на протяжении которых сохранялась созданная Ярославом Мудрым система сбалансированной власти, не были отмечены никакими особенными свершениями.

Братья сделали одно доброе дело — освободили своего старого дядю Судислава Владимировича, которого Ярослав на всякий случай продержал в заточении больше двадцати лет. Со старшего родственника взяли клятву вести себя смирно, хотя Судислав и в прежние времена не отличался строптивостью, да еще и вынудили старика постричься в монахи. Там, в монастыре, этот последний из сыновей Владимира Красно Солнышко вскоре и умер.

В 1058 году Изяслав предпринял какую-то небольшую экспедицию против балтского племени голядь. «Победи Изяслав голядь», — тремя словами сообщает летопись, кажется, не придавая этой победе большого значения.

Несколько более заметным предприятием был поход 1059–1060 годов на торков — немногочисленный, но воинственный народец, кочевавший в бывшей печенежской степи близ русских границ. Для этого пришлось мобилизовать силы всех князей: «совокупивше воя бещислены, и поидоша на коних и в лодьях, бещисленое множьство». Это была не война на истребление, а нечто вроде широкомасштабной облавы. Торки попробовали скрыться в степных просторах, но князья догнали их таборы, переселили на русскую территорию и «посадили по

городам», что и объясняет смысл всей операции. С этого момента в нашей истории открывается любопытная, полузабытая глава под названием «Черные клобуки».

> Главной проблемой защиты восточных рубежей Киевского государства было отсутствие оседлого населения в областях, граничивших с дикой Степью. Русские крестьяне жить там не желали, да и не могли — это было слишком опасно. Держать в крепостях большие постоянные гарнизоны выходило слишком накладно для казны. Поэтому великие князья неоднократно пытались переместить туда жителей из других регионов. Владимир Красно Солнышко пытался решить эту проблему, выражаясь по-современному, методом материального стимулирования: соблазнял «лучших мужей» из новгородцев, кривичей, вятичей и чуди выгодами пограничной службы. Ярослав действовал иначе — средствами принуждения: после победоносной войны 1031 года насильно отогнал на восток множество пленных поляков. Но ни восточные, ни западные славяне в этой чуждой среде не приживались. В конце концов возникла разумная и продуктивная идея создать вдоль границы постоянное население из степняков, лояльных великокняжеской власти.
>
> В будущем, столкнувшись с той же проблемой, московские государи станут использовать казаков. Точно такими же «казаками», только инородного происхождения, были в предмонгольской Руси «черные клобуки» (их еще называли «народом черных колпаков») — заметная и серьезная военная сила, неизменный участник всех войн и междоусобиц. Великокняжеская армия отныне состояла из трех частей: регулярная дружина, местное ополчение и «черные клобуки».
>
> Это пестрое сообщество сложилось из разных тюркоязычных племен, самым крупным из которых были торки, остатки печенегов и берендеи (последние потом частично переселились на север, в район современного Примосковья, так что стали предками москвичей). Числились в составе «черных клобуков» племена и вовсе экзотического звучания, бесследно растворившиеся в истории: какие-то ковуи, каепичи и турпеи.
>
> О высоких боевых качествах этих нерусских военных поселенцев свидетельствует героическая оборона крепости Торческ («Город торков»), которая, как мы помним, очень долго держалась в одиночку против всей половецкой армии во время тяжелой войны 1093 года.
>
> Со временем «черные клобуки» приняли христианство и перемешались с русскими, а какая-то часть этого степного братства несомненно слилась с населением Золотой Орды.

Военные походы «триумвирата» были продиктованы естественным для крепкой и процветающей державы стремлением навести порядок на своих границах. В отсутствие серьезной внешней угрозы это было вполне возможно.

Однако и в эти благополучные годы уже дала себя знать проблема «обиженных» Рюриковичей — тех князей, кто оказался отстранен от права участвовать в управлении Русью.

В 1064–1066 г.г. взбунтовался Ростислав Ростовский; в 1067 г. — Всеслав Полоцкий (подробнее об этих конфликтах будет рассказано в следующей главе), но, пока трое Ярославичей сохраняли единство, у них хватало сил справляться с внутренними неурядицами. Когда в 1068 году на страну напали половецкие орды, Ростислава на свете уже не было, а плененный Всеслав сидел в киевской темнице.

Тем неожиданней и сокрушительней оказался разгром в битве с кочевниками.

Киевское государство находилось на пике своего могущества. В стране не было ни мора, ни гражданской войны; трое братьев собрали большое войско — и тем не менее случилась военная катастрофа, подробности которой описаны в главе «Половцы».

Здесь-то, в условиях кризиса, и обнаружилась вся хрупкость «триумвирата».

Потрясение не сплотило, а разобщило Ярославичей. Каждый кинулся спасать от грабежа свои владения: Святослав — в Чернигов, Всеволод — в Переяславль. Изяслав вернулся в столицу один, растерянный и подавленный.

Его отчаяние и бездействие были настолько очевидны, что население Киева возмутилось. 15 сентября они собрали вече на торговой площади и потребовали от великого князя, чтобы он созвал новое войско: «Половцы рассеялись по земле; дай нам, князь, оружие и коней, хотим еще биться с ними». Но Изяслав не верил, что сможет победить половцев, или же боялся вооружать подданных — патриотический порыв киевлян он оставил без внимания, а самых настойчивых горожан взял под стражу.

В результате престиж великокняжеской власти окончательно пал, и в Киеве началось антиправительственное восстание.

Сначала толпа разгромила двор тысяцкого (главного городского чиновника) Коснячка, который уцелел лишь потому, что где-то спрятался. Потом киевляне разделились на два потока. Один направился к княжескому дворцу, где сидел с приближенными испуганный Изяслав; другое скопище кинулось к тюрьме и освободило арестованных ранее бунтовщиков. За всю историю Киева никогда еще не происходило ничего подобного.

Бояре Изяслава проведали, что вслед за этим горожане собираются вызволить из неволи полоцкого князя Всеслава, который слыл храбрым воином — таким, который может спасти город от врага. «Нужно поскорей его убить», — стали требовать приближенные, но Изяслав не мог решиться и на это.

Всё так и вышло: восставшие взломали темницу и провозгласили Всеслава киевским князем.

Восстание 1068 года: восставшие вскрывают «поруб»

Радзивилловская летопись

Законный правитель постыдно бежал — не только из города, но и за пределы Руси. Дворец его был разгромлен и разграблен. На киевском «столе» оказался узурпатор или, если угодно, народный избранник, но сакральность и преемственность верховной власти в любом случае были нарушены.

Изяслав Ярославич еще вернется и даже неоднократно, но ни единовластия, ни единства больше не будет. Эта эпоха в 1068 году надломилась. Начались времена нескончаемой смуты.

Отныне и надолго — с небольшими перерывами — на Руси самыми активными и заметными политическими игроками станут авантюристы вроде Всеслава Полоцкого.

Изгои

Характерной особенностью позднекиевского периода является то, что о «князьях-изгоях» рассказывать интереснее, чем о великих князьях. Каждый из князей-изгоев, этих неугомонных властолюбцев, обделенных Фортуной, — яркая личность и незаурядная судьба. Они не приспосабливались к ситуации, а стремились ее изменить и тем самым, к добру или к худу (обычно к худу) приводили в движение историю.

Количество княжичей, которых ранняя смерть родителя оставила без собственных земель, от поколения к поколению увеличивалось. Отсутствие «отчинного» права и вечная чехарда с «очередным» перемещением вверх по «лествице» приводили к тому, что молодой человек, еще вчера надеявшийся стать владетельным, а то и великим князем, вдруг оказывался без средств к существованию. Если осиротевший Рюрикович был смел и предприимчив, он начинал отвоевывать себе княжество силой.

С появлением у русских границ половцев заручиться поддержкой какой-нибудь из орд было нетрудно — кочевники жили войной и охотно участвовали в любой сваре, поскольку она сулила добычу.

Другим поставщиком военной силы была Тьмутаракань. Поскольку находилась она по ту сторону Степи, захватить этот край было легко, а разноплеменного сброда, жаждущего добычи и приключений, там всегда имелось в избытке.

Вероятно, если бы Русь участвовала в крестовых походах, первый из которых начался в 1095 году, безземельным аристократам было бы куда направить честолюбие и энергию, но восточное христианство, как известно, относилось к этой инициативе папского престола с недоверием и подозрительностью.

Перечислять все смуты, вызванные князьями-изгоями, я не буду — получится очень длинно и однообразно, но о нескольких, оставивших самый заметный след в истории, рассказать стоит.

Всеслав-чародей (ок. 1029–1101)

Князья-бунтовщики, так сказать, «первой волны», еще не были безземельными. Они просто считали себя обойденными и желали большего.

Например, Всеслав Брячиславич не может считаться изгоем, ибо владел довольно большим княжеством, которое уже давно находилось на особенном положении и не рассматривалось Ярославом как часть Киевской державы. Однако именно с Всеслава начинается история Рюриковичей, пытавшихся отобрать владения у родственников с помощью меча или коварства.

Владимир Красно Солнышко, приняв христианство, отдалил от себя многочисленных «языческих» жен, причем княжну Рогнеду вместе с сыном

Изяславом (тем самым, который спас мать в опочивальне от смерти) отправил в Полоцк, ее родовое владение, после чего не числил этого княжича среди своих наследников.

Брячислав, сын Изяслава, считал это несправедливостью и во время междоусобицы, последовавшей за смертью Владимира, попытался захватить Новгород (полоцкие князья считали, что у них есть право на новгородские земли). Тогда Ярослав дал ему отпор, и полочане на время угомонились. Пока киевская власть была крепка, они вели себя смирно.

Но у следующего полоцкого правителя Всеслава Брячиславича, правившего с 1044 года, амбиций было еще больше, чем у отца, а Изяслава Киевского он, по-видимому, считал монархом слабым.

Личность Всеслава в высшей степени любопытна. Еще при жизни он прослыл кудесником и чародеем, который имел с рождения на голове какую-то мету — «язвено». Что это такое, непонятно. Вероятно, какой-то кожный нарост или приросший лоскут плаценты, поскольку волхвы предписали «навязать» эту «сорочицу» и не расставаться с ней до самой смерти. Летописец предполагает, что именно по этой причине князь отличался кровожадностью.

Древнерусские авторы оценивают фигуру Всеслава по-разному. «Повесть временных лет» его порицает, а «Слово о полку Игореве» скорее им восхищается. Быстрота, с которой полоцкий князь умел перебрасывать свою дружину с места на место, там поэтически описана в знаменитых строках: «В полночь лютым зверем отскочил он от Белгорода, окутанный синей мглой; утр же возни стрикусы, отворил ворота новгородские и расшиб славу Ярославову, перескочил волком с Дудуток до Немиги». Что такое «утр же возни стрикусы», никто не знает. Вероятно, «наутро вонзил шпоры». Интересно, что и обычное для нас словосочетание «лютый зверь» в русском языке употребляется здесь впервые. Исследователи полагают, что имеется в виду какое-то конкретное животное — может быть, рысь. Если так, то «Слово» уподобляет Всеслава сразу оборотню-кошке и оборотню-волку. В былинах он обращается то ясным соколом, то оленем с золотыми рогами.

Посмертной славой оборотня Всеслав, должно быть, обязан превратностям своей судьбы, которая потрясала воображение и современников, и потомков.

В 1065 году он затеял воевать с Ярославичами. Псков взять не сумел, зато Новгород в 1066 году успешно захватил и разграбил, даже забрав колокол с храма Святой Софии.

Зимой — то есть в необычное для войны время — армия «триумвирата» отправилась в полоцкую землю с карательной экспедицией. На реке Немизе («Слово о полку Игореве» называет ее «Немигой») произошла битва, которую Всеслав проиграл.

Следующим летом братья позвали его на переговоры, дав на кресте клятву, что не причинят родственнику вреда. Всеслав с двумя сыновьями, «надеяся целованию креста», переплыли Днепр, но Изяслав схватил всех троих и посадил у

себя в Киеве в «поруб», специальную темницу без дверей — такие возводились вокруг пленников и сбежать оттуда было невозможно.

Слева: Всеслав с сыновьями переправляется через Днепр. Справа: они уже в «порубе»

Радзивилловская летопись

Вероломство сослужило великому князю дурную службу. Клятвопреступление подорвало авторитет его власти и вызвало сочувствие к узнику. А то, что храбрый «чародей» оказался в Киеве во время народной смуты, нежданно-негаданно возвело Всеслава на престол. Даже автор «Повести временных лет» в этой истории осуждает Изяслава и оправдывает полоцкого князя: «Всеслав, въздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тобе веровах, избави мя от рова [ямы, темницы] сего».

Властвовал столицей Всеслав недолго, всего семь месяцев. Потом из Польши вернулся Изяслав, которого поддержал муж его сестры король Болеслав II. Всеслав пошел было с дружиной навстречу, но, увидев неравенство сил, с всегдашней стремительностью убежал прочь, что было для киевлян полной неожиданностью.

После этого еще лет десять он воевал с Ярославичами. Побеждал, бывал вдребезги разбит, затем вновь набирал силу — однако былых высот уже не достигал. С возрастом Всеслав понемногу угомонился и последние годы жизни просидел в Полоцке тихо. Княжество он поделил между семью сыновьями, тем самым подорвав силы своего маленького государства, которое вскоре вслед за тем распалось.

Ростислав Отравленный (ок. 1038–1067)

Проживи Владимир, старший сын Ярослава, на два года дольше, и судьба его сына Ростислава сложилась бы иначе. Эта мысль, вероятно, отравляла молодому князю существование на протяжении всей его недолгой жизни.

При этом Ростислав, как и Всеслав Полоцкий, формально не был безземельным изгоем. При разделе Ярославова наследия шестнадцатилетнему Владимировичу достался собственный удел — Ростовская земля, а впоследствии, по кончине дяди Вячеслава, он даже поднялся на нижнюю ступеньку «лествицы» — получил Владимир-Волынский край. Но при очередном перемещении, после смерти дяди Игоря, Ярославичи обошли племянника, не пустили его в следующее по значению княжество, Смоленское.

Ростислав был горд, непоседлив и, по выражению летописи, «добр на рать», то есть любил повоевать. По сведениям первого русского историка В.Татищева, который обладал какими-то древними летописями, впоследствии утраченными, Ростислав был женат на дочери венгерского короля, что должно было еще больше распалять его честолюбие.

В стране хватало родовитых людей, обиженных «триумвиратом». Ростислав собрал их вокруг себя. История сохранила имена двух самых видных его сторонников — Порея и Вышаты, сына новгородского посадника.

С мечом в руках Ростислав отправился добывать себе княжество по собственному вкусу. В 1064 году он захватил Тьмутаракань, прогнав оттуда Глеба, сына черниговского князя и члена «триумвирата» Святослава. С одной стороны, Тьмутаракань вроде бы была меньше Владимир-Волынского княжества, которое бросил Ростислав, зато она отлично подходила на роль плацдарма, где можно было накопить силы для последующей экспансии.

Это отлично понимали и дядья-Ярославичи. Святослав не дал буйному племяннику закрепиться в этом стратегическом пункте — отправился туда с дружиной. Ростислав не мог воевать с могущественным родственником и убрался из города («не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять», — считает нужным пояснить летопись). Однако стоило дяде уйти, как изгой вновь выставил слабого Глеба Святославича и на этот раз сел в городе крепко. Ярославичам теперь было не до далекой Тьмутаракани — у них в это время началась куда более опасная война с Всеславом Полоцким.

Активный Ростислав начал расширять зону своего влияния, облагая данью соседние народы и начиная поглядывать в сторону близкого Крыма, где находилась богатая византийская колония Корсунь. Греки были очень обеспокоены таким агрессивным соседом.

Отравление Ростислава

Радзивилловская летопись

Корсунский катапанос (то есть, губернатор — русская хроника называет его «котопаном») решил проблему традиционным византийским образом. Вступил в переговоры с тьмутараканским князем, втерся к нему в доверие и отравил. «Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу; а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось».

Летописец сообщает, что корсунцы побили отравителя камнями, но это скорее всего выдумки. С какой стати было жителям убивать человека, который избавил их от опасности иностранного вторжения? Да и на Руси, когда Ростислава Владимировича не стало, многие, надо полагать, вздохнули с облегчением.

Давыд Жестокий (ок. 1058–1112)

После того как центральная власть стала приходить в упадок, князья-изгои превратились для страны в серьезную, даже главную внутриполитическую проблему.

Сын рано умершего Игоря Ярославича, в общем-то малозначительный и не имевший собственного удела князек Давыд Игоревич целых двадцать лет держал в напряжении всю Русь своими происками и злодействами.

Этот Рюрикович был классическим бароном-разбойником, которыми изобилует история средневековой Европы — жадным до добычи, безжалостным и коварным.

Свое восхождение он тоже начал с Тьмутаракани. Вместе с другим изгоем, Володарем (сыном отравленного Ростислава), они в 1081 году захватили этот приазовский город, выгнав посадника, правившего там от имени черниговского князя.

Через два года другой изгой, Олег Святославич, о ком рассказ впереди, прогнал молодых хищников. Тогда они отправились в западную Русь и забрали себе (в 1084 г.) Владимир-Волынский, но и там продержались недолго — авантюристов выдавил Владимир Мономах.

После этого Давыд стал действовать изобретательней. Он обосновался в низовьях Днепра и стал грабить купеческие караваны, фактически блокировав всю киевскую торговлю с Византией. Этот шантаж оказался продуктивнее территориальных захватов. Великий князь предпочел договориться с неугомонным племянником и наконец дал ему собственную землю — маленькую Дорогобужскую волость.

Но на этот кусок зарился другой племянник, владимир-волынский князь Ярополк Изяславич. Он взбунтовался было против великого князя, но вновь пришел грозный Мономах — и Ярополк убежал в Польшу.

Из-за этого Давыду Игоревичу вдруг досталась вся владимир-волынская земля, однако ненадолго. Через год Ярополк помирился с Киевом и получил княжество обратно. Но Давыд, вкусив настоящего богатства, уже не хотел довольствоваться малым.

Вскоре Ярополк был убит одним из своих дружинников, которому после этого удалось скрыться. Кто подослал убийцу, так и осталось неизвестным. По логике qui prodest главным подозреваемым следует считать Давыда Игоревича, поскольку он по старшинству должен был унаследовать владения убитого, что и произошло.

В 1097 году первый съезд Рюриковичей, которые после опустошительной половецкой войны и всех распрей решили урегулировать свои взаимоотношения, утвердил Давыда в качестве владимир-волынского князя.

Однако, как пишет Карамзин, «сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства».

Казалось бы, Давыд Игоревич добился всего, о чем желал. Но его алчность была непомерна. Ему захотелось прибрать к рукам владения соседа, теребовльского князя Василько, который к тому же казался Давыду опасным. Василько собирал у себя войско из «черных клобуков» — якобы готовился к походу на Польшу, но подозрительному Давыду, мерявшему по себе, эти приготовления очень не нравились.

История о том, как Давыд Игоревич обошелся с Василько, изложена в летописи во всех подробностях.

Сначала Давыд стал настраивать против своего соседа великого князя Святополка, утверждая, будто Василько собирает силы неспроста — хочет захватить Киев. Затем улучил момент, когда теребовльский князь наведался в столицу, и посоветовал Святополку пригласить его на именины, хотя знал, что Василько торопится домой и задержаться не сможет.

«Видишь, не хочет тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда придет в свою землю? Увидишь, что займет города твои Туров, Пинск и другие, тогда помянешь меня; созови киевлян, схвати его и отдай мне», — сказал Давыд великому князю, когда Василько ответил, что на именины не придет.

Тут Святополк поверил в навет и пригласил к себе Василько якобы для короткой встречи: «Да аще не хощеши ждати до имянин моих, и прииди ныне, да целуеши мя, и поседимы вси с Давыдом». Ничего не подозревая, Василько явился. Великий князь вышел из горницы, будто бы отдать распоряжения слугам. После этого гостя арестовали, заковали в кандалы и поместили под стражу.

На другой день Святополк стал жаловаться боярам на предполагаемого заговорщика, но, видимо, не нашел у своего окружения поддержки и, если верить летописи, стал склоняться к тому, чтобы освободить теребовльского князя. Однако Давыд попросил передать узника ему, на что великий князь охотно согласился — умыл руки.

Вывезя пленника из Киева, Давыд расправился со своим врагом невиданным на Руси способом.

«И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир»[10].

Из этого текста видно, что в ослеплении участвовали и люди, посланные великим князем, так что злодеяние, очевидно, свершилось по санкции Святополка. Но впоследствии он открестился от этого преступления и свалил всю вину на Давыда, который стал объектом всеобщего осуждения. Русские князья «печална быста вельми и начаста плакатися, рекуща, яко “Сего не было в роде нашем”».

Действительно, политических конкурентов, принадлежащих к царскому роду, устраняли через ослепление в Византии. В Руси этот «не берущий смертного греха на душу» метод был применен впервые. В дальнейшем он войдет в арсенал межродственной борьбы Рюриковичей и столь единодушного возмущения вызывать уже не будет, но в 1097 году против Давыда Игоревича ополчились все.

Ослепление Василька

Ф. Бруни

Другие злодейства Давыда, несравненно более кровавые (например, однажды он приказал перебить всех жителей города Всеволож), такого гнева не вызывали, поскольку подобное случалось и раньше. Убивали прежде и князей-родственников — но не калечили.

Вместо того чтоб расширить владения за счет земель несчастного Василька, Давыд лишился своего Владимир-Волынского княжества. В качестве наказания он был перемещен в скромную Червенскую волость, а когда не согласился с этим, остался вовсе ни с чем.

Но не такой это был человек, чтобы смириться с провалом своих планов. В последующие несколько лет он вновь и вновь пытался вернуть себе Волынь. (Одним из эпизодов этой войны был описанный выше разгром в союзе с «шелудивым» ханом Буняком армии венгерского короля, союзника Святополка).

В конце концов, во время очередной попытки князей договориться о мире, на Витичевском съезде 1100 года, настырному Давыду Игоревичу отвели несколько волостей, разбросанных по западной Руси.

Этим постаревший в многолетних сварах изгой и удовлетворился.

Олег Гориславич (ок. 1055–1115)

Но больше всего бед Руси принес не злокозненный Давыд Игоревич, а его двоюродный брат Олег Святославич, действия которого чуть было вовсе не погубили государство.

Он был сыном великого князя Святослава Ярославича (1073–1076) и после смерти отца остался ни с чем. Новый великий князь отобрал у юного Олега его Владимир-Волынское княжество.

Поначалу Олег по стопам других изгоев отправился в неспокойный город Тьмутаракань, набрал там воинов, по дороге через Степь прихватил с собой половцев и забрал себе Чернигов — удел богаче прежнего.

Осенью того же года он потерпел поражение в битве с киевским войском и бежал обратно на Таманский полуостров. Вскоре при не вполне ясных обстоятельствах Олега взяли в плен какие-то местные хазары, вероятно, не желавшие его княжения в Тьмутаракани, и отослали возмутителя спокойствия за море, к грекам. Византия охотно принимала политических ссыльных из числа чужеземных «архонтов», которых можно было приручить и при случае использовать в своих интересах. Известно, что содержали русского изгнанника на острове Родос.

Олег Святославич осаждает Чернигов

Радзивилловская летопись

Однако в 1083 году Олег то ли убежал, то ли был намеренно выпущен византийцами и вернулся в Тьмутаракань, прогнал оттуда изгоев помельче — героя предыдущей главы Давыда Игоревича с Володарем Ростиславичем — и отомстил хазарам, которые отправили его в ссылку.

На этот раз Олег остался в Тьмутаракани надолго, дожидаясь своего часа. Возможность реванша предоставилась после смерти великого князя Всеволода, последнего из Ярославичей. В 1094 году Олег привел на Русь половцев. Он получил то, чего добивался — Черниговское княжество, но за это вся русская земля подверглась разорению. Виновника несчастья после этого прозвали «Гориславичем». Летописец корит князя: «Его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям».

Два года спустя, когда половцы ушли, пришлось оставить Чернигов и Олегу. Он перебрался на запад, в город Стародуб, чтобы быть ближе к владениям родного брата Давыда Святославича, в то время владевшего Смоленском. Но киевское войско осадило Стародуб, и Олег после долгой осады сдал город. Побежал было в Смоленск к брату, но тот, зная характер «Гориславича», не открыл ему ворот.

Тогда Олег бросился на восток и напал на муромского князя Изяслава, Мономахова сына. В сражении Изяслав был убит, и захватчик на время обосновался в новых владениях, подчинив себе еще и Ростов. Но пришел другой сын Мономаха, Мстислав, и сызнова одолел этого упорного, но незадачливого авантюриста.

Здесь произошло событие, выделяющееся из череды всех этих кровавых, но однообразных пертурбаций. Победитель Мономах, к тому времени уже обладавший и могуществом, и авторитетом, предложил князю-изгою мир. Текст письма, которое Мономах отправил Олегу, сохранился полностью. Этот редкий по величию и художественной силе документ свидетельствует о незаурядном масштабе личности автора (особенно, если учесть, что пишет отец, чей сын совсем недавно пал от руки Олеговых воинов):

«И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек».

Своим письмом Мономах положил конец затяжной распре, которая принесла стране неисчислимые горести. На Любечском съезде 1097 года Олег Святославич получил всё, чего хотел — и Чернигов, и Тьмутаракань. Для Мономаха — в том-то и состояла мудрость этого исторического деятеля — политическая целесообразность и мир в стране значили больше, чем воздаяние за зло и личная месть.

В дальнейшем Олег Святославич смут не устраивал и дальновидный Мономах обрел в его лице надежного союзника, однако летопись и народная память не простили «Гориславичу» участия в половецком нашествии.

В следующих поколениях Мономашичам, потомкам Владимира, придется вести упорную борьбу за первенство с Ольговичами, потомками Олега.

Невеликие великие князья

Кризис власти

Судьба Изяслава, первого из преемников мудрого Ярослава, была жалкой. Отдав безо всякой борьбы власть Всеславу Полоцкому, изгнанный собственным народом, он бежал в Польшу. Зять, король Болеслав II, согласился принять участие во внутрирусской ссоре так же охотно, как в свое время, полувеком ранее, это сделал Болеслав I, заступившийся за Святополка Окаянного. Предприятие сулило полякам большую добычу.

Весной 1069 года, через семь месяцев после бегства, Изяслав вернулся с польским войском. Как мы уже знаем, Всеслав выступил было ему навстречу, но, поняв, что с таким противником не совладает, бросил киевлян и скрылся.

Оставшись без предводителя, те обратились за помощью к Святославу и Всеволоду, которые до сего момента сидели по своим уделам и ни во что не вмешивались. Киевляне пригрозили сжечь город и «уйти в греческую землю», если младшие Ярославичи не защитят их от старшего.

Братья взялись посредничать. Они уговорили Изяслава не вводить в город всё войско, а прийти с небольшой дружиной — и тогда Киев сдастся без сопротивления.

Так Изяслав и сделал. Он послал принять сдачу своего сына Мстислава. Тот, в соответствии с именем, начал с мести: велел схватить горожан, которые освободили Всеслава из темницы, и предал их казни. Всего были умерщвлены семьдесят человек, причем казнили и невиновных, «не испытав», то есть безо всякого дознания.

Изяслав занял престол во второй раз.

С поляками произошло то же, что в 1018 году: они рассредоточились по волостям, где местные жители начали их истреблять, так что вскоре королю пришлось убираться восвояси. Ни Киева, ни богатой добычи Болеславу II не досталось (вскоре Изяслав пожалеет о своей неблагодарности).

Изяслав возвращается

Гравюра Б. Чорикова

Получив Киев благодаря младшим братьям, Изяслав оказался зависим от них. Скоро у младших Ярославичей возникло искушение избавиться от этого слабого правителя. В 1073 году Святослав с Всеволодом выступили против Изяслава совместно.

И опять он сдался без боя. Забрав с собой всю богатую казну, Изяслав с семьей опять уехал в Польшу. Он рассчитывал снова получить помощь, а былые вины перед королем искупить щедрыми дарами.

Болеслав подношения от шурина принял, а войска не дал.

Начались унизительные скитания по европейским дворам. Изяслав просил поддержки у германского императора Генриха IV, которому тоже дарил богатые подарки. Но император ограничился тем, что послал в Киев письменное увещевание.

Тогда изгнанник стал молить о покровительстве папу Григория VII, обещая после возвращения подчинить русскую церковь Риму. Все эти мытарства ни к чему бы не привели, но в 1076 году новый великий князь Святослав внезапно умер (от неудачной хирургической операции — «разрезания желвака»), и в этой ситуации Болеслав решил, что теперь можно помочь свойственнику, большого риска не будет.

Изяслав вновь, опять с польским войском, пошел на Киев. Там уже сидел Всеволод, однако сопротивляться не посмел — предпочел уступить верховенство старшему брату.

Изяслав стал великим князем в третий раз. Ненадолго.

В 1078 году в Черниговскую землю явился требовать своей доли Святославов сын Олег (будущий «Гориславич»). Дядья разбили его дружину, но в кровопролитном бою многострадальный Изяслав пал, сраженный ударом копья.

Наследник Ярослава Мудрого сложил голову в малозначительной стычке с младшим родственником — вот как низко пал авторитет киевского князя через неполные четверть века после смерти могущественного монарха.

Следующий великий князь, Всеволод Ярославич, все годы своего малопримечательного правления провел в непрестанных войнах с «изгоями» и разными половецкими ордами, продолжавшими терзать разобщенные русские земли. В старости Всеволод (он умер в преклонном возрасте, шестидесяти четырех лет) много болел и совсем перестал заниматься государственными делами, окружив себя всякими сомнительными личностями. Летопись говорит: «Народ не мог донести до князя правду, и начали его тиуны грабить и продавать людей, а он того в своих болезнях не ведал».

Умер последний из Ярославичей в 1093 году.

Наследовал ему, согласно «лествичному» праву, старший из племянников — Святополк Изяславич, которого Карамзин аттестует следующим образом: «Он имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастии и робость в бедствиях. При нем унизилось достоинство Великого Князя…». Следовало бы сказать: еще более унизилось.

Безрассудная кичливость Святополка в сочетании с малодушием, как мы помним, привела Русь к поражению в большой войне с половцами, после чего великий князь был вынужден стать зятем хана Тугоркана.

Косвенное участие в ослеплении Василько Теребовльского, а затем трусливое сваливание вины на Давыда Игоревича окончательно подорвали уважение к Святополку Изяславичу. Если он сумел продержаться в Киеве почти двадцать лет, до самой смерти, то лишь благодаря поддержке самого сильного из русских князей, своего двоюродного брата Владимира Мономаха, который в эти смутные годы пытался любой ценой сплотить грызущихся между собой Рюриковичей вокруг престола.

Худой мир

Крайнее ослабление центральной власти при Святополке ввело в русскую политическую жизнь небывалый доселе феномен: княжеские съезды.

Одной воли Киева для решения внутренних конфликтов и важных общенациональных проблем теперь было недостаточно. С властителями областей приходилось договариваться и торговаться, порой идя на тягостные компромиссы.

Инициатором и организатором института съездов был Владимир Мономах, упорный и последовательный восстановитель расколотого единства.

Первый блин вышел комом.

После потрясений 1093–1096 годов великий князь Святополк и Владимир Мономах встретились с задиристыми младшими Рюриковичами в городке Любеч на Днепре.

Здесь было принято важное династическое решение. Отныне «лествичное восхождение» с передачей уделов — вечная причина раздоров — упразднялось и вместо этого вводилось (впрочем, неокончательно) «отчинное» наследие: за каждой ветвью рода закреплялось владение определенной областью. Это был верный путь к раздроблению страны, но ее как единого целого фактически и так уже не существовало. Зато можно было надеяться, что князья перестанут рвать друг у друга куски.

Святополк получил для себя и своего потомства Киев с Туровым. Мономах — Переяславль, Смоленск, Ростов и Новгород (то есть стал сильнее великого князя). Святославичам досталось Черниговское княжество. Алчному Давыду Игоревичу дали Волынь, двум сыновьям отравленного Ростислава — Перемышль и Теребовль.

Все вроде бы остались довольны, поцеловали крест, поклялись: «Да аще отселе кто на кого вьстанеть, то на того будем вси и честьный крест».

Разъехались — и сразу же началась новая свара. Ненасытный Давыд Игоревич «встал» на Василько Теребовльского, устранил соперника жестоким «византийским» способом, и все сызнова передрались.

В следующий раз Мономаху удалось собрать съезд только три года спустя, в 1100 году, в Витичеве. Там произошло нечто вроде семейного суда над Давыдом Игоревичем, против которого объединились все остальные. Порешили отобрать у преступника Волынское княжество, дав взамен на кормление несколько волостей, и еще добавили, скинувшись, четыреста гривен серебра.

При всей скромности результата Витичевский съезд все же принес Руси некоторое успокоение, так что еще через три года стало возможно провести встречу, целью которой стало решение уже не внутренней, а внешней проблемы.

В начале 1103 года у Долобского озера близ Киева Святополк с Мономахом договорились о большом наступательном походе против половцев. К союзу присоединились еще несколько князей, и весной большая армия по суше и ладьями двинулась вниз, к днепровским порогам.

В большой битве на реке Сутень коалиция одержала решительную победу над половецким войском. В сражении полегли два десятка ханов и бесчисленное множество простых воинов.

Польза единства была продемонстрирована с такой очевидностью, что в следующий раз, в 1111 году, князья собрались в масштабный поход на Степь уже безо всякого специального съезда.

Долобский съезд князей

А. Кившенко

Русскому оружию опять сопутствовал успех. Половецкая «столица» (на самом деле — скопление кибиток и глинобитных хижин) Шарукань была разорена, и часть кочевников убралась из Приднепровья на Кавказ. Основные орды от границ не ушли, но угрозы существованию Руси больше не представляли. К тому же удельные князья, вслед за Святополком, стали женить сыновей на половецких царевнах, привлекая на свою сторону отдельных ханов.

Победы русских в борьбе с половцами были заслугой Мономаха, а вовсе не великого князя, который, по выражению Татищева, «к войне не был охотник». Этот внук Ярослава Мудрого к тому же еще был «сребролюбив и скуп». Он не брезговал спекулировать в Киеве солью и хлебом, а также покровительствовал жадным ростовщикам, которые разоряли и закабаляли людей.

Стоило Святополку умереть (это произошло 16 апреля 1113 г.), и в Киеве вспыхнуло народное восстание. Оно было направлено против представителей княжеской администрации, чьи дворы подверглись разграблению, и против ростовщиков, которые были сплошь иудеями, поскольку христианам церковь запрещала ссужать деньги под процент. Так случился первый в истории России еврейский погром.

Народное восстание

Радзивилловская летопись

По «отчинному» праву наследовать Святополку должен был сын, по «лествичному» — первый из сыновей покойного великого князя Святослава (1073–1076), однако через десять дней анархии городская верхушка решила, что навести порядок в Киеве может только один человек: Владимир Мономах.

Держава истосковалась по «сильной руке» — и получила ее.

Владимир Мономах

Ностальгия по величию

«Мономах» — не имя, а, собственно говоря, прозвище, которое Владимир (по-христиански — Василий) Всеволодович гордо носил всю свою жизнь, словно какой-то пышный титул. Князь желал, чтобы все помнили о его «кесарском» происхождении — о том, что он был внуком византийского императора Константина IX Мономаха. Это греческое слово означает «Единоборец» и как нельзя лучше характеризует судьбу Владимира, который всю жизнь в одиночку боролся с логикой исторического развития, пытаясь спасти и возродить обреченный государственный строй. До некоторой степени этому незаурядному человеку даже удалось повернуть время вспять.

Ярослав Мудрый женил сына на византийской принцессе в эпоху, когда Русь находилась в ряду ведущих европейских держав. Тем ярче сиял отсвет былого величия, запечатленный в имени Владимира Мономаха, когда звезда Киева померкла. Статус императорского внука никак не помог князю в его восхождении наверх, не дал никаких династических преимуществ — он долго оставался представителем одной из младших ветвей Ярославичей. Но сам Мономах безусловно придавал своим византийским корням большое значение и, кажется, поглядывал в сторону Константинополя не без вожделения. В бурной событиями и приключениями биографии князя есть эпизод, позволяющий сделать подобный вывод.

Всегда очень осторожный, совершенно не склонный к авантюрам, на склоне лет Владимир ввязался в странное предприятие: попытался ни более ни менее как прибрать к рукам власть над Византией. К тому времени Русь давно уже перестала вмешиваться в большую европейскую политику, и затея Мономаха выглядит явным историческим анахронизмом. Объяснить ее, пожалуй, можно лишь одним: в зените своего могущества, достигнув верховной власти у себя в стране, Владимир при помощи беглого греческого царевича Льва Диогена захотел осуществить мечту, ранее казавшуюся совершенно несбыточной.

> История Льва Диогена напоминает приключенческий роман.
>
> Он был младшим сыном императора Романа IV Диогена (1067–1071), свергнутого и ослепленного соперниками в борьбе за власть.
>
> В 1087 году, восемнадцатилетним юношей, царевич, считавшийся воспитанником базилевса новой династии Комнинов, стал предъявлять права на трон и за это был сослан в Херсонес. Оттуда он бежал в степь, к половцам, где нашел союзника в лице хана Тугоркана — того самого, который вскоре разорит Русь и заставит великого князя Святополка жениться на своей дочери.

В 1092 году Лев вторгся с половецким войском в дунайские владения империи и поначалу добился значительного успеха — города признавали его императором и открывали ворота без сопротивления. Однако в результате предательства царевич угодил в ловушку и был захвачен в плен. Его, как в свое время отца, ослепили и заточили в темницу.

Несмотря на увечье, Лев Диоген в конце концов сумел убежать и на сей раз нашел пристанище на Руси, где его называли «цесаревичем Леоном Дивгеньевичем». Владимир Мономах, тогда еще не ставший великим князем, выдал за эмигранта свою дочь Марию.

В 1116 году, наведя порядок в державе, Мономах снарядил зятя в поход на Византию. Кампания началась с побед. Слепцу опять покорились дунайские города. Но в Доростоле царевича «лестью» (то есть коварно) умертвили двое подосланных греками убийц, и Мономахов план провалился.

В византийских источниках претендента называют самозванцем и «Лже-Диогеном» — подлинный царевич Лев якобы давным-давно пал в бою с печенегами, однако эта версия не подтверждается действиями Комнинов. Самозванца попросту казнили бы, а не отправили в ссылку и тем более не подвергли бы ослеплению — так обычно поступали с претендентами императорской крови.

Для российской истории эта неудачная экспедиция Мономаха особенного значения не имеет, и можно было бы о ней не упоминать, но она дает ключ к пониманию личности последнего по-настоящему великого киевского правителя и объясняет мотивы его поступков.

Владимиру было присуще величие замыслов, он обладал истинно масштабным мышлением и этим, по выражению Н.Костомарова, «выделялся посреди всей братии князей русских». Другой характерной его чертой была забота о том, как он будет выглядеть в глазах потомства — побуждение довольно экзотическое для государственного деятеля распадающейся страны и несомненно тоже вызванное стремлением уподобиться византийским императорам, которые издавна поощряли написание хроник.

Именно Владимир велел свести все ранние летописи в единую «Повесть временных лет». Как раз эта редакция древнерусских анналов сохранилась до нашего времени. Неудивительно, что Мономах предстает перед нами фигурой, исполненной значительности, державной мудрости и высокой нравственности, затмевая всех прежних государей.

Но, даже делая скидку на пристрастность киево-печерского редактора, который в 1116–1117 г.г. ведал составлением этого свода, нельзя не признать за Мономахом множества выдающихся достоинств. Мы увидим, что это солнце было не без пятен, и все же оно сияло очень ярко, да к тому же в эпоху, когда над Русью сгущалась тьма.

Великокняжеская автобиография

В самом конце «Повести временных лет» есть уникальный исторический и человеческий документ, написанный самим великим князем, знаменитое «Поучение к детям». Это и наставление сыновьям, и этический манифест, и изложение принципов государственного управления, и, что особенно интересно, рассказ о прожитой жизни.

Чувствуется, что князь (по многим признакам видно, что он писал или диктовал текст сам) обладал незаурядным литературным даром. Вот фрагмент вступления, дающий представление о стиле автора:

> «Сидя на санях[11], помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться. Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил».

Отдых великого князя Владимира Мономаха после охоты

В. Васнецов

Правила, которыми руководствовался Мономах, занимаясь государственными делами, таковы:

> «Что надлежало делать слуге моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на приказчиков, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал».

Владимир подробно перечисляет все свои походы, войны, перемещения из удела в удел, однако не меньше внимания уделяет и «охотам», потому что звериный лов занимал большое место в жизни всякого князя, считался важным государственным делом и свидетельством личной доблести:

> «А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Из батальных описаний, которыми изобилует автобиография, приведу только одно, поскольку оно типично для Мономаховой манеры воевать: упорный в бою, он при всякой возможности старался избежать лишнего кровопролития — во всяком случае, когда бился с соотечественниками.

В 1094 году Олег «Гориславич» привел большую орду, чтобы согнать Владимира с черниговского княжения.

> «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля».

Резюмируя свой военный опыт, Мономах пишет: «А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил

с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце, и без отца…»

У историков есть возможность сопоставить рассказ Владимира Всеволодовича с другими источниками и довольно подробно реконструировать эту большую, богатую событиями жизнь, которую можно разделить на три этапа.

Один из многих (1053–1093)

«В лето 6561 (1053). У Всеволода родися сын Володимир от цесарице гречькое», — сообщает летопись.

Сначала один из многочисленных внуков Ярослава Мудрого, затем сын младшего из членов «триумвирата» — вот положение, которое Владимир-Василий занимал в детские годы. Он рос в Переяславле, при дворе Всеволода Ярославича. Взрослым стал считаться с тринадцати лет — возраст, начиная с которого, по собственным его словам, беспрестанно «ся тружал, пути дея и ловы» (то есть разъезжая и охотясь).

В юности княжич выполнял поручения отца: водил дружину против бунтовавших вятичей и мелких половецких орд. Первое самостоятельное княжение, Смоленское, получил в двадцать лет. Из этого западного края, выполняя волю великого князя Святослава, ходил в поход на чехов, участвовал в войне с «чародеем» Всеславом Полоцким.

В молодые годы Мономах еще не обладал качествами, которые впоследствии сделают его самым уважаемым из русских князей. Два тяжких греха запятнали его репутацию в самом начале пути. Он первым пригласил для участия во внутрирусской княжеской ссоре половцев, что вскоре станет повсеместной практикой. И кроме того, во время кампании 1079 года против Всеслава, вырезал всё население Минска, что, впрочем по тем временам считалось не слишком большим грехом — сам Мономах рассказывает об этом без особого раскаяния: «На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины».

После того как в 1078 году Всеволод занял киевский «стол», возвысился и Владимир — ему достался второй по важности Черниговский удел. На этот край, однако, претендовали сыновья покойного великого князя Святослава. С ними 26-летний Мономах справился очень ловко, впервые проявив свои дипломатические таланты. Олег и Роман Святославичи повели на Чернигов половцев с хазарами, но Владимир вступил со степняками в переговоры и сумел склонить их на свою сторону. В результате те убили Романа, а Олега вскоре схватили хазары и услали к грекам, в заточение.

В неспокойное княжение Всеволода его сын всё время сражался то с одними, то с другими «изгоями», отбивался от половецких разбойников, беспрестанно мчался в Киев по вызову отца: «А и-Щернигова до Кыева нестишьды ездих ко отцю, днем есм переездил до вечерни», — рассказывает в своем жизнеописании Мономах. То есть, он проделал этот маршрут несчетное количество раз, добираясь до столицы (это полтораста километров) всего за один день.

Так, не слезая с седла, он дожил до сорока лет, постепенно завоевав себе славу опытного полководца и умелого переговорщика, но в число ближайших помощников великого князя, видимо, не входил. Летопись жалуется, что под конец жизни Всеволод «нача любити смысл уных», то есть слушаться молодых советчиков, которые натворили в Киеве немало зла. Очевидно, Мономах был всецело занят управлением собственным княжеством и в столичные дела не вмешивался.

Второй (1093–1113)

Особенность политической биографии Владимира Всеволодовича состоит в том, что самые выдающиеся свои деяния он совершил, находясь не во главе государства, а на вторых ролях, и продолжался этот период дольше, чем собственно Мономахово правление.

В 1093 году, после смерти отца, Владимир уже был первым по значению среди русских князей и мог бы занять освободившийся престол, однако добровольно уступил место двоюродному брату Святополку Изяславичу, оставшись в Чернигове. Летопись объясняет уступчивость Мономаха уважением к династическому старшинству — Святополк был сыном старшего из Ярославичей. На самом же деле Владимир поступил единственно разумным в той ситуации образом.

Кроме них двоих на Руси была еще одна активная политическая сила — Святославичи, дети второго члена «триумвирата». Если бы Мономах пожелал занять киевский «стол», на него напали бы обе партии. В то же время, встав на сторону Святополка, он становился для того незаменимым союзником, и Святославичи не могли противостоять этому тандему. Нельзя забывать и о том, что в это время у рубежей собралось огромное половецкое войско, ожидая, не начнется ли в стране война за власть.

Как мы знаем, из-за неразумности нового великого князя, не пожелавшего откупиться от половцев, нашествие все-таки состоялось и привело к полному поражению русского оружия.

Но и после вынужденного брака Святополка с дочерью хана Тугоркана кризис не закончился. Подняли голову Святославичи — Олег привел к Чернигову новую орду, и Мономаху пришлось уйти оттуда в Переяславль.

К этому времени относится еще один неприглядный поступок, бросающий тень на славное имя этого великого исторического деятеля.

В 1095 году к нему явились два хана, Итларь и Кытан, «на мир». Первый вошел в крепость для переговоров, второй остался снаружи, получив в заложники Мономахова сына. Дружина стала уговаривать Владимира расправиться с половцами. «Как могу я сделать это, дав им клятву?», — возражал князь, но приближенные сказали: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». Этот сомнительный аргумент подействовал. Владимир распорядился выкрасть

сына из половецкого стана, после чего оба хана и все их люди были истреблены самым вероломным образом, причем Итларя в нарушение законов гостеприимства убили прямо в горнице — стрелой, пущенной из потайного отверстия в потолке. Летопись рассказывает об этом неприглядном деле без осуждения, но и без одобрения — мол, что было, то было.

После разорительной войны 1093–1096 годов главной задачей Владимира стало прекращение междоусобицы с тем, чтобы объединить силы князей и устранить половецкую угрозу.

К этой цели он много лет с восхитительным упорством шел, не смиряясь с неудачами. Созыв княжеских съездов, про которые в «Повести» сказано «Вложи Бог у серьдце русьскым князем мысль благу», был идеей Мономаха. После провала Любечских соглашений 1097 года он собрал новую встречу в 1100 году, на которой наконец добился относительного единства. Это дало возможность еще три года спустя договориться о совместном наступлении на половцев — первой большой победе над ордами. Окончательно мощь Степи была сломлена грандиозным походом 1111 года — блестящим итогом почти двадцатилетних усилий Мономаха.

Все время правления своего кузена Владимир был главной опорой престола и самым влиятельным политиком страны. Святополк целиком зависел от него, да и остальные князья привыкли относиться к Мономаху как к судье в любых конфликтах. Никто не мог соперничать с ним военной и экономической мощью — владения Владимира Всеволодовича были обширней и богаче, чем у великого князя.

Мономах никогда не торопил событий, главной чертой его характера было терпение, главным принципом — целесообразность. Возможно, он так и остался бы на положении «неформального лидера», если бы Киев сам не дался ему в руки.

Первый (1113–1125)

Когда киевская верхушка, испугавшись народного восстания, разразившегося после смерти Святополка, решила позвать на княжение Мономаха, он уже был стариком.

Бунт в столице всегда сотрясает самые основы государства. В прошлый раз, в 1068 году, это стоило Изяславу престола. Теперь, в 1113 году, из-за восстания изменился установленный порядок наследования.

Мономах на памятнике «Тысячелетие Руси» в Новгороде

Мономах взял ситуацию под контроль, проявив твердость и уступчивость в правильной последовательности и в разумных пропорциях. Сначала железной рукой подавил восстание. Затем устранил причины возмущения: привел в порядок ценообразование и установил ограничение на проценты по ссудам.

Три четверти русских земель великий князь взял под свое личное управление или распределил между сыновьями. Половцы еще не оправились после разгрома 1111 года и вели себя тихо. В государстве после нескольких десятилетий смуты наступили более или менее спокойные времена.

Короткое княжение Мономаха стало последним взлетом Киевской Руси.

Как во всякую благополучную эпоху, знаменательных происшествий и вообще больших событий не было. Год за годом, постепенно, великий князь восстанавливал контроль центра над регионами.

Конечно, не обошлось без столкновений с теми Рюриковичами, кто чувствовал себя обделенным. Сын предыдущего великого князя Ярослав Святополчич доставил двоюродному дяде немало хлопот и даже приводил на Русь венгров с поляками, но был разбит и пал в бою.

Пришлось приструнить Новгород, который за годы неурядиц оторвался от столицы и стал вести себя чересчур независимо. В 1118 году Владимир заставил тамошних бояр явиться в Киев и принести присягу на верность.

В 1119 году он захватил и присоединил к своим владениям Минское княжество.

Но все эти военные столкновения были локальными. При всякой возможности Мономах пытался разрешать конфликты без кровопролития. Он первым начал активно использовать брачные узы как средство примирения разных ветвей рода Рюриковичей. В прежние времена киевские князья стремились породниться с иноземными государями, теперь же в моду вошли межродственные семейные союзы — как средство укрепления ослабевших внутридинастических связей. Мир в державе стал важнее внешних сношений.

Чудодейственно восстановленное единство, нежданная стабильность, мирная передышка после одних невзгод и в преддверии новых, еще более тяжких — всё это окружило имя Владимира в памяти потомков сияющим ореолом. Особенно завораживало русских государей византийское звучание прозвища «Мономах» в те времена, когда Москва стала претендовать на звание Третьего Рима и считать себя преемницей Царьграда.

В русской монархической традиции последующих столетий Владимир Мономах стал олицетворением царственного величия — нитью, тянущейся от Кремля к Константинополю. Не конкретный исторический Мономах, а само это имя обрело чуть ли не сакральное значение и превратилось в материализованную легенду.

На европейские короны шапка Мономаха совсем непохожа

Так, главной регалией русского царского дома являлась «шапка Мономаха» — парадный головной убор, которым до конца семнадцатого века венчались на царство государи, причем надевался он самодержцем

только в один этот день, а потом, даже в самых торжественных случаях, использовались другие венцы, меньшего статуса.

В описи сокровищницы говорится: «Шапка царская золотая, сканая Мономахова, на ней крест золотой гладкий, на нём по концам и в исподи четыре зерна гурмицких [жемчужины], да в ней каменья, в золотых гнёздах: над яблоком яхонт желтый, яхонт лазоревый, лал, промеж ними три зерна гурмицких; да на ней четыре изумруда, два лала, две коры яхонтовых [рубина] в золотых гнёздах, двадцать пять зёрен гурмицких, на золотых спнях; около соболей: подложена атласом червчатым: влагалище деревянное, оклеено бархателью травчатою, закладки и крючки серебряные». Вес шапки чуть меньше килограмма.

Кому из великих князей первоначально она принадлежала, неизвестно, но искусствоведы считают, что это работа восточных мастеров XIV века (возможно, дар какого-то из золотоордынских ханов).

Однако по официальной версии, которая восходит по меньшей мере к началу шестнадцатого века, этот венец был даром императора Константина IX Мономаха своему внуку Владимиру — в знак того, что киевские государи будут преемниками базилевсов. Разумеется, это чистой воды выдумка, причем позднего времени. У маленького княжича Владимира (Константин умер, когда ему было два года), принадлежавшего к одной из младших ветвей рода, имелось немного шансов занять киевский престол, да и в любом случае византийскому кесарю никак не могла прийти в голову фантазия о подобной преемственности.

Другой пример эксплуатации «магического» имени — так называемый «Мономахов трон» в Успенском соборе Кремля, главном храме московского государства.

Это «царское место» якобы было доставлено Владимиру Всеволодовичу из Царьграда со специальным посольством, и князь восседал на нем во время своей «коронации». В шестнадцатом веке константинопольский патриархат даже прислал Ивану Грозному документ, подтверждающий, что такое венчание действительно состоялось в 1116 году. Однако принимать на веру это свидетельство нельзя — патриархи были очень заинтересованы в покровительстве московского государя и выдали бы ему любую нужную бумагу.

На самом деле установлено, что «трон Мономаха» был изготовлен по приказу царя Ивана в 1551 году.

Мономахов трон

Пока был жив Владимир Всеволодович, внушавший почтение остальным князьям и ужас половецким ханам, стояла и его с таким трудом восстановленная держава. Истории известны случаи, когда одаренному лидеру удавалось остановить разложение деградирующей системы и даже на время ее реанимировать. Но подобные «воскрешения» никогда не длились долго. После того как сильная личность уходила со сцены, процесс распада возобновлялся с ускорением, будто наверстывая упущенное.

Мономах умер в 1125 году в глубокой старости, семидесяти двух лет, оставив после себя по видимости стабильное государство. Однако до окончательного крушения Киевской Руси оставалось менее полувека.

Последние годы

Без Мономаха

Старшему сыну Владимира Всеволодовича досталась в наследство заново собранная и вроде бы крепко сшитая страна, которой ни снаружи, ни изнутри не угрожали серьезные враги. По инерции, на одном лишь воспоминании об авторитете Мономаха, это здание какое-то время еще стояло, так что следующий правитель Мстислав Владимирович даже получил от потомков прозвание «Великого», хоть и не очень понятно, за какие заслуги.

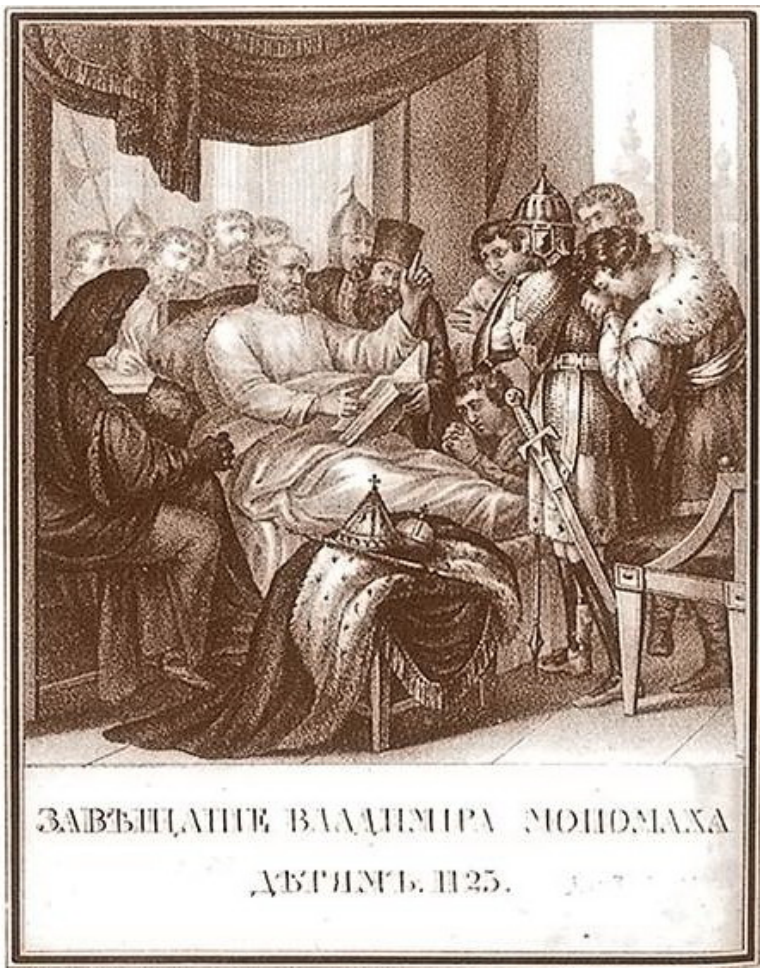
Он был наполовину англичанин и кроме двух русских имен (княжеское «Мстислав» и крестильное «Феодор») звался еще Гаральдом, в память о деде, английском короле, погибшем в 1066 году при Гастингсе в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя. Дочь последнего англосаксонского правителя Гита Уэссекская эмигрировала в Данию и оттуда была сосватана в жены Мономаху.

При Мстиславе на Руси было спокойно. Четверо младших братьев не оспаривали власть старшего; каждый управлял своей областью, слушаясь Киева. Во всех конфликтах (крупных, впрочем, не было) Мономашичи выступали единым фронтом и даже несколько расширили свои владения, окончательно присоединив земли разделившегося Полоцкого княжества. Они успешно повоевали с прибалтийской чудью и вновь осмелевшими половцами. Возможно, Мстислав добился бы и большего, но из-за отцовского долголетия он вступил на престол уже пожилым, пятидесятилетним, и правил недолго, всего семь лет.

После его смерти, последовавшей в 1132 году, власть перешла к следующему брату — Ярополку, но тот уже не смог удержать в повиновении младших Рюриковичей. Склока о перераспределении земель была начата самими Мономашичами, и этим немедленно воспользовались династические конкуренты, не осмеливавшиеся заявлять о своих претензиях, пока потомство Владимира Всеволодовича сохраняло единство.

Главными соперниками правящего рода стали Ольговичи, ведущие свою линию от недоброй памяти Олега «Гориславича». По решению Любечского съезда 1097 года они получили в «отчину» богатое и обширное черниговское княжество, но взамен были отстранены от престолонаследия. Ольговичи не могли забыть, что происходят от Святослава Ярославича и генеалогически старше Мономашичей.

Борьба двух этих княжеских домов, равно как и раздоры внутри них, постепенно подорвали мощь Киева и окончательно раскололи древнерусское государство.



Мстислав — в шлеме и при мече (Б. Чориков)

По примеру «Гориславича» черниговцы призвали на помощь половцев, которые охотно откликнулись. Очень скоро на Руси установился тот же хаос, который существовал до Мономаха: князья вступали в непрочные союзы, нарушали «крестные целования», вечно перемещались из удела в удел; простые люди терпели лишения, разорялись, гибли от сабель половцев и «черных клобуков» (да и русских мечей), попадали в рабство.

Ярополк Владимирович был доблестным воином, но не обладал отцовской осторожностью. В 1135 году он вышел на бой с черниговско-половецкой ратью, не дождавшись союзников — и потерпел тяжкое поражение. Пришлось заключить невыгодный мир с Ольговичами, которые получили новые территории. Еще хуже было то, что власть Киева опять утратила авторитет в глазах остальных Рюриковичей. Они больше не считали великого князя верховным правителем, а Ольговичи стали теперь уже всерьез помышлять о том, чтобы прогнать Мономашичей из столицы.

Это они и сделали с удивительной легкостью, когда Ярополк умер.

В 1139 году, всего через 14 лет после смерти Владимира Мономаха, восстановленная им держава рухнула.

Великокняжеская чехарда

После кризиса 1068 года, когда половецкое нашествие нанесло первый удар по единству Руси, киевский великокняжеский «стол» продержался еще сто лет. За это время владетели «матери русских городов» сменились 28 раз. Центральная власть в средние века пришла в упадок во многих европейских странах, и короли превратились в слабых или даже сугубо номинальных монархов, но, пожалуй, нигде больше престол не сотрясался столь часто.

В последние десятилетия Киевской Руси великие князья возносились и свергались с такой быстротой, что это напоминает какую-то чехарду.

Когда умер Ярополк Владимирович, его место занял Вячеслав, следующий сын Мономаха. Однако на столицу двинулся Всеволод Черниговский, к которому присоединились другие Ольговичи.

Они подошли к Киеву, стали жечь и грабить предместья, а великому князю отправили послание: «Уходи по-хорошему».

И Вячеслав, сын великого Мономаха, немного поворчав, убрался. Обошлось даже без настоящей войны.

В Киеве обосновался Всеволод, но горожане его не любили. Киевляне вообще плохо относились к Ольговичам, считая их «чужими» князьями. Мономашичи, естественно, не смирились с поражением, и постоянно пытались свергнуть узурпатора. Нельзя сказать, чтобы Всеволода дружно поддерживал и собственный клан.

Едва лишь этот великий князь умер, как власть Ольговичей пала. И отныне Киев лихорадило уже без передышки, власть то и дело переходила из рук в руки. Пожалуй, бессмысленно описывать все перипетии борьбы за столицу и перечислять всех кратковременных ее хозяев. Ни один из них не мог считаться главой всего государства.

Характерной чертой этой эпохи был рост политической активности киевлян. Ореол великокняжеского престола настолько померк, что столичные жители получили возможность диктовать Рюриковичам свои условия, свергая неугодных правителей и приглашая тех, кто казался им предпочтительней.

> Ярким примером жалкого состояния центральной власти является судьба несчастного Игоря Ольговича.
>
> Он был братом великого князя Всеволода II (1139–1142), унаследовал после него престол, однако не усидел на нем и двух недель.
>
> Киевляне не хотели оставаться под Ольговичами и послали тайных гонцов в противоположный лагерь — к переяславскому князю Изяславу, из Мономашичей. Тот двинулся с войском на столицу и одержал победу над Игорем, поскольку киевская дружина во время битвы переметнулась к врагу.
>
> Игорь бежал, пытался скрыться, но был захвачен. Пленника, как в свое время Всеслава-«чародея», посадили в «поруб» — то есть

фактически замуровали заживо, в бревенчатой темнице без дверей. От этого князь тяжело занедужил и через некоторое время взмолился, чтобы ему позволили перед смертью постричься в монахи.

Изяслав сжалился. Поруб разобрали. Больной принял схиму и был помещен в один из столичных монастырей. Там он выздоровел, но жил тихо и смирно, не представляя для победителя никакой опасности — чернец не мог вернуться на престол.

Однако в следующем 1147 году в городе началась очередная смута. Исполненные ненависти к Ольговичам, киевляне вспомнили, что один из представителей этого рода находится неподалеку, и захотели его прикончить.

Толпа двинулась к монастырю. Примечательно, что горожане не послушались ни митрополита, ни брата великого князя, который был столичным наместником. Этот Владимир Мстиславович доблестно пытался спасти несчастного инока — в какой-то момент даже закрыл его собственным плащом и вырвал из рук черни. При этом Владимиру тоже изрядно досталось — горожане поколотили и его, невзирая на статус.

Наместник спрятал Игоря во дворце своей матери. Но киевляне выломали ворота и все-таки забили беднягу до смерти, да потом еще долго глумились над трупом.

При этом никто из бунтовщиков, поднявших руку на Рюриковича, бывшего великого князя, не понес кары за это преступление. Власти не могли себе позволить раздора с населением столицы.

Веселые киевляне идут убивать Игоря Ольговича

Радзивилловская летопись

Ни Мономашичи, ни Ольговичи не были в достаточной степени сильны, чтобы надолго удерживать первенство. Ресурсы всякого претендента

исчерпывались возможностями его удела и временной, всегда ненадежной поддержкой союзников. Каждая партия не стеснялась натравливать на врагов инородцев: половцев, «черных клобуков», поляков или венгров.

Хроники пестрят сообщениями о победах и поражениях воюющих фракций; монахи-летописцы сетуют на несогласие русских князей, виня их в бедах отечества. Но истинные причины деструктивных процессов, разрушавших государство, были гораздо глубже жажды наживы и борьбы честолюбий.

Князей второго и третьего ряда, не могущих рассчитывать на великокняжеский престол, к участию в междоусобицах чаще всего подталкивало не желание возвыситься, а страх лишиться своих владений. При непрочности законов наследования каждый чувствовал себя в опасности: если он не вступал в коалицию с могущественными покровителями, то оказывался в «группе риска» — кто-нибудь более сильный мог согнать его с места. Такое происходило сплошь и рядом.

Мономах решил проблему «князей-изгоев» своей эпохи, но в каждом новом поколении опять появлялись безземельные и агрессивные Рюриковичи. Их число все время возрастало, они были дополнительным фактором нестабильности.

Губительней же всего было то, что от года к году слабели не только политические, но и экономические основания государственного единства.

Киев поднялся и утвердил свое первенство благодаря европейско-византийскому транзиту, а затем и собственной торговле с Византийской империей. Однако значение этих экономических связей все больше обесценивалось.

С конца XI века Константинополь переориентировался на иного посредника — Венецию, и основной экспортно-импортный обмен с Западом переместился на другую ось.

В то же время на Руси возникли новые маршруты, не проходившие через Киев: западные княжества напрямую торговали с Балтией и Европой; северные — по Волге — с Булгарией и Востоком.

Кроме того развивался внутренний товарооборот между русскими регионами, опять-таки не нуждающийся в участии Киева.

Вообще развитие областей, явление само по себе отрадное, вместе с тем ослабляло зависимость местных элит от столицы и заинтересованность в централизованном управлении. Возникла, постоянно укрепляясь, земельная аристократия из числа бояр и дружинников. Это влиятельное сословие было по преимуществу сепаратистским, поскольку не желало вечно перемещаться вслед за своим князем из волости в волость — выгоднее было выделиться из состава общерусского государства и держаться за свои вотчины.

Таким образом, политический распад Киевской Руси отчасти стал следствием ее хозяйственного и социального развития.

Угроза с севера

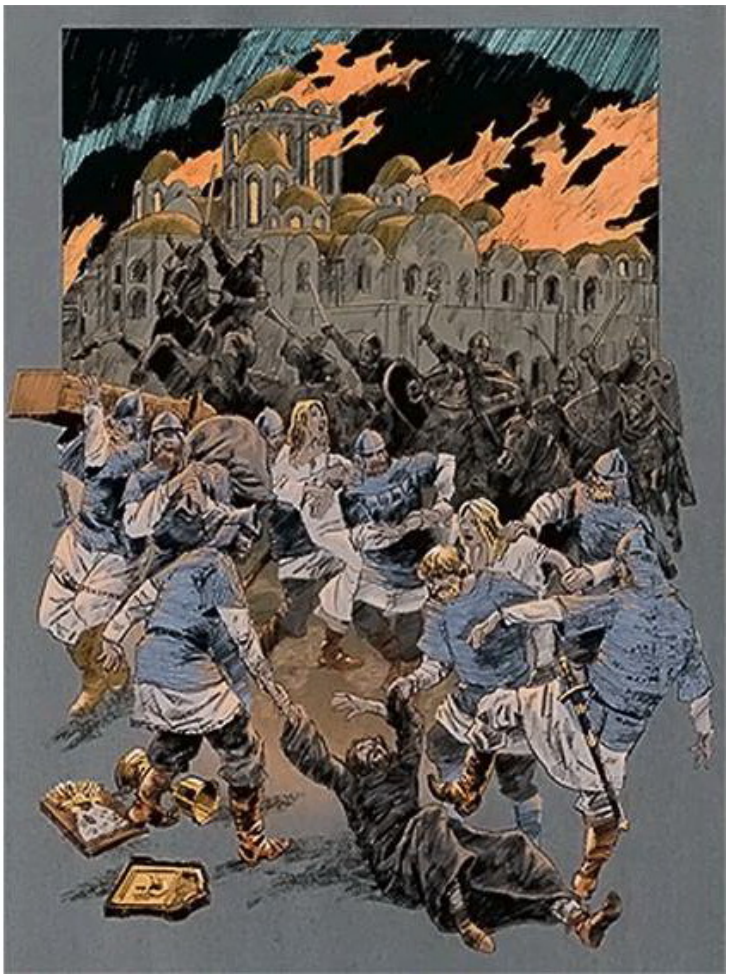
Между тем на севере созревала главная угроза первенству Киева. Там прочно обосновалась ростово-суздальская ветвь Мономашичей.

Довольно отдаленный удел, ранее не относившийся к числу завидных, в новой исторической обстановке оказался очень выгодным. Разорительные набеги половцев этой периферии не достигали; большинство междоусобных столкновений происходили южнее и западнее, вблизи столицы. Поэтому пока Киев слабел и беднел, северная Русь развивалась и богатела.

Особенно усилилась она под властью одного из младших Мономаховых сыновей Юрия Долгорукого — он получил это прозвище за то, что умел дотянуться из своего Суздаля до самых далеких земель.

Долгорукий долго и упорно домогался киевского «стола», который никак ему не давался. Дважды Юрий с помощью половцев захватывал Киев, но потом уходил оттуда под натиском врагом. Лишь на склоне лет, в 1155 году, он наконец был признан великим князем и оставался им до смерти, но это недолгое, менее чем трехлетнее правление, трудно назвать благополучным.

Своевольные киевляне северян не любили. После смерти Долгорукого горожане, по своему обыкновению, устроили беспорядки, разграбили великокняжеский двор и прогнали Юрьевых бояр. Пригласили к себе князя из Ольговичей — и вскоре тоже прогнали. Позвали Мономашича, но после его кончины опять устроили смуту.



Разорение Киева (И. Сакуров)

В 1169 году на Киев пошел с севера суздальский князь Андрей Боголюбский, сын Долгорукого. Это был храбрый воин, опытный полководец и весьма решительный правитель.

Он первым из северных князей понял вещь, которая, кажется, никому раньше не приходила в голову: править русской землей нужно не из капризного Киева, а из собственной вотчины — так будет надежней.

Собрав армию из дюжины княжеских дружин, Андрей Юрьевич подошел к столице. Надменные киевляне совершили ошибку, которая очень дорого им обошлась. Вместо того чтобы, как всегда бывало в подобных случаях, выгнать своего князя и открыть ворота более сильному сопернику, они заперлись и стали обороняться, понадеявшись на крепкие стены.

После трехдневной осады стало ясно, что города не удержать. «Черные клобуки», входившие в войско последнего киевского великого князя Мстислава Изяславича (1167–1169), ему изменили; собственная дружина биться насмерть не захотела — и Мстислав бежал.

Впервые в истории Киев был взят мечом, после ожесточенного штурма. И подвергся участи всех городов, которым выпадал этот горький жребий. «Победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне, — пишет Карамзин. — В течение трех дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!».

Великий город был полностью разграблен. Андрей Боголюбский не только не остановил бесчинства, но, кажется, всячески их поощрял. Разорение Киева отвечало планам этого жестокого и прагматичного князя. Он уже основал новую столицу, Владимир-на-Клязьме, и был заинтересован в ослаблении города-соперника.

Самым тяжелым ударом для «матери русских городов» стал даже не сам разгром, а перенос великокняжеской резиденции в иные края. Старшинству Киева наступил конец. После 1169 года Киев уже не играл ключевой роли в жизни Руси. Конечно, он продолжал быть важным экономическим и в особенности религиозным пунктом (митрополит остался в Киеве), но уже не считался главным средоточием политической власти.

Однако и владимиро-суздальские великие князья, сместив географический полюс власти к северу, не могли претендовать на контроль над всей русской землей. С утратой Киевом главенствующего статуса страна вскоре раскололась на две половины, каждой из которых было суждено развиваться по собственному пути. В дальнейшем эта демаркация будет зафиксирована пределами татаро-монгольского завоевания. В пятнадцатом столетии, на исходе Средневековья, территория бывшей Киевской Руси окажется разделенной между двумя государствами.

Прямой преемницей державы Владимира Святого и Ярослава Мудрого станет Северная Русь. Южные и западные княжества, включая «мать городов русских», войдут в состав могучей Литвы, чьи владения раскинутся от Балтийского моря до Черного.

Юг и запад

Князья, захватывавшие Киев после 1169 г., иногда именовались «великими», но, в общем, не оспаривали главенства владимиро-суздальских правителей. На Руси стал доминировать Север, однако и он был недостаточно силен, чтобы диктовать свою волю всей стране. Карамзин в «Истории государства Российского» сокрушенно пишет о «временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных Властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают… в сумраке веков отдаленных».

Области, одна за другой, постепенно переходят от автономии к полной самостоятельности. Зависимость от великого князя определяется его военной мощью — и лишь до тех пор, пока она не ослабеет.

Перечисление всех мини-государств, образовавшихся на территории южной и западной Руси в XII и XIII столетиях, заняло бы слишком много места, а их судьбы малоинтересны и похожи одна на другую. Достаточно будет рассказать о нескольких больших княжествах, каждое из которых имело шансы стать преемником Киевской державы, но по тем или иным причинам не стало.

Первый опыт существования независимого русского государства, не входившего в большую Русь, собственно, относится еще к Киевской эпохе. Полоцкие князья отделились от остальной страны в начале XI века, сразу после смерти Владимира Святого, но при этом не отказались от притязаний на другие русские земли — прежде всего новгородские и псковские.

Выгодное географическое расположение оберегало этот западный край от печенежских и половецких набегов, а также обеспечивало хорошие доходы от балтийской и европейской торговли. Пик славы Полоцка относится к короткому периоду 1068–1069 годов, когда Всеслав-«чародей» по прихоти судьбы на несколько месяцев занял киевский престол.

Пока был жив этот энергичный и воинственный властитель, Полоцкое княжество успешно отстаивало свою независимость, а в последние, мирные годы правления Всеслава достигло процветания. Но, опасаясь междоусобицы между наследниками, князь перед смертью поделил свое небольшое государство между сыновьями на «отчинные» уделы, которые в следующем поколении подверглись дальнейшему раздроблению. В результате Полоцкая Русь пришла в упадок.

Княжества южной и западной Руси перед 1237 г (М. Руданов)

В 1127–29 г.г. киевский великий князь присоединил ее к своим владениям, а потомков Всеслава выслал в Византию. На этом более чем вековая история независимого Полоцкого государства и закончилась. Центр был еще слишком силен, чтобы мириться с существованием анклава, который не желал подчиняться Киеву и в то же время утратил способность к сопротивлению.

После 1169 года большим княжествам можно было уже не опасаться бывшей столицы. Вне зоны влияния Владимиро-Суздальских великих князей появились три государственных образования, каждое из которых было сильнее Киева и само стремилось его поглотить.

Черниговская область

Чернигов поднялся во времена Мстислава Храброго (ок. 983–1036), который в течение десяти лет делил власть над Русью со своим братом Ярославом Мудрым. С тех пор город считался вторым по значению и богатству после Киева, а

черниговский удел, согласно правилам «лествичного восхождения», доставался признанному наследнику престола.

Когда-то эти края были заселены вятичами, северянами, радимичами и отчасти полянами, с которыми впоследствии смешались оседлые обрусевшие кочевники.

После Любечского съезда 1097 года Черниговщина отошла в «отчину» Ольговичам и стала оплотом этого сильного клана, многократно покушавшегося на престол — и трижды его занимавшего.

В дальнейшем эта область состояла из двух княжеств — северного, в котором правили потомки великого князя Всеволода Ольговича (ок. 1084–1146), и южного, где сидели потомки Святослава Ольговича (ум. 1164). Единого государства эти ветви не создали, но обычно действовали сообща и занимали черниговский «стол» попеременно.

В начале XIII века черниговские князья достигли зенита могущества, на время подчинив своему влиянию дальние русские области: Галицию с Волынью (там как раз шли междоусобицы) и даже Новгород.

Расположенная на богатых и плодородных землях, Черниговщина находилась в опасной близости от Степи. С половцами Ольговичи по традиции неплохо ладили, но эта дружба дорого обошлась княжеству.

Когда в 1222 году на кипчаков с востока надвинулась неведомая орда (монгольские тумены Джэбэ и Субэдэя), половецкие ханы запросили помощи. Черниговские князья выставили в объединенное русское войско самую большую дружину и понесли самые тяжелые потери. В сражении на Калке погибли и князь Мстислав, и его старший сын.

Во время Батыевых нашествий 1238 и 1239 г.г. сначала северная, а затем и южная половины Черниговской земли подверглись тотальному разорению.

В 1246 году черниговский князь Михаил Всеволодович явился на поклон в Золотую Орду, однако, будучи набожным христианином, отказался поклониться языческим идолам и за это был казнен — вернее, попросту забит до смерти.

После этого Черниговское княжество распалось.

Княжество Смоленское

Смоленску, в отличие от Чернигова, географическое расположение благоприятствовало. Со всех сторон окруженная русскими областями, эта земля иногда страдала от междоусобных войн, но зато не подвергалась неожиданным нападениям иноземцев. К тому же город был построен на перекрестке важных торговых путей.

В отдельное государство княжество начало превращаться при внуке Мономаха и, по матери, шведского короля Инге Старшего — рачительном Ростиславе Мстиславовиче (1108?–1167). В эпоху ожесточенных столкновений между различными партиями этот правитель заботился не столько о расширении владений, сколько о развитии своего удела. Он пользовался поддержкой горожан,

которые в Смоленском княжестве обладали довольно широкими правами, и покровительствовал учености. Ростислав делал ставку на богатство и крепость своей родовой базы. Эта стратегия оказалась действеннее воинственности иных Рюриковичей и в конце концов привела Ростислава на великокняжеский престол (1159–1167). Но и властвуя в Киеве, он продолжал в первую очередь печься о своей «отчине», присоединяя к ней соседние волости.

Наследники Ростислава вели себя агрессивнее. Не деля княжество на уделы, они стремились захватить в личное владение территории, разбросанные по всей Руси, и постоянно пытались «сесть» в Киеве.

Например, сын Ростислава Рюрик (1140?–1215) занимал бывшую столицу целых семь раз, но не смог там закрепиться. Во время одного из таких нападений, в 1203 году, он в союзе с половцами подверг город новому разграблению, перебив часть населения, а другую уведя в рабство. Были разорены даже монастыри и церкви. Победители не щадили и священников с монахами, что знаменовало совсем уж крайнюю степень ожесточения.

Следует сказать, что Рюрик Ростиславич вообще относился к религии без пиетета. С этим князем связан уникальный в истории русского православия случай.

В том же 1203 году, возвращаясь после разгрома Киева, Рюрик поссорился с союзником — своим зятем Романом Галицким. Тому давно уже надоела супруга, дочь Рюрика, а тут еще испортились отношения с тестем. Роман Галицкий отличался крутым нравом и решил семейную проблему капитальным образом: схватил смоленского князя, его супругу и дочь, да и приказал всех их постричь в монахи. Так он разом избавился от постылой жены, от тестя с тещей, а заодно от политического противника.

По всем канонам Рюрику после этого полагалось отказаться от борьбы за власть и до конца жизни сидеть в монастыре. Но два года спустя бывший зять погиб, и Рюрик Ростиславич всех поразил: несмотря на возраст (ему было за шестьдесят), немедленно скинул рясу и облачился в княжеский плащ. «Хотел расстричь и жену свою, которая вместо того немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомыслие», — пишет по этому поводу Карамзин.

Кощунственный поступок Рюрика Смоленского произвел такое впечатление на соотечественников, что через три с половиной столетия об этом древнем событии поминает Иоанн Грозный в полемике с Курбским: «Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло — их ждала еще худшая гибель, духовная и телесная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри на благочестие его княгини: когда он захотел освободить ее от насильственного пострижения, она не пожелала преходящего царства, а предпочла вечное и приняла схиму; он

же, расстригшись, пролил много христианской крови, разграбил святые церкви и монастыри, игуменов, попов и монахов истязал и в конце концов не удержал своего княжения, и даже имя его забыто». Как видно по этому пассажу — не забыто.

Высот могущества Смоленск достиг при племяннике святотатца Мстиславе Романовиче (ок. 1160–1223), который к концу жизни занял киевский «стол».

Мстислав Романович был самым старшим из князей, которые пошли биться с монголами на Калку, и сложил там голову. Но полтора десятилетия спустя опустошительный поход хана Батыя лишь частично затронул смоленские земли и пощадил их столицу, поэтому область избежала горькой участи, постигшей всю восточную Русь.

Признавая себя данниками Золотой Орды, здешние князья не только сохранили фактическую независимость своих владений, но еще и расширили их, а в четырнадцатом столетии даже стали именоваться «великими».

Смоленское княжество вполне могло бы стать колыбелью нового общерусского государства, но потерпело поражение в противоборстве с западным соседом, Литвой, и на рубеже XIV–XV веков было ею завоевано.

Галицко-Волынская Русь

Наиболее убедительная попытка создать долговечное русское государство была предпринята на территории современной Западной Украины. Здесь проходил оживленный торговый путь в Европу, на котором выросли богатые города. Эта густонаселенная область не сразу вошла в состав Руси — процесс завершился только к середине XI века.

Особенность региона заключалась в том, что связи с Польшой, Венгрией и Литвой были для него не менее важны, чем отношения с Киевом, а с момента монгольского нашествия Галицко-Волынское княжество окончательно повернулось лицом к Западу, постаравшись как можно прочнее обособиться от Востока.

Ни одно большое государство не может возникнуть без крупной личности. Здесь, в разное время, действовали три сильных и энергичных правителя: Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславич и Даниил Романович, причем последний относится к числу наиболее ярких фигур всей древнерусской истории.

Волынь, главным городом которой был Владимир-Волынский, и Галичская земля поначалу существовали как два отдельных княжества.

Галицией с 1084 г. правили Ростиславичи (потомки Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого), поделив между собой города и волости. В единое княжество эти мелкие владения слились в 1141 году. Значение Галича очень выросло при Ярославе Владимировиче Осмомысле (ок. 1135–1187).

Этот князь, по матери наполовину венгр (внук короля Калмана Книжника), оседлал торговый путь по Дунаю в Византию и Болгарию, покровительствуя

купцам, ремесленникам и земледельцам. Его прозвище означает «Мыслящий за восьмерых». Автор «Слова о полку Игореве» пишет про Ярослава с восхищением:

> Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
> Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
> Подпер Угрские горы полками железными,
> Заступил ты путь королю,
> Затворил Дунаю ворота,
> Бремена через облаки мечешь,
> Рядишь суды до Дуная,
> И угроза твоя по землям течет,
> Ворота отворяешь к Киеву,
> Стреляешь в султанов с златого престола отцовского
> через дальние земли[12].

Главной проблемой галицких князей во все времена была сильная и своевольная аристократия, доставлявшая правителям не меньше хлопот, чем внешние противники. Хлебнул со своими боярами горя и Осмомысл, при всем его многоумии.

> Один из эпизодов этой ожесточенной борьбы стоит особняком в древнерусской истории.
>
> Ярослав был женат на дочери Юрия Долгорукого, однако супругу свою не жаловал, предпочитая ей фаворитку, некую Анастасию. Карамзин почему-то называет ее «злонравною женщиной», хотя никаких сведений о порочности Анастасии в летописях вроде бы не содержится.
>
> Иметь любовницу, даже официальную, для государя — дело обыкновенное. Однако привязанность князя к Анастасии была настолько велика, что он вынудил жену и рожденного ею сына покинуть страну, а наследником вознамерился сделать своего бастарда Олега, которого за неимением законного отца называли «Настасьичем».
>
> Это не бог весть какое злодеяние (русская история к тому времени знавала и много худшие) вызвало у галицких бояр негодование. Они устроили заговор и произвели настоящий переворот: взяли князя в плен, его верных слуг умертвили, а бедную Анастасию обвинили в колдовстве и сожгли на костре. Это единственный на Руси случай, чтоб женщину, да еще столь высокого положения, предавали сожжению по формально религиозным мотивам.
>
> Осмомыслу пришлось принять все требования заговорщиков и согласиться на возвращение официальной супруги. Впоследствии он все-таки поступил по-своему и завещал престол Олегу, но бояре не дали «Настасьичу» править — он был отравлен.

В отличие от Галиции, Волынская область, ближе расположенная к Киеву, долго не имела автономии и была постоянной ареной войн между претендентами на великокняжеский титул. Первый шаг к обособлению Волыни был сделан после того, как великий князь Изяслав (1146–1154) выделил ее в «отчину» своему сыну Мстиславу.

Сын этого Мстислава, известный в истории под именем Романа Галицкого (ок. 1150–1205), и стал основателем нового государства, на время присоединив к своим владениям ослабленную боярскими неурядицами Волынь (в 1199 году).

В.Татищев так описывает Романа Галицкого: «…Вельми яр был во гневе; косен языком, когда осердится, не мог долго слова выговорить; много веселился с вельможами, но пьян никогда не бывал… Воин был храбрый и хитр на устроение полков».

Безудержней всего «ярость во гневе» князь обрушивал на боярскую оппозицию, с которой расправлялся способами, на Руси не виданными: четвертовал, закапывал живьем в землю. «Не передавивши пчел, меду не есть», — говаривал Роман. Этими крутыми мерами он превратил свою новообразованную страну в сильное, жестко централизованное государство.

Роман был удачливым полководцем, одержал множество побед над половцами, литовцами и поляками. Он сумел завоевать и Киев, подвергнув его полному разграблению.

Слава о галицко-волынском князе распространилась так широко, что римский папа Иннокентий III предложил Роману королевскую корону, если тот согласится принять католичество. По преданию, папский легат пообещал князю покровительство «меча Святого Петра». В ответ князь будто бы вынул из ножен свой собственный меч и ответствовал, что ни в каком ином клинке не нуждается.

Вероятно, при таком неукротимом честолюбии Роман Мстиславич построил бы еще более внушительную державу (кажется, он вынашивал грандиозные планы стать «царем в Русской земле»), но в 1205 году этот властитель пал в бою с поляками.

Созданная им страна немедленно рассыпалась, охваченная междоусобицей и атакованная венгерскими соседями. Однако потребность в существовании западнорусского государства, объединенного общими экономическими интересами, сохранилась.

После долгих неурядиц Галицко-Волынское княжество возродилось — уже на более крепкой и прочной основе — благодаря усилиям Романова сына Даниила (1201–1264).

Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III (Н. Неврев)

Вся молодость этого князя прошла в борьбе за восстановление отцовской державы. Он пытался закрепиться то в галицкой, то в волынской ее части, был отовсюду изгоняем врагами, возвращался вновь, опять всё терял. В конце концов сумел подчинить все волынские земли и потом еще без малого двадцать лет сражался за обладание Галицией.

Объединение завершилось только в 1245 году. К этому времени Даниил Романович по своему положению уже был первым из всех русских князей.

Встав во главе галицко-волынского государства, Даниил, подобно Осмомыслу, пользовался поддержкой торгового, служилого и ремесленного сословий. Горожане стояли не за бояр-землевладельцев, а за князя, и тот всячески укреплял эту свою опору, расширяя старые города и строя новые. (Так, в частности, был основан Львов).

> Вот еще один эпизод, который даже красноречивей, чем история сожженной Настасьи демонстрирует остроту противостояния княжеской власти и земельной аристократии на русском юго-западе.
>
> Во времена малолетства Даниила, когда галицкое боярство было в самой силе, оно стало сажать у себя князей по собственному выбору, фактически превратив их в марионеток. Сначала знать пригласила к себе одного сына черниговского князя — Святослава Игоревича, потом позвала другого — Романа Игоревича, а затем и третьего — Владимира

Игоревича. Каждый из них по отдельности был слишком слаб, чтобы удержаться на престоле. Но в 1210 году Игоревичи объединились и попытались с помощью репрессий утвердиться в Галицко-Волынском крае в качестве не номинальных, а действительных правителей. Они поделили область на три части: Владимир сел в Галиче, Святослав в Перемышле, Роман — в Звенигороде-Галицком.

Тогда против братьев восстало всё боярство и позвало на помощь венгров с поляками. В 1211 году Игоревичи были разбиты. Владимир бежал, а Святослав с Романом попали в венгерский плен.

Затем произошло событие из ряда вон выходящее. Бояре выкупили князей из плена и в отместку за репрессии повесили обоих. Это первый в русской истории случай, когда подданные не просто убили, а предали казни свергнутых государей, членов правящего дома. В следующий раз подобное случится только в 1918 году.

Даниилу пришлось создавать свое государство в очень трудное время, когда Русь пришла в упадок и запустение под натиском монгольской орды.

В эпоху, когда основная часть страны стала частью Азии, а русские князья — бесправными подданными Чингисидов, Галицко-Волынское княжество осталось последним относительно независимым и притом «европейским» сегментом Руси.

С монголами Даниил старался не воевать, а договариваться — он обладал незаурядными дипломатическими способностями. Еще перед нашествием князь занял Киев, который в 1240 году был захвачен и фактически уничтожен войсками Батыя. Даниил смирился с этой потерей и не пытался вернуть утраченное. Во время большого европейского похода монголы лишь краем зацепили Галицию, после чего устремились на Венгрию, так что основная часть Данииловых владений уберeглась от разорения.

Когда потребовалось, князь лично отправился в Орду и признал себя ее вассалом, но выговорил условия, при которых эта зависимость была сугубо формальной. Татарские гарнизоны в его владениях не стояли, баскаки за данью не приезжали. Когда же в 1252 году монгольский наместник русского юго-запада попробовал отобрать у Даниила часть земель, князь дал решительный отпор и нанес ордынцам поражение. Однако, зная меру, развивать успех не стал и вовремя остановил свое наступление. Это позволило Даниилу сохранить мир с Золотой Ордой, и в 1258 году галицко-волынское войско даже ходило в союзе с монголами походом на Литву.

Памятник Даниилу Галицкому (г.Львов)

Если в отношениях с восточным соседом Даниил соблюдал осторожность, то на Западе он вел себя совсем иначе, активно вторгаясь в европейскую политику. Одного своего сына он женил на дочери венгерского короля, другого — на австрийской наследнице и даже попытался (правда, безуспешно) посадить этого княжича на герцогский престол.

Полувеком ранее отец Даниила высокомерно отказался от королевской короны, обещанной Римом. Теперь Западная Русь, над которой постоянно висела угроза монгольской экспансии, находилась совсем в другом положении. Когда папа Иннокентий IV прислал к Даниилу посольство с точно таким же предложением и в качестве вознаграждения за обращение в католицизм посулил устроить крестовый поход против Орды, князь согласился.

В 1253 году крестовый поход был действительно объявлен. Даниил принял от папского легата королевский венец, именуясь отныне Rex Russiae («король Руси»). Однако крестоносное войско так и не собралось, поэтому обращать своих

подданных в католицизм Даниил не стал. Звучный титул, впрочем, оставил за собой и передал потомкам.

К сожалению, преемники великого Даниила уже не обладали его талантами. Галицко-Волынская Русь еще некоторое время именовалась в европейских хрониках и документах то «Русским королевством», то «Королевством Малой Руси», но постепенно слабело, не выдерживая конкуренции с Литвой, которая в конечном итоге поглотила весь русский юго-запад.

Северная Русь

Владимиро-Суздальское княжество

Государство, именуемое сегодня Российской Федерацией, зародилось в Новгороде, окрепло в Киеве, однако является прямым наследником не новгородской вечевой республики и не киевской монархии, а северо-восточного княжества — одного из ответвлений разъединившейся древнерусской державы.

Край это лесной, речной, болотный. Все процессы — хозяйственные, социальные, общественные — здесь протекали медленней, чем на юге. На раннем этапе отечественной истории этот глухой медвежий угол был заселен не славянами, а финно-уграми. На протяжении IX–XI веков коренные племена, меря, мурома и весь, постепенно вытеснялись или поглощались словенами, кривичами и вятичами. Так же медленно сдавало позиции христианству изначальное язычество.

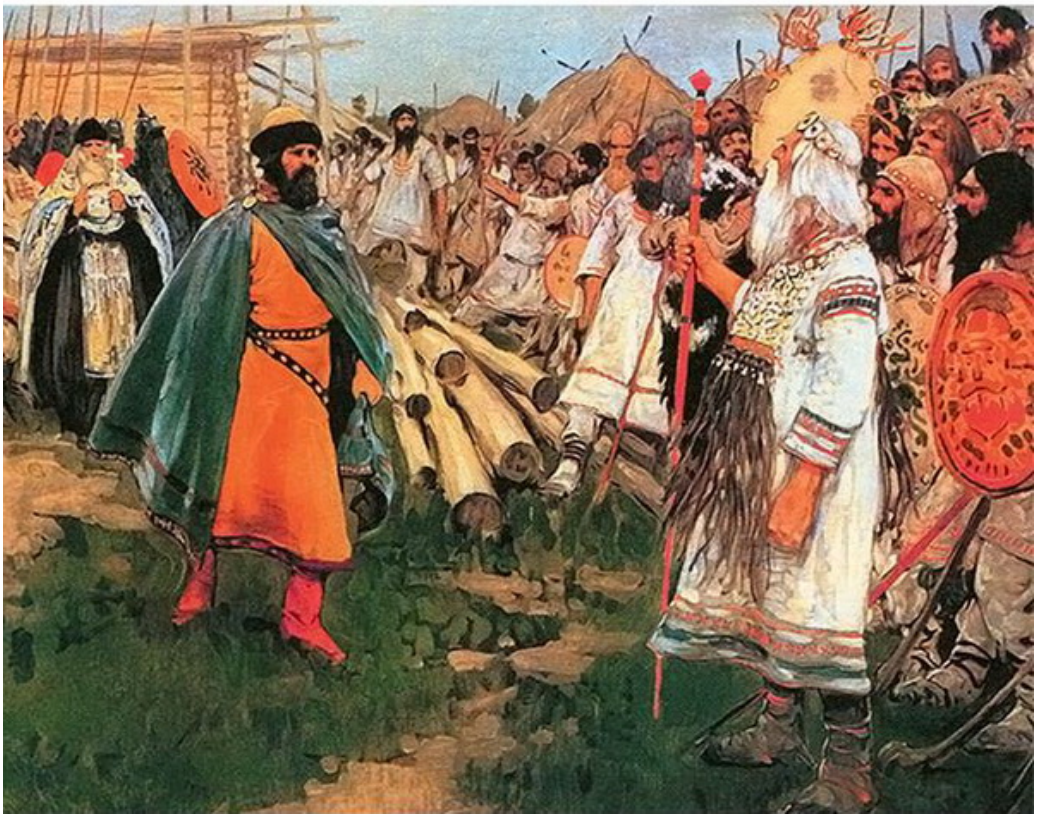
Волхвы, жрецы Велеса и других языческих богов, еще долгое время после крещения страны сохраняли свое влияние по всей лесной Руси, но в ростово-суздальской земле их власть была настолько сильна, что иногда вступала в соперничество с княжеской. В XI веке по меньшей мере дважды волхвы возглавили крупные народные волнения. Оба раза восстания произошли из-за голода, вызванного неурожаем.

В 1024 году в Суздале по наущению волхвов толпа убивала «старую чадь» (местную знать), которая укрывала «гобино» — запасы продовольствия. Бунт пришлось подавлять самому Ярославу Мудрому, хотя у него в тот год хватало и других проблем — он как раз готовился к большой войне с братом Мстиславом.

Если эти беспорядки были не столько антихристианским, сколько социальным возмущением, направленным против злоупотреблений власти, то события, о которых «Повесть временных лет» рассказывает в записи 1071 года, выглядят как мятеж сугубо языческий.

Два ярославских волхва объявили, что «гобино» заколдовали «лучьшия жены» (знатные женщины). Очевидно, кудесники обладали какими-то гипнотическими способностями: они «прорезали» у подозреваемых женщин «за плечами» и на глазах у толпы вынимали оттуда зерно, рыбу, меха. После этого несчастных убивали на месте. (Языческий обряд «прорезания за плечами» сохранялся у некоторых угро-финских народов вплоть до Нового Времени. Женщины считались хранительницами изобилия, и этот ритуал должен был «освободить гобино». Правда, в позднейшие времена женщин не убивали, а лишь слегка кололи ножом).

Боярин Ян Вышатич подавил мятеж оружием, причем во время столкновений был убит состоявший при боярине священник, что подтверждает антихристианскую направленность восстания.



Восстание волхвов (С. Иванов)

По завещанию Ярослава северо-восточная окраина досталась третьему сыну Всеволоду, но тот предпочитал жить в более престижном Переяславле, а в Ростове держал посадника.

Почвы здесь были не такими плодородными, как в Приднепровье; главные торговые артерии проходили стороной; немногочисленные города — Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром, Рязань — не могли сравниться богатством и красотой с Киевом, Черниговом или Смоленском. Долгое время, вплоть до половецкого разорения и эпохи кровавых междоусобиц, Северо-Восток был не только беднее, но и гораздо малонаселенней других частей Руси.

Название региона всё время менялось. В IX–XI веках он был известен как Ростовская земля; во времена Ярослава и Ярославичей — как Ростово-Суздальское княжество; с середины XII века, после переноса столицы из Суздаля во Владимир-на-Клязьме, княжество стало называться Владимиро-Суздальским. Накануне монгольского нашествия, в период наибольшего расцвета, государство именовалось Великим княжеством Владимирским.

Новый политический центр стал усиливаться по мере ослабления Киева. С упадком балтийско-черноморской торговли выросло значение другого товарного маршрута, проходившего с севера через Волгу и Булгарию на Каспий и дальше, в Азию. Усилился приток славянского населения, которое уходило в суздальские

леса от половецких набегов. Важной причиной подъема Северо-Востока стало и то, что он отошел в «отчину» Мономашичей и перестал переходить из рук в руки.

Во времена Юрия Долгорукого (ок. 1091–1157), шестого Мономахова сына, правившего здесь с 1113 года, княжество превратилось в самую могущественную область Руси и стало претендовать на политическое лидерство.

У Долгорукого хватало ресурсов и на борьбу с булгарами, создававшими трудности волжской торговле, и на соперничество с Новгородом, с которым князь вел беспрестанные войны. С половцами Юрий в основном жил мирно, поскольку был женат на дочери хана Аепы, и часто использовал степняков как союзников.

Разумеется, в эпоху непрекращающихся княжеских раздоров изрядно доставалось и Суздальщине. В 1134 году ее разграбили новгородцы с Мстиславичами, в 1146 году — рязанцы, в 1149 году опять явились Мстиславичи с новгородцами и смоленцами, увели 7 тысяч жителей. Но всё же эти бедствия были несопоставимы с разорением центральных и южных русских областей, длившимся десятилетиями.

В конечном итоге русский Север взял верх над русским Югом потому, что был политически стабильнее, а со временем стал экономически сильнее.

Будучи сыном великого Мономаха, Долгорукий последние двадцать пять лет своей жизни главные усилия тратил на то, чтобы занять отцовский престол. Несколько раз он захватывал столицу и вновь терял ее. В конце концов, в 1155 году, уже в старости, все-таки сел в Киеве, но это не принесло ему власти над всей Русью.

В.Татищев описывает Юрия довольно нелестным образом: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не весьма великие, нос долгий и искривленный, борода малая, великий любитель женщин, сладкой пищи и пития; более о веселиях, нежели об управлении и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, однако сам мало что делал, но больше дети и князи союзные, потому весьма худое счастье имел и три раз от оплошности своей из Киева изгнан был».

Да, Долгорукий не отличался государственной мудростью и полководческими талантами. Он неоднократно бывал разбит врагами, но обладал преимуществом, которого не имели другие Рюриковичи: надежной «отчинной» базой, которая позволяла ему подниматься вновь и вновь.

Имя Юрия Долгорукого прославлено в истории и известно всякому современному россиянину благодаря событию, которого, собственно, не было.

Этот маловыдающийся князь считается основателем Москвы, в самом центре которой возвышается величественная конная статуя, протягивающая длань по направлению к мэрии.

Однако Юрий Владимирович Москвы не основывал и даже не собирался этого делать. Если у него и имелись планы основать новую

столицу (Киев к князю был неласков), то они могли касаться личной резиденции Долгорукого — городка Кидекша близ Суздаля. Этот замок Юрий усердно отстраивал и укреплял, кажется, придавая ему большое значение. Москва же князя совершенно не интересовала. Это было дальнее и маловажное сельцо, принадлежавшее боярину Кучке. Обычно оно называлось Кучково, иногда — Москов, по названию реки, на берегу которой стояло.

Слава основателя российской столицы досталась Долгорукому из-за того, что впервые этот населенный пункт упоминается летописью в правление Юрия. Здесь он встречался со своим союзником новгород-северским князем Святославом (отцом героя «Слова о полку Игореве»). «И прислав Гюрги к Святославу, рече: приди ко мне, брате, в Москов». Там князья «любезно поцеловались», Юрий получил в подарок охотничьего барса (был тогда такой аристократический способ охоты, позаимствованный из Византии), ну и, конечно, состоялся «обед силен».

Вот, собственно, и всё.

Известно также, что князь за что-то осерчал на хозяина Москова боярина Кучку и велел его убить, после чего село было присоединено к личным владениям Долгорукого, но долго еще называлось Кучковым. В этой совсем неромантической истории Карамзину видится некое символическое величие: «Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая; Москва также на крови основана и к изумлению врагов наших сделалась Царством знаменитым». На самом деле, конечно, почти всякий старинный город основан на месте того или иного кровопролития.

Если уж говорить об основании города Москвы, то его скорее следует отнести к 1156 году, когда на Боровицком холме поставили первый кремль — маленькую бревенчатую крепость. Однако и здесь обошлось без Долгорукого. Он в это время уже находился на великокняжеском престоле в Киеве, а северо-восточными землями управлял его сын Андрей.

Дань мифу. Жест означает: «Москву будем строить здесь»

Суздальская Русь несомненно отняла бы первенство у Киева намного раньше, если бы Долгорукий взял курс на независимость, а не тщился во что бы то ни стало править из Киева всей прежней Мономаховой державой. В то время это было уже совершенно невозможно.

В 1157 г., просидев на престоле всего два года, великий князь Юрий умер. Татищев пишет: «В то время Юрий пил у Петрила в Смольниках и, разболевшись, скорбел пять дней, мая 15 дня умер, пожив 66 лет». Очень вероятно, что Долгорукий был отравлен киевскими боярами, которым не терпелось избавиться от власти северян. Во всяком случае, сразу же после смерти князя в городе началось восстание, и суздальцы были изгнаны.

В намерения Юрия входило, по заведенному еще Владимиром Красно Солнышко обычаю, отдать южные уделы в управление старшим сыновьям, а северные закрепить за младшими. Однако из этих планов ничего не вышло. Наследник Андрей Юрьевич был умнее и дальновиднее отца. Он хорошо понимал, что цепляться за Киев и южные области не имеет смысла — удержаться там все

равно не удастся. Поэтому еще при жизни отца и вопреки его воле Андрей ушел с Днепра назад в «отчину», где стал править автономно. При этом своей столицей он сделал не Суздаль, а относительно новый город Владимир, чтобы находиться в меньшей зависимости от отцовских бояр.

Так, еще в княжение Долгорукого, был сделан первый шаг к созданию обособленного Владимиро-Суздальского государства.

Андрей Боголюбский

В тени Долгорукого

Андрей, второй по старшинству из одиннадцати сыновей Юрия Долгорукого, родился около 1111 года и был наполовину половцем — внуком Аепы «Осеневича», как называют в летописях этого хана, чтобы отличить от тезки, другого хана Аепы.

Единственный старший брат Андрея умер еще при жизни отца, в 1151 году, что сделало Андрея первым по возрасту среди Юрьевичей. Правда, к этому времени он и без того стоял много выше братьев, поскольку прославился на всю Русь своей воинской доблестью. Слава и известность пришли к нему поздно. До 1146 года летописи вовсе не упоминают об Андрее Юрьевиче. Вся первая половина его жизни нам неизвестна. Можно предположить, что она проходила обычным для Рюриковича образом: в охотах и выполнении поручений отца. Никаким княжеством Андрей, кажется, не управлял. Историки считают, что до 35-летнего возраста он вообще не покидал пределов Ростово-Суздальского края, поэтому до конца своих дней относился к южной Руси с недоверием и неприязнью. (Этот частный факт сыграл в российской истории очень важную роль).

Андрей Боголюбский: видно, что наполовину азиат (Реконструкция М. Герасимова)

Андрей был Рюриковичем новой эпохи, государственным деятелем принципиально иного склада. Он мыслил не общерусскими категориями, как все предшествующие сильные князья, а заботился прежде всего о своей «отчине», прочие же области рассматривал как «чужие» и относился к ним как к объектам эксплуатации. Тягостный опыт отца, потратившего всю жизнь на погоню за химерой — восстановлением былого единства, — побудил сына в корне изменить идеологию. «Лучше меньше, да лучше» — так можно было бы сформулировать кредо Боголюбского.

Костомаров называет его «первым великорусским князем», именно с Андрея Юрьевича ведя отсчет разделения проторусской нации на три основные ветви: северную великорусскую, западную белорусскую и южную малороссийскую. Стержневым для дальнейшей российской истории станет первый из этих субэтносов; два остальных развивались по иным траекториям и сегодня, как мы знаем, обладают собственной государственностью.

К моменту, когда Андрей Юрьевич появился и начал активно действовать на исторической арене, политическая ситуация выглядела следующим образом.

В 1139 году Ольговичи выгнали Мономашичей из Киева и захватили великокняжеский престол. С этого момента началась полоса непрекращающихся междоусобных войн. В 1146 году Изяслав Мстиславич, из рода Мономаха, взял реванш: отобрал Киев у Ольговичей. Здесь в борьбу вмешался Долгорукий. Хоть он сам был Мономашичем, но выступил на стороне Ольговичей, усмотрев шанс самому сесть в Киеве.

Как мы помним, Долгорукий ратными доблестями не отличался. Полки в бой чаще всего водили его старшие сыновья. Андрей очень быстро прослыл умелым полководцем и отчаянно смелым витязем. Даже в те суровые времена, когда князьям часто приходилось биться впереди своей дружины, личная храбрость Андрея Юрьевича поражала современников. В летописи приведено несколько примеров его бесстрашия, один — довольно подробно.

> Этот эпизод относится к кампании 1149 года, когда Долгорукий в ходе войны с Изяславом Мстиславичем не только захватил Киев, но и решил добить своего соперника, отобрав у него последний оплот — город Луцк.
>
> «Прогоню Изяслава, возьму всю его волость», — сказал Юрий и повел войско в поход. Авангардом, в основном состоявшим из половцев, командовал Андрей. Ночью в лагере ни с того ни с сего началась паника. Половцы оседлали коней и кинулись наутек, оставив князя с малочисленной дружиной. Воины стали уговаривать Андрея тоже отступить: «Поезжай прочь, осрамимся мы», но Андрей спокойно велел оставаться на месте. Когда наступило утро, все увидели, что никакого врага впереди нет. После этого авангард дождался подхода основных сил, и войско встало у стен Луцка, где засел Владимир, брат Изяслава Мстиславича.
>
> Осажденные устроили вылазку. Обычно в подобных случаях дело заканчивалось перестрелкой из луков, после чего пехота возвращалась в крепость. Внезапно Андрей один поскакал на врага. Он даже не поднял предварительно своего боевого стяга («не величав был на ратный чин», пишет летописец — то есть не любил красоваться). Личная дружина была вынуждена последовать за князем, который уже врезался во вражеские ряды. Его окружили со всех сторон. Копье Андрея переломилось. В седло ему воткнулся дротик, еще два ранили лошадь,

какой-то немецкий наемник чуть было не пропорол и самого князя рогатиной. Андрей кое-как отбился мечом. Раненый конь вынес его из сечи и тут же пал. В благодарность за спасение князь велел похоронить скакуна с почестями.

Эта выходка может показаться бессмысленной, однако Андрей никогда ничего не делал зря, безрассудство было ему совсем не свойственно. Вероятно, риск был рассчитанным. Князь знал, что на него смотрят великий князь и всё войско. С этого дня бояре и дружина объявили его первейшим храбрецом, и впоследствии слава ему очень пригодилась. Он и в дальнейшем не упускал случая подтвердить эту свою репутацию.

Подвиг князя Андрея (А. Чориков)

В зависимости от того, восходила или закатывалась звезда отца, Андрей то получал в управление какой-то удел, то терял его, все время перемещаясь с места на место. Когда Долгорукий в 1155 году в последний раз стал великим князем, он

велел старшему сыну быть в Вышгороде — крепости, охранявшей подходы к столице. Должно быть, Юрий желал, чтобы его наследник жил в непосредственной близости и, в случае смерти родителя, мог быстро занять столицу.

Но Андрей вынашивал другие планы. Он не хотел следовать по стопам отца и исполнять его волю.

Самовластец Суздальской земли

Когда Андрей созрел для самостоятельной деятельности, он стал действовать решительно и жёстко. Не спрашивая разрешения, оставил Вышгород, вернулся в родные края и повел себя там как самостоятельный правитель.

Юрию пришлось с этим смириться. Он непрочно сидел на киевском престоле, ему было не до раздоров со старшим сыном. Неизвестно, чем кончилась бы эта семейная ссора, но в 1157 Долгорукий умер (или был отравлен).

Теперь, поддержанный городской верхушкой Суздаля, Ростова и Владимира, Андрей уже и формально стал князем всей «отчины».

Известно, что Долгорукий намеревался завещать главные русские земли своим старшим сыновьям, а на северо-востоке посадить младших, однако Андрей решил по-своему.

Ему не нужен был киевский престол, не нужна была остальная Русь. Он хотел быть «самовластцем всей Суздальской земли» — и стал им. В несколько лет Андрей создал совершенно независимое, неподвластное Киеву государство с собственной столицей.

Он твердо знал, чего хочет, и умел этого добиваться. В более поздние годы, достигнув вершины, Боголюбский от чрезмерного самомнения начнет совершать ошибки, но на пути к цели он был упорен, последователен, безжалостно прагматичен и до цинизма расчетлив.

Начал он с того, что прогнал из «отчины» братьев и племянников. Вдову отца, византийскую царевну Ольгу, вместе с детьми отослал в Константинополь.

Отстранил он от государственного управления и всех отцовских бояр. Андрей вообще предпочитал опираться не на аристократию, а на торгово-ремесленное сословие. Такова была обычная тактика многих европейских монархов средневековья — в борьбе с феодалами они брали в союзники горожан.

Однако Андрей не доверял и главным городам своего княжества — Суздалю и Ростову, где существовало самоуправление и были сильны местные элиты. Важные вопросы там решались на вече, сборище всего населения. Вече могло прогнать князя, что нередко и происходило в разных частях Руси.

Поэтому Андрей поселился в маленьком, ничем не прославленном Владимире, где он мог чувствовать себя в безопасности.

В развитие своей новой столицы князь вложил огромные средства и быстро превратил Владимир в один из самых красивых городов всей Руси. Для строительства каменных храмов Андрей приглашал зодчих не из Византии, а из Западной Европы. Повсюду вырастали церкви и монастыри. Своего намерения —

затмить Киев — князь нисколько не скрывал. Он даже выстроил собственные Золотые Ворота, тоже обив их золоченой медью.

Жестокость сочеталась в Андрее со старательно демонстрируемым благочестием. Он любил слезно помолиться на публике, лично раздавал милостыню, сам зажигал свечи перед образами. Однако прозвище «Боголюбского» получил не за любовь к Богу, а в честь села Боголюбова, где находилась его резиденция.

Религию Андрей Юрьевич считал важнейшим направлением государственной деятельности и активно пользовался этим инструментом для достижения политических задач. Суздальский «стол» он добыл способом, на Руси прежде не практиковавшимся.

В 1155 году Андрей явился в родные края непонятно в каком качестве. Отца он ослушался, прав на Суздальщину у него не имелось. Земными законами оправдать свои действия он не мог.

И тогда он придумал заручиться более высоким покровительством — небесным.

В Вышгородском замке, доверенном его попечению, хранилась высокочтимая икона Богоматери. По церковному преданию, ее написал евангелист Лука на крышке стола, за которым преломляли хлеб Иисус и дева Мария с Иосифом.

На самом деле это работа византийского мастера, созданная в начале XII века и присланная константинопольским патриархом в подарок Юрию Долгорукому. Про икону шли слухи, что она чудотворная. В частности, поговаривали, будто среди ночи она сама сходит со стены, тем самым давая понять, что ищет для себя какое-то иное место.

Этим слухом Андрей и воспользовался. Он похитил икону и нарушил волю великого князя, то есть совершил двойное преступление, однако обставил дело так, будто исполняет волю святого образа — ищет для него истинное обиталище.

По пути, естественно, стали происходить чудеса, весть о которых достигала Суздальщины еще до прибытия князя.

Близ Владимира кони вдруг остановились и не желали идти дальше. Возок с иконой никак не могли сдвинуть с места. Князь велел заночевать. Ночью ему явилась Богоматерь и повелела не везти икону в древний Ростов, резиденцию епископа, а остаться во Владимире. Таким образом, и сам приезд Андрея, и выбор Владимира в качестве новой столицы как бы получили благословение силы, которая была выше власти великого князя.

На месте явления богоматери Андрей поставил храм и устроил свою резиденцию — то самое Боголюбово, которое стало частью его имени.

Впоследствии эта икона называлась Владимирской. Ей приписывается множество чудес. Она несколько веков провисела в

Успенском соборе Кремля, а с 1930 года находится в Третьяковской галерее.

Вышгородская икона, ныне именуемая Иконой Владимирской Богоматери

У Боголюбского с иконой были связаны и совсем уж величественные планы. В 1160 году он попытался превратить место ее пребывания, Владимир, в центр митрополии. Это было прямым покушением на церковное первенство Киева, где находился единственный на Руси митрополит. Правда, из затеи ничего не вышло — патриарх не санкционировал разделения русской церкви на два отдельных округа.

Но во всех сферах кроме церковной усилия Андрея обеспечить своему княжеству главенствующее положение были успешны.

Поначалу князь почти не вмешивался в дела южной Руси, занимаясь укреплением своего положения на севере.

На западе его земли граничили с новгородскими, на востоке — с булгарскими.

От булгар Андрею было нужно лишь, чтобы они не препятствовали волжской торговле и не разоряли пограничные районы набегами. В 1164 году он предпринял большой и удачный поход: нанес булгарам поражение в бою, захватил город Бряхимов и сжег еще три города. Булгары на время присмирели.

На Новгород у Боголюбского были иные виды. Он хотел покорить этот богатый и могущественный город, дававший ключ ко всей балтийской торговле. Но задача была трудновыполнимой, и на протяжении всего своего правления Андрей то подчинял Новгород владимирскому влиянию, то терял там свои позиции.

Десять лет Боголюбский строил и развивал свою северную державу, сохраняя в ней внутренний мир. При этом он не упускал случая косвенно поучаствовать в распрях южных князей, натравливая одних на других.

После того как в 1167 году умер великий князь Ростислав, между претендентами на киевский «стол» началась большая война. Андрей решил, что настало время замахнуться на большее.

К этому времени сил у него накопилось более чем достаточно.

Он создал большую коалицию из дюжины князей, своих родственников и союзников, призвал половцев и весной 1169 года пошел на Киев.

Горожане имели неосторожность затворить ворота, что дало северянам основание взять город штурмом и предать его тотальному разграблению.

В покоренном Киеве сел наместник Андрея, его младший брат Глеб, а сам Боголюбский остался во Владимире. Тем самым «мать городов русских» впервые оказалась в подчиненном положении.

На Руси закончился Киевский период и начался Владимирский. Отныне главным регионом страны в политическом смысле становится Северо-Восток.

Владимирский великий князь

Такого на Руси еще не бывало — чтобы великий князь жил не в Киеве. Боголюбский произвел настоящую революцию в государственной жизни, привязав институт власти не к месту, а к личности правителя: где он, там и власть. Фактически новый великий князь взял курс на сепаратизм, разделив державу на две части — свою и несвою. Первую он берег и укреплял, вторую эксплуатировал и намеренно ослаблял.

Владимиро-Суздальское княжество Андрей рассматривал как личное владение, оплот своей силы. Но при этом хотел сохранять верховную власть над всей страной, смещая и назначая князей по собственному усмотрению. Властолюбие диктатора было безмерным и все время возрастало. Это его в конце концов и погубило.

Парадоксально, что, проявив недюжинные дарования на пути к высшей власти, в качестве великого князя Боголюбский словно растерял все свои таланты. Он продержался только пять лет и не достиг ни одного серьезного успеха.

Военные предприятия, которые затевал хозяин русской земли, были грандиозны, но не достигали цели или заканчивались катастрофой.

Сразу же после покорения Киева он решил завоевать следующий по значению город — Новгород. Те же князья-союзники, что участвовали в разорении столицы, были отправлены на северо-запад. В феврале 1170 года состоялось

кровопролитное сражение, в котором новгородцы взяли верх. Они захватили такое множество пленных, что потом продавали их по десятку за одну гривну. С новгородцами пришлось договариваться миром — благо они зависели от подвоза продовольствия из Суздальской земли.

В 1172 году Боголюбский затеял огромный поход, рассчитывая окончательно разгромить Булгарию. Но собрать войско не удалось, потому что многие бояре не явились, и с булгарами тоже пришлось заключать мир — совсем не такой, на который рассчитывал Андрей.

Главная же неудача ожидала великого князя на юге. И виноват в случившемся был он сам.

Демонстрируя остальным Рюриковичам свое превосходство, Боголюбский намеренно ставил их в унизительное положение. Из всех родственников он жаловал только детей своего покойного старшего брата Ростислава — Ростиславичей. Но в конце концов рассорился и с ними.

После смерти младшего брата Глеба (1171) Андрей отдал Киев племяннику Роману Ростиславичу. В 1173 году великий князь вдруг потребовал выдать ему на расправу трех киевских бояр, якобы виновных в отравлении Глеба. Обвинение было вздорным и к тому же оскорбительным для киевского князя. Бояр не выдали. Тогда Андрей велел Роману убираться из Киева. Тот повиновался и переселился в Смоленск.

Однако другие Ростиславичи были менее робкими. Когда Боголюбский прислал в Киев своего брата Михаила, Ростиславичи вынудили того уйти.

Неустрашимый Мстислав (А. Чориков)

Осердившись, Андрей отправил к ним своего мечника (придворного сравнительно невысокого ранга) по имени Михн с повелением «в Русской земле не быти», да еще указал, кому куда надлежит отправиться.

Этого братья стерпеть не могли. Один из них, Мстислав, заявил, что раньше они подчинялись Андрею Юрьевичу, ибо чтили его как отца, но обращаться с собой как с «подручниками» не позволят. Мечника, который разговаривал с князьями грубо, остригли, обрили и в таком позорном виде отправили обратно.

Боголюбский наверняка довел ситуацию до обострения намеренно: хотел еще больше унизить Киев и привести родственников в окончательную покорность. Теперь у него появились формальные основания для того, чтобы отправить против мятежников карательную экспедицию. Собралось невиданное на Руси войско в 50000 копий. Кроме владимиро-суздальской рати в него вошли дружины еще двух десятков князей, многие из которых присоединились к походу поневоле, боясь вызвать гнев грозного Андрея. Даже Роман Ростиславич, и тот был вынужден

выступить против собственных братьев. Боголюбский был настолько уверен в победе, что не повел армию сам, а остался дома.

Началась война, в которой у Ростиславичей, казалось, нет никаких шансов на победу. Братья и не пытались выйти в поле. Они бросили Киев и разбежались: Рюрик Ростиславич заперся в Белгороде, Мстислав Ростиславич в Вышгороде, а Давыд Ростиславич отправился за помощью к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, давно враждовавшему с Боголюбским.

Объединенное войско осадило Вышгородский замок, потому что там находился главный оскорбитель великого князя. Андрей приказал доставить к нему Мстислава живым.

Однако Вышгород оказался крепким орешком, а Мстислав — стойким воином. Целых девять недель простояла владимирская армия у стен, много раз ходила на штурм, но взять крепости не могла.

Боевой дух в стане осаждающих постепенно падал. А вся Русь наблюдала за осадой и видела, что Боголюбский не так уж силен. Враги Андрея начали смелеть. Один из них, луцкий князь Ярослав Изяславич, повел на помощь Мстиславу галицко-волынское войско.

Сражение не понадобилось.

Однажды ночью в лагере сторонников Боголюбского пронесся слух, что враг уже на подходе и вот-вот нападет. Князья один за другим, в полном беспорядке, начали отступать — переправляться через Днепр. Видя это, Мстислав ударил из крепости — и отступление переросло в паническое бегство. Многие утонули в Днепре, другие разбежались. Слава за чудесную победу досталась Мстиславу, который отныне стал называться Храбрым, хотя истинной причиной поражения было то, что подневольные союзники Андрея Юрьевича не желали проливать кровь своих воинов ради еще большего усиления великого князя.

В хронике сказано: «…Князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Из-за постыдного разгрома под Вышгородом положение Боголюбского пошатнулось не только во всей Руси, но и в собственном княжестве. У правителя и там хватало врагов, поскольку он был суров и несдержан в гневе. Как обычно в подобных случаях, заговор созрел в ближайшем окружении диктатора.

> У боярина Стефана Кучки (того самого, которого казнил Долгорукий) была дочь Улита, ставшая женой Андрея Юрьевича. Ее братья входили в число придворных великого князя. Одного из них Боголюбский, за что-то разгневавшись, предал смерти — то есть всё повторилось сызнова. Но другого брата (его имя сохранилось в истории: Яким) Андрей неосторожно оставил при себе. Тот вместе со своим зятем Петром собрал вокруг себя недовольных — кто говорил между собой: «Нынче казнил он Кучковича, а завтра казнит и нас». Есть основания

полагать, что в комплоте участвовала и великая княгиня, у которой Мономашичи убили отца и брата.

Мы знаем имена еще двух активных заговорщиков, и имена эти неславянские. Один из них яс (осетин) Анбал, ключник; другой — еврей, слуга Ефрем Моизович. Похоже, что на старости лет Боголюбский предпочитал окружать себя чужеземцами, не доверяя собственной знати.

В ночь на 29 июня 1174 года заговорщики (их было человек двадцать) вошли было во дворец, но оробели. Решили спуститься в «медушу», выпили там для храбрости вина и уже смелее направились к великокняжеской «ложнице» (спальне).

Боголюбский на ночь запирался. Зная это, убийцы постучали в дверь, и один назвался Прокопием — это был главный фаворит Андрея, ненавидимый не меньше, чем он сам. В спальне князя находился «кощей», комнатный слуга. «Разве это голос Прокопия?» — спросил Боголюбский и не открыл.

Тогда заговорщики стали выламывать двери. Князь кинулся за мечом. Несмотря на возраст, он был могуч и не раз в сражениях отбивался от многочисленных врагов. Но Анбал заранее выкрал оружие. Когда дверь рухнула и убийцы накинулись на князя, он защищался голыми руками. Даже с безоружным Боголюбским справиться было нелегко. Одного врага он сшиб с ног, другого в полумраке ранили собственные товарищи. Наконец под градом ударов князь упал.

Даже не проверив, мертв ли он, заговорщики (по всему видно, что они были не особенные смельчаки) поспешили убраться с места преступления. Вдруг, уже удаляясь, они услышали сзади стоны. Кинулись в спальню — Андрея там не было. Но на полу остался кровавый след.

По нему убийцы и нашли Боголюбского. Он выбрался на лестницу, но ослабел и опустился на ступеньки. Петр с размаху отсек государю руку, остальные довершили дело.

Только теперь заговорщики окончательно поверили в успех своего предприятия. Они начали грабить сокровищницу, разыскали и убили Прокопия и сотворили еще много всяких бесчинств, в которых охотно поучаствовали другие княжеские слуги.

Так бесславно завершилась жизнь основателя Владимирского государства. Обстоятельства его смерти и последующие события свидетельствуют о том, что его ненавидели собственные подданные. Никто не пытался отомстить убийцам, никто не возмущался, никто даже не хотел похоронить покойного. Труп великого князя, нагой и обезображенный, долго валялся во дворе, пока некий Кузьма Киевлянин не выпросил плащ прикрыть мертвеца. Тело оставалось непогребенным еще три дня.

По всей округе люди убивали княжеских посадников и приказчиков. С большим трудом священники остановили беспорядки в столице — для этого пришлось носить по улицам чудотворную икону Богоматери.

В княжестве началась борьба за власть, продолжавшаяся несколько лет.

Всеволод Большое Гнездо

Превратности судьбы

После убийства Боголюбского его держава погрузилась в смуту. Ее главной причиной была конфронтация «старых» городов, Суздаля и в особенности Ростова, с «новыми» городами, первым из которых являлся Владимир. Аристократия оставалась жить в прежних центрах княжества, относясь к владимирцам презрительно. С точки зрения бояр, потомственных дружинников и ростовско-суздальской торговой верхушки, это были безродные людишки, которые под покровительством Андрея Юрьевича разбогатели на низменных ремеслах и каменном строительстве. «Холопы-каменщики» — так ростовцы называли владимирцев.

В 1174 году после кровопролитных столкновений между дядьями-Юрьевичами и племянниками-Ростиславичами верх взяли последние. Они разделили государство на две части: старший брат Мстислав взял себе старую столицу — Ростов, а младший, Ярополк, сел во Владимире.

Однако владимирцам, которые ощущали свою силу, торжество «старшей дружины» не нравилось. В особенности горожан раздражало то, что Ярополк Ростиславич поставил на все ключевые должности пришлых людей. Владимирцы позвали к себе брата Боголюбского — Михаила Юрьевича. В 1175 году тот прибыл со своей дружиной, дал племянникам бой и одержал победу.

Жители Суздаля, который склонялся то на одну, то на другую сторону, послали к Михаилу сказать, чтобы он на них не гневался и принял под свою руку — мол, враждовали с ним лишь суздальские бояре, а вовсе не горожане. Это окончательно решило дело. Уйти пришлось не только Ярополку, но и Мстислав был вынужден покинуть Ростов, оказавшийся в изоляции. Первенство вернулось к Владимиру-на-Клязьме.

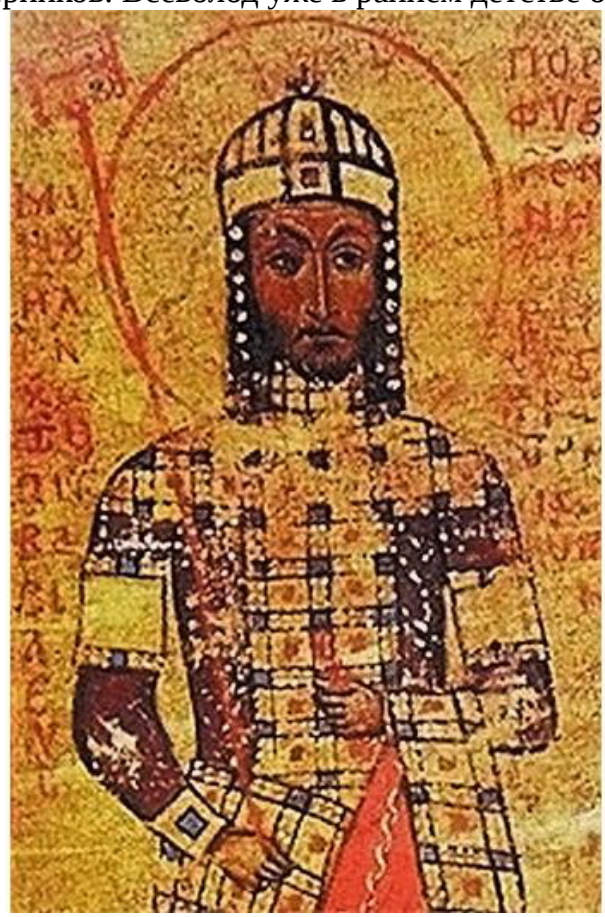
Мир однако сохранялся недолго, потому что в 1176 году Михаил умер. Он давно уже хворал — во время войны с Ростиславичами князя носили на носилках.

Владимиро-суздальская земля снова заволновалась. Ростовцы решили взять реванш. Они опять позвали Мстислава Ростиславича. Он не заставил себя ждать. Быстро собрал войско, явился на зов — и все-таки опоздал. Владимир уже присягнул на верность очередному Юрьевичу — князю Всеволоду. Это был совсем молодой человек, и серьезным конкурентом Мстислав его не считал. Но ошибся. Появился новый сильный лидер, который быстро стал ключевой фигурой русской политической жизни.

До этого момента летописи упоминали о Всеволоде Юрьевиче лишь вскользь. Из-за своего возраста он не мог играть важной роли в событиях.

Однако, несмотря на юность, этот княжич уже успел испытать немало превратностей судьбы.

Он был не то десятым, не то даже одиннадцатым сыном Долгорукого от некоей Ольги (или Елены), про которую известно лишь, что она была «грекыня», византийская принцесса. По разнице лет Всеволод годился своему великому брату Андрею Боголюбскому во внуки — был младше на сорок с лишним лет. Никакой приязни к мальчику (как, впрочем, к большинству своих родственников) Боголюбский не испытывал. В 1162 году, когда Всеволоду было семь или восемь лет, Андрей выгнал Ольгу и ее детей с Руси, чтобы избавиться от лишних соперников. Всеволод уже в раннем детстве оказался изгнанником.



Мануил Комнин Великий (Фрагмент летописной миниатюры)

Эмигрантов принял родственник, византийский император Мануил. Таким образом, будущий великий князь был человеком греческого воспитания — его взгляды и вкусы сформировались в Константинополе.

К сожалению, мы ничего не знаем об этом периоде жизни Всеволода. Зато сохранилось множество описаний двора Мануила Комнина (1143–1180). Это был период последнего расцвета Византии. Мануил, прозванный Великим, пытался восстановить римскую империю и достиг немалых успехов. Он подчинил ближневосточные государства крестоносцев, успешно воевал с турками-

сельджуками и даже на время завоевал часть Италии. Мануил пытался договориться со святым престолом о совместном правлении, чтобы папа стал духовным главой обеих церквей, а базилевс — светским властителем всего христианского мира. Доблестный воин и в то же время книжник, Мануил, в отличие от других императоров, не придавал большого значения церемониалу. Человек он был яркий: отличался веселым нравом, любил празднества, даже участвовал в рыцарских турнирах.

Чему Всеволод точно научился в Византии — это искусству политического маневрирования. Он никогда не будет идти напролом, предпочитая договариваться с оппонентами.

В пятнадцатилетнем возрасте Всеволод вернулся на Русь один, без матери и братьев. Почему — неизвестно. Вероятно, его вызвал старший брат Михаил — во всяком случае, в последующие годы именно он был покровителем юноши. В том же году княжич участвовал в судьбоносном походе на Киев, а четыре года спустя, по желанию Михаила, даже стал вместо него князем киевским. Это свидетельствует не о значительности 19-летнего Всеволода, а о том, как низко пала былая столица. Впрочем, на этом «столе» юный Юрьевич продержался всего пять недель и был взят в плен смоленским князем Романом Ростиславичем. Брату Михаилу пришлось выкупать пленника.

Таким образом, в 1176 году владимирцы приняли в свои князья человека еще очень молодого, но уже закаленного испытаниями и обладавшего изрядным жизненным опытом.

В том, как Всеволод повел себя с Мстиславом, не было ничего юношеского. Прежде всего он попробовал найти компромисс. Сказал, что удовольствуется Владимиром, сопернику отдаст Ростов (который был главным сторонником Ростиславичей), а суздальцы пускай сами выберут, под кем им быть. Ростовская «старшая дружина» на это не согласилась, да и Мстислав был уверен, что сможет забрать себе всё княжество целиком.

Тут Всеволод впервые продемонстрировал, что, если не удается договориться по-хорошему, он умеет за себя постоять. У Юрьева-Польского произошло сражение, в котором он одержал решительную победу, так что Мстислав был вынужден снова бежать. Ростовцы покорились владимирскому князю — теперь уже окончательно. С оппозицией «старых» городов было покончено.

После этого молодой князь установил в бывшей державе Боголюбского крепкую единоличную власть, приведя остальных родственников в полную покорность. Одного из них, Андреева сына Юрия (Гюргия), даже вовсе выгнал за пределы Руси — то есть, поступил с ним так же, как в свое время Андрей обошелся с самим Всеволодом.

Тамара и Юрий (М. Зичи)

В дальнейшем Юрий Андреевич никакой роли в русской истории уже не играл, но судьба его оказалась весьма необычной.

Еще ребенком он был посажен отцом на стратегически важное новгородское княжение и оставался там до смерти Боголюбского. Летопись, сообщая об убийстве великого князя в 1174 году, сообщает: «сынок его мал в Новегороде». Как только Боголюбского не стало, новгородцы сразу прогнали Юрия Андреевича. Вслед за тем мальчика выгнал с родины его дядя Всеволод. Сын грозного Андрея Боголюбского стал изгоем. Его приютили половецкие родственники, у которых княжич жил около десяти лет.

В 1185 году он получил неожиданное приглашение в Грузию. В этом далеком православном государстве на престол взошла царица Тамара, которой потребовался супруг из иноземных принцев — чтобы дал стране наследника престола, а сам при этом не претендовал бы на власть

(фактически Юрия приглашали на роль консорта). Он охотно согласился — и обманул ожидания грузинского двора по обоим пунктам.

Во-первых, захотел править, чем восстановил против себя и царицу, и аристократию. Во-вторых, не произвел потомства, поскольку, если верить грузинским хроникам, был мужеложцем. Вдобавок ко всему Юрий прослыл пьяницей и дебоширом.

В 1188 году Тамара велела посадить неудачного супруга на корабль, выплатила ему отступные и отправила в Константинополь. Однако, прожив полученные «алименты», Юрий через два года вернулся обратно, вызванный грузинскими вельможами, которые взбунтовались против царицы. В сражении войско Юрия было разбито, сам он попал в плен и был опять выслан.

Через некоторое время он явился в Грузию в третий раз, теперь уже с восточной стороны. Снова потерпел поражение, бежал и после этого в летописях уже не упоминается.

Подчинив всю владимиро-суздальскую землю в 1176 году, Всеволод оставался на престоле целых 36 лет и всё это время был первым среди Рюриковичей. Никто не оспаривал занимаемого им положения. Точно так же и Север сохранял главенство во всех русских делах до самой смерти великого государя.

Во главе большого гнезда

Принято считать, что свое прозвище Всеволод Большое Гнездо получил из-за многодетности — у него было восемь сыновей и четыре дочери, от которых потом произошло бессчетное множество княжеских родов. Однако ничего экстраординарного в такой плодовитости нет. Например, отец Всеволода произвел на свет еще более многочисленное потомство. И все же это прозвание очень подходит к Всеволоду Юрьевичу. Он властвовал над всей Русью, как над большим беспокойным гнездом, и ко всем остальным князьям относился, словно к крикливым и неразумным птенцам, постоянно пытаясь навести среди них хоть какой-то порядок. Интересно, что в достоинство великого князя Всеволода, кажется, никто специально не вводил, но в Лаврентьевской летописи, начиная с 1186 года, он именуется этим титулом. Такое ощущение, что он достался Всеволоду Юрьевичу де-факто и уже не подвергался сомнению. Беспрестанно сменяющиеся хозяева Киева тоже называли себя «великими князьями», но стояли ниже владимирского князя.

Всеволод III Большое Гнездо (В. Верещагин)

Во внутренней политике Всеволод Большое Гнездо опирался на Владимир и другие «новые» города: Переяславль-Залесский, Городец, Дмитров, Тверь, Кострому, жители которых не были связаны с боярством. Пока Всеволод был жив, боярская оппозиция не осмеливалась ему противиться, что давало князю возможность заниматься делами остальной Руси, где он всё время пытался расширить свое влияние. В этом качестве Большое Гнездо действовал гораздо успешнее, чем Андрей Боголюбский, и достиг более внушительных и долговременных результатов, хоть в конечном итоге все его усилия и обратились прахом. Чтобы понять, почему правление Всеволода так блестяще начиналось и так жалко окончилось, нужно рассмотреть сильные и слабые стороны этого монарха.

Главным его достоинством безусловно являлось хладнокровие и неистощимое терпение — качества, которые он проявил с первых же дней своего княжения.

Вот несколько примеров того, как Всеволод Юрьевич строил военные кампании.

В 1176 году его соперник Мстислав Ростиславич, потерпев поражение в битве и бежав в Новгород, не нашел там пристанища и вновь явился на Владимирскую землю вместе со своим зятем Глебом Рязанским. Они вторглись во владения Всеволода и сожгли Москву (первый в истории «пожар московский»).

Владимирское войско вышло навстречу врагам и заступило им путь. Сил у Всеволода было больше, но он не нападал, а ждал, пока противник уйдет восвояси.

Глеб и Мстислав пошли на Владимир обходным маршрутом. Всеволод опять преградил им путь, заняв оборону по реке Колакше. Так он стоял целый месяц. Нервы у князя были крепкие, из ближних волостей ему подвозили припасы, а неприятель мог кормиться только грабежом. Наконец, истощив запасы, Мстислав с Глебом были вынуждены атаковать — и потерпели сокрушительное поражение.

Такая же история произошла в 1180 году, когда на Всеволода напал Святослав Черниговский. Противники сошлись на реке Влене, и опять Всеволод, имея численное преимущество и занимая крепкую позицию, стоял и ждал. Святослав постоял-постоял, да и повернул обратно, бросив все свои обозы. Большое Гнездо одержал бескровную победу.

Богатой Новгородчиной, за контроль над которой Андрей Боголюбский так долго и безуспешно боролся, Всеволод тоже овладел без кровопролития, одними только экономическими и дипломатическими усилиями. Вместо того чтоб идти на Новгород войной, он стал способствовать усилению в городе партии своих сторонников. Эта политика оказалась эффективной. В течение трех десятилетий Всеволод назначал в Новгород князей по собственному усмотрению. Так продолжалось почти до самого конца его правления.

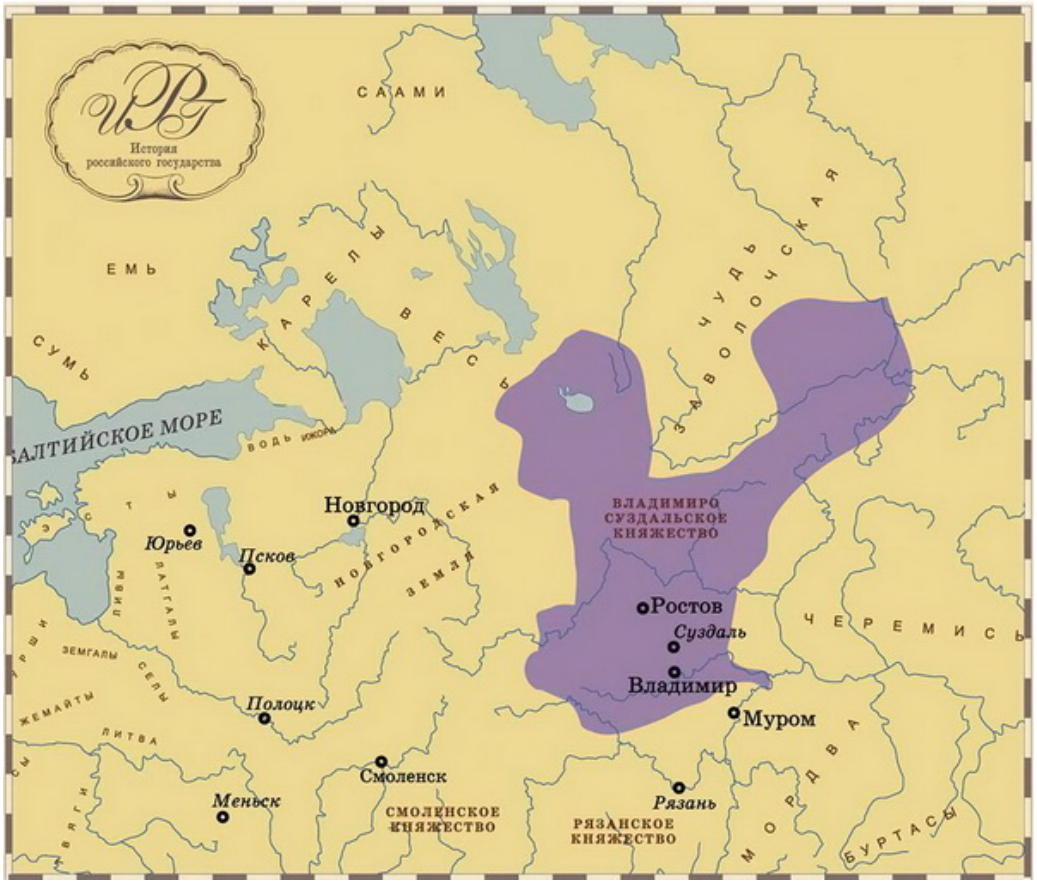
И позднее, обладая самым мощным на Руси войском (в «Слове о полку Игореве» говорится, что оно «Волгу может веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать»), Всеволод предпочитал, когда это было возможно, обходиться без сражений.

Самой симпатичной чертой великого князя было его нежестокосердие. Он неохотно наказывал и охотно миловал, что было редкостью для того сурового времени.

Любопытна история с ослеплением Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Междоусобица 1176 года закончилась тем, что Всеволод захватил в плен всех своих врагов. Одного за другим он их освободил, но двоих Ростиславичей отпустить не мог, так как владимирцы люто их ненавидели. Горожане требовали предать пленников казни или выдать на растерзание. Всеволод держал племянников под стражей, ждал, пока улягутся страсти. Он не устрашился даже народного мятежа. В конце концов владимирцы перестали требовать смерти узников и сказали, что удовольствуются их ослеплением: «Выдай нам Ростиславичи, хочем бо их ослепити». (Горожан можно понять — они вынесли от этих князей немало горя и хотели быть уверены, что те угомонятся). Всеволод объявил, что ослепит племянников сам. «И тако беднии Ростиславичи, иже хотяху болшея славы и власти, возвратишася в своя смиренны без очию», — скорбно сообщает средневековый автор, чтобы затем сообщить о великом чуде Божьего милосердия: оба князя вскоре волшебным образом прозрели. Славить за милосердие в этом случае несомненно следовало Всеволода Большое Гнездо.

В 1207 году Всеволод раскрыл заговор рязанских князей, своих вассалов, которые тайно сговорились с его врагами Ольговичами. Великий князь приказал

арестовать изменников, но не причинил им никакого зла, а через некоторое время выпустил.



Владимиро-Суздальское княжество (М. Руданов)

Так же мягко Большое Гнездо обходился не только с Рюриковичами, но и с простолюдинами, что совсем уже удивительно.

Жители Пронска, города на Рязанщине, вели себя по отношению к Всеволоду враждебно и заперли ворота перед его людьми. Князь послал к ним боярина с увещеваниями — прончане ответили тому «буйной речью». Тогда Всеволод осадил город, но брать его штурмом не стал, а лишь перекрыл водоснабжение. Горожане и тут не уступили. По ночам делали вылазки за водой и «бились крепко». Целых три недели они упорствовали и сдались только тогда, когда у них закончилось продовольствие. Всеволод никого не наказал, города не разграбил, а лишь назначил туда своего ставленника.

По временам Большое Гнездо проявлял и суровость, но лишь в особенно вопиющих случаях и никогда не перебарщивал с жестокостью.

В 1178 году Новгород позвал к себе князем Ярополка Ростиславича — того самого, чудесно прозревшего и после этого оставшегося врагом Всеволода. Большое Гнездо был возмущен тем, что новгородцы, целовавшие ему крест на верность, нарушили свою клятву. В наказание он осадил Торжок, принадлежавший Новгороду, и хотел было вынудить его к мирной сдаче, но горожане не желали

капитулировать, а дружина требовала от князя жестких мер. Прождав пять недель, Всеволод наконец приказал взять Торжок штурмом и сжечь — но жителей не перебили, как обычно делалось в подобных случаях, а лишь «перевязали», то есть забрали в плен.

Так же тридцать лет спустя великий князь поступил с Рязанью, истощившей его долготерпение. В 1207 году он ходил на эту взбунтовавшуюся область походом, но рязанцы покаялись, и Всеволод повернул обратно. На следующий год они опять подняли мятеж, схватили княжеских представителей и некоторых умертвили, похоронив заживо («засыпали в погребах»). Когда Всеволод пришел с войском, горожане повели себя дерзко. Тогда Большое Гнездо спалил непокорный город, но жителей не истребил, а лишь расселил по другим местам.

Разумное сочетание твердости и умеренности обеспечило Всеволоду Юрьевичу прочное положение первого из владетельных князей, но этого ему было недостаточно. Как его брат Андрей Боголюбский, а перед тем отец Юрий Долгорукий, он не хотел быть первым среди равных, а стремился стать самовластным правителем всей Руси, снимая и назначая удельных князей по своей воле. (Примечательно, что в эту эпоху «Русью» называются только южные области разъединенной страны, а «отчина» владимирских князей числится особо).

Действия Всеволода на «Руси» были успешнее, чем у Боголюбского, потому что Большое Гнездо вел себя осторожнее и дипломатичней, но всякий успех оказывался недолговечным. Задача была невыполнимой.

Владимирский князь обыкновенно выжидал, когда где-нибудь начнется междоусобица или смута, и тогда вмешивался в конфликт, стремясь подчинить себе эту часть страны. В результате получилось, что воевал он практически беспрерывно, часто по нескольку раз с одними и теми же противниками, которые то подчинялись ему, то снова восставали. Все свои незаурядные дарования Всеволод потратил на этот Сизифов труд.

Он без конца замирял соседнюю Рязань; ссорился, мирился и снова ссорился с черниговскими Ольговичами; сходился и расходился со смоленскими Ростиславичами.

Много сил у Всеволода ушло на попытки подчинения Галицкой земли. После смерти Ярослава Осмомысла там начались раздоры, и с 1190 года Всеволод активно в них вмешивался. Двадцать лет, до самого конца жизни, он тщетно пытался присоединить к своему «гнезду» этот дальний регион, но лишь истощил силы и приобрел грозного врага, который в конце концов подорвет мощь Владимиро-Суздальской державы и разорит Всеволодово наследие.

> Мстислав Удатный, один из самых популярных персонажей древнерусской истории, был сыном того самого Мстислава Храброго, который одержал блестящую победу над огромной армией Боголюбского под Вышгородом в 1173 году. «Удатный» означает не только «удалой», но и «удачливый». Нельзя сказать, чтобы этому князю во всем

сопутствовала удача, но он легко оправлялся от поражений и, в общем, всегда выходил сухим из воды.

Мстислав Мстиславич не был «изгоем» в традиционном значении этого термина, поскольку с самого начала владел собственными землями, однако по неугомонности и авантюризму вполне может быть отнесен к этой гиперактивной категории Рюриковичей. Он не терпел спокойной жизни, не умел долго сидеть на месте. По словам Костомарова, «его побуждения и стремления были так же неопределенны, как стремления, управлявшие его веком».

Возможно, непоседливость Мстислава Удатного объясняется тем, что в эпоху приключений он вступил в зрелом уже возрасте и остаток жизни бурно тратил накопившуюся энергию. Подобно Илье Муромцу, он тридцать лет и три года «просидел на печи» — в доставшемся от отца Торопецком уезде, на Смоленщине.

Мстислав родился около 1176 года, а впервые заявил о себе в 1209 году. К тому времени его старшая дочь уже была замужем.

В это время у Всеволода Большое Гнездо возник конфликт с новгородцами. Он забрал с тамошнего княжения одного своего сына и вместо него посадил другого, не озаботясь получить одобрение веча. Горожане увидели в этом ущемление своих древних прав, взяли Всеволодовича с его людьми под стражу и отправили к торопецкому князю послов звать на «стол». Мстислав, отец которого в свое время княжил в Новгороде и был там популярен, откликнулся на зов. Он возглавил новгородское войско, выступил навстречу Всеволоду.

По своему обыкновению, Большое Гнездо предпочел войне компромисс. Он согласился оставить Мстислава на новгородском княжении, если тот признает великого князя «отцом» (то есть согласится на номинальное подчинение) и выпустит на свободу пленных. На том и договорились.

В Новгороде Мстислав некоторое время занимал себя походами против чуди и немецкого Ордена меченосцев. Завоевал выход к морю, награбил добычи, получил от финских племен дань.

В 1214 году нашлись дела и на Руси. Возникла ссора между Всеволодом Черниговским и наследниками Рюрика Ростиславича, у которых тот отобрал Киев. Мстислав охотно включился в эту ссору, сходил с войском на Днепр, разбил в сражении черниговцев и вернулся обратно.

Воевать поблизости было не с кем. Мстислав томился бездействием. Тут к нему явились посланцы от краковского князя Лешко с просьбой помочь в войне против венгров, захвативших Галич.

Мстислав распрощался с новгородцами и — редкий случай в истории — ушел с княжения добровольно. «Есть у меня дела на Руси, — сказал он, — а вы вольны в князьях».

Отправившись на запад, Мстислав победил венгров, сделался галицким князем, а свою дочь выдал за соседа и союзника — юного волынского князя (того самого, который войдет в историю под именем Даниила Галицкого).

Спокойно Мстислав сидел недолго. Он поссорился с поляками, был разбит и вернулся обратно в Новгород, откуда выгнал Всеволодова сына Ярослава (сам Всеволод к этому времени уже умер). Новгородцы с радостью приняли Удатного.

На владимирщине за наследие Большого Гнезда воевали двое братьев — Константин и Георгий (Юрий). Мстислав выступил на стороне первого.

Времена, когда противники договаривались миром, ушли вместе с мудрым Всеволодом. Уж Мстислав-то всегда предпочитал решать проблемы посредством меча. В 1216 году у реки Липицы произошло самое кровопролитное сражение в истории русских междоусобиц. Удатный показал себя героем. Он трижды пронесся насквозь взад и вперед через вражеские ряды, разя топором, который каким-то особенным образом привязывал к руке. Победа была сокрушительной.

После этой победы Удатный вернулся в Новгород и через некоторое время опять заскучал. «Хочу поискать Галича, а вас не забуду», — объявил он горожанам, и, сколько они его ни упрашивали остаться, отбыл прочь, теперь уже навсегда.

Мстиславу хотелось взять реванш за поражение в Галицком княжестве. К этому времени там уже снова утвердились венгры. В Галиче сидел королевич Коломан (Кальман), а войском командовал барон Фильний, которого Галицко-Волынская летопись называет «древле прегордый Филя». Поляки теперь были с венграми заодно.

В 1218 году Удатный явился туда со своей дружиной и союзными половцами. Состоялась жестокая сеча (у Мстислава все сечи были жестокими). Поляки опрокинули одну часть русского войска и погнали ее прочь. Тем временем Мстислав во главе другой части кинулся на венгров и разгромил их, захватив в плен самого «прегордого Филю». Когда усталые и обремененные добычей поляки с победными песнями вернулись на поле брани, их ждал сюрприз: Удатный напал на них и на голову разбил.

В Галиче Мстислав захватил королевича Коломана со всеми приближенными и еще некоторое время повоевал с венграми. В 1221 году война закончилась. Удатный выдал дочь за другого королевича, Андраша, и оставил княжество галицкое за собой.

Но и теперь ему хотелось новых приключений.

Вероятно, именно Мстислава следует считать главным виновником калкинской катастрофы, а возможно и всего татаро-монгольского

нашествия на Русь, поскольку благодаря этой победе монголы поняли, что русские князья не слишком опасные противники.

Дело было так.

В 1222 году к Мстиславу прибыл его тесть, половецкий хан Котян, и стал просить заступничества от огромной неведомой орды, движущейся с востока. Удатный начал подбивать князей на поход в степи.

Вскоре на Русь явились посланцы Чингис-хана с мирными предложениями: монголы будут воевать только против половцев, а русскую землю не тронут. Послов предали смерти — за это злодеяние князья потом заплатят дорогой ценой.

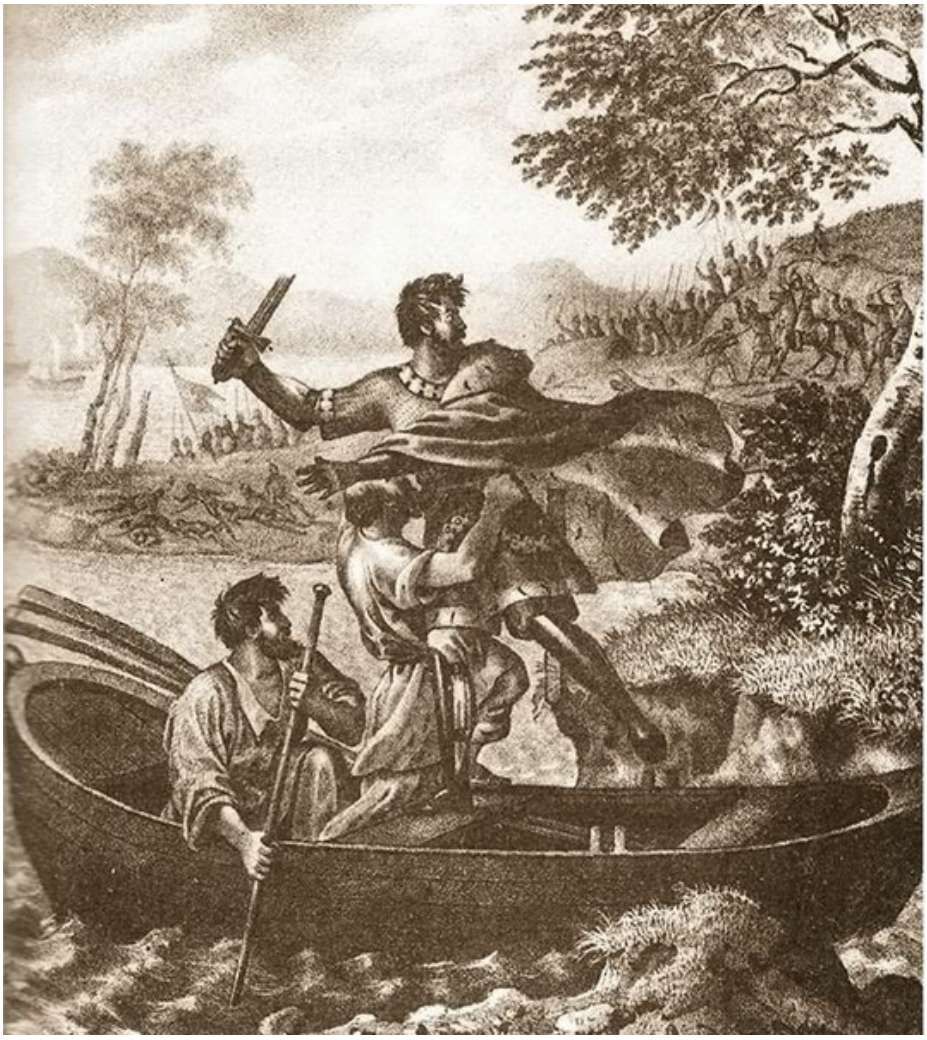
Во время битвы на Калке Мстислав, как обычно, первым ринулся в сражение — и первым был разбит. Противник, с которым столкнулось русское войско, оказался невиданно силен.

Одна за другой княжеские дружины терпели поражение и бежали к Днепру, но переправиться не могли, потому что Удатный, отступая, уничтожил все ладьи.

Дюжина князей попали в плен. Все они были преданы мучительной казни — в отместку за убитых послов.

С этого момента удача отвернулась от Удатного. Последние годы жизни он провел в Галиче, ссорясь со своими зятьями — Андрашем Венгерским и Даниилом Холмским, но былой силой и былым авторитетом уже не обладал.

Бегство Юрия Ростиславича после Липицы (А. Чориков)



Бегство Удатного (А. Чориков)

Мстиславу удалось так легко раздробить державу Всеволода Большое Гнездо всего через четыре года после его смерти, потому что владимирское государство к этому времени было ослаблено бесконечными войнами и к тому же не сумело избавиться от антагонизма между «старыми» и «новыми» городами.

Перед смертью Всеволод собирался сделать наследником старшего сына Константина, отдав Ростов другому сыну, Георгию, но Константин выражал недовольство, не желая делить княжество с братом. Тогда старый князь, рассердившись, назначил наследником Георгия.

После кончины Всеволода обойденный Константин сразу же предъявил свои права, в конфликт вмешался охочий до войны Мстислав Удатный — и вскоре государство раскололось.

В дальнейшем Владимирская земля раздробилась еще больше, разделившись на Суздальское, Ярославское, Переяславское, Ростовское и еще несколько удельных княжеств. И к моменту вторжения монголов северо-восточная Русь, которая, оставшись единой, могла бы дать серьезный отпор такому грозному врагу,

была разобщена и стала легкой добычей для орды. Великий князь не сумел собрать достаточно войска, пал в бою, и владимирские князья надолго стали вассалами золотоордынских ханов.

Новгородская республика

Особый путь

Новгород был самым долговечным из русских государств периода раздробленности — а в период своего расцвета и самым большим. Оно просуществовало в автономном, полунезависимом состоянии больше трех веков, поглощенное Москвой лишь во второй половине XV столетия.

В нашей истории Новгород стоит особняком. В силу ряда факторов его судьба складывалась совершенно иначе, чем у других российских регионов. Некоторые авторы до сих пор вздыхают, что Русь в своем государственном развитии пошла по «московскому», а не по «новгородскому» пути.

В период монгольского владычества, когда основная часть страны попала под власть Золотой Орды, а западные земли одна за другой вошли в литовскую державу, Новгородчина в культурном, политическом, да и этническом смысле оставалась единственным очагом беспримесной «русскости». Жители бывших новгородских владений и поныне слывут эталоном великорусского генетического типа — если считать таковым смешение восточно-славянского, финно-угорского и варяжского элементов.

При этом новгородская земля, как мы помним, исторически была колыбелью всей отечественной государственности. Именно здесь в середине IX века зародился импульс, приведший к созданию новой страны.

Никто наверняка не знает, почему самый древний из русских городов называется «Новым». Видимо, он считался таковым по отношению к какому-то другому городу — возможно, Старой Ладоге, варяжскому поселению, где первоначально утвердился полумифический Рюрик. Так или иначе, если Киев получил прозвание «матери русских городов», то их «отцом» безусловно следует полагать Новгород.

В Киевском государстве положение Новгорода было привилегированным, особенным. Его население пользовалось правами и преимуществами, которыми не обладали другие области. Помимо традиционного почтения к истоку великокняжеской власти это объяснялось еще двумя причинами. Во-первых, Новгород был северными воротами «пути из варяг в греки»; во-вторых, в случае конфликта с центром новгородцам было очень легко позвать на помощь своих соседей, воинственных норманнов — что несколько раз и происходило.

Однако в XII веке положение Новгорода претерпело существенные изменения.

Значение великого речного пути упало, что ослабило экономическую связь русского Северо-Запада с Юго-Востоком. В то же время у Новгорода развились собственные торговые отношения с балтийско-европейскими портами, и Киев в этих отношениях не участвовал. Новгородская боярско-купеческая элита перестала нуждаться в централизованной власти, а у киевских (позднее — владимиро-

суздальских) великих князей не хватало сил крепко привязать к себе богатую и могущественную область, способную за себя постоять.

С середины XIII века, после монгольского нашествия, у новгородцев появилось дополнительное основание держаться особняком от остальной Руси. Защищенный расстоянием, лесами и болотами, Новгород не был разорен Ордой, а впоследствии избежал оккупации. В этот период республика несомненно вовсе разорвала бы связь с, казалось, окончательно погибшей страной, если б не одно обстоятельство, сыгравшее роковую роль в истории новгородского государства.

Дело в том, что новгородцы, пользуясь выгодами торговли, мало развивали сельское хозяйство — суровый климат и скудные почвы делали этот труд слишком невыгодным. Проще и дешевле было закупать хлеб у соседей. Однако при всяком конфликте поставки прекращались, и Новгород оказывался перед угрозой голода. Силой оружия подчинить республику было непросто, а надолго там закрепиться и вовсе невозможно, но зависимость от импорта продовольствия крепко привязывала северян к остальной Руси, прежде всего владимиро-суздальской. В Новгороде всегда существовала сильная «суздальская» (потом — «московская») партия, жившая за счет хлебной торговли и отстаивавшая интересы великокняжеской власти. В конечном итоге эта продовольственная зависимость привела к падению купеческой республики.

Новгородский торг (А. Васнецов)

Но сначала давайте посмотрим, как возникло это уникальное для Руси государственное образование и как оно было устроено. (Если быть точным, похожее устройство имел еще Псков, но он постоянно находился в орбите влияния

своего «старшего брата», а то и официально становился частью новгородской республики, поэтому касаться истории псковского княжества мы не будем).

Власть Киева над отдаленной северной провинцией начала ослабевать после смерти Ярослава Мудрого. В течение следующего полувека вследствие чехарды на столичном престоле в Новгороде шесть раз сменялись князья, что поколебало престиж княжеской власти в городе, где издавна была сильна собственная торгово-земельная аристократия. Новгородцы, которые дважды успешно возводили на трон выдающихся правителей — Владимира Красно Солнышко и Ярослава Мудрого — всегда отличались своенравием и непокорностью. Еще в период формальной подчиненности Киеву, в 1102 году, произошел один характерный случай, ставший провозвестником грядущей независимости.

> Великий князь Святополк Изяславич договорился с Владимиром Мономахом, что сын последнего, Мстислав, уступит новгородское княжение Святополкову сыну Ярославу.
>
> Однако новгородцы с этим не согласились. Они заявили, что не хотят расставаться с полюбившимся им Мономашичем и Святополчича к себе не примут. Город посмел воспротивиться воле двух сильнейших феодалов тогдашней Руси, поставив под угрозу компромисс, который был достигнут Святополком и Мономахом с немалым трудом.
>
> Интересно, что великий князь не стал карать строптивцев, а пригласил их к себе для разбирательства. Новгородские послы прибыли в Киев и повели себя там удивительным для подданных образом. Когда Святополк начал настаивать на своем решении, северяне дерзко ответили: «Если у твоего сына две головы, пусть приезжает». Поразительная по наглости угроза, произнесенная в лицо монарху, прямо в его столице, не только осталась безнаказанной, но послы еще и добились своего. Великий князь поспорил-поспорил, да и уступил. Новгородцы вернулись обратно с Мстиславом, который еще долго после этого у них правил.

Авторитет центра совсем ослабел во второй четверти XII века, когда началось соперничество Мономашичей с Ольговичами. Новгородчина, как и другие русские земли, оказалась втянута в это нескончаемое противостояние, но не пожелала быть игрушкой в руках властолюбивых князей и предпочла взять свою судьбу в собственные руки.

Сын Мстислава Владимировича, столь любимого новгородцами, Всеволод Мстиславич, не пользовался в городе популярностью. Как выразился Костомаров, «характер у новгородцев отличался живостью и изменчивостью». В 1136 году они восстали и, сказав: «Ты посиди у нас, пока мы поищем себе другого князя», поместили Всеволода вместе со всей семьей под арест. Продержали князя в заточении несколько недель, а потом прогнали вон, обвинив в том, что он «не блюдет смердов», то есть плохо заботится о простых людях.

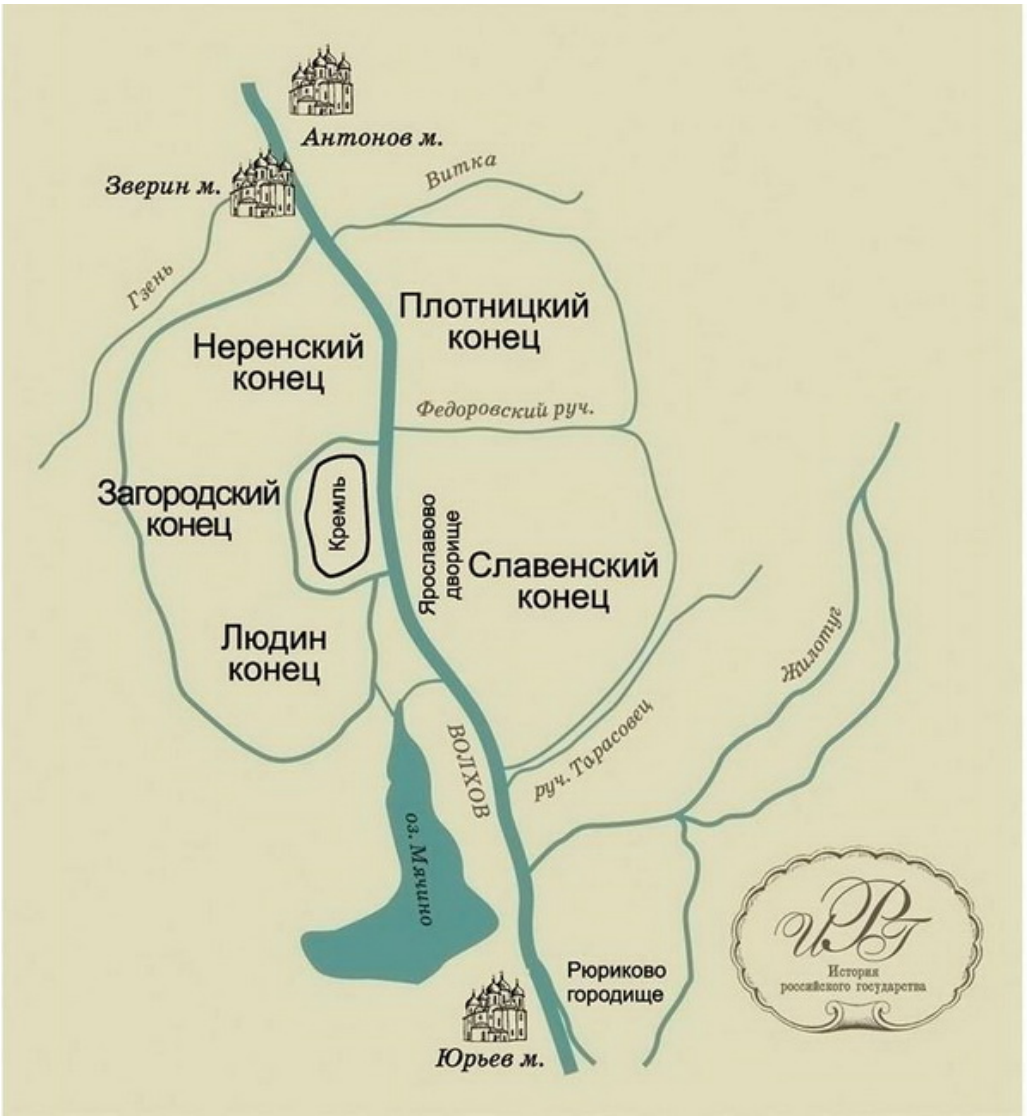
С этого момента Новгород переходит от единоличного княжеского правления к правлению коллегиальному, что и дает историкам основание называть это средневековое государство республикой, хотя установившийся здесь строй можно считать республиканским лишь со множеством оговорок.

Общественное устройство Господина Великого Новгорода

Кичливое самоназвание, напоминающее титулование другой средневековой купеческой республики, Венецианской (Serenissima Repubblica di Venezia), возникло не сразу, но постепенно вошло в дипломатический обиход и стало использоваться в официальных документах. В период максимального могущества территория Господина Великого Новгорода составляла половину всех русских земель.

Система управления этой большой страны заслуживает подробного рассказа.

Ее столица делилась на пять районов, называвшихся «концами», и за каждым из них была закреплена своя область, «пятина»: Водская, Обонежская, Бежецкая, Деревская и Шелонская.



Новгородские «концы» (М. Руданов)

На более позднем этапе, по мере расширения новгородских владений на север и восток, вплоть до Северного Ледовитого океана и Уральских гор, у республики появились колонии, именовавшиеся «волостями». Оттуда в метрополию везли товары: меха, пользовавшиеся в Европе неизменным спросом, поскольку без них был немыслим наряд мало-мальски состоятельного человека; воск, употреблявшийся в огромных количествах для изготовления свечей; сырую и выделанную кожу; мёд; моржовый клык. С Запада на Русь и дальше (новгородские купцы добирались до Средней Азии) везли ткани, железные изделия, вино. Особенным спросом пользовалось «красное» (то есть любое цветное, но прежде всего именно красное) сукно.

Сам город тоже разрастался. В некоторых источниках говорится, что в лучшие времена там жило 400 тысяч человек. Хоть эта цифра вне сомнений сильно

завышена, в XIV веке Новгород безусловно был самым большим и самым богатым городом Руси.

Его население делилось на три основных сословия: бояре, «житьи люди» и «черные люди». Все новгородцы, кроме того, неформально делились на «лучших» и на «меньших» (они же «старшие» и «молодшие») в зависимости не столько от родословия, сколько от капиталов — ведь государство жило исключительно торговыми интересами, и богатство ценилось выше аристократического происхождения. Юридически все лично свободные граждане считались совершенно равноправными.

Бояре были потомками старейшин еще дорюриковой эпохи и варяжских дружинников. Они владели поместьями, но при этом активно участвовали и в торговле — в качестве инвесторов.

Непосредственно коммерцией занимались купцы, входившие в сословие новгородского среднего класса — «житьих людей» (то есть в буквальном смысле «домовладельцев»). Торговые люди объединялись в «сотни», своего рода промышленные товарищества, каждое из которых имело свои традиции и собственный устав. Членство в самой почтенной из гильдий, именовавшейся «Ивановское Сто» (в честь церкви Святого Иоанна), обходилось в огромную сумму — 50 серебряных гривен.

Характерной чертой новгородской торговли было акционерное партнерство. Купец участвовал в операциях не столько личными капиталами, сколько средствами пайщиков, среди которых были и «лучшие», и «меньшие» новгородцы. Особой категорией «житьих людей» являлись «своеземцы» — мелкие землевладельцы, которые тоже вкладывали весь свой доход в торговлю.

Основную массу населения республики, разумеется, составлял низший класс, «черные люди»: крестьяне-смерды, а также ремесленники и мастеровые, не имевшие собственного дома. Но и они при малейшей возможности пускали свои небольшие средства в оборот, так что выгодами от торговли в той или иной степени пользовалось всё население за исключением «холопов» — неисправных должников, попавших в личную зависимость.

Имущественное неравенство в сочетании с декларируемым равноправием порождало обычную для протодемократических обществ социальную напряженность. Вражда между богатыми и бедными почти никогда не затухала, а иногда перерастала в открытое столкновение. В политическом смысле Новгород был очень неспокойным городом.

Как водится, обычно верх брала правящая элита, лучше организованная и обладавшая бóльшими ресурсами, но иногда победа давалась ей нелегко.

Так, в 1257 году произошло народное возмущение, погрузившее город в затяжной политический хаос. Монгольские послы добрались до Новгорода, чтобы собрать с него десятину — обычную дань, взимавшуюся с покоренных областей. Великий князь Александр

Невский, бывший в то время и князем новгородским, этому не противился, понимая, что перечить хану опасно. Сознавала это и боярская верхушка. Но простому народу соображения государственной политики были чужды, о разорении остальной Руси в Новгороде знали только понаслышке, и новый, невиданный прежде побор показался «черным людям» боярскими кознями. Татарских послов прогнали, городских начальников поубивали, посадили на их место собственных избранников. Наместник, сын великого князя, бежал.

Невский явился карать бунтовщиков и подавил мятеж с примерной жестокостью: кому-то отрезал носы, кому-то «выколупал» глаза. Но вскоре, в 1259 году, бунт вспыхнул с новой силой. Татары, заручившись поддержкой Александра, затеяли в Новгороде перепись, чтобы удобнее было исчислять дань. Ко всякого рода переписям низы во все времена относились с крайней подозрительностью, чувствуя в этой непонятной затее угрозу. Вновь произошло народное восстание, причем новгородские бояре перебежали во вражеский стан — к великому князю и татарам. Таким образом, конфликт из национального превратился в сословный.

Поскольку во всяком военном столкновении с внешним противником городское ополчение возглавляли воеводы из бояр, взбунтовавшиеся горожане оказались без командиров и не сумели собрать войско. В конце концов они были вынуждены смириться, но с этих пор вражда между низами и верхами еще больше усилилась — бояре стали восприниматься как татарские сторонники, что впоследствии еще не раз приводило к социальным столкновениям.

Главной особенностью политической жизни Новгорода был институт народного веча — общего собрания горожан, обладавшего высшими полномочиями. Вече призывало и прогоняло князей, объявляло войну и заключало мир, устанавливало законы — то есть выполняло функции некоего парламента, членство в котором принадлежало всему свободному мужскому населению.

Новгородское вече (К. Лебедев)

Эта форма решения важных вопросов сохранилась с родо-племенных времен и когда-то, по-видимому, существовала во всех древнерусских общинах, но постепенно была вытеснена княжеской властью и в полной мере осталась только на Новгородчине.

Город был разделен рекой Волхов на две части: Софийскую, названную в честь собора Святой Софии, и Торговую, где находился главный рынок. Там, на Торговой стороне, вокруг помоста и башни с вечевым колоколом, обычно и созывалось собрание.

Какого-либо регламента и вообще установленного механизма, кажется, не существовало. Понятия кворума тоже не было. Сколько людей собралось — столько собралось. Обычно вече созывалось по воле органов городского управления, но бывало и по-другому: группа решительно настроенных горожан начинала бить в колокол, требуя решения по какому-нибудь экстренному поводу.

Голосование велось на глаз, вернее на ухо: за какое предложение громче кричали, то и считалось принятым. При этом меньшинство не имело права остаться при своем мнении — требовалось, чтобы приговор был единогласным. Возражающих принуждали к согласию побоями. Если мнения разделялись примерно поровну (такое случалось нередко), собрание могло разойтись на два веча — одно шумело на Софийской стороне, второе на Торговой. Распалив себя, оппоненты сходились в драке на Великом мосту, соединявшем городские части. Однажды власти были вынуждены даже разломать этот мост, чтобы предотвратить кровавое побоище.

Некоторые историки и беллетристы, романтически воспевая новгородские вольности, описывают вечевую систему как утраченный рай исконно русского

народовластия, впоследствии задушенного Москвой. Но если это и была демократия, то весьма примитивного — можно даже сказать, дикого типа. От воли «черных людей», составлявших основную часть населения, на самом деле мало что зависело; да и не было у простолюдинов возможностей ни сформулировать свои требования, ни провести их в жизнь.

Вечевая форма управления была главной причиной внутренней нестабильности в феодальной республике. Со временем в Новгороде сформировалась целая индустрия манипулирования массовым сознанием, появились свои «политтехнологи». Возникли и специфические профессии, не встречавшиеся в других областях Руси.

У всякого влиятельного человека — боярина или богатого купца — имелись свои *крикуны*. Это были зычноголосые, хорошо организованные клакеры, способные переорать соперников на вече. При необходимости крикунов можно было и нанять. В случае чего эта группа поддерживала нужное решение не только луженой глоткой, но и крепкими кулаками.

Водились в Новгороде и так называемые *ябедники* — люди чрезвычайно опасные. Сговорившись между собой, ябедники начинали на вече возбуждать толпу против какой-нибудь заранее намеченной жертвы, обычно из числа городских богатеев. Часто возводили напраслину, благо возбужденная толпа не спрашивает доказательств. Заканчивалось тем, что двор обвиненного в злодействах человека громили, а имущество растаскивали. Потом за проявление «народной воли», выраженной на вече, карать было некого.

Но главной угрозой общественному спокойствию были *коромольники*. В отличие от ябедников, они затевали смуту не для того, чтобы нажиться на погроме, а чтобы прибрать к рукам власть в городе. Это были заговорщики, которые готовили и проводили вече таким образом, чтобы народ прогнал прежнюю администрацию и избрал новую. Новгородская история изобилует «конституционными переворотами» подобного сорта.

Другой особенностью политической жизни республики были *голки*: междоусобные столкновения между партиями. Дрались обычно без оружия, голыми руками и палками, так что убитых бывало немного, однако случались и большие кровопролития. Одной из обязанностей архиепископа и вообще духовенства было разнимать дерущихся, для чего иногда приходилось устраивать целые примирительные шествия с хоругвями и иконами.

Органы государственного управления

Изучать анатомию новгородской власти очень интересно, поскольку отдельные компоненты этого довольно сложного устройства распознаются и в

структуре современных демократий.

Настоящей властью народное вече, конечно, обладать не могло. Повседневным управлением занимался постоянно действующий правительственный орган — Совет господ. В него входили высшие государственные чиновники. Все они, вне зависимости от происхождения, назывались «боярами». Количество членов Совета постепенно, от века к веку, возрастало и в конечный период республики дошло до полусотни человек. Председательствовал архиепископ.

Помимо текущих административных забот Совет господ готовил новые законы и представлял их вечу на одобрение. При «площадной» системе принятия решений, да с заранее проинструктированными «крикунами», утверждение обычно было формальностью.

Наряду с этим коллегиальным органом в республике существовало четыре высших должности, функции которых отчасти совпадали, что часто становилось источником внутривластных трений.

Первым лицом или, как сказали бы сегодня, главой государства считался князь, однако после 1136 года эта фигура сделалась скорее декоративной. Лишь немногим особенно сильным личностям вроде Александра Невского удавалось, и то на недолгое время, играть в управлении лидирующую роль.

Князя приглашало вече, заключая с ним детальный договор — «ряд». Этот документ содержал множество ограничений и запретов. Так, князь не имел права единолично вершить суд, раздавать земли, назначать на ключевые посты своих людей, собирать дань, участвовать в торговле. За свою службу (это была именно служба, а не монаршее служение) князь получал единовременное вознаграждение и доход с нескольких строго оговоренных волостей.

Новгородские бояре

Положение князей было весьма непрочным. При малейшем недовольстве собиралось вече и прогоняло номинального правителя. Если воспользоваться аналогией с современными государственными формами, Новгород был не конституционной монархией, где государь несменяем, хоть и лишен реальной власти, а парламентской республикой, в которой сплошь и рядом случались президентские импичменты. За первые сто лет существования республики — от изгнания Всеволода Мстиславича до монгольского нашествия — княжеская власть сменилась в Новгороде 48 раз.

Может возникнуть вопрос: почему Новгород вовсе не отказался от князей, этого вроде бы излишнего элемента государственного устройства? Дело в том, что фигура князя новгородцам была не только необходима, но и выгодна. Этот торговый, прагматичный народ не стал бы тратиться на игрушечного монарха только ради того, «чтобы быть не хуже других».

Во-первых, князь был нужен в качестве третейского судьи, не принадлежавшего ни к одной из городских партий — а Новгород постоянно лихорадило из-за вражды между фракциями и «концами».

Во-вторых, во время войны новгородское войско мог возглавить лишь вождь со стороны — представитель какой-то одной группировки на эту роль не годился.

Ну а кроме того, садясь в Новгороде, князь давал тамошним купцам всяческие привилегии в своем родовом уделе. Вот почему чаще всего вече приглашало князей из соседнего Владимиро-Суздальского края, с которым республика вела жизненно важную торговлю. Из тех же соображений на более позднем этапе Новгород признавал над собой власть всех московских великих князей — разумеется, сугубо формально. Это, впрочем, не мешало городу по-прежнему приглашать к себе собственного князя, помогавшего поддерживать баланс противоречий и интересов.

Высшей инстанцией исполнительной власти, однако, являлся не князь, а посадник — на эту должность человек избирался вечем. С некоторой натяжкой можно считать посадника кем-то вроде премьер-министра. Как это часто случается в республиках парламентского типа, положение главы правительства было шатким. Посадник редко удерживался на должности больше одного-двух лет.

Другой ключевой фигурой был тысяцкий — охранитель торговых, то есть главных интересов новгородского государства.

Однако четкого разделения полномочий между князем, посадником и тысяцким всё же не существовало. Например, во время войны все они занимались сбором и вооружением ополчения; в значительной степени пересекались и их судебные функции. Князь не мог судить без посадника, посадник без князя, а при всякой торговой тяжбе дело попадало в компетенцию тысяцкого.

При такой перепутанности ветвей светской власти фактически первым в республике являлся владыка — архиепископ. Его авторитет был неизмеримо выше, чем у князя, посадника или тысяцкого, положение прочнее, организационная и финансовая база мощнее.

Новгород закрепил за собой редкую привилегию: здешнего архиерея не назначали сверху, а избирали волей народа из числа местного духовенства. Для этого вече собиралось на специальной площадке, у храма Святой Софии.

Там обычным для Новгорода образом выбирали, то есть, собственно, выкрикивали кандидатов. Три имени, получившие наибольшую поддержку, записывали на листки, которые клали на алтарь собора. Считалось, что окончательное решение по такому вопросу может принадлежать только Всевышнему. Ребенок или слепец брал наугад один из листков — этот кандидат и провозглашался владыкой. До 1156 года он титуловался епископом, затем архиепископом. (Этот обычай существовал не только в Новгороде. В относительно недавнем прошлом, в 1917 году, предстоятель русской православной церкви был избран по тому же древнему принципу. Митрополит Тихон, который на предварительном этапе набрал меньше всего голосов, стал патриархом по жребию).

Избранник новгородцев становился архиепископом не сразу. Сначала его «возводили на сени», то есть торжественно водворяли на владычьем подворье. После этого приходилось ждать (иной раз много месяцев), пока из Константинополя или, позднее, из Москвы прибудет митрополит, чтобы ввести новоизбранного в сан.

Собор Святой Софии

Владыка ведал отнюдь не только церковными делами. Он был хранителем государственной казны, следил за честностью торговли и, как уже говорилось, председательствовал в Совете господ.

Кроме того, архиепископ являлся крупнейшим землевладельцем, распоряжаясь доходами от обширных церковных угодий. Особое архиерейское учреждение, Дом Софии, руководило и религиозной, и мирской жизнью республики, для чего у владыки имелся собственный бюрократический штат — так называемые софияне, по-чиновничьи разделенные на чины и категории.

Из-за главенствующего положения архиепископа Новгород иногда называют теократическим государством, но это неверно, поскольку владыка не был единоличным правителем страны, да и религия не играла в жизни торговой республики такой уж важной роли, всегда подчиняясь интересам коммерции. Однако архиерей безусловно был могущественнейшим из новгородских феодалов и, по образцу европейских князей церкви, даже держал собственный полк — явление для Руси исключительное.

Меж двух огней

На протяжении всей своей истории республика была вынуждена вести трудную борьбу за политическую самостоятельность.

На первом этапе, в столетие, предшествующее монгольскому нашествию, основную опасность для Новгорода представляла быстро крепнущая Владимиро-Суздальская Русь.

Андрей Боголюбский подчинить Новгородчину силой оружия не сумел. Не удалось победить стойких новгородцев и Всеволоду Большое Гнездо, однако тот добился своего иными средствами: в руках у великого князя находилась хлебная торговля, без которой республика была обречена на голодную смерть. После смерти Всеволода Новгород сбросил власть владимирских князей, но проблему снабжения за последующие два с половиной столетия решить так и не сумел. Эта экономическая зависимость не позволяла республике окончательно обособиться от Руси, сделаться полностью независимой.

Имелась и еще одна причина, по которой Новгород был вынужден вновь и вновь просить Рюриковичей о помощи.

В XIII веке на западных рубежах возникла новая угроза, даже две. С одной стороны на Новгород нажимали шведы, стремившиеся утвердиться в восточной Балтике. С другой — наступал воинственный немецкий Орден Меченосцев, который под видом миссионерской деятельности среди язычников создал в Прибалтике собственное государство. Небольшая, но прекрасно вооруженная и организованная армия рыцарей-монахов была грозным противником для новгородского ополчения, состоявшего из непрофессиональных воинов. Без русских князей с их латными дружинами противостоять немцам и шведам Новгород не сумел бы. Подробно о борьбе новгородцев с европейской экспансией будет рассказано в следующем томе, пока же отмечу лишь, что всякий раз, отбив с

помощью призванного из Руси войска вражеское наступление, республика немедленно ополчалась против своих избавителей. Это воспринималось князьями как черная неблагодарность, но у Новгорода не было иного выхода. С 1259 года, когда Александр Невский силой включил республику в зону ордынского влияния, новгородцы жили в постоянном страхе перед вторжением татар и их вассалов — великих князей. Однако по сравнению с опасностью, исходившей от западных соседей, это зло воспринималось как меньшее. В конце концов, до Золотой Орды было далеко и от нее всегда можно было откупиться, а с русскими землями новгородцев соединяли язык, религия и общность культуры. При этом духовенство и социальные низы республики как правило тяготели к Руси, а высшее сословие, прочно связанное торговыми интересами с Западом, — скорее к Европе.

Новгородская земля на карте Руси (М. Руданов)

В коммерческом отношении Новгород очень сильно зависел от Ганзы, купеческого союза немецких городов, сформировавшегося в XIII веке. Сам Новгород членом Ганзы не был, но в городе находился один из крупнейших филиалов лиги, обладавший правами экстерриториальности.

Обмен товарами с Западом и поставки хлеба с Востока — две опоры, на которых держалось благополучие торговой республики. На протяжении трех с лишним столетий Новгороду удавалось балансировать на этом зыбком фундаменте, не только сохраняя самостоятельность, но и постоянно расширяясь на восток и северо-восток.

В XIV веке бывшая Киевская держава была разделена на три политически обособленных региона: ордынский, литовский и новгородский. Собственно русское государство утратило независимость, литовское княжество пока еще находилось на этапе становления, и казалось, что эстафету русской государственности, если ей вообще суждено сохраниться, примет огромный, богатый, культурно развитый Новгород. О том, почему этого не произошло, будет рассказано в главе, посвященной московско-новгородскому соперничеству.

Жизнь в Древней Руси

Страна Русь

До 1237 года Русь была хоть и отдаленной, но органичной частью европейского мира, в своем культурном развитии не уступая, а в некоторых аспектах — например, по части грамотности — и опережая многие страны континента (что, однако, не может считаться очень уж большим достижением, поскольку раннесредневековая Европа пребывала в варварстве — самой просвещенной и развитой частью тогдашней эйкумены были Византия и арабский Восток).

С монгольским вторжением история Руси заканчивается. Больше страны с таким названием уже никогда не будет. Появится великое княжество (потом царство) Московское, но это будет государство-метис сущностно иного цивилизационного типа: не европейского, а евроазиатского. Современная Россия — плод брачного союза между Западом и Востоком, заключенного отнюдь не по любви, это уже потом как-то стерпелось-слюбилось. Впрочем, в истории по любви, кажется, и не бывает.

В результате симбиоза цивилизаций многое было обретено, но многое и безвозвратно утрачено.

В последнем разделе я хотел бы коротко описать Россию, какой она была в своем первоначальном, «доазиатском» состоянии, накануне перемещения из одного культурно-политического пространства в другое. Эта трансформация сказалась на всех областях жизни, так что сегодня историкам бывает непросто определить, какой из компонентов русской материальной и бытовой культуры присущ ей изначально, а какой привнесен в ордынскую эпоху.

Поэтому данную главу можно было бы назвать «Прощание с изначальной Русью».

К тринадцатому веку страны фактически уже не существовало. Она распалась на несколько десятков княжеств, развивавшихся всяк своим путем, но люди, жившие в этих небольших государствах, говорили на одном языке, обладали общей культурой и ощущали себя если не единым народом (такого понятия в средние века еще не было), то единым этносом.

Историк Г.Вернадский, используя метод «обратного отсчета» от первой статистической переписи начала XVIII столетия, попытался установить, сколько людей жило в предмонгольской Руси. Получилась внушительная цифра: семь или восемь миллионов человек — примерно как в Германии, самом крупном регионе тогдашней Европы.

Русь в 1237 г (М. Руданов)

Не нужно думать, что в домонгольские времена население Руси было генетически однородным. В северных областях славяне перемешались с угро-финнами, в южных — с тюркскими племенами: потомками печенегов и половцами. Жили на Руси и «свои поганые» — небольшие степные народцы, проживавшие компактными анклавами. Они получили в летописях общее название «черных клобуков».

Как часто бывает в монархиях, наименьшую «чистоту крови» имели члены правящего дома, по политическим соображениям женившиеся на иноземных невестах. При этом с конца XI века особенно частыми сделались браки с

половецкими княжнами, то есть представительницами не просто другой нации, а другой расы. Таким образом, первыми русскими «азиатами» стали князья.

История династических связей дома Рюриковичей очень интересна, поскольку наглядно отражает смену геополитических приоритетов государства.

Древнерусские правители, как считает большинство историков, были норманского происхождения. Поначалу они сохраняли тесные отношения со Скандинавией через Новгород и Старую Ладогу, поэтому чаще всего женились сами или женили сыновей на дочерях конунгов.

У Владимира Святославича до его обращения в христианство было несколько варяжских жен. Ярослав Мудрый и его правнук Мстислав Великий были женаты на дочерях шведских королей. Несколько русских княжон стали норвежскими и датскими королевами.

По мере того, как возрастало политическое значение Киева, расширялась и матримониальная география Рюриковичей. В XI веке, когда Русь встала в ряд ведущих европейских держав, родство с бедными скандинавскими монархами утратило для великих князей былую привлекательность. Дочь Ярослава выходит замуж за французского короля, Владимир Мономах женится на английской принцессе. Двое великих князей, Святослав II и Изяслав II, имели жен германского происхождения, а у германского императора Генриха IV была русская супруга, дочь Всеволода Ярославича.

Родственные союзы с правящими домами соседних королевств — Венгрии, Польши, Чехии — были столь обыденным делом, что не привлекали особенного внимания летописцев и потому не поддаются исчислению. На протяжении двухсот лет западнорусские князья вели непрерывную борьбу со своими ближайшими соседями за спорные земли, и браки были одним из важнейших дипломатических инструментов, с помощью которого составлялись коалиции или закреплялись мирные соглашения. Известно, что по меньшей мере у четырех венгерских и у одиннадцати польских властителей были русские жены. Женитьбе не мешало даже разделение христианской церкви. Если иностранная принцесса выходила за русского князя, она переходила в православие. Точно так же и русская княжна принимала конфессию мужа. Обычно женщина брала при этом и новое имя, более привычное для нового отечества (к примеру, Евпраксия Всеволодовна, став германской императрицей, сделалась Адельгейдой).

Но во все времена первостепенное значение для Рюриковичей имели отношения с императорским домом Византии, которая вплоть до взятия Константинополя крестоносцами (1204) являлась главной державой христианского мира, а на Руси воспринималась как образец для подражания.

Как известно, женитьба на византийской царевне стала для Владимира Красно Солнышко чуть ли не главным стимулом для обращения своей страны в христианство. Брак «варвара» с багрянородной принцессой потряс тогдашнюю Европу. Впоследствии родственные союзы великих князей с базилевсами такого фурора уже не вызывали и считались событием вполне заурядным, почти внутрисемейным, поскольку Русь присоединилась к православному византийскому миру, подчинившись Царьграду если не в политическом, то в церковном отношении.

Рюриковичи не чувствовали себя в Константинополе чужими, поскольку имели там родню. В Византию по-семейному высылали с Руси непутевых или докучливых родственников, и они находили там хороший прием. Иногда возвращались обратно, иногда оставались навсегда. Русь тоже давала пристанище опальным греческим царевичам вроде Льва Диогена или Андроника Комнина.

Монгольское завоевание разорвало родственные связи с западными дворами и надолго отменило браки с европейскими династиями. Начиная с середины XIII века самой завидной невестой для русского князя будет ордынская царевна, а самым желанным тестем — татарский хан.

Социальная пирамида дервнерусского общества, в общем, мало отличалась от общеевропейской.

Во главе иерархии находился князь из рода Рюриковичей, опиравшийся на аристократию (бояр) и личную регулярную армию — дружину, иногда весьма многочисленную (у Владимира Красно Солнышко на службе состояли восемь тысяч воинов). Боярство сформировалось из потомков старших дружинников и прежней родовой старшины. Этническое происхождение этого сословия было пестрым: в дружинах первых князей кроме варягов и славян было много пришлых храбрецов самых разных племен — такие люди всегда искали и находили службу при каком-нибудь богатом дворе.

Двор удельного князя (А. Васнецов)

Основным контингентом княжеской гвардии были гриди, младшие дружинники. Из них возник новый служилый класс, который уже с конца XII века стали называть «дворянами», то есть «состоящими при дворе».

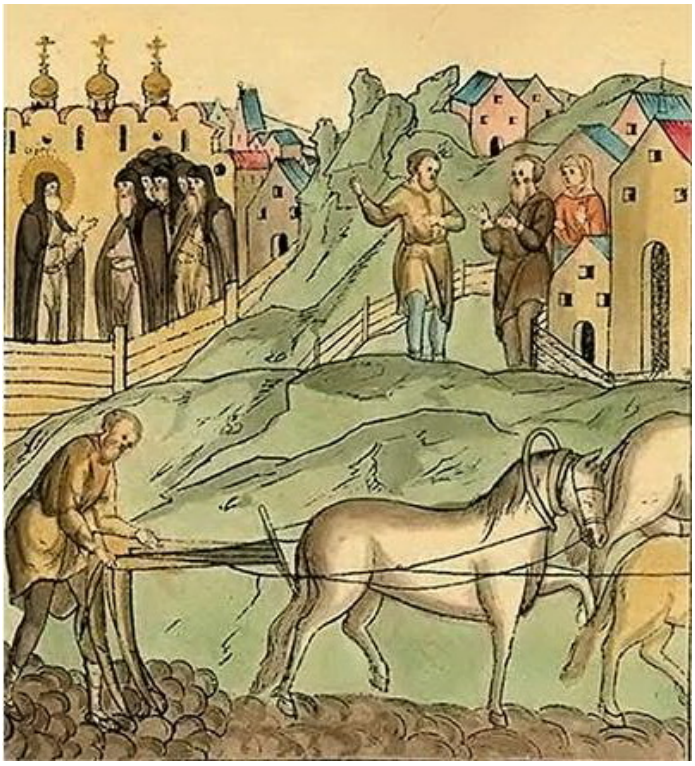
«Средний класс» жил в основном в городах. К нему относились купцы и зажиточные ремесленники-домовладельцы.

Особняком, по собственным законам и с собственной иерархией, существовало духовенство, в XIII веке уже довольно многочисленное.

Однако основную массу населения составляли крестьяне-смерды и городская беднота — «молодшие люди». Они были лично свободны, но обложены данью и всевозможными податями.

Наконец, в самом низу пирамиды находились бесправные холопы. В рабство захватывали чужаков во время военных набегов; кто-то добровольно продавался в кабалу за деньги и содержание; кто-то не мог расплатиться с долгами; от свободы приходилось отказываться и тем, кто женился на холопке.

По терминологии, принятой в «Русской правде», население страны делилось на «мужей» (аристократию), «людей» (свободных горожан с крестьянами) и «челядь» (рабов).



Страна Русь: молятся и пашут

Радзивилловская летопись

Законы на Руси были совершенно европейского извода, они сложились из смешения двух разных юридических систем — германской и византийской. Первая для славян была традиционной, еще докиевской, впоследствии усиленной варяжским влиянием. Вторую, базирующуюся на римском праве, верховная власть начала вводить после крещения.

Когда сопоставляешь законы и обычаи древнерусского государства с правовой практикой, сложившейся в эпоху позднего средневековья, сравнение получается не в пользу Московского периода. В домонгольской Руси человек жил намного свободнее, а правосудие было куда менее жестоким. Так, законы Ярославичей в перечне уголовных наказаний не предусматривают смертной казни. Вместо нее существовала детальная сетка денежных штрафов — атрибут древнего германского права.

Не было на Руси и крепостничества. Смерды были лично свободны и могли передавать свои земельные наделы по наследству. Они не были привязаны ни к феодалу, ни к помещику.

Несравненно лучше было положение женщины — как юридическое, так и бытовое. Обычным делом считалось обучение девочек грамоте. Жена в браке сохраняла свою собственность, в некоторых случаях могла потребовать развода, а после смерти мужа становилась главой семьи. Женщины держались намного независимей, чем в последующие века. В русской истории даже был период, когда всей державой единолично управляла женщина — княгиня Ольга. В Руси

московской такое станет возможно лишь на самом излете «неевропейского» периода государственной истории — в конце XVII века, при царевне Софье.

Ранняя церковь

В жизни первого русского государства было очень велико влияние церкви — не религии, а именно церкви, поскольку Русь в значительной степени продолжала оставаться страной языческой. Церковь церковью, молитвы молитвами, а верования — дело иное.

Простолюдины — в особенности обитатели глухих мест, отдаленных от городов с их соборами и монастырями — крестились, венчались, ложились в освященную землю после отпевания, но при этом продолжали слушать волхвов и поклоняться старым богам. Посты не исполнялись, новые религиозные обряды приживались с трудом. Церковь пыталась придать «поганым» ритуалам новый смысл, совмещая христианские праздники (Пасху, Рождество, Троицу, Успение) с языческими, ориентированными на природные явления; вместо громовержца Перуна предлагалось чтить Илью-Пророка, вместо «скотьего бога» Велеса — святого Власа, покровителя скотоводов, и так далее. В результате на Руси, как во многих странах-неофитах, произошла контаминация религий, которую историки называют «двоеверием».

На разных этапах российской истории общественная роль христианской церкви менялась. Бывали периоды, когда ее влияние ослабевало или становилось реакционным, но в целом православие оказало чрезвычайно благотворное влияние на развитие государства. Без православной церкви Россия как государство не сформировалась бы, а затем, после полного распада, не возродилась бы вновь.

В политическом отношении церковь всегда была сторонницей централизации и проповедницей гражданского мира. Она помогла Владимиру Святому и Ярославу Мудрому создать единую державу, а в эпоху междоусобиц призывала князей к согласию. С ослаблением власти великих князей авторитет духовных пастырей только возрос. Ко времени монгольского нашествия церковные узы соединяли Русь крепче политических — это одна из причин, по которым русский народ сумел сохранить внутреннее единство даже в условиях потери независимости.

Примечательно, что, хотя русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху, который присылал в Киев своих митрополитов (за все время только двое из них были русскими), это не превратило ее в инструмент византийского политического влияния. Культурного, юридического — да, но не политического. Оказавшись на Руси, греческие клирики становились русскими. Многие из них впоследствии вошли в пантеон национальных святых.

Строительство монастыря (Житие Сергия Радонежского)

Более того, независимость митрополии от великокняжеского престола была стране на пользу. Иерархам, конечно, приходилось считаться со светскими правителями (что предписывается и христианским каноном), но довольно было того, что мирская власть не могла диктовать церкви свою волю в приказном порядке.

Каждый князь, утвердившись в своем уделе, стремился и к автономии церковной, добиваясь учреждения в его владениях собственной епархии. Если при Владимире на Руси было только восемь диоцезов, то перед нашествием их насчитывалось уже пятнадцать.

Как и ныне, духовенство делилось на «черное» и «белое», причем второй категории дозволялось вступать в брак. Благодаря этому духовное сословие на Руси пополнялось не так, как на целибатном католическом Западе, а в основном «естественным» путем: дети попов и дьяконов, с малолетства зная грамоту и службу, часто сами становились священниками или причетниками.

Монастырская больница (Житие Сергия Радонежского)

Монастырей на Руси было немного — к середине тринадцатого столетия их насчитывалось только пятьдесят восемь. Характерная особенность эпохи заключается в том, что обители располагались почти исключительно в городах, являясь важными центрами не только религиозной, но и культурной жизни. (Первые исторические хроники были написаны именно в монашеских кельях). В последующие века обычной локацией для русского монастыря станет «пустыня», изолированная от людских скопищ: леса, дальние озера, острова.

Главной заслугой церкви в описываемый период, пожалуй, была не политическая или культурная деятельность, а тот этический переворот, который христианство произвело в умах и сердцах. Православие часто критикуют за различные прегрешения его иерархов (паршивых овец в этой среде всегда хватало), однако же на протяжении всего средневековья именно церковь задавала ориентиры нравственного поведения. Она, конечно, не могла искоренить пороки и преступления, но ввела в повседневный обиход понятия раскаяния и совести. Свою главную миссию по отношению к светской власти церковь видела в том, чтобы усовестить земных владык. Иногда это даже удавалось.

Поскольку все души равны перед Христом, церковь непримиримо относилась к рабству. Архиереи и монастыри не держали на своих землях холопов.

Благодаря христианству с его призывом к состраданию на Руси возникла традиция помогать обездоленным. Церковь и в особенности монастыри подавали пример, заботясь о нищих, больных, калеках и сиротах, а также побуждали к благотворительности князей и княгинь.

Церковь была главным двигателем культуры и искусства — в ту эпоху оно могло быть только религиозным.

Еще важнее роль, которую духовенство, самое просвещенное сословие того времени, играло в распространении книжности.

Русская образованность

Национальная культура в высоком смысле этого термина напрямую не связана с политической историей, которой посвящено данное сочинение, к тому же эта тема слишком обширна, чтобы затрагивать ее по касательной, но вот ее общественно-бытовой аспект — уровень образованности населения — обойти стороной ни в коем случае нельзя. Книжность, грамотность (а в средние века образование сводилось к умению читать и писать) является одним из основных параметров, по которым определяются качество жизни и уровень развития цивилизации.

В этом отношении Древняя Русь существенно превосходила показатели более позднего времени.

От Киевской и пост-Киевской эпох остались выдающиеся литературные памятники: летописи, религиозные трактаты, великокняжеские поучения (самое яркое из них — «Поучение Владимира Мономаха»), наконец первая русская поэма — «Слово о полку Игореве». Однако еще важнее то, что к началу тринадцатого века высокий процент населения, во всяком случае городского, был грамотен.

Еще Владимир Красно Солнышко в конце X века стал устраивать первые школы, насильно забирая туда детей. В ту пору на Руси чтение книг слыло занятием экзотическим, поэтому матери плакали по своим чадам, «акы по мерьтвуце», не понимая, зачем подвергать малюток неведомой муке. Князь, разумеется, руководствовался практическими соображениями: требовалось как можно скорее создать новое сословие — духовенство, которое вытеснило бы языческих жрецов, а попом мог стать только человек, способный читать Библию.

Псалтырь (XIV век)

Начинание Владимира продолжили и другие князья, открыв школы во всех русских городах. Делом образования руководила (и в значительной степени финансировала его) церковь. Детей учили читать по Псалтырю и Часослову.

Любопытно, что развитие математики тоже в основном поощряла церковь. Кто-то ведь должен был составлять таблицы, по которым загодя исчислялись бы пасхальные праздники. В Древней Руси умели вести счет до десяти миллионов — дальше было незачем.

Не все, кто отучился в школе, шли в священники или на административную службу. Грамотность была широко распространена среди всего городского «среднего класса». В учение отдавали и девочек, что для средневековой Европы большая редкость.

> Историки долгое время и не подозревали, до какой степени демократичной была древнерусская книжность, но в 1951 году в культурном слое Новгорода археологи обнаружили первую бересту. После этого пришлось существенно скорректировать представления об уровне образования далеких предков.
>
> Оказалось, что в те времена люди использовали в качестве дешевого пишущего материала полоски березовой коры, на которой специальной палочкой (она называлась «писало») процарапывали буквы. Пергамент был дорог и использовался для важных документов, а для переписки

частной или малозначащей брали белую бересту. Чаще всего это полоски длиной двадцать, а шириной шесть-восемь сантиметров.

Всего таких находок обнаружено около тысячи, подавляющее большинство — в Новгороде. Это объясняется не тем, что новгородцы были грамотнее, а особенностями почвы, хорошо обеспечивающей сохранность органических материалов. Примерно к XV веку берестой пользоваться перестали, потому что сильно подешевела бумага. А поскольку она (да и чернила) менее долговечна, о быте Древней Руси мы сегодня знаем больше, чем о частной жизни эпохи позднего средневековья.

Уникальность берестяных грамот именно в том и состоит, что почти все они про «неважное». Ни официальных текстов, ни молитвословий, а лишь кусочки живой эфемерной действительности: торговые памятки, наскоро накарябанные записочки, вежливые приветы или грозные предупреждения. Оказалось, что писать умели не только священники и знать, но и самые обычные люди. Многие бересты разорваны — и это естественно: человек получил маловажное письмецо, просмотрел, да и разорвал, чтоб не прочли чужие. Обрывки кинул на мостовую, в грязь. Потом сверху положили новый бревенчатый настил, потом еще и еще (в некоторых местах Новгорода мостовые лежат одна на другой восьмиметровым слоем). А через много веков археологи разобрали все эти наслоения и нашли отлично сохранившиеся письмена.

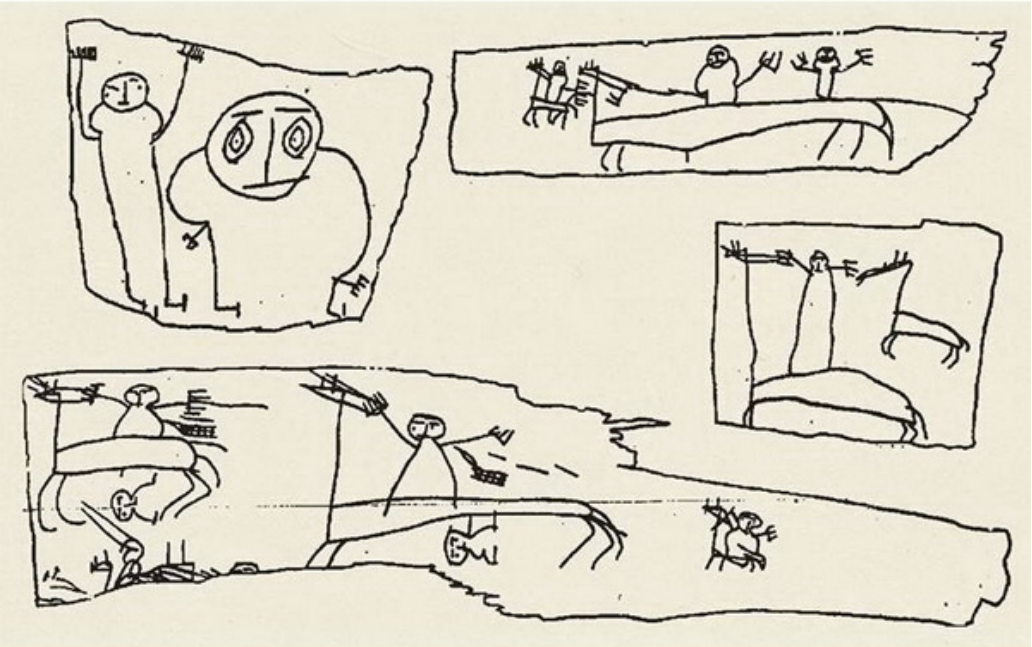
Самая занятная и, наверное, самая знаменитая находка — каракули мальчика Онфима, который бежал то ли в школу, то ли из школы и по дороге обронил свои «тетрадки». Судя по рисункам, которыми развлекался на уроке маленький новгородец, ему было никак не больше шести-семи лет.

Имя растяпы мы знаем, потому что Онфим любовно его нацарапал несколько раз. Сохранились упражнения, которые мальчику задавали в школе, азбука и набор слогов.

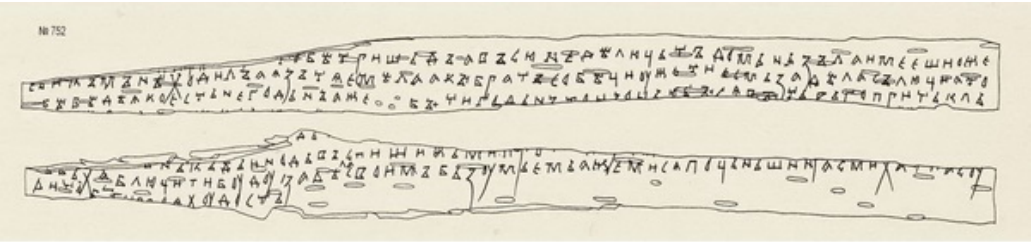
Пожалуй, главной сенсацией стала высокая пропорция женских писем. Ранее считалось, что в средние века женщин не обучали грамоте, однако новгородские жительницы отлично ею владели. Одной из самых первых находок была береста № 9 (они все известны под номерами, по очередности обнаружения), в которой некая Гостята жалуется какому-то Василю на негодяя-мужа: выгнал из дому, женился на другой, а приданого назад не отдает.

Из берестяных эпистол нам известно, что в Древней Руси женщины жили и проявляли свои чувства гораздо свободнее, чем впоследствии. Сохранилось страстное письмо брошеной возлюбленной XI века (береста № 752), которое в переводе на современный язык звучит так: «Трижды посылала за тобой. За что ты затаил на меня зло, почему не приходишь целую неделю? Я относилась к тебе, как к брату. Или тебя

задело, что я к тебе посылала? Вижу, что не люба тебе. Если б любил, ты бы сумел освободиться и прибежал». Далее можно разобрать лишь отрывки: «Если я по своему безумию тебя задела…» и «Если станешь надо мной насмехаться, то тебя за это осудят Бог и я, несчастная». Грамотка найдена разорванной на две полоски. Очевидно, любовник разозлился на такую настырность.



Рисунки Онфима. Естественно, что-то военное.



Береста № 752

В последующие столетия женщин на Руси учить письму перестали, да и среди мужчин грамотность стала большой редкостью, привилегией духовного и (лишь отчасти) аристократического сословий. В результате утраты независимости и разорения сильно понизился общий уровень культуры. Жизнь стала скуднее, население угнетенней. В начале двадцатого века процент грамотных в России, вероятно, был ниже, чем за тысячу лет до этого.

Чем жили

Одной из причин распада Киевского государства стала экономическая катастрофа, произошедшая в XII веке и подорвавшая основу благосостояния страны.

Русь возникла на великом товарном пути «из варяг в греки». Становым хребтом государства была речная магистраль, главным источником существования — участие в торговле, причем не столько собственный экспорт, который не отличался разнообразием (меха, продукты бортничества, рабы), сколько обслуживание транзита: строительство лодок, взимание пошлин, работа на волоках. Собственное сельское хозяйство на Руси в ту пору было развито слабо, даже зерно приходилось ввозить из-за рубежа.

Но в XII веке между Европой и Востоком возникли более удобные маршруты, а в 1204 году померкла звезда разоренного крестоносцами Константинополя. Речная торговля полностью не прекратилась, но она была уже не в состоянии поддерживать страну с населением в семь или восемь миллионов человек. И тогда власть Киева ослабела, поскольку он утратил ключевую роль в экономике; усилились центробежные настроения в регионах.

Однако нет худа без добра. В двенадцатом веке на периферии начала активно развиваться местная хозяйственная жизнь, возникли новые товарные пути, понемногу стали появляться сухопутные дороги, население двинулось от речных берегов вглубь леса, расчищая землю для хлебопашества.

Колесный плуг (Радзивилловская летопись)

Медвежья охота (Ксилография XVIII века), но принцип тот же

Потребность в самообеспечении продовольствием дала мощный толчок развитию сельскохозяйственных технологий. К тому же оказалось, что лесные просторы русской равнины небесконечны: все время перемещаться на новое место после истощения почвы уже нельзя. Надо было устраиваться на своем участке основательней. Возникла трехпольная система, которая позволяла земле накопить новые соки. Мотыгу сменила соха. Потом на сохе появился железный лемех. Каждый из этих шажков становился настоящей революцией в аграрном производстве.

В южных областях, где климат был теплее, а почвы богаче, выращивали пшеницу, гречиху, полбу. На севере — в основном рожь, овес, ячмень. Трехполье дало толчок производству незерновых культур: льна, конопли, продуктов огородничества.

Из-за половецких набегов и вечных княжеских междоусобиц крестьяне переселялись с терзаемого войнами юга на более спокойный север, который начал развиваться ускоренными темпами. Хоть черноземные поля располагались в степной зоне, именно Владимирщина превратилась в главного поставщика зерна.

В политическом смысле кризис транзитной торговли означал, что Русь должна перейти от «открытой» экономики, ориентированной на экспортно-импортные отношения, к экономике «закрытой», которая зиждится на самообеспечении. Собственными ресурсами стремилось обходиться и каждое из обособившихся княжеств.

Ко времени нашествия экономическая жизнь Руси была разнообразней и сложнее, чем во времена Владимира Красно Солнышко или Ярослава Мудрого.

Помимо хлебопашества, ставшего главным занятием населения, развивалось и скотоводство. Если древние славяне по большей части ограничивались разведением свиней, то при луговой системе появилась возможность держать коров, в результате чего возникло молочное хозяйство. Таким образом, в хлебно-молочную крестьянскую страну Россия начала превращаться незадолго до монгольского ига — и сохраняла этот свой облик вплоть до сталинской коллективизации.

Однако не исчезло и значение древних промыслов — охоты, рыболовства. Обилие зверя, дичи и рыбы было своего рода подстраховкой от ненадежности крестьянского существования. В хрониках этого периода часто говорится о засухах и неурожаях, но о большом голоде с человеческими жертвами только дважды (в 1127 и 1230 г.г.). Если не уродился хлеб, спасали лес и река.

Охотничье искусство стояло на высоком уровне. Большие княжеские охоты по размаху и организованности напоминали боевые операции. Огромные участки леса огораживались длинными сетями, целые отряды загонщиков направляли зверей к нужному месту. В «Поучении Мономаха» великий князь перечисляет свои охотничьи достижения в одном ряду с государственными и военными свершениями. Держали специально обученных псов, соколов, даже дрессированных барсов (эта византийская наука была утрачена егермейстерами последующих веков). Обычные люди, конечно, охотились попросту: стрелами, копьями, ловушками и силками, но, в отличие от князей и бояр, не ради забавы, а для пропитания.

Варение соли (Миниатюра из рукописи «Житие Зосимы и Савватия»)

Рыболовство на реках и озерах существовало издревле, но получило особенное развитие в связи с христианизацией, поскольку спрос на рыбу сильно увеличивался во время религиозных постов. Отдельным направлением водного промысла была добыча ворвани и моржовых клыков («рыбьего зуба»), доходных статей новгородского экспорта.

Важной отраслью хозяйства в домонгольской Руси было бортничество. Мед в основном потреблялся на внутреннем рынке (преимущественно для винокуренных целей), а воск, пользовавшийся постоянным спросом для свечного производства, в значительной степени шел в Византию и Западную Европу.

Вторым по значению «стратегическим» пищевым продуктом после хлеба считалась соль. На русских территориях ее добывали новгородцы, выпаривая морскую воду на огромных сковородах, и галичане, имевшие в Карпатах соляные копи. Этого не хватало, и возник прибыльный промысел — доставка соли с берегов Черного моря. Соль на Руси была традиционным дефицитом и предметом спекуляций, из-за чего подчас случались народные волнения.

Большой проблемой России во все времена являлось дорожное сообщение, затрудненное огромными расстояниями и в особенности скверным климатом. Пока главными транспортными артериями оставались реки, путешествия и доставка

грузов были относительно просты — но не весной, в период ледохода, и не летом, во время суши.

Когда жизнь передвинулась от речных берегов вглубь, возникла потребность в дорогах. Она так и осталась нерешенной. Торных путей было очень мало. Весной и осенью из-за распутицы движение по ним практически прекращалось. Обилие водных преград при почти полном отсутствии мостов создавало дополнительные трудности.

В тринадцатом веке, как и в дорюриковские времена, все основные поездки совершались зимой, на санях — либо, если была такая возможность, по воде. Инфраструктуры как таковой, в общем, не существовало — за исключением дорог, соединявших близко расположенные города.

О промышленности применительно к тринадцатому веку говорить, конечно, не приходится, однако некоторые производства на Руси все же существовали, хоть и не имели экспортного значения. Вся продукция русских артелей и мастерских была рассчитана на внутреннее потребление. Чуть не во всяком крестьянском доме изготавливали ткань, в каждой деревне был свой гончар. Пожалуй, единственным промышленным товаром, вывозившимся за рубеж, являлась юфть — мягкая кожа особой выделки, очень ценившаяся в Европе.

Русский топор XIII века

На хорошем уровне в Древней Руси находилась металлургия — точнее, обработка железа, поскольку никаких других руд на территории страны не было. И медь, и олово, и свинец доставляли из-за границы. Зато залежей железа было много.

Русское оружие по качеству не уступало иноземному, а кольчуги пожалуй что и превосходили. Особенно хороши были топоры.

На Руси отсутствовала добыча драгоценных металлов, поэтому серебро ввозили и из Европы, и из Азии, и из Византии. Еще труднее приходилось с золотом — его удавалось получать только через греков. А между тем без золота и в особенности без серебра, главного менового эквивалента эпохи, были бы невозможны денежные отношения, к тринадцатому веку уже совершенно вытеснившие натуральный обмен.

Когда-то, в докиевский период, у лесных племен Восточной Европы главным платежным средством были меха, в зависимости от редкости имевшие каждый свою цену. Отзвуки тех времен прослеживаются и в терминологии новой, серебряной эпохи.

При том что главной денежной единицей была гривна (в начале XIII века — около 200 грамм серебра), серебро считалось также на куны (от «куница»), векши (старинное название белки) и белы (горностай — «большая белка»).

На Руси имели хождение монеты разных стран — в основном арабские и византийские. Их стоимость определялась не номиналом, который не всегда мог быть прочитан, а весом серебра. При Владимире Красно Солнышко начали чеканить и собственную монету — сребреники и златники. Последние производились очень недолго, до настоящего времени сохранилось всего десять штук. Вообще золото почти не применялось для расчетов, его было слишком мало. Золотые монеты чаще использовались как украшение.

Златник (XI век),

Серебро «безмонетного» периода

В двенадцатом веке начался кризис ликвидности — на Востоке истощились запасы серебра и приток дирхемов иссяк. На Руси наступил так называемый «безмонетный» период, когда для взаиморасчетов использовали серебряные слитки и обрубки стандартного веса.

Однако и в таких условиях денежное обращение не прекратилось — обходиться без него было невозможно.

Как воевали

Вероятно, деньги славянам поначалу понадобились не для торговли, а для расчета с наемными варяжскими дружинами, которые еще в догосударственные времена содержал всякий большой город.

Содержание дружины и вообще расходы на военное дело были главной статьей бюджета централизованной Руси и всех русских княжеств периода раздробленности. От состояния армии, от вооружения зависело, сохранится ли государство.

На первом этапе своей истории, во времена Олега, Игоря и Святослава, киевская держава была военной и в значительной степени существовала за счет грабежа чужих земель, подчас совершая для этого весьма дальние походы. Ничего удивительного в этом нет — ведь днепровское государство было основано (если называть вещи своими именами) бандой разбойников-варягов, которые еще долго сохраняли приверженность своим хищным обычаям.

Но прошло несколько поколений. Норманны осели, обрусели. Князья из лихих хевдингов превратились в правителей большого государства, которое нужно было строить и развивать. Воевали русские по-прежнему много, но с XI века это чаще всего были оборонительные войны — главным образом со Степью.

Русское войско XII–XIII веков сильно отличалось от варяжско-славянских дружин ранней эпохи.

Состояло оно из четырех частей.

Во-первых, из княжеской дружины — относительно небольшой, но обладавшей высокими боевыми качествами. Это были профессиональные воины, хорошо вооруженные и в основном конные.

Свои собственные отряды приводили на войну и бояре. По качеству эти воины мало отличались от княжеских, однако их лояльность обуславливалась внутриполитической ситуацией. В период междоусобиц нередко случалось, особенно в западных областях, что бояре оказывались в оппозиции к сюзерену и могли переметнуться на другую сторону.

Когда возникала опасность для государства, собиралось ополчение из мирных жителей — оно-то и составляло основную массу войска во всех больших битвах. Русская армия времен Андрея Боголюбского могла доходить до пятидесяти тысяч человек — огромная цифра для европейского средневековья. Однако вооружены ополченцы были плохо (смерды — только топорами), доспехов они не имели, сражались по преимуществу пешими. Особенной стойкости от такого войска ожидать не приходилось.

Поскольку кавалерии в русской армии недоставало, важную роль играла азиатская конница. Она могла состоять из «своих поганых», то есть служилых «черных клобуков», или из союзников-половцев. Именно этот легкоподвижный контингент обеспечивал маневренность и осуществлял преследование разбитого неприятеля в случае победы.

Традиционным боевым построением во время сражения было деление на «полки»: головной — впереди, «крылья» — на флангах. Каждый из полков строился треугольником — острой стороной (где были собраны лучшие воины) к врагу. Степная конница обычно обстреливала противника из луков и пыталась расстроить его ряды. Основной удар наносила кольчужная дружина.

Дружинник, ополченец, «черный клобук» (И. Сакуров)

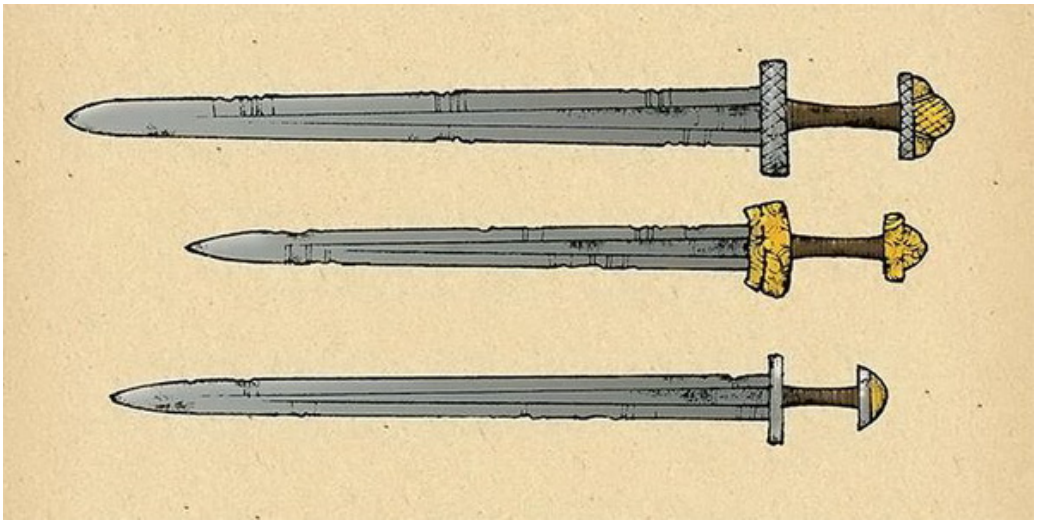
Слабой стороной русской армии являлось управление. Большое войско можно было собрать, только составив коалицию, но при этом каждый князь распоряжался своим отрядом по собственному усмотрению. Часто случалось, что кто-то бросался в наступление, когда ему вздумается. Бывало и так, что одна часть армии истекает кровью, а остальные полки бездействуют. При столкновениях с половцами русское войско одерживало победу всякий раз, когда действовало согласно — и терпело поражение, когда билось разрозненно.

Плохо было организовано и снабжение в походе. Во времена Святослава, совершавшего быстрые броски, «подобно барсу», воевали налегке, с одной дружиной. Теперь же армию сопровождал огромный обоз с провиантом, шатрами,

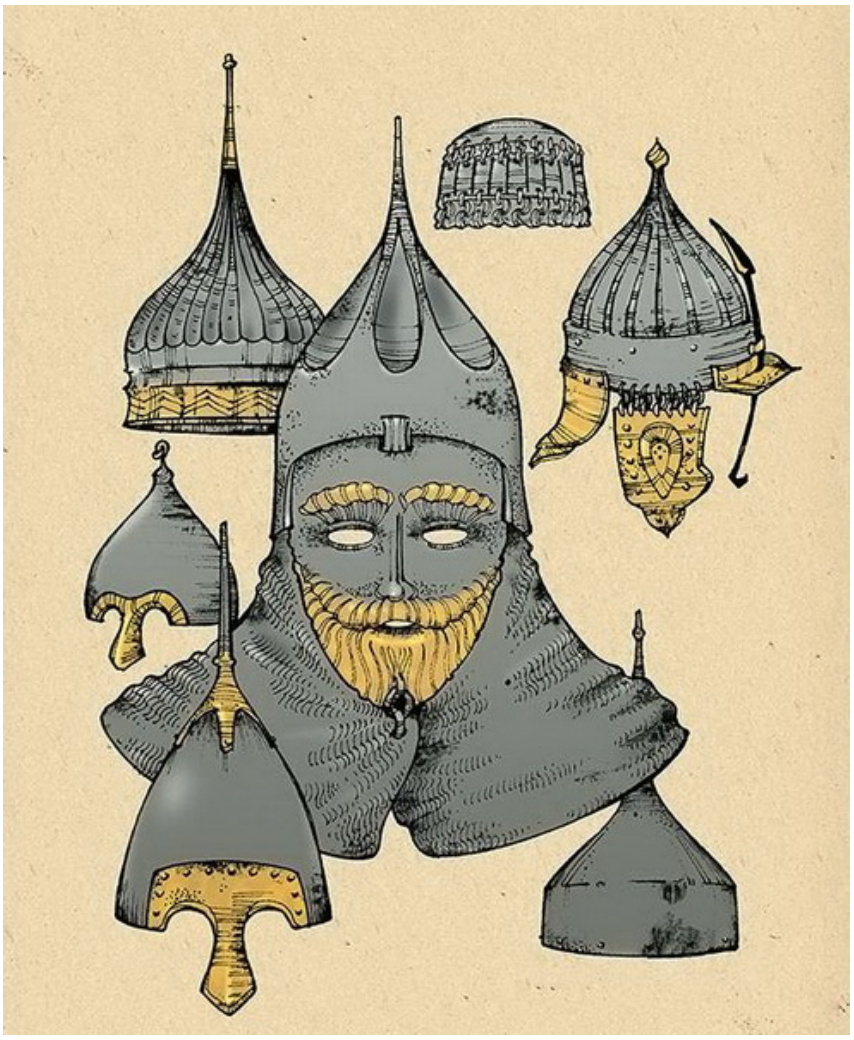
снаряжением. Двигалась эта махина медленно, опустошая местность, через которую проходила.

Русское оружие и боевое облачение имели свои характерные особенности. Меч был тяжелым и прямым, не таким длинным, как западноевропейские. Это объяснялось тем, что воевать обычно приходилось с кочевниками, а они носили лишь легкий доспех, который прорубался с меньшим усилием. Со временем искривленная восточная сабля совсем вытеснит прямой клинок, как оружие более удобное в конном бою, — а в сражениях с татарами именно кавалерия была главным родом войск.

По той же причине — ради маневренности — русские не носили тяжелых лат, обычно довольствуясь кольчугами. Они весили семь-восемь килограммов, а не двадцать-тридцать, как рыцарские доспехи. Самые уязвимые части тела у дружинников были прикрыты сплошными металлическими пластинами: нагрудниками, наплечьями, наспинниками. Только у новгородцев, которым приходилось воевать с немцами и шведами, латы были тяжелыми, а мечи длинными.



Древнерусские мечи (И. Сакуров)



Русские шлемы (И. Сакуров)

Шлемы были остроконечными, иногда их и нагрудники нашлифовывали до зеркального блеска. Такой сияющий доспех именовали «зерцалом».

В битве поднимали знамена, трубили в трубы, били в барабаны — не только для поднятия воинского духа, но и для того, чтобы воины в пылу сражения всегда знали, где находится свой полк.

> Самым крупным военным столкновением домонгольского периода была баталия на реке Липице 20–21 апреля 1216 года, где убивали друг друга соотечественники. Распря между наследниками Всеволода Большое Гнездо расколола северную Русь на два лагеря. На поле вышли новгородцы, смоленцы и ростовцы, с одной стороны, и владимирцы, суздальцы, муромцы — с другой. Первой армией командовали Мстислав Удатный и старший из враждующих братьев Константин — у них, по подсчетам историков, было 15–16 тысяч воинов. Второй армией руководили младшие Всеволодовичи, под их стягами собралось не менее

20 тысяч бойцов, а может быть, и все 30 тысяч. Сражения такого масштаба в средневековой Европе были редкостью.

Несмотря на численное превосходство, владимиро-суздальцы заняли оборону: встали на холме, который был опоясан оврагом и заболоченным ручьем, да еще поставили заграждение из кольев.

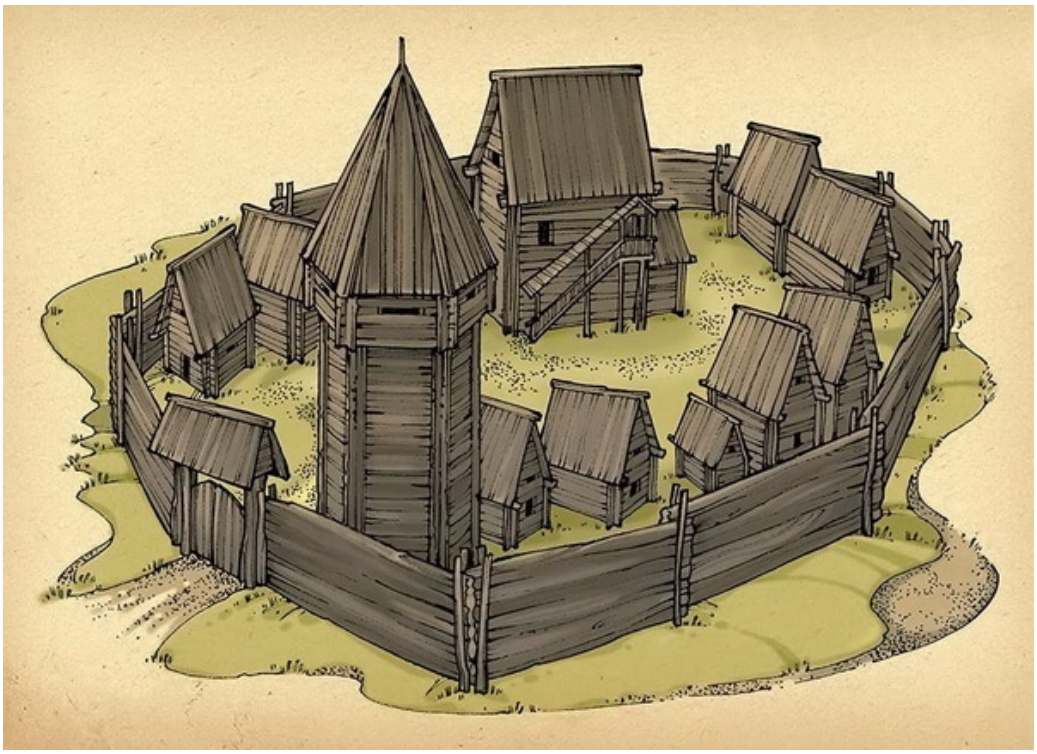
От Мстислава с Константином к противнику отправились парламентеры, предлагая либо договориться миром, либо выйти на ровное место, где будет удобнее биться. Младшие Всеволодовичи мириться не пожелали, но и с защищенной позиции не сошли. Весь день прошел в единоборствах, перестрелках и вялых стычках.

Казалось, дело идет к долгому стоянию, в которое часто выливались междоусобные сражения. С лагеря снимался тот, у кого раньше заканчивалось продовольствие, либо же к кому-то прибывало значительное подкрепление, и это вынуждало противную сторону отступить.

Но Мстислав Удатный был воинственен и жаждал славы. Он настоял на том, чтобы дать настоящий бой. Назавтра новгородцы («головной полк»), спешившись, скинув доспехи и даже разувшись, чтобы легче было преодолеть заболоченную местность, пошли в атаку через овраг. Удатный был впереди со своей дружиной, подавая пример.

Как это обычно бывает, натиск и решительность возобладали. Враг побежал. Мстислав запретил своим воинам грабить обозы, а велел гнаться за неприятелем и избивать его. При бегстве погибло множество людей, притом что здесь русские уничтожали русских. Летопись указывает точное число потерь: 9233 человека — ужасающий итог для сражения доогнестрельной эпохи.

Мстислав Удатный атакует,



Древнерусская крепость (И. Сакуров)

После того как все восточнославянские земли объединились под властью Рюриковичей, то есть начиная с XI века, период экспансии завершился. Главной военной задачей государства стала оборона, укрепление восточного рубежа, за которым начиналась грозная Степь. Оттуда волна за волной набегали новые орды: сначала печенежские, потом половецкие. Поэтому на Руси успешно развивалось фортификационное искусство. Вдоль всей восточной границы, чуть ли не на тысячу километров, в несколько линий были возведены защитные сооружения: валы, засеки, сложная система крепостей и сторожевых постов. Остановить нашествие эти бревенчато-земляные укрепления не могли, ведь даже Великая китайская стена не спасла империю Цзинь от завоевателей. Но заградительные линии создавались не для обороны, а для оповещения. По сигнальной эстафете весть о приближении врага передавалась вглубь страны, чтобы у князя было время собрать войско, а у населения — укрыться в городах.

Города были обнесены стенами, достаточно высокими и прочными, чтобы противостоять осаде печенегов или половцев, не любивших ходить на штурм. Однако монголы с их китайской осадной техникой и боевым опытом брали самые сильные русские твердыни без особенного труда.

Русское военное искусство не отставало от общеевропейского уровня. Русское войско могло сражаться на равных как с половцами, так и с немецкими крестоносцами. Однако этого уровня было совершенно недостаточно, чтобы выдержать удар военной машины, созданной Чингис-ханом.

Где жили

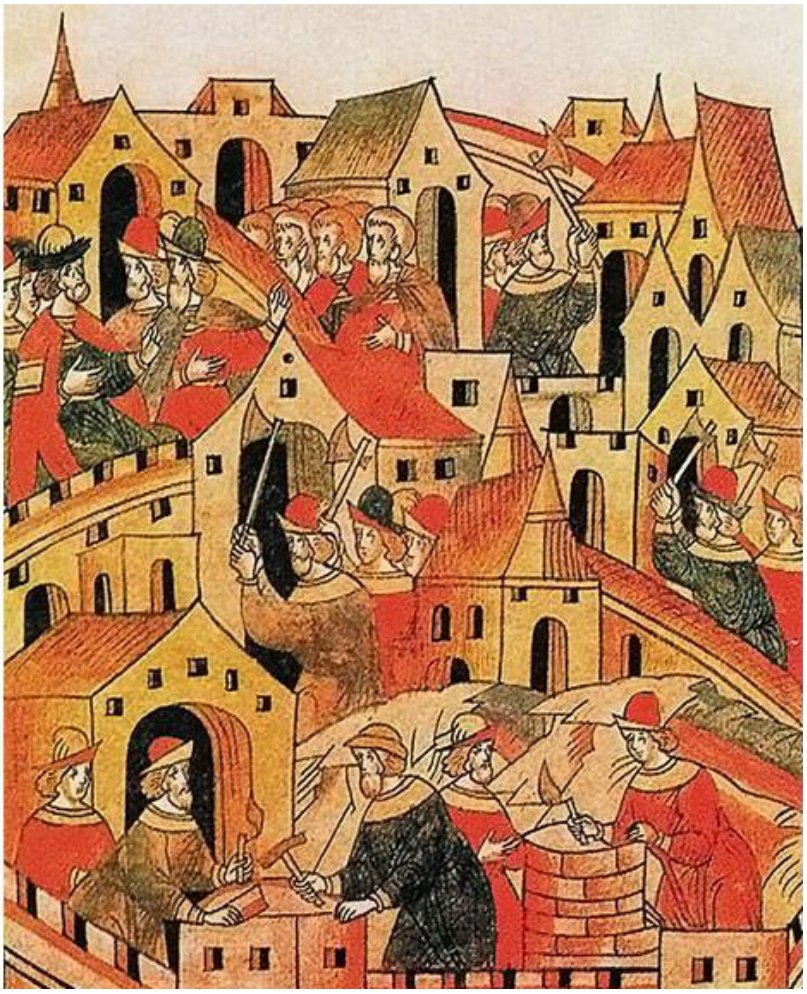
Всякое государственное строительство сопровождается и строительством в буквальном смысле: казна оплачивает возведение дворцов и храмов, прокладывает дороги, перекидывает мосты через реки. По государственной необходимости закладывают крепости и целые города, которые затем становятся средоточиями политической и экономической жизни.

Многочисленные города существовали на великой равнине и в докиевские времена. Норманны называли этот восточный край Гардарикой, «страной городов». Скандинавские купцы и наемники передвигались по рекам, где были сосредоточены все укрепленные поселения славян, и от этого у пришельцев возникало ощущение, что лесная страна сплошь состоит из одних городов. (Нужно, правда, учитывать, что «городом», «городком» или «городищем» назывался любой огороженный поселок, даже совсем небольшой).

При киевских князьях старые города быстро росли. Столица великих князей превратилась в один из самых пышных городов тогдашней Европы и даже пыталась соперничать с Константинополем. В период раздробленности рост Киева прекратился, но зато появились новые большие центры, поскольку каждое княжество развивало и украшало собственную столицу.

Всего на Руси было не менее трехсот городов. Для средневековья доля горожан в населении была необычно высокой — выше, чем в московские и даже имперские времена. По предположению Г.Вернадского, накануне нашествия в городах обитало примерно 13 % населения, то есть около миллиона человек. Именно там происходили все мало-мальски важные политические события.

У нас есть лишь фрагментарное представление о том, как выглядели древнерусские города и как была устроена их жизнь. Подробных описаний нет, планировка давно изменилась, кремли и соборы, даже если они всё еще стоят, многократно перестраивались — ведь главным строительным материалом было дерево.



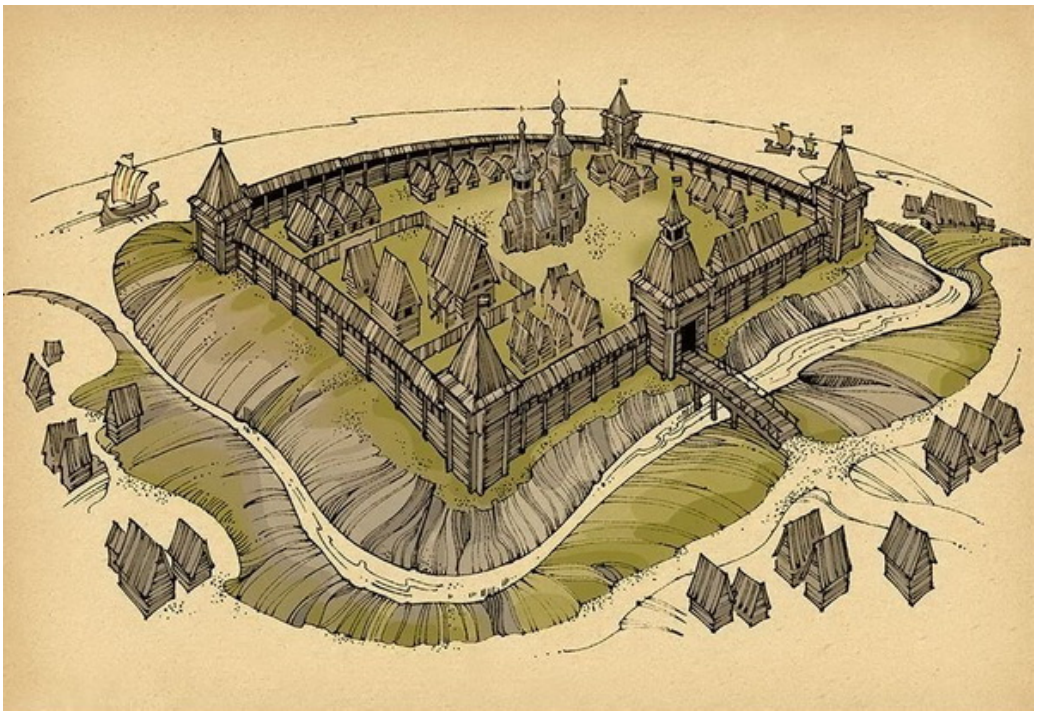
Строят город (Миниатюра из Летописного Свода)

Самым ценным источником сведений, позволяющим до какой-то степени реконструировать древнерусский город, являются раскопки.

Лучше всего нам известно, как жил средневековый Новгород — благодаря особенностям тамошнего культурного слоя. Вероятно, главные центры той эпохи — Киев, Владимир-на-Клязьме, Смоленск, Чернигов, Владимир-Волынский, Суздаль, Ростов — были устроены примерно так же.

Посередине города обычно находились княжеские хоромы и главный собор (в больших городах эти здания к XIII веку были каменными). Крыша дворца могла быть покрыта золоченой медью, кресты и купола храма тоже сверкали позолотой — в ясный день это сияние было видно за много километров.

Постепенно разрастаясь, город обрастал посадами — пригородами, расположенными за линией стен. В большом городе со временем посад окружали новыми защитными сооружениями. Так могло повторяться несколько раз. (Эта концентрическая структура сохранилась в Москве, которая к концу средневековья имела три ряда каменных и деревянных стен: кремлевский, китай-городский и белогородский).



Русский город (И. Сакуров)

Мостовые были вымощены бревнами или деревянными плашками. Имелись и дощатые тротуары. По обочине шли кирпичные желоба для стока дождевых вод.

В Новгороде существовал водопровод, остатки которого обнаружены при раскопках в конце 1930-х годов. Он был самотечного типа и, вероятно, охватывал только княжеский двор и небольшой центральный сектор. Вода текла по трубам, которые были выдолблены из бревен, изолированных берестой; на изгибах водопровода были устроены смотровые колодцы.

Русские города были менее скученными и, должно быть, не такими грязными, как европейские. Моровые поветрия, обычное следствие средневековой антисанитарии, в русских хрониках упоминаются реже, чем в западных.

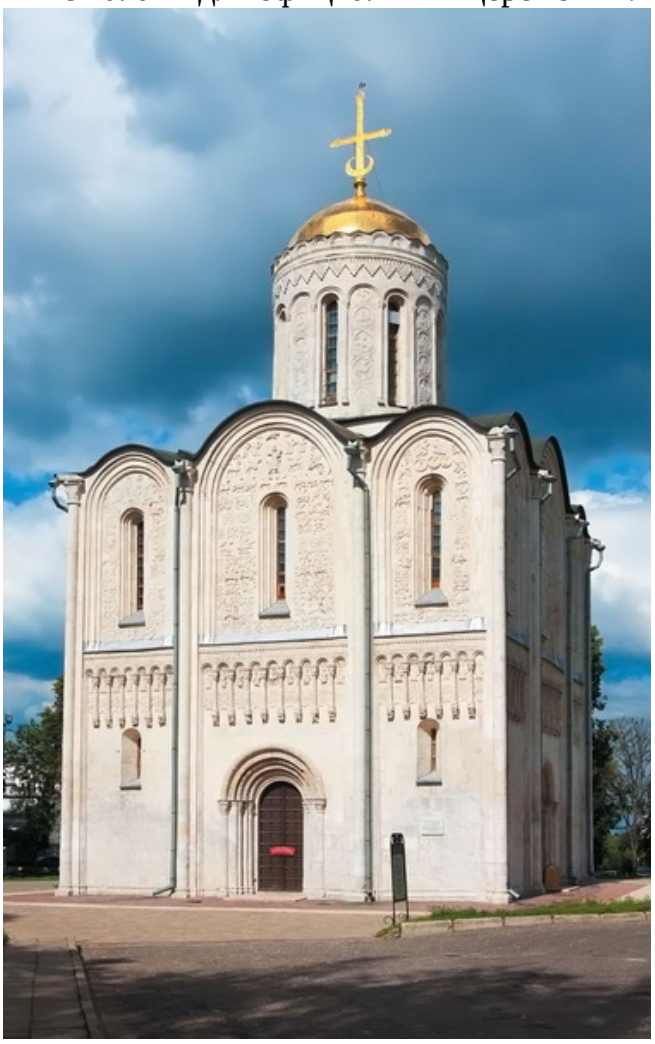
Зато чаще случались большие пожары, уничтожавшие весь город, поскольку дома в нем были сплошь из дерева. Поэтому особую важность имела противопожарная защита. В новгородских мостовых обнаружены следы больших бочек — пожарных резервуаров, откуда в случае необходимости воду можно было достать быстрее, чем из колодцев.

По ночам улицы запирались деревянными решетками. Это свидетельствует, с одной стороны, о серьезных проблемах с преступностью, но в то же время говорит о том, что городские власти тратили немалые средства на поддержание порядка.

Древнерусскую архитектуру домонгольской эпохи мы знаем лишь по храмам — некоторые из них сохранились в первозданном или почти первозданном виде с двенадцатого и даже одиннадцатого веков.

Куда меньше известно про дворцы, от которых почти совсем ничего не осталось, хотя еще со времен Ольги в Киеве были каменные княжеские палаты.

Всё же, даже в дворцовом зодчестве, предпочтение отдавалось дереву, поскольку в бревенчатых теремах зимой теплее, а летом прохладней. Вплоть до XVIII века русские государи предпочитали жить в деревянных теремах, держа каменные палаты для официальных церемоний.



Спас на Нередице (г. Новгород)

Дворец в Коломенском был выстроен по канонам древней русской архитектуры, хоть и на несколько веков позднее

Остатки великокняжеской резиденции в Боголюбове

Дмитриевский собор (г. Владимир)

Весь дворцовый ансамбль, где обитал княжеский двор или боярская семья, назывался «хоромами» — это центральная усадьба с жилыми и служебными зданиями. Постройки обычно соединялись «сенями» — переходами, причем в больших дворцах они были на уровне второго этажа и стояли на столбах.

Главный дом (собственно дворец) — назывался «теремом». Ради пышности над ним ставили высокую узорчатую крышу в виде шатра или бочки, с башенками, шпилями, резными коньками. Конструкционные элементы, из которых складывался большой деревянный дом — рубленые бревенчатые кубы — назывались «клетями».

Люди скромного достатка жили в домах, принцип построения которых на удивление мало изменился за последующие века — во всяком случае, в сельской местности.

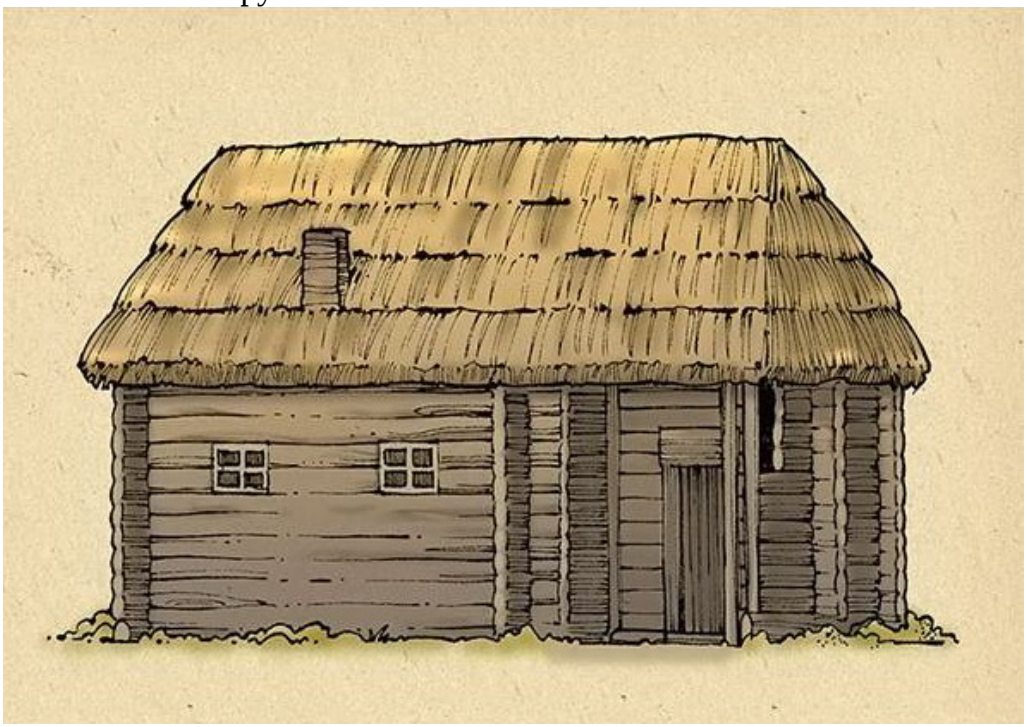
Каменных жилищ, по-видимому, не было совсем. Дом на Руси нужен был прежде всего для защиты от зимнего холода, поэтому, как правило, большими размерами не отличался. В Новгороде, где, к тому же земля стоила дорого, стандартная площадь — всего 12–16 квадратных метров.

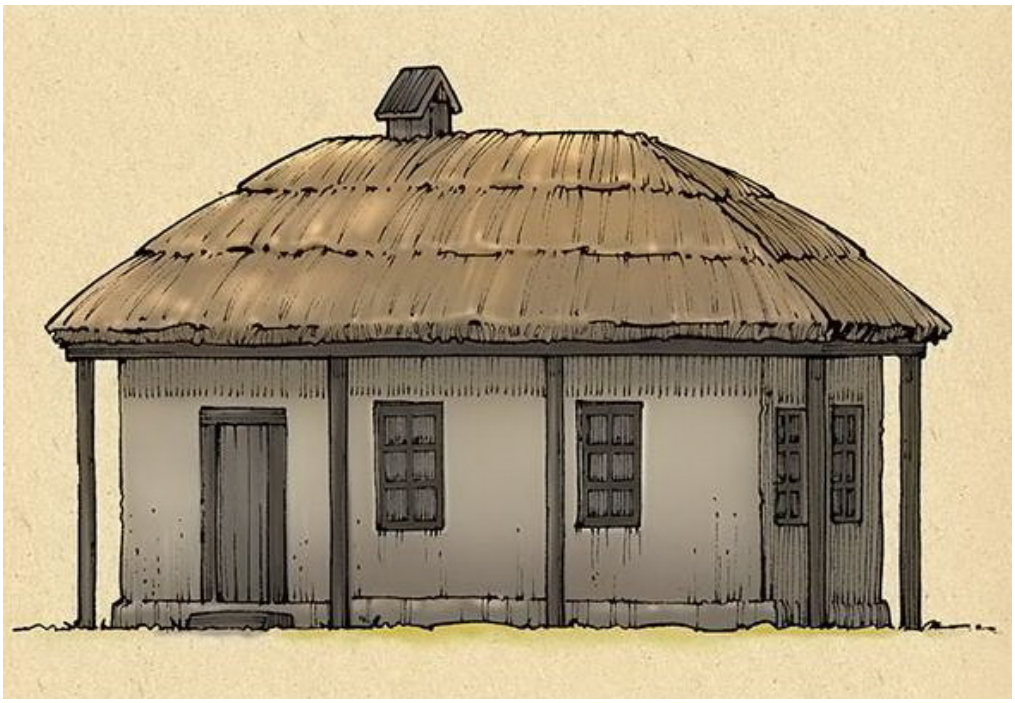
В деревнях дома были крупнее. Пространство делилось на три отдельных помещения: комната с печью, летнее помещение и сени, они же кладовка.

Главное место в доме занимала печь — многофункциональное сооружение, использовавшееся не только для обогрева и приготовления пищи, но иногда и для мытья. Когда именно изобрели русскую печь, неизвестно, но в тринадцатом веке она уже существовала. При этом в обычных домах труб не было — дым выходил через дверь и окна. Оконные и дверные проемы были маленькими — опять-таки в

целях сохранения тепла. Стекло в Древней Руси не производили. В богатых домах в окна вставляли слюдяные пластины, в бедных натягивали бычий пузырь.

Традиционно существовало два типа домов: северный и южный. Первый складывался из бревен, он характерен для лесных, северных краев и стал прообразом русской избы. Второй был свойственен для степной зоны, где хорошего леса не хватало, а климат был менее суров. Там собирали деревянный каркас и заполняли его глиной — впоследствии такие дома превратились в украинские или белорусские хаты.





Изба и хата (И. Сакуров)

Для освещения в зажиточных домах применяли восковые свечи, в домах среднего уровня — масляные светильники, бедняки жгли лучину.

Мебель была скудной: кровати, столы, скамьи, в домах побогаче — еще стулья и резные кресла. Широко использовались лари (сундуки, рундуки), которые могли быть и шкафами, и сиденьями, и лежанками. Никаких предметов древнерусской мебели до сегодняшнего дня не сохранилось, и мы можем лишь предполагать, что образцы более поздних веков были на нее похожи.

Как одевались, чем питались

Как одевались князья и бояре, хорошо известно. Сохранились словесные описания, изображения на иконах, фресках и миниатюрах, даже фрагменты тканей из саркофагов. Но какую одежду носила основная масса древнерусского населения, мы знаем весьма приблизительно.

Издавна на Руси — в домашних условиях и в основном для собственного потребления — делали ткани из льна и конопли (этим занимались женщины), а также валяли сукно из шерсти (мужская работа). Со временем в городах появились профессиональные ткачи и портные разнообразной специализации. В новгородских писцовых и лавочных книгах упоминаются льняники, холщевники, суконники, кафтанники, сарафанники, сермяжники, телогрейники, армячники, рубашечники и так далее.

Летом мужское население низших классов носило короткие рубахи и штаны (то и другое из льна); зимой — очевидно, поверх летнего платья — надевали шерстяную одежду: мятелию (род плаща) или коч (нечто пальтообразное).

Крестьянин и крестьянка (И. Сакуров)

Простолюдинки тоже ходили в льняных рубахах и шерстяных юбках-поневах, а на севере в сарафанах, платье без рукавов.

Очень хорошо было развито скорняжное ремесло, потому что шкур и меха хватало на всех, даже самых бедных. Кожухи делали из овчины, шубы — из медведя, волка, лисы, белки, куницы. Бобер и соболь считался мехом для богатых.

Шапки были фетровые и войлочные, зимой — из овчины и меха. Из женских головных уборов известны кика (жесткая повязка в форме венца) и парадный кокошник с высоким надлобьем. Женщины, конечно, повязывали голову и просто кусками материи — платками.

Обувь у горожан была по преимуществу кожаной (низкие башмаки назывались «черевами»), крестьяне же плели лапти из лыка.

Вот, собственно, и всё, что можно рассказать об одежде простонародья.

Людей с положением можно было издали узнать по контуру наряда: они носили платье с длинными полами, подчеркивавшими солидность движений, и

длинными рукавами, говорившими о том, что их обладателю не приходится зарабатывать на жизнь руками.

На миниатюре из «Изборника» одиннадцатого века изображен великий князь Святослав Ярославич с семьей.

Великий князь Святослав Ярославич с семьей

«Изборник» (XI в.)

Государь в кафтане с красной оторочкой; сверху накинута княжеская мантия-корзно с золотой каймой и рубиновой пряжкой. На голове — княжеская шапка с меховой оторочкой (у сыновей шапки попроще, синего сукна или шелка, с отворотами). Княгиня в красном платье, под которым еще одно с облегающими рукавами, по талии — широкий златотканый пояс, голову прикрывает затейливо повязанная шаль.

Из какой материи сшита одежда, определялось социальным положением и состоятельностью. Дорого стоило крашеное сукно, ввозимое западноевропейскими купцами. Высоко ценился шелк, поступавший из Византии. Оттуда же доставляли тонкую набивную камку, узорчатые ткани, парчу.

Сапоги и башмаки делали из тонкого сафьяна — красного, желтого или зеленого.

Князь с сыновьями (Роспись Грановитой палаты)

Свидетельством высокого положения были аксессуары из драгоценных металлов и камней: серебряные, золотые или жемчужные пряжки, аграфы, пояса. Княгини и боярыни украшали венец, кокошник или кику самоцветами, носили височные подвески, серьги, кольца и браслеты. Ожерелья иногда составлялись из образков или чужеземных монет.

В предмонгольскую эпоху русские не только лучше одевались, чем в последующие столетия, но и сытнее питались. Голод, вызванный неурожаем, случался раз в 10–15 лет, но, как уже говорилось, редко достигал катастрофических размеров. Русь еще не превратилась в преимущественно зерновую страну, какой стала впоследствии. Если не уродился хлеб, выручали охота и рыболовство.

Но хлеб уже стал главным компонентом повседневного рациона. На юге его пекли из пшеничной муки, на севере — из кислого ржаного теста (кажется, это единственный продукт древнерусской кухни, сохранившийся до нашего времени).

Клад золотых височных колец — изделий киевских мастеров XII–XIII веков

При незначительном развитии скотоводства мясо на стол к простым людям все же попадало чаще, чем в московские времена. Ели говядину, свинину и баранину, а в скудные времена и конину. Рацион дополняла охотничья добыча: оленина, зайчатина, кабанятина, медвежатина, лесная и болотная птица. Ели голубей и журавлей. И, конечно, разводили кур, уток, гусей.

Из мяса умели делать тушенку и солонину. Рыбу солили и вялили.

Умели делать масло — животное, из молока, и растительное, из конопляного и льняного семени (подсолнечник попадет в Европу только в XVI веке).

Повседневной пищей считалась каша — пшенная или овсяная.

В целом древнерусская кухня, как у всех северных народов, была незамысловатой и не слишком разнообразной. Большинство блюд, которые сегодня считаются национальными, еще не появились. Не было щей и борщей (да, кажется, и вообще супов); не было пирожков и пирогов с начинкой — во всяком случае, они еще не стали привычной, народной пищей. Зато уже существовало сдобное тесто, его пропитывали медом и маком. Были и блины, они же «млины» — от слова «молоть».

Пекарня (Житие Сергия Радонежского)

Поскольку сахар на Русь не попадал, сласти готовились на основе фруктового и ягодного сиропа или меда.

Мед являлся одним из самых важных продуктов русского стола, и вовсе не из-за своей сладости. Как и германские народы, древние славяне делали на его основе хмельные напитки, без которых не обходилось ни одно застолье.

Хоть князю Владимиру и приписывают слова о том, что веселие Руси есть питие, проблемы алкоголизма в ту эпоху, кажется, еще не существовало. Крепких напитков не было, потому что не умели гнать спирт. Вино тоже не курили. Оно использовалось в церковных обрядах и могло подаваться на княжеском или боярском пиру, но считалось деликатесом. Вино ввозили из Византии или Европы, в небольших количествах.

Люди попроще употребляли два вида напитков: квасы и меды. Еще упоминается олуй — очевидно, нечто вроде пива.

Квас делали из ржаного хлеба слегка хмельным или безалкогольным. «Питной мед» был крепче, им можно было напиться допьяна.

Технология изготовления меда («медового вина») всё время совершенствовалась. В забродившее сырье с прибавлением воды, ягодного сока и разных других примесей засыпали хмель. Бочку могли на несколько лет зарыть в землю, и тогда напиток получался выдержанным. Рецептов древнерусского меда не сохранилось (самые ранние датируются семнадцатым веком), поэтому неизвестно,

сколько в нем было градусов, однако, видимо, не слишком много. Уж во всяком случае меньше, чем в водке, которая на Руси появится только лет триста спустя и породит пьянство — не без участия государства, заинтересованного в доходах от винной торговли.

Вот какой была Русь во времена, когда она целиком принадлежала к европейской цивилизационной зоне: более зажиточной, свободной и образованной, чем в следующую эпоху. Но при этом Древнюю Русь можно назвать «неудавшимся государством» — к тринадцатому столетию в силу внутренних причин оно почти распалось, а при столкновении с серьезной внешней силой рухнуло окончательно.

Вместо заключения. Могла ли Русь остаться Европой?

Альтернативная история — жанр совершенно не научный, но в то же время и не бессмысленный. Этот аналитический метод позволяет развеять некоторые устойчивые заблуждения и правильнее оценить значение исторических событий.

Часто задают вопрос: как сложилась бы судьба российского государства, если бы оно устояло под ударом Чингизидов, как прежде устояло под натиском половцев?

Что было бы, если бы во время нашествия на великокняжеском престоле оказался выдающийся лидер вроде Мономаха, который сумел бы объединить всю страну для отпора?

Или, допустим, столкновения вообще бы не произошло, потому что Орда устремилась бы не на запад, а на юг, и Русь получила бы отсрочку, сумела бы преодолеть разобщенность и собраться с силами.

Каким сегодня было бы наше государство, если бы страна, впоследствии ставшая Россией, не оказалась в середине XIII века частью азиатской империи и сохранила бы свою изначально европейскую природу?

Вопросов здесь, собственно, два.

Первый: возможно ли было подобное развитие событий в принципе?

Второй: сильно ли отличалась бы гипотетическая «европейская» Россия от реальной «евроазиатской»?

На первый вопрос, пожалуй, придется ответить отрицательно.

Само географическое расположение страны, естественный ход ее внутренней эволюции и геополитическая ситуация с неизбежностью обрекали Русь на то, чтобы рано или поздно быть завоеванной той или иной азиатской державой.

К моменту монгольского нашествия центробежные тенденции еще даже не достигли своего апогея. В XIV веке, в низшей точке раздробленности, Русь стала бы еще более легкой добычей — к тому времени страна раскололась на двести пятьдесят маленьких феодальных государств, беспрестанно ссорившихся друг с другом.

Но даже если бы азиатская волна такой мощи ударила по Руси во времена ее единства, держава Рюриковичей вряд ли сохранилась бы. Предыдущий натиск с востока, половецкий, в 1060-е годы едва не сокрушил централизованное киевское государство, а ведь та орда была не столь уж многочисленна и не отличалась организованностью.

Думается, что всякая жестко структурированная военная империя (каковой не являлись ни печенеги, ни половцы), смяла и раздавила бы страну с невысокой плотностью населения, населенную землепашцами.

Войско Чингизидов, конечно, могло повернуть из заволжских степей на юг, в сторону арабских стран или Босфора, но это ведь было не последнее движение

Востока на Запад. Будут и турки-османы, и грандиозное нашествие тюркских народов под предводительством Тамерлана. В этот период истории бурлящий азиатский котел то и дело исторгал новые клубы обжигающего пара. Не один так другой непременно захлестнул бы Русь, пограничную область европейской цивилизации. Даже Византийская империя, гораздо более сильная и развитая, в конце концов пала под натиском Востока. Та же участь постигла и все балканские царства. Натиск Азии на Европу продолжался до XVI века и остановился лишь у стен Вены.

Труднее ответить на второй вопрос: до какой степени иначе сложилась бы судьба русского мира, если бы он всё же каким-то чудом умудрился сохранить свою «европейскость».

Это вряд ли повлияло бы на общую последовательность этапов государственного развития. Распад раннефеодальной державы продолжался бы до тех пор, пока укрепление внутренних экономических связей не потребовало бы нового объединения на качественно другом уровне. И произошла бы эта централизация, вероятно, примерно в те же сроки — в пятнадцатом столетии, когда преодолели раздробленность Франция, Англия, Испания, сформировав первые европейские большие нации.

Такой же неизбежностью было бы и превращение России в империю, экспансия которой устремилась бы на восток. Этот вектор был не блажью правителей, а проявлением всеобщего закона, согласно которому всякое крепнущее государство стремится к расширению территорий. У России не было нужды искать новых земель по ту сторону океана. Совсем рядом на тысячи километров простирались богатые и малонаселенные области Урала, Сибири, Дальнего Востока. В эпоху «расширения» Азии промежуточное географическое расположение Руси было фактором негативным; в эпоху «расширения» Европы оно становилось плюсом. Вероятно, гипотетическая «европейская» Русь заняла бы на карте мира примерно такое же пространство, как реальная Россия.

Получается, что общий алгоритм российской истории и даже ее периодизация скорее всего получились бы такими же или почти такими же.

Не изменились бы и принципы государственной идеологии, парадигма которой к тринадцатому веку уже сформировалась по константинопольскому образцу. Едва возникнув, Русь начала соперничать с византийской империей — вплоть до того, что главные архитектурные сооружения Киева (Собор Святой Софии, Золотые Ворота и пр.) получили названия по аналогии с царьградскими.

При всяком удачном развитии русское государство со временем должно было бы неминуемо вступить в борьбу с проливной империей (неважно, греческой или турецкой) за право выхода в Средиземное море — то есть возникла бы та же ситуация, которая определяла курс российской внешней политики Нового Времени.

С такой же неизбежностью возникло бы и соперничество с западными соседями — Польшей и Швецией. С учетом несопоставимости ресурсов,

завершилось бы оно, вероятнее всего, точно тем же исходом.

В общем, представляется, что геополитическая биография России и без монгольского завоевания сложилась бы примерно так же.

Все существенные различия относились бы к сфере внутреннего государственного устройства, национальной ментальности и базовых культурно-социальных установок.

Два с половиной века «жизни в Азии» — а именно в этот период сформировалось московское государство — заложили его фундамент, который сохраняется неизменным, как бы ни реконструировалась надстройка: из мононационального великого княжества в многонациональное царство, потом в военную империю, потом в социалистическую диктатуру, потом в капиталистическую республику.

Изначальная Русь, история которой обрывается с нашествием — один из двух родителей российского государства. Вторым была Орда. Данный том посвящен только европейским корням нашей страны, о генетическом наследии Азии подробный разговор впереди.

Коротко и упрощенно главное различие между архетипической европейской цивилизационной моделью и моделью азиатской (точнее, китайской) можно свести к проблеме первичности общественного и личного.

В Европе с античных времен — в силу природных условий, особенностей исторического развития, плотности расселения, специфики хозяйствования и так далее — сложилось стойкое представление о том, что интересы индивидуума являются высшей ценностью; они важнее интересов социума. В восточной Азии людям, чтобы выжить, приходилось объединяться в общины, и первоцелью было выживание коллектива. Ради этого можно и должно было жертвовать интересами, даже жизнью отдельных членов сообщества.

По мере исторического развития два эти первоначальных принципа развились в две разные политические системы. «Европейская» делала (и делает) упор на права и свободы личности; «азиатская» — на приоритет интересов общества и государства.

Равенство, правовое государство с единым для всех законом — идея «европейская». Для «азиатской» модели важнее прочность иерархии, в которой более высокое положение означает и больший набор личных прав. Плюсы первой модели очевидны. Плюсы второй — в высокой прочности при потрясениях.

Главным «азиатским» наследием для России стала сакрализация государственной власти как гаранта стабильности и проистекающее отсюда ограничение личных свобод. Не государство служит своим жителям, а жители государству — вот принцип, по которому во все периоды была устроена российская внутренняя жизнь (включая времена, когда это официально опровергалось).

При формировании русского «евроазиатского» государства всё население рассматривалось как собственность монарха. Даже дворянство, в отличие от европейского, находилось на положении рабов, поскольку поместья не

передавались от отца к сыну, а жаловались в кормление, то есть предоставлялись во временное владение по воле государя.

Тот же принцип личной несвободы распространялся на взаимоотношения помещика с земледельцем. В те самые сроки, когда крестьянство Европы постепенно освобождалось от феодальной зависимости, в Московском царстве окончательно установилось крепостничество.

В структурной единице крестьянской жизни, общине, осуществлялся тот же «азиатский» цивилизационный принцип — коллектив мог диктовать свою волю каждой входившей в него семье.

Переменились по сравнению с древнерусскими и внутрисемейные отношения: положение женщины делалось всё более бесправным, отдаляясь от славянско-варяжских традиций.

Из-за двойственной европейско-азиатской конструкции Россию на протяжении ее истории много раз швыряло из одной крайности в другую. Страна то начинала заполошно «европеизироваться», то шарахалась назад в «Азию». Периоды либерализации сменялись «закручиванием гаек», «заморозки» — «оттепелями», реформы — контрреформами.

Однако было бы заблуждением рассматривать «азиатскую» составляющую как трудноизлечимую болезнь или родовую травму России. В исторической перспективе эта наша генетическая особенность не только создавала проблемы, но дарила бонусы.

Во-первых, без «азиатского» компонента Россия не была бы той культурно и духовно многоцветной страной, какой она сегодня является.

Во-вторых, примат «государственности» и «общинное» устройство массового сознания не раз помогали России пережить тягчайшие потрясения, которых не выдержало бы сугубо европейское государство (они и не выдерживали). Так было во времена Смуты и во времена тяжелой Северной войны. Так было и позднее, когда вопреки логике и математике Россия оказалась сильнее двух мощнейших военных империй — сначала наполеоновской, затем гитлеровской. Живучесть, способность к сплоченности в минуту испытаний, огромный ресурс прочности, жертвенность, знаменитое «мы за ценой не постоим» — всё это не европейское, это азиатское.

Александр Блок писал в канун очередной военной катастрофы:

> Мы широко по дебрям и лесам
> Перед Европою пригожей
> Расступимся! Мы обернемся к вам
> Своею азиатской рожей!

Где бы мы были без «своей азиатской рожи», без этой восточной неубиваемости?

Да и были бы?

notes

Примечания

1

Отче наш иже еси на небеси (*гот.).*

2

По летоисчислению от сотворения мира.

3

То есть племен северо-запада.

4

Весь — предки современных вепсов.

5

Я опускаю предание об основании Киева тремя братьями, как не имеющее исторических подтверждений и безусловно мифическое.

6

Агаряне — это арабы.

7

Суд — залив Золотой Рог.

8

Вообще-то Ingvarr (со временем это имя будет использоваться князьями в двух формах — Игорь и Ингварь)

9

Пер. Д.Лихачева.

10

Перевод Д. Лихачева.

11

То есть готовясь к смерти, поскольку по ритуалу гроб везли на санях.

12

Стихотворное переложение В.Жуковского. Под «султанами» (в ори гинале «салтани»), видимо, имеются в виду половецкие ханы, которые называли себя «солтанами».